ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ахмедов Владимир Муртузович

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРАБСКИХ СТРАН И ИРАНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВВ.)

Специальность 5.6.7. - История международных отношений и внешней политики

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор, академик РАН
Наумкин Виталий Вячеславович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

Глава 1. Основные характеристики динамики развития ближневосточного политического процесса в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке: теоретико-методологические аспекты исследования 33

§ 1. О роли глобализации и регионализации в развитии политических процессов на Ближнем Востоке..... 33

§ 2. Ближний Восток на рубеже столетий: специфика трансформационных процессов..... 36

§ 3. Предпосылки торможения глобализации и фактор регионализма: региональный и международный аспект 62

Глава 2. Факторы влияния в арабо-иранских отношениях в контексте развития национальных приоритетов политики ближневосточных государств 72

§ 1. Особенности формирования внешней политики и политических приоритетов ближневосточных государств: общетеоретические вопросы 72

§ 2. Факторы влияния в становлении и развитии современных арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке 87

Глава 3. Роль политики мировых держав в арабо-иранском политическом взаимодействии в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке (вторая половина XX - начало XXI вв.)..... 116

Глава 4. Основные направления арабо-иранских отношений и ближневосточной политики ИРИ в условиях сирийского конфликта..... 139

§ 1. Политика Ирана в Сирии и Ираке в условиях сирийского конфликта..... 139

§ 2. Ирано-израильский вооруженный конфликт и арабские государства Ближнего Востока: предварительные итоги 176
§ 3. Особенности арабо-иранских отношений в условиях сирийской нормализации 184
Глава 5. Политика Ирана и арабских стран после начала войны в Газе и смены власти в САР в контексте перспектив арабо-иранских отношений 198
§ 1. Война в Газе: региональное и международное измерение 199
§ 2. Падение режима аль-Асада и крах ирано-сирийского альянса 207
§ 3. Позиции Ирана и арабских стран в отношении смены власти в Сирии 222
Глава 6. Обострение международной обстановки на Ближнем Востоке и перспективы арабо-иранских отношений 241
§ 1. Основные тенденции трансформации международных отношений после смены власти в САР и окончания войны в Газе 241
§ 2. Ирано-израильская война и изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке 249
§ 3. Перспективы арабо-иранских отношений: региональное и международное измерения 259
Глава 7. Политика России в Сирии и российско-иранское взаимодействие в условиях сирийского кризиса и смены власти в САР в контексте российской перспективы на Ближнем Востоке 269
§ 1. Особенности российско-иранского взаимодействия в условиях сирийского кризиса 270
§ 2. Российско-сирийские отношения в условиях смены власти в САР 282
§3. Россия-Сирия: новый тур отношений и перспективы России в САР и на Ближнем Востоке 287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 306
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 313

ВВЕДЕНИЕ

Научная актуальность исследования связана с изменением характера арабо-иранских отношений в условиях сирийского конфликта, войны в Газе, смены власти в САР и ирано-израильской войны 2025-2026 годов. Сирийские события (2011 г.) вызвали кризис в межарабских отношениях и привели к укреплению иранских позиций в ряде арабских стран Ближнего Востока. Интернационализация сирийского конфликта обострила международное соперничество на Ближнем Востоке и изменила характер внешнего фактора влияния в арабо-иранских отношениях. Эволюция военно-политической доктрины ИРИ повысила роль негосударственных акторов и инструментов «мягкой силы» в ближневосточной политике Тегерана. Конфессиональная экспансия Ирана и распространение шиитских милиций на Ближнем Востоке отрицательно сказались на характере арабо-иранских отношений. Начавшаяся в октябре 2023 года война в Палестине обострила ирано-израильскую вооруженную конфронтацию, поставив под угрозу подвижки в деле арабо-иранской нормализации. Конфликт Ирана с Израилем и США существенно ослабил позиции Ирана на Ближнем Востоке и спровоцировал крах режима аль-Асада в Сирии. Смена власти в САР ознаменовала конец сирийско-иранского альянса и оказала большое влияние на характер международных отношений на Ближнем Востоке. Ирано-израильская война 2025-2026 года коренным образом изменила геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке и обозначила предпосылки для смены политической стратегии региональных государств, в том чикле Ирана и арабских стран. Особую актуальность исследованию придает тот факт, что события, происходящие на Ближнем Востоке, в Сирии и в Иране, в частности, имеют большое значение для Российской Федерации, так как происходящие там процессы оказывают влияние на национальную безопасность РФ.

В диссертации показано, что процесс формирования современного характера арабо-иранских отношений был обусловлен группой внутренних и внешних факторов, тесно связанных с историческим наследием ближневосточных

государств, их геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим, социокультурным многообразием. Характер отношений Ирана с арабскими странами во многом зависел от эволюции внутренних процессов в них, особенностей развития политических систем, институтов государства, природы правящих элит. Немаловажное значение имели идеологические установки правивших режимов. Политика мировых держав на Ближнем Востоке ограничивала возможности Ирана и арабских стран самостоятельно выстраивать свои отношения.

Возрастание роли ближневосточных стран в мировой политике формировало новые измерения арабо-иранского взаимодействия. Современный характер арабо-иранских отношений во многом определялся соображениями геополитики и задачами обеспечения национальной безопасности. Изменение природы региональных военно-политических конфликтов усиливало чувство уязвимости и угрозы, которое в концептуальном плане могло институализироваться в виде интервенционистских настроений в политике. Иран и арабские страны были озабочены сохранением благоприятного баланса сил, которой исключал бы угрозу их национальной безопасности и суверенитету. В то же время, арабо-иранские отношения не отличались предопределенной враждебностью и могли при определенных условиях нормализоваться.

С этой точки зрения особую актуальность приобретает оценка перспектив арабо-иранского взаимодействия в новых условиях, отражающих несовпадение национальных интересов различных государств и групп государств. Особо значимым с точки зрения определения российской перспективы на Ближнем Востоке в этих условиях, является исследование особенностей российско-иранского и российско-турецкого взаимодействия на Ближнем Востоке, и в Сирии, в частности.

Научная новизна:

1. На основе принципов историзма, реализма в сочетании с элементами историко-сравнительного метода и конструктивистского подхода была

разработана оригинальная объяснительная модель арабо-иранских отношений, которая расширила рамки исследования изучаемой предметной области.

2. Применение этой модели позволило обозначить новые закономерности в развитии ближневосточного политического процесса, в эволюции системы международных отношений и безопасности, а также доработать некоторые аспекты теории модернизации применительно к проблеме социальных потрясений в регионе.

3. Проведено первое комплексное исследование арабо-иранских отношений, представившее обновленный взгляд на характер взаимодействия между Ираном и арабскими странами, что помогло заполнить объемные пробелы, оставленные предыдущими исследованиями.

4. Внесен существенный вклад в исследование различных аспектов истории формирования арабо-иранских отношений, отражающихся в основных направлениях современной политики Ирана и ряда арабских государств Ближнего Востока. Проведенное исследование помогло пролить свет на проблему арабо-иранской враждебности, существенно расширить и обновить группу факторов повлиявших на характер современных арабо-иранских отношений, открыть новое представление о процессах эволюции внешнеполитических приоритетов национальных государств. В свою очередь это способствовало более полному раскрытию роли израильского фактора и межарабского соперничества в арабо-иранских отношениях, и существенно дополнило ранее проведенные исследования по этой проблеме.

5. Были выявлены мотивы вооруженного иранского вмешательства в Сирию и Ирак, отношений Тегерана с властями Дамаска и Багдада, которые прежде не получили объяснения в отечественном востоковедении. Полученные результаты существенно расширили и обновили прежние представления об обстоятельствах

падения режима аль-Асада, прихода к власти «Хейат Тахрир аль-Шам» (ХТШ)*[1], судьбах сирийского исламизма, доказательно подтвердив ранее выдвинутые положения в предыдущих работах автора.

6. Удалось значительно углубить и обновить прежний объем теоретических и практических исследований по вопросу скрытых предпосылок ослабления иранских позиций на Ближнем Востоке, существенно дополнить объяснение позиции Ирана в отношении падения режима аль-Асада в контексте взаимодействия с арабскими странами, региональными и мировыми державами.

7. Результаты исследования наполнили новым содержанием теоретический объем знаний по арабо-иранским отношениям. На основе использования теории комплекса региональной безопасности [2], адаптированной к ближневосточным реалиям, впервые были выявлены масштабы влияния ирано-израильской войны на геополитическую ситуацию в регионе, ее характеристики, а также установлены признаки изменений в политике арабских монархий Персидского залива и Ирана.

8. Результаты впервые проведенного комплексного исследования российско-иранских и российско-сирийских отношений в условиях сирийского кризиса и смены власти в САР аргументировано обосновывают новую роль Москвы на Ближнем Востоке как уникального стабилизирующего фактора в ключевых вопросах военной и энергетической безопасности, политике и экономике региона.

9. Впервые в научный оборот вводятся новые тексты документов некоторых ближневосточных государственных учреждений, ответственных за выработку и реализацию внешней политики и безопасности государства. Документальную и источниковую базу составляют ранее неизвестные научной общественности документальные материалы, а также мемуарного рода источники из личных

---

[1] **Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.** См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm **Здесь и далее запрещенные в Российской Федерации организации помечены * (звездочкой).**

[2] Buzan, B., & Wæver, O. Regions and powers: The structure of international security Cambridge University Press, 2003, pp. 41–43.

архивов участников описываемых событий, отечественных и зарубежных теоретических и прикладных разработок частного, специфического характера.

Объектом исследования являются арабо-иранские отношения и трансформационные процессы в структуре международных отношений и безопасности, оказавшие влияние на характер взаимодействия Ирана и арабских стран.

Предметом исследования выступают особенности реализации современного внешнеполитического курса арабских государств и Ирана в контексте используемых руководством стран военно-политических и идейно-ценностных механизмов. Основной акцент в диссертации сделан на исследовании этапов развития арабо-иранских отношений в условиях трансформации внешних и внутренних факторов влияния на процесс эволюции современных международных отношений и обеспечения международной безопасности на Ближнем Востоке.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1979-2025 годов. Нижняя граница весьма условна и связана в первую очередь с датой исламской революции в Иране, что кардинально изменило внешнюю политику страны. В отдельных случаях при решении исследовательских задач автор выходит за указанные хронологические рамки.

Географические рамки исследования охватывают в основном территорию Ирана, государств Арабского Востока, включая Египет, арабских монархий Персидского залива, а также Израиль, в их современных границах. В ходе изучения арабских завоеваний, автор, при необходимости, касается территории Византии и Сасанидского Ирана. При рассмотрении релевантных обстоятельств арабо-иранских отношений, ирано-израильского конфликта, российско-сирийских связей затрагивается в ограниченных размерах территория Йемена, стран Арабского Магриба, Азербайджана и Турции.

Постановка научно-исследовательской проблемы. Арабо-иранские отношения занимают важное место в современной ближневосточной политике. Они оказывают большое влияние на изменение структуры международных отношений и международной безопасности на Ближнем Востоке. Их характер,

особенности формирования, перспективы развития определяются группой факторов и тесно связаны с трансформацией политического процесса на Ближнем Востоке в исследуемый период времени. В последней трети XX – первой четверти XXI веков Ближний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического характера, которые изменили структуру международных отношений и региональной безопасности, оказали большое влияние на политику арабских стран и Ирана. В результате, многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью генерализации, в вопросах исследования арабо-иранских отношений на современном Ближнем Востоке перестали адекватно отражать реальное положение дел. Изменение системных факторов международных отношений и национальных приоритетов политики ближневосточных стран предопределили необходимость наполнить новым содержанием прочтение проблемы арабо-иранских отношений, политики, мировых держав, их места в изменении баланса сил на Ближнем Востоке с использованием новых источников и научных материалов. Изменение геополитической ситуации в регионе потребовало больше внимания уделять изучению новых трендов в политике региональных стран и развитии современного ближневосточного политического процесса в поисках новых механизмов обеспечения международной безопасности на Ближнем Востоке. Произошедшие за последние десятилетия изменения актуализировали необходимость уточненной постановки ряда исследовательских вопросов для получения новых научных результатов и наполнения новым качеством малоизученных аспектов в исследованиях по данной проблеме с учетом новой ситуации на Ближнем Востоке.

Цель исследования состоит в комплексном изучении характера арабо-иранского взаимодействия и выявлении его концептуальных оснований и приоритетов в контексте исторической динамики международных отношений на Ближнем Востоке.

Для достижения поставленной цели и решения научной проблемы определены следующие **исследовательские задачи,** раскрытые в соответствующих главах диссертационного исследования:

1. Определить теоретические и методологические рамки исследования концептуальных основ арабо-иранских отношений, их динамики в условиях трансформации системы международных отношений и безопасности на Ближнем Востоке. Выявить факторы виляния на внешнеполитический курс арабских государств и Ирана в контексте различных теорий международных отношений и мировой политики.

2. Используя практический опыт работы автора в странах Ближнего Востока, результаты его многолетних научных изысканий в сфере международных отношений и безопасности в государствах Арабского Востока, разработать новый теоретический конструкт на основе междисциплинарного подхода в виде целостной, логически выстроенной исследовательской платформы, органично сочетающей различные научные направления из других областей знаний гуманитарной науки (истории, политологии, социологии, психологии, конфликтологии) для проведения комплексного исследования арабо-иранских отношений в условиях политических трансформаций на Ближнем Востоке в конце XX – первой четверти XXI веков.

3. С учетом актуальности исторического контента в современных арабо-иранских отношениях сформировать новые подходы и направления исследования процессов арабизации, исламизации, строительства национальных государств, идеологических концепций, государственных моделей, изменения принципов взаимодействия региональных стран под влиянием процессов модернизации, глобализации и регионализации как условий формирования характера современных арабо-иранских отношений на различных исторических этапах развития Ближнего Востока.

4. Скорректировать, переосмыслить и развить ряд высказанных научных положений по теме исследования в более ранних трудах автора, избежав, таким образом, сомнительного дублирования, повторов, отойти от рассмотрения «второстепенных» тем диссертационного исследования, которые были ранее подробно изучены, наполнив диссертацию материалами новых источников и научных документов.

5. Наполнить новым содержанием прежние **и**сследования государственно-идеологической модели Исламской республики с точки зрения кардинальных изменений в политике Тегерана на Ближнем Востоке в первой четверти XXI столетия. Глубоко исследовать с этих позиций политику Тегерана в странах Арабского Востока и арабских монархиях Персидского залива в условиях сирийского конфликта и войны в Газе для приращения знаний в отношении методов и средств новой военно-политической стратегии ИРИ. Выявить неизвестные прежде причины и особенности ирано-израильского вооруженного противостояния, которое в конечном итоге привело к ослаблению Ирана на Ближнем Востоке, смене власти в САР и краху ирано-сирийского альянса.

6. Провести новую типологию и классификацию созданных Ираном на Ближнем Востоке шиитских милиционных формирований с точки зрения влияния на характер арабо-иранских отношений и арабскую политику Тегерана, устранив, таким образом, противоречия в инструментальном объяснении понятий конфессиональная экспансия, политизации религии, конфессиональные деструкции.

7. Дать оценку новой геополитической ситуации на Ближнем Востоке после окончания войны в Газе и смены власти в САР с точки зрения формирования предпосылок ирано-израильской войны 2025-2026 годов. Определить перспективы арабо-иранских отношений по результатам ирано-израильской войны, выявить новые характеристики гибридных войн и роли негосударственных вооруженных формирований. Определить признаки изменений в политике арабских монархий Персидского залива и Ирана, обусловленные их технологической отсталостью и уязвимостью стратегии обороны и безопасности.

8. Проанализировать ключевые аспекты российско-иранского взаимодействия с правительством Б. аль-Асада, сирийскими органами безопасности в условиях сирийского конфликта. Исследовать характер российско-сирийских отношений после смены власти в САР в условиях диверсификации политики Дамаска и формирования нового баланса сил на Ближнем Востоке, определив, таким образом, новую роль Москвы на Ближнем Востоке.

Структура работы отражает поставленные цели и задачи. Работа состоит из 7 глав, посвященных исследованию формирования и развития арабо-иранских отношений на различных этапах трансформации ближневосточного политического процесса под влиянием системных факторов международных отношений и мировой политики и факторов, тесно связанных с геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и социокультурным многообразием, историческим наследием ближневосточных государств (Глава I). Исследованы проблемы развития национальных политических приоритетов ближневосточных государств (Глава II). Проанализировано влияние политики мировых держав на арабо-иранские отношения в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке (Глава III). Показана эволюция основных направлений арабо-иранских отношений и ближневосточной политики ИРИ в условиях сирийского конфликта (Глава IV), политика Ирана после начала войны в Газе и смены власти в Сирии (Глава V). Исследованы факторы обострения международной обстановки на Ближнем Востоке в 2024-2025 гг. в связи с войной Израиля и США против Ирана 2025 г (Глава VI). Рассмотрена политика России в Сирии и российско-иранские отношения (Глава VII). Работа снабжена введением, заключением и библиографическим списком использованных источников и литературы. Основная часть подразделяется на главы, параграфы и смысловые подразделы, исходя из проблемно-объектового принципа. Общетеоретические разделы, как и представленный предметно-исторический анализ подчинены определению проблем в области арабо-иранских отношений, что внесло конкретный научный вклад в изучение темы диссертационного исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет сочетание нескольких подходов, выбранных в соответствии с поставленной целью и научными задачами диссертационного исследования. В наиболее общем смысле в диссертационном исследовании использован комплекс общенаучных методов и принципов, к числу которых относятся принципы системности, и общеисторические методы, в состав которых входит принцип историзма, историко-

системный, историко-сравнительный, историко-генетический методы и метод периодизации.

Комплексное изучение арабо-иранского взаимодействия наиболее полно можно провести в рамках различных теорий международных отношений. В диссертации были использованы различные научные подходы, разработанные К. Уолтцем, Д. Стивеном, А. Давишей, Р. Гудом и другими учеными[3]. Был применен системный подход и анализ факторов, повлиявших на возможности политического выбора Ирана и арабских стран. Использование такого метода оправдано, когда речь идет о зависимых и слабых государствах, поскольку сложившаяся на Ближнем Востоке современная система международных отношений отличалась значительным неравенством. Многие ближневосточные государства не обладали достаточной военной мощью, чтобы сдерживать угрозы вторжения и территориальных захватов со стороны своих соседей. Поэтому их внешняя политика решала задачи национального строительства и являлась, по сути, продолжением внутренней политики иными средствами. Большинство ближневосточных режимов пришедших к власти после второй мировой войны проводили внешнюю политику под лозунгами борьбы с колониализмом и империализмом в интересах укрепления своей социальной опоры и извлечения экономических и политических преференций. Таким образом, внешняя политика революционных и авторитарных режимов зачастую отличалась иррациональным и несбалансированным характером.

Использование конструктивистского подхода, одним из приверженцев которого можно считать С. Уолта предопределило акцент внимания на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, политического дискурса, в определении поведенческого стереотипа исследуемых государств. Согласно указанному подходу, идентичность и идеология определяли средства, с

---

[3] Waltz. N. K. Theory of International Politics. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company, 1979, p. 251; Dawisha, A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy, pp. 260-276; In Adeed Dawisha and I. William Zartman (eds) Beyond Coercion: The Durability of the Arab State, V. III. London; Croom Helm, p. 305; Goode Robert. State Building as a Determinant of Foreign Policy in the New States, pp. 3-13. In Laurence W. Martin (ed) Neutralism and Non-Alignment, New York; Praeger. 1962, pp. 249.

помощью которых государства осознавали свои политические интересы и вырабатывали параметры национальной безопасности. Внешняя политика рассматривается в тесной связи с социокультурной средой арабского и иранского общества[4]. В тоже время, категории культуры и идентичности сами по себе не могли служить определяющими факторами арабо-иранских отношений. В противном случае вряд ли удалось бы выявить в полной мере различия в отношениях Ирана с отдельными арабскими государствами.

Значительно большее влияние на формирование характера арабо-иранских отношений оказывали политические системы и идеологические установки государств. Данный факт предполагал изучение внутренних категорий, определявших внешнюю политику государств, и включал анализ географии, исторического опыта, демографии и ресурсной базы. При этом изучение идейных концептов и практик внешнеполитических инициатив было основано на принципах историзма и системности.

В качестве критериев анализа внешней политики, Г. Моргентау выделял единство государства и его рациональность. К. Уолтц считал, что международная система анархии является важным фактором влияния в государственной политике[5]. Оценка арабо-иранских отношений с позиций реализма с упором на изучение системы власти и безопасности могла дать адекватное объяснение их динамике. Подобный подход объяснял многие аспекты развития этих отношений, поскольку арабские страны и Иран всегда заботились о сохранении баланса сил, будучи обеспокоены возможностью начала масштабного конфликта.

Однако в условиях Ближнего Востока реалистичный подход в чистом виде был практически неприменим. В условиях конфликтогенного характера развития Ближнего Востока выживание государства предполагало использование рациональной модели поведения, которая определялась стратегическим

---

[4] Walt, S. M. International relations; One World, Many Theories. Foreign Policy. No 110. Spring, 1998, p. 29-46.

[5] Morgenthau, H., Thompson, K. and Clinton, D. Politics among Nations. -New York: McGraw-Hill Education, 2005, p. 752; Waltz. N. K. Theory of International Politics. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979, p. 251.

балансированием. В рамках такой модели внешняя политика должна была бы определяться геополитической обстановкой и решать сугубо прагматические задачи, далекие от идеологических и революционных установок. С другой стороны, в условиях относительной слабости государств их внешняя политика нередко становилась заложницей внутриполитической борьбы за власть. Многие ближневосточные режимы испытывали недостаток легитимности, страдали от отсутствия сильных государственных институтов и массовой общественной поддержки. Поэтому они были больше озабочены сохранением собственной власти, нежели проведением эффективной внешней политики.

Дж. Розен указывал, что для понимания внешней политики национального государства необходимо изучить ее внешние и внутренние условия, которые следует отнести к конкретному направлению внешней политики. Исследования Г. Роуза о роли политических элит и местных факторов важно с точки зрения, объяснения политического поведения государств под давлением внешних факторов[6].

В этой связи, одним из методов исследования мог бы послужить системный подход, обеспечивающий учет и анализ категорий внутренней политики государства в сочетании с макро-показателями системы международных отношений в условиях региональной нестабильности во взаимосвязи с глобальными историческими процессами, отраженный в работах М. Лайт, Л. Гринина, А. Коротаева, И. Боулсби и других[7].

---

[6] Rosenau, J., Burgess, Ph. and Hermann, F. The Adaptation of Foreign Policy Research: A Case Study of an Anti-Case Study Project. International Studies Quarterly, 1973. Vol. 17. No. 1, pp. 119–144.
Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy// World Politics. 1998. Vol. 51. No. 1, pp. 144-172.

[7] Bowlsby E., Chenoweth E., Hendrix C., Moyer J. The futureis a moving target: Predicting political instability. British Journal of Political Science, 50: 1405–1417. 2020 (accessed: 20.08.2025); Margot L. Foreign Policy Analysis. In A. J. R. Groom, & V. Light (Eds), Contemporary International Relations. A Guide to Theory, pp. 93-108, ed. A.J.R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994, p. 224; Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Контуры нового миропорядка и БРИКС+. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5, с. 61-81.

Таким образом, в основу диссертационного исследования заложен комплексный, междисциплинарный подход, рассматривающий международные отношения как целостную, органичную и динамичную систему, предполагающий учет всего многообразия факторов, которые влияют на политику арабских стран и Ирана. Такой подход обеспечил учет и анализ категорий внутренней политики стран в сочетании с показателями региональных систем.

Для исследования роли армии в политике ближневосточных стран, мотивов вооруженного участия Ирана в САР и Ираке автор использовал структуралистский и мотивационный подходы в рамках сформировавшихся направлений в военной исторической науке («структурно-функционального», «институционального», «социо-психологического»). Определенным подспорьем в исследовании политической роли армии стал опыт личного общения автора с представителями офицерского корпуса ряда арабских стран и Ирана.

Как указывалось выше, в рамках системного подхода изучены факторы, влиявшие на возможности политического выбора арабских стран и Ирана в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке. В контексте конструктивистского подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, общественного дискурса, в определении поведенческого стереотипа ключевых участников политических процессов в арабских странах и Иране.

Идейно-ценностный подход применялся автором для исследования внешней политики арабских стран и Ирана сквозь призму не только интересов, но и идей, ценностей во внешнеполитической идеологии, в рамках встраивания внешнеполитического курса арабских государств и Исламской Республики в общую систему трансформации идейно-политического поля международных отношений. Определенную пользу в этом плане принес многолетний опыт работы автора с функционерами коммунистических, социалистических и национально-прогрессивных партий и представителями мусульманского духовенства ряда арабских стран. Благодаря контент-анализу удалось частично компенсировать

недостаточность документального обоснования внешнеполитических линий Тегерана и арабских стран.

Метод включенного наблюдения, экспертных интервью применялся для оценки и анализа политических процессов в ряде арабских государств Ближнего Востока, свидетелем которых автор был в Египте (1991, 2005, 2007 годы), Йемене (1988-1989 годы), Саудовской Аравии (1991-1992 годы), Сирии (1981-1982, 1995-1999, 2001, 2007 годы), Ливане (1992, 1996-1998 годы) и Катаре (2017 год). Несомненную пользу принесла также информация, полученная автором в ходе многочисленных контактов с представителями различных социальных и профессиональных групп ближневосточного « «образованного класса» в том числе во время зарубежных командировок в страны Ближнего Востока и ряд государств Западной Европы (Москва, Дамаск, Стамбул, Доха, Женева, Рим, Берлин - 2000-2019).

Источниковая база исследования и характеристика источников. Исследование опирается на широкую эмпирическую базу, которую условно можно разделить на несколько групп. Во-первых, статистические данные, среди которых можно выделить материалы статистики ряда ближневосточных стран (для оценки уровня занятости, социально-экономического, демографического развития государств и т.д.).

Следует отметить официальные документы и заявления. К ним можно отнести конституции арабских стран и Ирана, нормативно-правовые акты, определяющие функционирование ключевых органов власти в области внешней политики, а также заявления министров, президентских структур. Отдельно стоит выделить программные документы Сирийской коммунистической партии, Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Определенного внимания заслуживают данные международных и неправительственных организаций (для оценки уровня протестной активности и внутренних конфликтов, как одного из индикаторов революционных событий); правительственных и парламентских структур (для оценки типа политического

режима). Большую помощь автору оказала работа в библиотеке и архиве Центрального статистического бюро САР (1981-1982, 1995-1999, 2001, 2007 гг.), в результате которой удалось получить доступ к материалам сирийской статистики, не представленным в электронном виде. Во-вторых, материалы армейской печати Сирии, Египта и Иордании (как индикаторы морально-политического состояния арабских военных, характера их взаимоотношений с властью и обществом, их идеологической ориентации и отношения к исламу), которые не встречаются в открытом виде и были собраны автором в ходе его командировок в арабские страны.

В-третьих, интервью с экспертами и непосредственными участниками событий в странах Ближнего Востока, представителями силовых структур, оппозиционных групп, а также официальных властей, которые были собраны в ходе регулярных полевых исследований в ближневосточных странах с 1981 по 2017 годы.

Историография и степень изученности темы. Большой вклад в теоретическое осмысление глобальных политических процессов внесли отечественные специалисты по международным отношениям и мировой экономике. Для понимания глубинных мотивов политики основных акторов на Ближнем Востоке весьма значимы труды ведущих отечественных востоковедов, - Е.М. Примакова, В.В. Наумкина, А. В. Торкунова, А.Д. Воскресенского, М.А. Хрусталева, А.Д. Богатурова, А.М. Васильева, И.Д. Звягельской, А. В. Коротаева, Л.М. Исаева, Л. Е. Гринина, И.В. Рыжова и других. Ценным подспорьем в работе стали концептуальные разработки российских ученых в области теории и истории международных отношений на Ближнем Востоке. Рассмотрению различных аспектов влияния исламского фактора в международных отношениях, суннито-шиитского соперничества на Ближнем Востоке, посвящены работы В.А. Исаева, А.А. Кузнецова, А. В. Федорченко, В.А. Аваткова, Х.М. Хазанова, Дорошенко Е.А. И. В. Рыжова. Большой аналитический и фактический материал накоплен в Институте востоковедения Российской академии наук, Институте стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова, Российском университете дружбы

народов, МГИМО МИД Университете, ИМЭМО РАН, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ, Институте изучения Израиля и Ближнего Востока. Определенную пользу принесло критическое осмысление информационно-аналитических материалов арабоязычных интернет-порталов Harmoon Center for Contemporary Studies, Jusoor for Studies, Omran Center for Strategic Studies, ALL4Syria, с руководством которых автор диссертации неоднократно встречался и публиковался на их площадках.

Тема внешней политики Ирана 1990-х – начала 2000-х гг. получила систематическое освещение в сборниках статей Института Востоковедения Российской Академии Наук (РАН), посвященных Ирану - «Иран: ислам и власть», «Иран: диалог цивилизаций», «Иран: эволюция исламского правления», «Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее» (1990-2003 гг.), а также коллективных монографиях. Проблемам становления и развития Исламской Республики Иран, ее внешнеполитической деятельности и включенности в мировую политику под руководством духовных руководителей Ирана Р. Хомейни и А. Хаменеи посвящены работы известных российских иранистов. Прежде всего, здесь необходимо назвать труды С.Б. Дружиловского, Л.М. Кулагиной, А.К. Лукоянова, Н.М. Мамедовой, П.Н. Мамед-заде, Е.С. Мелкумян, А.А. Розова, В.И. Сотникова, В.А. Ушакова, В.И. Юртаева, Н.А. Филина и других. В работах С.М.Алиева, А.З.Арабаджяна, М.Р.Аруновой других авторов проанализирована внешнеполитическая и дипломатическая деятельность ИРИ.

Большой интерес представляют труды западных исследователей Э. Абрахамиана, Дж. Калабрезе, Р. К. Рамазани, Т. Жюно и Ш. Хантер, Р. Бранденберг, К. Поллак, Дж. Кининмон, М. Чароунтаки П. Павлак, А. Табризи и Р. Пантуччи, С. Малони, в которых проанализированы отношения Ирана с арабскими государствами Ближнего Востока. Необходимо также особо выделить труды иранских и арабских ученых Х. Чехаби, П. Джафари и М. Джефруди, А. Абутаха, М. Аль-Джази, С. Абдельхей, А. Захраб, М. Тальлаа, О. Хидайрат, Д. Абдо, Ф. Хазар, Х. Ахмидан А. Фаравне, Х. Башир. В них исследованы процессы эволюции арабской политики ИРИ, роль религиозного фактора, работа механизма принятия решений, арабо-иранские отношения в регионе Ближнего Востока, как в

историческом, так и в политическом контексте. Среди работ группы исследований посвященных развитию отношений Ирана с Египтом, Ливаном, Сирией, Ираком, Саудовской Аравии и Йеменом следует выделить исследования М. Аль-Лаббад, А. Баят, Б. Бахтияри, К. Банафш, А.Х. Дж. М. Гударзи, С. Мабон, Махльт Захн, А. Табатабаи и Д. Эсфандиари, М.Р Джалили, Н. Мальтзан, В. Фултон, Дж. Холидей, Р. Пантучи, Р. Табризи. Определенный интерес представляют работы Б. Борисова, А.Г. Бакланова, В.И. Гусарова, В.Е. Донцова, А.З. Егорина, А. В. Кудрявцева, Р.Г. Ланда, Л.И. Медведко, Г.И. Мирского, Е.М. Примакова, Е.Д, Пырлина, Д. Антонюс, А. Давиша, Ш. Наиль, по внешней политике арабских стран и истории межарабских отношений на Ближнем Востоке. В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов, посвященных кризису в САР, политике Ирана на Ближнем Востоке и в Сирии, в частности, Б. Долгова., И. Матвеева, М.С. Ходынской-Голенищевой, К. Катцмана, и других.

В российской и западной ориенталистике существовало несколько подходов к оценке внешней политики арабских стран и Ирана. Например, одни исследователи были склонны рассматривать политику Сирии в рамках реалистической модели, считая, что президент Х. Аль-Асад вел борьбу за Ближний Восток. Такие исследователи как Д. Пайпс и П. Сил полагали, что сирийская политика определялась авторитарным и сектантским характером правящего режима, который стремился отвлечь общественное внимание от внутренних проблем. Анализируя внешнюю политику ИРИ, исследователи типа Дж. Эспозито, делали упор на идеологию как драйвер политики экспорта исламской революции и укрепления власти внутри страны[8].

Другая точка зрения исходила из того, что внешняя политика ИРИ была продиктована государственными интересами и носила прагматичный характер. В диссертации доказано, что на деле внешняя политика Сирии и Ирана гораздо чаще определялась национальными интересами, нежели характером правящего режима

[8]Pipes, D. Greater Syria: The History of an Ambitions. Oxford: Oxford University Press, 1990, pp. 15-193; Seal, P. Asad: The Struggle for the Middle East, Berkely, Calif: University of California Press, 1988, p. 541; Espozito, J. and Piscatory, J. Introduction in John Esposito (ed) The Iranian Revolution: Its Global Impact, Gainsville, Fla.: Florida International University Press, pp. 1-16.

и внутриполитическими конфликтами. Современная история Сирии свидетельствует, что приоритеты внутренней и внешней политики менялись вне зависимости друг от друга. Ближневосточные правящие режимы в равной степени сталкивались с угрозой подрыва власти как изнутри, так и извне. Так, ирано-иракская война (1980-1988) и агрессия США в Ирак (2003) в равной степени представляли угрозу для внутриполитической стабильности Сирии и Ирана. С другой стороны, внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства. Во времена Х. аль-Асада внешняя политика Сирии строилась, прежде всего, в контексте арабо-израильского противостояния и одновременно преследовала цель минимизировать зависимость развития внутренней политики от внешнего фактора. Х. аль-Асад был прагматиком, тонко чувствовавшим малейшие колебания политической обстановки в регионе и в мире и умел быстро и своевременно реагировать на внешние вызовы. Относительная слабость государства не всегда означала неспособность правящего режима к консолидации и проведению прагматичной внешней политики. И Сирия, и Иран смогли преодолеть период внутренней нестабильности, реформировав систему управления, и показали способность к проведению независимой политики как ответ на внешние вызовы. В Сирии, как и в других странах с сильным правлением авторитарного типа, правящая элита смогла укрепить свою относительную самостоятельность в сфере внешней политики. В этом случае механизм принятия решений формировался на прагматичной основе[9].

Для таких стран как Иран, где правящая элита была не столь единой, больше характерна политическая модель бюрократического типа, которая предполагала учет интересов различных политических сил в принятии внешнеполитических решений. В Сирии и Иране личностные особенности и идеологические ценности лидера оказывали большое влияние на характер внешней политики. В то же время это влияние было ограничено такими факторами, как и история и география.

[9] Ахмедов В.М. Современная Сирия. История, политика, экономика. Российская акад. наук, Ин-т востоковедения (2-е изд., перераб. и доп.). Москва, 2010, с. 30-48.

Внешняя политика арабских стран и Ирана зависела от избранной модели государственного устройства, которая в свою очередь определялась господствующей идеологией и балансом интересов политических сил. В Сирии, где национализм обеспечивал легитимность власти, внутриполитическая стабильность в значительной мере зависела от националистически ориентированной внешней политики. В отличие от светского режима САР, в ИРИ политика содержала сильный компонент исламских ценностей и религиозных догматов. При этом и в Сирии, и в Иране консолидация правящего режима вовсе не гарантировала независимость внешней политики от внутренних проблем.

Как в Сирии, так и в Иране сохранение долговременной стабильности предполагало соответствие внешнеполитического курса базовым национальным установкам, которые служили легитимации власти. В Сирии это была светская идеология «баасизма», обслуживавшая интересы правящего алавитского меньшинства. В ИРИ носителями господствующей идеологии выступало духовенство, которое занимало лидирующие позиции в руководстве страной. В странах с неразвитой экономикой внешняя политика зачастую определялась задачами мобилизации ресурсов в интересах поддержки экономических основ государства. Богатая ресурсная база отчасти освобождала внешнюю политику от некоторых экономических ограничений. Как в Сирии, так и в Иране режим использовал природные богатства для того, чтобы минимизировать экономические ограничения своей внешнеполитической деятельности и диверсифицировать свою экономическую зависимость. Оба государства не могли игнорировать необходимость экономических реформ, которые в конечном итоге вели к политической либерализации и более гибкой внешней политике для того чтобы обеспечить доступ к новым технологиям и ресурсам. Чем глубже страна интегрировалась в мировую экономическую систему, тем выше был риск с точки зрения легитимности правления и обеспечения преемственности внешнеполитического курса. В процессе эволюции правящего режима менялись его приоритеты в сфере внешней и внутренней политики. По тактическим

соображениям власть могла иногда менять приоритеты внешних угроз за счет переформатирования правящей элиты и расширения базы социальной поддержки.

В Сирии после прихода к власти Б. аль-Асада (июнь 2000) внешняя политика и стратегия национальной безопасности были подвержены влиянию бывших советников Х. аль-Асада. Однако по мере развития реформ положение постепенно менялось, и императив модернизации все больше влиял на выработку внешнеполитического курса Сирии. Б. аль-Асад и его команда реформаторов стремились строить внешнюю политику с учетом обеспечения социально-экономических и внутриполитических преобразований в Сирии. Исходя из особенностей функционирования механизма региональных и международных отношений, «реформаторы» считали необходимым подчинить внешнюю политику Сирии интересам экономики страны. Большое значение придавалось программам кадровых замен в бюрократическом аппарате и омоложению персонального состава политической и административной элит путем ввода молодых и более образованных работников. Вместе с тем эти программы носили ограниченный характер с точки зрения изменения структурных аспектов политической системы[10].

Внешняя политика Сирии и Ирана осуществлялась в рамках сирийско-иранского альянса. В диссертации доказано, что сирийско-иранский альянс был призван сбалансировать отношения Сирии и Ирана с рядом региональных государств. Для шахского Ирана союз с САР служил балансом в его отношениях с другими арабскими странами и позволял снизить зависимость от США. Союз с Ираном позволял Сирии выравнивать отношения с Ираком. В этом смысле сирийско-иранские отношения можно было рассматривать как фактор региональной стабильности. В последние годы в западной политологии появилось несколько научных трудов посвященных политике альянсов, в том числе на Ближнем Востоке. Это достаточно известные работы К. Холсти, Г. Снайдера, Я. Авнера и других.

---

[10] Там же, с. 145-150.

Проблемы эволюции внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса и вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке в рамках борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными. Вопросы, касающиеся истинных мотивов и причин иранского вмешательства в сирийский кризис не получили объяснения в отечественном востоковедении. В тоже время, исследование политики Ирана в Сирии, анализ феномена ирано-сирийского альянса мог бы способствовать более глубокому пониманию вызовов российской политике в САР и специфике российско-иранского взаимодействия на Ближнем Востоке.

Некоторые аспекты отношений Ирана и России на Ближнем Востоке анализируются в работах известных российских востоковедов: С.Б. Дружиловского, Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина, и других. В статьях рассматривается общая динамика развития двухсторонних отношений и делается вывод о стратегическом характере ирано-российских отношений, важный для подтверждения исследовательской гипотезы настоящей монографии. Проблематика российско-иранского взаимодействия в сирийском конфликте получила освещение в работах западных специалистов. Среди них стоит отметить статьи С. Дагера, С Фаинберг, А. Хаму, Х. Синана и других. В них подчеркивается, что в результате войсковой операции в САР Иран создал прочные позиции в ключевых областях жизнедеятельности сирийского государства и общества. Россия отставала от Ирана в культурно-просветительской работе с широкими слоями сирийского населения и взаимодействии с религиозными милициями. В последние годы на Западе вышло несколько исследований, посвященных отношениям Ирана с негосударственными акторами на Ближнем Востоке. В основном это журнальные статьи О. Афшона, К. Базрегара, З. Гобейдзи, М. Эйзенстада, Б. Катца и ряда других. В большинстве работ характер их отношений с Тегераном характеризовался в рамках инструментального подхода как сотрудничество «патрона и прокси», что затрудняло комплексный анализ их взаимоотношений с Тегераном. На практике характер отношений Ирана с вооруженными отрядами зависел от группы факторов. Диссертант предложил свой подход к исследованию этой важной проблемы, основанный на более глубоком

понимании природы взаимоотношений Ирана с этими группировками, рассматривая некоторых из них в качестве «младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов». Исследование современного этапа российско-сирийских отношений проводилось с учетом ранее опубликованных в России и за рубежом монографий и статей, посвященных политике России в условиях сирийского кризиса. Это труды известных российских и зарубежных востоковедов Степановой Е., Дж. Слейдена, В. Родкевича, Н. Кожанова и других. Авторы указанных работ рассматривают роль России в сирийском конфликте в контексте развития региональных, международных отношений на Ближнем Востоке. В то же время, в последние пять-семь лет в российском востоковедении достаточно сложно обнаружить самостоятельные комплексные исследования по проблеме российско-сирийских отношений. В этой связи особое внимание в диссертации уделено малоизученным аспектам российско-сирийских отношений.

В отечественном востоковедении комплексных исследований по проблемам российско-иранского взаимодействия в сирийском конфликте и отношениям ИРИ с милиционными отрядами САР и Ирака практически не проводилось. В то же время, шиитские милиции служили контрбалансом российскому влиянию в районах под контролем сирийского режима. В диссертации автор документально подтвердил, что Москва обладала решающим словом в силовых структурах САР. Однако этот приоритет Москвы соотносился исключительно с влиянием Ирана на сирийские органы безопасности. Решая поставленные в работе задачи, автор, прежде всего, опирался на разнообразные источники, документальные, архивные материалы, научную литературу и ресурсы интернета (на русском, английском, арабском и персидском языках) по ключевым вопросам истории развития арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Определенную пользу принесли полевые исследования и полученные в ходе них результаты, а также материалы ближневосточной действительности в период учебы и работы автора в арабских странах.

Как показал проведенный историографический анализ, в российской и зарубежной историографии не было за последние 5 лет специальных работ,

посвященных предмету представленного диссертационного исследования. В отечественной литературе более глубоко исследована история ИРИ 1980-х – середины-конца 1990-х годов, однако проблема соотнесения глобального и регионального измерений оказалась практически незатронутой. Комплексные исследования различных аспектов истории развития арабо-иранских отношений и основных направлений современной политики Ирана и указанных арабских стран в контексте региональных и международных отношений на Ближнем Востоке встречаются достаточно редко. Проблемы эволюции внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса, вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке, войны в Газе и ирано-израильской войны 2025-2026 годов в рамках борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными. Вопросы, касающиеся истинных мотивов и причин иранского вмешательства в сирийский кризис не получили объяснения в отечественном востоковедении. В отечественном востоковедении комплексных исследований по проблемам российско-иранского взаимодействия в сирийском конфликте, в условиях войны в Газе и ирано-израильской войны 2025-2026 годов практически не проводилось.

Теоретическая значимость работы. В теоретическом плане были переосмыслены теории международных отношений, адаптированные автором к ближневосточным реалиям. На этой основе был разработан новый подход к изучению арабо-иранских отношений. Данный подход впервые позволил комплексно исследовать арабо-иранские отношения как один из ключевых элементов ближневосточного политического процесса. Тем самым был систематизирован накопленный опыт в области исследования процессов арабизации, исламизации, строительства национальных государств, идеологических концепций, государственных моделей, изменения принципов взаимодействия региональных стран под влиянием процессов модернизации, глобализации и регионализации как факторов формирования характера современных арабо-иранских отношений на различных исторических этапах политических трансформаций Ближнего Востока**.** Полученные результаты расширили представления о факторах влияния в арабо-иранских отношениях,

прежде всего с точки зрения межарабских отношений, фактора Израиля и политики мировых держав. Были устранены противоречия в инструментальном объяснении понятий конфессиональная экспансия, политизации религии, конфессиональные деструкции применительно к ближневосточной политики Ирана и других стран Арабского Востока, прежде всего Сирии, Ирака и арабских монархий Персидского залива.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании нового направления в области международных отношений в регионе Ближнего Востока. Полученные результаты расширили существующие представления об объекте исследования и могут стать основой для дальнейших теоретических разработок в области международных отношений и внешней политики по профильному направлению исследуемых проблем. Результаты исследования пополняют теоретический объем знаний по предмету исследования, аргументировано обосновывают выдвинутые теоретические положения.

Внедрение полученных результатов открывает новые направления решений в теоретической сфере по теме работы. Допускается также возможность использования научных результатов для выявления новых эффектов и закономерностей в интересах улучшения проведения профильных теоретических или эмпирических исследований по исследуемой проблематике.

Научно-практическая значимость. Диссертационное исследование отличается новизной, использованием широкого круга источников на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Работа имеет практическую значимость для российских внешнеполитических ведомств и может быть использована в курсах лекций по востоковедной проблематике, мировой политике и безопасности, международным отношениям. Особая практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в рамках принятия политических решений, а также в выстраивании и проведении внешнеполитической линии России на Ближнем Востоке.

Апробация результатов исследования осуществлена в выступлениях на многочисленных научных зарубежных, международных и российских

конференциях и симпозиумах. Основное содержание диссертации раскрыто в 176 научных работах, в том числе в 24 индивидуальных монографиях, в 10 из которых наиболее рельефно отражены основные выводы исследуемой проблематики. Основные положения диссертации изложены в написанных автором 10 главах в коллективных монографиях и 26 научных статьях в изданиях, включенных в перечень ВАК РФ для публикации диссертационных исследований, в том числе в системе Scopus.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основными факторами арабо-иранского взаимодействия являются их историческое наследие, процессы арабизации и исламизации Ирана арабами, различия этноконфессионального и культурно-цивилизационного характера, различные теории национализма, межарабские отношения и разногласия, фактор Израиля, исламская революция 1979 года, формирование новой политико-идеологической модели Исламской Республики, изменение политики мировых держав на Ближнем Востоке.

2. Проведенный анализ показал, что основными мотивами и причинами, изменившими иранскую политическую стратегию на Ближнем Востоке в условиях сирийского кризиса 2011 года, стало сохранение дружественного режима в САР и ирано-сирийского альянса, угроза превращения Сирии и Ирака в плацдарм для террористических организаций, а также стремление Ирана изменить баланс сил на Ближнем Востоке в свою пользу, нарастив стратегическую глубину для сдерживания Израиля и США в регионе.

3. Существует несколько типов шиитских милиций Ирана на Ближнем Востоке, которые можно определить следующим образом: прокси, союзники, «младшие партнеры», «попутчики», «боевые соратники». Впервые дана типология и проведена классификация негосударственных участников военных конфликтов, прежде всего созданных Ираном вооруженных формирований в Ираке и Сирии. Это позволило расширить и переосмыслить устоявшиеся представления об их идеологических взглядах, мотивах участия в политико-религиозных конфликтах, подлинных отношениях с Ираном и властям стран-реципиентов. Данное уточнение

особенно важно с точки зрения борьбы с новыми видами террористической угрозы в интересах обеспечения национально-государственной безопасности России.

4. Ирано-израильское вооруженное противостояние в условиях сирийского кризиса и войны в Газе, прошло несколько этапов. Во-первых, «воздушная война» Ирана и Израиля в Сирии, которая не принесла приемлемого результата для обеих сторон конфликта. Во-вторых, война разведок и диверсионных подразделений двух стран на рубеже 2021-2022 годов, вышедшая далеко за пределы Сирии и охватившая территорию Ирака, Аравийского полуострова, Турции, Азербайджана. В-третьих, массированные атаки на Израиль со стороны Сирии, Ливана и Газы в ответ на удары израильской авиации по ядерным и промышленным объектам Ирана. В-четвертых, резкое ослабление позиций Ирана и сил «Исламского сопротивления» в Палестине, Ливане, Сирии и Ираке в условиях войны в Газе и Ливане. В-пятых, втягивание Сирии в войну в Газе, спровоцированное односторонней ориентацией аль-Асада на Иран и «Хезболлу». Наконец, изменение баланса сил внутри Сирии и рост международного соперничества, что усилило экспансионистские настроения у части противников сирийского режима и привело к свержению режима аль-Асада в декабре 2024 года.

5. Проведенный анализ позволяет констатировать разочарованность Москвы и Тегерана политикой президента Аль-Асада, который своими действиями фактически обнулял их успехи по его спасению и утверждению их влияния в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Политические издержки от поддержки такого режима в целом, могли оказаться куда выше потенциальных выгод от его сохранения.

6. Ряд арабских стран опасались распространения революционного исламистского духа в широких слоях населения их стран. Западные страны боялись нового витка конфессиональной розни и настаивали на пропорциональном представительстве меньшинств в новых органах сирийской власти, обусловив этим свое официальное признание нового сирийского правительства. Израиль воспользовался сложившейся ситуацией и полностью оккупировал территорию Голанских высот и стратегическую высоту – гору Хермон. Позиция США в

отношении переходного правительства САР после краха режима аль-Асада определялась стратегической значимостью САР после начала сирийского кризиса 2011 года.

7. После окончания «горячей» фазы войны в Газе произошло изменение прежнего баланса сил на Ближнем Востоке в результате, чего на смену шиитской «Оси исламского сопротивления» пришли суннитские политические силы и вооруженные милиции. Ослабление военных потенциалов ХАМАС в Палестине, «Хезболлы» в Ливане, «Хуситов» в Йемене, шиитских милиций в Сирии и Ираке не принесло мира в эти арабские страны и не укрепило безопасность Израиля. Тем самым глобальное военно-политическое противостояние трансформировалось в целый комплекс региональных кризисов и вооруженных столкновений.

8. Особенность российско-иранского и российско-сирийского взаимодействия в условиях кризиса и смены власти в САР заключалась в конструктивном характере российско-иранского взаимодействия. Москва и Тегеран практиковали общий военно-политический подход в сирийском кризисе. Москва активизировала контакты с новыми сирийскими властями в интересах сохранения своего военно-политического присутствия в Средиземноморье. Российская политика в САР была обусловлена соображениями геополитического порядка, интересами российской национальной безопасности, а также историческим наследием российско-сирийских связей. Сирийский режим рассматривает отношения с Москвой как весьма полезные. Несмотря на смену власти в Сирии Россия пользуется большим влиянием в регионе от Ирана до Ливии.

Структура работы отражает поставленные цели и задачи. Работа состоит из 7 глав и снабжена введением, заключением и библиографическим списком использованных источников и литературы. Основная часть подразделяется на главы, параграфы и смысловые подразделы, исходя из проблемно-объектового принципа. Общетеоретические разделы, как и представленный предметно-исторический анализ подчинены определению проблем в области арабо-иранских отношений, что позволило внести конкретный научный вклад в изучение темы диссертационного исследования.

Во Введении обосновывается научная актуальность, новизна диссертационного исследования, определяются его объект, предмет, хронологические и географические рамки. Ставится научно-исследовательская проблема, определяются цели и задачи, структура работы, анализируется ее теоретико-методологическая основа. Оценивается источниковая база исследования, характер источников, историография и степень научной проработанности проблемы. Раскрывается теоретическая и научно-практическая значимость, апробация результатов исследования, ставятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена общим вопросам. В ней предложен авторский подход к определению теоретических и методологических рамок исследования концептуальных основ динамики развития ближневосточного политического процесса в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке, с точки зрения выявления основных факторов влияния на внешнеполитический курс арабских государств и Ирана в контексте различных теорий международных отношений и мировой политики. Часть **главы второй** также посвящена общетеоретическим и методологическим вопросам. Предпринята попытка выявить проблемные области в теоретических и методологических подходах к оценке основ формирования внешней политики ближневосточных стран, которые заставляют по-новому взглянуть на процессы эволюции внешнеполитических приоритетов национальных государств, повлиявших на характер арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Одновременно в главе второй дан анализ исторических явлений, которые наиболее рельефно отразили основные факторы влияния в становлении и развитии арабо-иранских отношений в условиях эволюции приоритетов внешней политики ближневосточных стран в последней трети XX – первой четверти XXI веков. Особенности влияния политики мировых держав на характер арабо-иранских отношений подробно рассмотрены в **главе третьей** диссертации. Ряд вопросов общего характера, рассмотрению которых посвящены первые две главы диссертации затрагивают в ряде случаев конкретные события, которые последовательно и подробно раскрываются в

последующих главах диссертации. Проблемы участия Ирана и эволюция его отношений с арабскими странами в условиях сирийского конфликта, войны в Газе и смены власти в САР получили комплексное рассмотрение **в четвертой и пятой главах** диссертации. Анализ причин и результатов обострения международной обстановки на Ближнем Востоке в условиях ирано-израильской войны 2025-2026 годов детально исследованы **в шестой главе** диссертации с точки зрения определения перспектив арабо-иранских отношений в регионе.

Хотелось бы особо отметить, что общие вопросы истории современной Сирии, других стран Арабского Востока, арабских монархий Персидского залива, Ирана, Израиля и Турции, сирийского кризиса, войны в Газе не являются самостоятельным предметом диссертационного исследования. Это же касается общих вопросов, смены режима в САР, политики новых сирийских властей, истории исламистских и джихадистских организаций, особенностей работы ближневосточных специальных служб и армии. Тем более, многие аспекты указанных проблем подробно изучены в более ранних трудах автора. В этой связи, автор рассматривает их в «фоновом» режиме через призму формирования, развития и перспектив арабо-иранских отношений на конкретных примерах взаимодействия Ирана с арабскими странами, региональными державами на различных этапах хронологически отмеченного отрезка времени диссертационной работы. С другой стороны, особое внимание уделено исследованию идеологических основ сложения и развития государственной модели Ирана с точки зрения формирования его арабской политической стратегии. Проблемы российско-иранского взаимодействия в условиях сирийского конфликта и войны в Газе, как и вопросы политики России, после смены власти в САР и российские перспективы в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом являются предметом исследований **главы седьмой.** Поскольку складывающаяся сегодня в регионе ситуация является как для России, так и для Сирии и Ирана весьма непростой и даже потенциально опасной, исследование указанной темы приобретает особую значимость и актуальность с точки зрения геополитических интересов России на Ближнем Востоке и проблем обеспечения ее национально-государственнной безопасности.

Глава 1.
Основные характеристики динамики развития ближневосточного политического процесса в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке: теоретико-методологические аспекты исследования

В данной главе определены теоретические и методологические рамки исследования концептуальных основ динамики развития ближневосточного политического процесса в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке, с точки зрения выявления основных факторов влияния на внешнеполитический курс арабских государств и Ирана в контексте различных теорий международных отношений и мировой политики.

Первая глава является вводной и состоит из нескольких параграфов и смысловых подразделов.

§ 1. О роли глобализации и регионализации в развитии политических процессов на Ближнем Востоке

В данном параграфе в контексте современных подходов к изучению процессов глобализации и регионализации рассматриваются в обобщенном виде социально-политические сдвиги на Ближнем Востоке. Особое внимание обращается на изучение специфики взаимодействия процессов глобализации и регионализации с точки зрения их влияния на политику региональных государств и проблемы международных отношений на Ближнем Востоке.

Исторически Ближневосточный регион представлял собой сосредоточие многообразных процессов мирового цивилизационного значения. В мире был высок интерес к государствам Ближнего Востока его истории, культуре, особенностям жизни ближневосточных обществ и происходившим там социально-политическим процессам.

До второй мировой войны международное значение ближневосточных государств определялось в основном их геостратегическим положением в качестве относительно дешевой транспортной артерии между Востоком и Западом. В 1960-1970 годах после создания и укрепления независимых национальных государств и, особенно, в результате обнаружения на Ближнем Востоке богатых природных ресурсов роль ближневосточных стран в мировой политике существенно возросла. Нефтяные богатства и геополитическое значение региона усиливали желание мировых держав управлять различными процессами, включая и процесс глобализации в региональном формате Ближнего Востока. Нестабильность Ближнего Востока заставляла обращать на него очень большое внимание. Как следствие усилилось стремление мировых держав получить доступ к запасам углеводородов, а соответственно играть более значимую роль в региональной политике, динамика которой серьёзно влияла на геополитическую обстановку в мире. Ближневосточный регион занял важное место и в глобальном противостоянии США и СССР. Его политические границы и регламентированные соглашения трансграничного сотрудничества в международной сфере перестали восприниматься как чисто географическая категория. Регионализация и регион всё больше начинали совпадать с такими явлениями как интеграция и глобализация. Очень большую роль в повышении геополитического значения Ближнего Востока играло противостояние Израиля и арабских государств.

В отличие от других районов мира глобализация в меньшей степени затронула страны Ближнего Востока. В то же время она оказала определенное влияние на характер их развития, поскольку совпала с процессами смены властных элит, глобальным характером подъема исламизма и активными попытками изменить характер действующих политических систем. Окончание «холодной войны» обозначило несколько этапов эволюции системы межгосударственных отношений на Ближнем Востоке. С момента крушения биполярной системы в развитии Ближневосточного региона произошли качественные и структурные изменения на региональном и субрегиональном уровне. На рубеже 1990-х – начала 2000 годов в результате распада СССР и постепенного ослабления интереса США

к Ближнему Востоку после серии провалов в Ираке и Афганистане в регионе возник вакуум геополитического соперничества ведущих держав.

Важными итогами развития Ближнего Востока в канун «Арабской весны», которая во многом была спровоцирована политикой США «нового миропорядка» стало изменение системы международных отношений на Ближнем Востоке. В отличие от прежней системы, которая во многом была отражением биполярного характера мироустройства, новая структура все больше принимала аутентичные контуры, в рамках которых развивалась особая конфликтная среда, питаемая арабо-иранским соперничеством и суннито-шиитской враждой. Накануне «Арабской весны» состояние перманентной социальной напряженности становилось характерным явлением практически во всех государствах Ближнего Востока, даже таких внешне благополучных как нефтедобывающие монархии Персидского залива. Кризис в САР 2011 года, за которым последовала российская специальная операция на Украине (СВО), война в Газе привели к ослаблению мирового порядка и затормозили процесс глобализации [11] . В условиях Ближнего Востока это выразилось в изменении баланса сил, ослаблении американской гегемонии и усилении соперничества мировых держав на Ближнем Востоке. Рост региональных амбиций Турции, Ирана и Саудовской Аравии на фоне общей хаотизации и ослаблении позиций Израиля в результате заключения США ядерной сделки с Ираном в 2015 году заметно усилил тренд на регионализацию ближневосточных государств, отражавший динамику изменений мира через различные процессы трансформаций региональных конструкций. Процесс регионализации сопровождался во многом безуспешными попытками Запада интегрировать ближневосточный регион в общемировые процессы глобализации. Однако неготовность большинства арабских государств противостоять растущему международному соперничеству в условиях жесткой конкурентной среды подталкивали региональные правительства сопротивляться вызовам глобализации.

---

[11] Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Углубление кризиса Мир-Системы, реконфигурация Мир-Системы и их потенциальное влияние на дестабилизацию и деградацию окружающей среды // История и современность. 2024. № 2, с. 3–27. DOI: 10.30884/iis/2024.02.01.

В условиях стремительно уходящей в прошлое системы международных отношений, организации прежнего миропорядка и системы мироустройства формировались различные мировые центры силы и влияния. В основе их объединения и поведенческого стереотипа были заложены новые принципы полицентричности, которые определяли возможности влияния каждого из центров на мировую политику и характер их взаимодействия друг с другом. Таким образом, многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью генерализации, в вопросах исследования социально-политических сдвигов на современном Ближнем Востоке в контексте процессов глобализации и регионализации перестали адекватно отражать реальное положение дел. В результате все больше внимания уделяется исследованию новых трендов развития современного ближневосточного политического процесса в поисках новых механизмов обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Произошедшие за последние десятилетия изменения диктуют необходимость уточненной постановки ряда исследовательских вопросов, что связано с эволюцией характера системы международных отношений и безопасности, изменением внешнеполитических ориентиров основных участников ближневосточного политического процесса.

§ 2. Ближний Восток на рубеже столетий: специфика трансформационных процессов

Во втором параграфе анализируется внешние и внутренние факторы, обусловившие ряд крупных трансформаций общественно-политического характера, которые государства Ближнего Востока испытали на рубеже XX-XXI веков. Эти факторы были тесно связаны с геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и социокультурным многообразием, историческим наследием ближневосточных государств.

Особый акцент сделан на изучении специфики развития политических систем арабских государств, рассмотрении роли военных в политике, причинах

роста исламистских движений и влиянии ислама на армию, эволюции характера военно-гражданских отношений. Проанализированы особенности изменения мировоззрения ближневосточного социума, причины трансформации природы войн, характер конфликтов низкой интенсивности и влияние милитаризации Ближнего Востока на характер внешней политики ближневосточных государств. Исследование указанных вопросов проводилось в рамках системно-исторического и конструктивистского подходов с использованием элементов методов сравнительного, мотивационного, идейно-целостного анализа на принципах научной объективности.

Показано, что прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы, ранее созданные альянсы и союзы, подверглись критической ревизии. Одновременно действовавшие в регионе внешние силы пытались осуществить политический транзит Ближнего Востока в направление к новому миропорядку. В результате указанных процессов размывались национальные границы, рушились суверенитеты, видоизменялась парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекалось на поиск новой самоидентификации.

Отмечено, что степень конфликтогенности региона имела ярко выраженную тенденцию к росту, что обостряло проблему международных отношений и противодействия новому типу вызовов и угроз в регионе. Сложившаяся ситуация была во многом связана с отсутствием эффективных механизмов поддержания стабильности на Ближнем Востоке[12].

Специфика развития политических систем арабских государств являлась одним из важных факторов современной системы международных отношений на Ближнем Востоке, активными участниками которых являются арабские страны и Иран. Для более объемного рассмотрения этой проблемы дан краткий исторический обзор процесса формирования политических систем

[12] Ахмедов В. М. Проблемы международной безопасности на Ближнем Востоке в условиях трансформации региональных отношений и смены власти в Сирии. М.: ИВ РАН, 2025, с. 12-20.

ближневосточных государств после обретения ими национальной независимости и оценка его влияния на развитие межгосударственных отношений на Ближнем Востоке.

Формирование современной системы международных отношений на Ближнем Востоке берет начало с момента обретения государствами региона политической независимости. В этот период в результате охватившего Арабский мир национально-освободительного движения большинство арабских стран освободились от колониальной зависимости и начали строить независимые национальные государства[13].

После первой мировой войны и освобождения от господства Османской империи в ряде стран Арабского Востока колониальные державы установили политические режимы, построенные по образцам политических систем метрополий (Египет, Сирия). Этот процесс облегчался в связи с наличием ряда обстоятельств. Еще в XIX веке в результате реформ, которые пытались проводить отдельные арабские правители, сумевшие добиться фактической самостоятельности и независимости от Османской Порты (Мухаммед Али в Египте, например) в рамках традиционной элиты стала формироваться узкая прослойка современных по тому времени управленцев. Первая египетская конституция была принята в 1882 году без прямого участия европейцев. Активное проникновение западного капитала в арабские владения Порты и создание предприятий для обслуживания нужд промышленности западноевропейских стран вело к привлечению большего числа местных жителей для работы на предприятиях современного типа. Таким образом, закладывались основы создания новых элит с западно-ориентированным политическим и социально-культурным самосознанием.

---

[13] Политические системы и политические культуры Востока. Алаев Л.Б., Ахмедов В.М., Беккин Р.И., Белокреницкий В.Я., Володин А.Г., Воскресенский А.Д., Гудошников Л.М., Денисов В.И., Донцов В.Е., Дружиловский С.Б., Емельянов А.Л., Ефимова Л.М., Кудряшова И.В., Лалетин Ю.П., Лузянин С.Г., Лунев С.И., Молодякова Э.В., Сапронова М.А., Старостин Б.С., Старостин П.Б. и др. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. (2-е издание, переработанное и дополненное) Москва, 2007, с. 39-41, с. 892.

Данный процесс особенно усилился после фактического превращения многих арабских стран в колонии и полуколонии западноевропейских держав. Для работы в колониальной администрации требовались принципиально иные кадры, обладавшие высшим светским образованием, владевшие английским либо французским языком, знакомые с традициями европейской социальной мысли. В результате закладывались основы создания современной политической элиты с новым политическим и социокультурным самосознанием. Именно ее представители и возглавили национально-освободительные движения в арабских странах[14].

Сложившийся в период между двумя мировыми войнами баланс политических сил нашел отражение в принятых в этот период конституциях. В Трансиордании (1928), Ираке (1924), Ливане (1926), Сирии (1930), Кувейте (1939)[15]. Для всех них было характерно закрепление примата исполнительной власти, что отвечало интересам метрополий в их борьбе с национально-освободительными силами, которые выступали за расширение прав законодательной власти. Подлинно национальное конституционное движение в арабских странах началось лишь после завоевания ими политической независимости, когда к власти в этих странах пришли новые социально-политические силы. А в таких государствах, как, например, Саудовская Аравия конституционные основы стали закладываться лишь в начале 1990 годов.

После второй мировой войны арабские народы заявили о себе как об активной силе истории. На волне национально-освободительных движений и революций, подпитывавшихся идеями возрождения, арабского национализма, исламского фундаментализма, арабские страны завоевали свою политическую независимость. Созданная в 1945 г. Лига арабских государств (ЛАГ) объединила в своих рядах 22 арабских государства. Наряду с 18 суверенными арабскими странами туда вошли Палестинская автономии, которая не имела статуса

---

[14] Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Ин-т востоковедения Российской академии наук. М.: Гуманитарий, 2008, с. 10-16.

[15] Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003, с. 5-25.

государства, а также республики Джибути и Сомали с неарабским населением, но с арабским языком в качестве одного из государственных.

После обретения политической независимости, пришедшие к власти национальные правительства заимствовали многие западные демократические институты. Однако социальная структура бывших колоний и полуколоний имела лишь отдаленное сходство со своими аналогами в бывших метрополиях. Пересаженные на почву традиционных обществ западные демократические институты оказались мало похожими на свои прототипы. Как правило, они оказывались неэффективными и нередко служили прикрытием для установившихся в 1950-1970 гг. в большинстве арабских стран авторитарных режимов. Неоднородный состав традиционного общества, его раздробленность, отсутствие в нем социальных сил, способных повести за собой широкие массы, вели к этатизму и авторитаризму. В целях преодоления дезинтеграционных тенденций в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества арабские правители были вынуждены опираться на концентрацию власти, чья непререкаемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности руководству[16].

В этой связи в большинстве республик Арабского Востока в качестве наиболее распространенного типа политического устройства утвердились однопартийные режимы в форме президентской республики. Для прикрытия истинного характера власти в ряде арабских государств разрешалось образование других партий. Однако государство оставляло за собой контроль над их деятельностью путем создания различного рода квазиполитических образований в виде Народных Фронтов, куда они должны были входить наряду с правящей партией. На практике это формировало условия для возникновения сильной президентской власти, в подчинении которой оказывались законодательные и исполнительные органы государства.

---

[16] Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Ин-т востоковедения Российской академии наук. М.: Гуманитарий, 2008, с. 25-57.

В то же время, именно авторитарные методы управления и сильное государство смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики, и обеспечить стабильность после достижения арабскими странами политической независимости. Ситуация в этом плане значительно отличалась от периода военных переворотов 1950-1960 годов. Начавшиеся в 1970-1980 гг. процессы экономических реформ и политической либерализации как ответ на вызов комплексных проблем общественно-экономического развития способствовали некоторому ослаблению авторитарных методов управления.

Однако сохранение относительной стабильности арабских режимов сопровождалось нарастанием внутренней напряженности, социальной дезинтеграции, ростом межэтнических и конфессиональных противоречий. С конца 1970 и в 1980 годах в арабском мире усиливались кризисные явления, как в экономической, так и в политической сфере. Во внутренней жизни арабских стран обострились этнические, конфессиональные и прочие противоречия, дезинтеграционные процессы. В первой половине 1980 годов в межарабских отношениях стали преобладать центробежные тенденции. Подобная ситуация возникла во многом под воздействием ряда внешних факторов: исламской революции в Иране, ирано-иракской войны, активизацией политики США в регионе при односторонней опоре на Израиль и его безусловной военно-политической поддержке в конфликте с арабскими странами.

В качестве ответной меры государство усиливало контроль над жизнью общества, используя при этом самые разнообразные рычаги воздействия. В арабских странах складывались мощные бюрократические группировки (включая как гражданскую, так и военную бюрократию), которые монополизировали политическую жизнь. В то же время, основой экономик большинства арабских стран по-прежнему служил традиционный сектор, который уходил своим корнями в прошлые столетия и отличался большой консервативностью, плохо поддаваясь реформам[17].

---

[17] Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Ин-т востоковедения Российской академии наук. М.: Гуманитарий, 2008, с. 25-57.

Рубеж XX–XXI веков был отмечен ростом кризисных явлений в экономике и политике арабских стран, обострением этнических и конфессиональных противоречий, усилением межарабских разногласий. Ближневосточные правители оказались перед выбором дальнейшего пути развития. Проблемы принятия верного решения и выработки оптимального политического курса осложнялись масштабностью, комплексностью и неотложностью задач, которые приходилось решать руководителям этих государств в условиях весьма непростой региональной ситуации, отличавшейся наличием нескольких зон нестабильности на востоке (Ирак) и на западе (Палестина, Израиль, Ливан) региона. Процессы экономической модернизации при всей их непоследовательности и замедленности оказывали определенное воздействие на политические системы арабских стран. Несмотря на сильный дух политического консерватизма, арабские лидеры были вынуждены постепенно реформировать традиционную политическую систему, расширяя права и свободы граждан и повышая роль исполнительных органов власти. Указанные обстоятельства побуждали власти пересматривать прежние политические концепции и вносить коррективы в планы развития. Лидеры большинства государств региона были вынуждены признать, что, несмотря на доходы от экспорта нефти и вне зависимости от декларированной политической модели, им не удалось обеспечить быстрый переход к постиндустриальной стадии развития и тем самым ликвидировать отставание от промышленно развитых стран Запада. Арабские элиты и общество в целом оказались неготовыми принять западные модели модернизации. Институт главы государства по-прежнему оказывал определяющее влияние на деятельность законодательных, исполнительных и судебных институтов[18].

Процесс формирования новых контуров политических систем арабо-мусульманских стран Ближнего Востока проходил в острой борьбе крупных социально-политических сил региона[19]. В этих условиях некоторые арабские

---

[18] Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Ин-т востоковедения Российской академии наук. М.: Гуманитарий, 2008, с. 25-57.

[19] Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020, с. 370.

правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались исламистские движения, которые стремились построить политическую систему, основанную на принципах сочетания базовых элементов демократии и исламских ценностей. Исламистские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран, и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носил по большей части ограниченный и опосредованный характер. С другой стороны, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские оппозиционные политические партии, будь то запрещенные или легализованные. В результате большинство арабских стран испытывало острый кризис политической самоидентификации, в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство[20].

Переход от авторитаризма к более либеральной, модели управления провоцировал опасность подрыва существовавшего военно-политического баланса в регионе. В этих условиях выход армии на политическую арену становился неизбежным фактором политического процесса на Ближнем Востоке. Действительно, исторический ход событий на Ближнем Востоке в значительной степени определил роль военных в развитии политических процессов в регионе. Опыт новейшей истории ближневосточных стран показывает, что наиболее существенные изменения в содержании и структуре политической власти в них происходили в большинстве случаев при активном участии национальных вооруженных сил. Во многих арабских странах военные играли значительную роль во внутриполитической жизни и оказывали большое влияние на внешнюю политику государства и вопросы национальной безопасности.

Особая роль военных в политике и международных отношениях на Ближнем Востоке является важным предметом исследования, поскольку силовой фактор играл заметную роль в ближневосточной политике Тегерана и развитии

[20] Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly. L., 1993. Vol. 14. No. 3, p. 605.

арабо-иранских отношений. Исследуя эту тему, автор стремится адаптировать общетеоретические вопросы и методологические подходы к ближневосточным реалиям, чтобы ответить на следующие вопросы. В какой степени вмешательство военных в политику влияло на развитие межгосударственных отношений в регионе? Как характер военно-гражданских отношений сказывался на политике и выработке внешнеполитических решений ближневосточных стран?

Отведенная армии роль в ближневосточных обществах была определена политической культурой этих стран, и опиралась на их многовековые традиции. Армия имела особое значение в формировании политической культуры. В данном случае политическая культура рассматривается как система исторически сложившихся установок, поведенческих моделей, которые проявлялись в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, обеспечивая воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности[21].

В последней четверти XX – начале XXI веков армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь ближневосточных государств. Являясь важным политическим элементом общественной системы, армия влила на выбор пути развития в соответствии с интересами определенного класса или определенных социальных групп. В диссертации сделан акцент на специфических политических ориентациях военных, их установках в отношении политической системы и ее различных частей.

В отечественной военно-философской литературе советского периода связь армии и политики рассматривалась с точки зрения марксистского учения о базисе и надстройке. В марксистской концепции о роли армии в политической жизни общества важнейшее методологическое значение имело положение об «относительной самостоятельности вооруженных сил» в политической системе. Относительная самостоятельность являлась имманентным свойством армии как

---

[21] Ахмедов В.М. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. В сборнике: Политическая культура и деловая этика стран Востока. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Москва, 2006, с. 299-312.

надстроечного института и характеризовала ее естественное и нормальное положение в обществе. Политическая же самостоятельность и известная независимость военных оценивались как аномалия и нарушение обычных функций армии[22].

В большинстве же ближневосточных государств на рубеже 1950-1960 годов военные вышли за рамки своих обычных функций, и начали мыслить о себе как о политической силе[23]. Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти. Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. В большинстве стран Ближнего Востока помимо поддержания стабильности и порядка в стране, армии вменялось служить защите режима, находящегося у власти. Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер активности армии как субъекта политики. Выступление военных почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки, и правящий режим оказывался под угрозой. Похожую ситуацию можно было наблюдать на разных этапах исторического развития Египта, Сирии, Ирака, Алжира[24].

В западной политологии роль армии в политической жизни изучалась в рамках теории военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система, состоявшая из взаимозависимых элементов. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». Именно с точки зрения гражданского контроля чаще всего и рассматривалась роль армии в политической жизни общества, ее место в политической системе той или иной страны.

---

[22] Бабуркин С. А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1994, с. 14.

[23] Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М.: Гуманитарий, 2008, с. 35-51.

[24] Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии., сс. 153-188. Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ахмедов В. М. М.: ИИИиБВ, 2002, с. 400.

С этой точки зрения важное значение имеют типологии гражданского контроля, разработанные С. Хантингтоном (объективный и субъективный) и Э. Нордлинджером (традиционный, либеральный, нетрадиционный). С. Хантингтон отмечал, что одной из важнейших задач независимых арабских правительств являлось установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику. «Либеральная» модель исходила из существующих различий между элитами в соответствии с полученными знаниями и данными полномочиями. С учетом более широких полномочий гражданских лиц, их более высоким уровнем знаний, военные занимали подчиненное положение. В теории «либеральная» модель являлась наиболее эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике сами гражданские нередко нарушали этику поведения в отношении военных. Подобное поведение гражданских властей формировало мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии[25].

Третий тип гражданского контроля над армией мог быть реализован в рамках «нетрадиционной» или «пенетрантной» модели. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и института политработников. Данный метод требовал разработки строгой системы контроля, проверки и наказаний. Повышалась роль спецслужб в армейской среде, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могла служить Сирия периода правления Х. аль-Асада (1970-2000 гг.).

В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался смешанный тип гражданского контроля. В условиях, когда в течение последних десятилетий у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные говорить о гражданском контроле в чистом виде не

[25] Nordlinger E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs. New Jersey, 1977, pp. 11-13.

приходилось. Скорее речь могла идти о политическом контроле над армией в целях обеспечения стабильности режима[26].

Противоположностью гражданского контроля являлось вмешательство армии в политику, которое в западной научной литературе нередко обозначалось термином «преторианство»[27]. На практике это означало проведение военными в жизнь собственных политических решений с использованием силы или угрозы ее применения. В западной политологии выделялись два подхода к поиску причин вмешательства армии в политику: универсальный, сторонники которого стремились к выяснению общих, универсальных закономерностей в этой сфере общественных отношений и конкретно-страноведческий. Приверженцы второго подчеркивали специфику взаимодействия между гражданскими и военными элитами в отдельно взятых странах. На основе разграничения факторов и причин, способствовавших (или препятствовавших) вмешательству военных в политику выделялись структуралистский и мотивационный подходы. В поисках ответа на вопрос о причинах вмешательства армии в политику исследователи, прежде всего, обращали внимание на субъект этого явления – саму армию и пытались найти объяснение в особых свойствах этого института и его офицерского корпуса. Однако узкий институциональный подход не привел к убедительному и исчерпывающему решению проблемы.

В большинстве современных армий в основе мотивации поведения личного состава лежала та же идеология, которую государство использовало в качестве инструмента мобилизации остальных граждан. Основным типом идеологии, который использовался в большинстве государств, как для определения коллективной идентичности армии, так и для мобилизации общества служил

---

[26]Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. Офицерский корпус ближневосточных государств. Сб. статей. М.: ИИИиБВ, 2004, с. 3–23.
26 Nordlinger E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs. New Jersey. 1977, p. 2-3.
[27] Nordlinger E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs. New Jersey. 1977, p. 2-3.

национализм[28]. Некоторые государства использовали для мобилизации своего населения политические идеологии прошлого столетия. Такие как коммунизм, социализм, либерализм, либо теократические идеалы. В тоже время, как правило, сочетание политической идеологии и национализма зачастую определяло тип национализма, используемого государством[29].

На основе рассмотрения основных теоретических подходов к проблемам «армия и политика», «армия и власть», «армия и общество», «армия и ислам» в отечественной и зарубежной политологии диссертантом был разработан собственный подход к исследованию этой важной для диссертационного исследования темы.

Вооруженные силы рассматриваются как сложное и многомерное явление, неразрывно связанное с обществом, его политической сферой, в которой они предстают одновременно объектом и субъектом. Но и в качестве субъекта политического процесса армия, будучи сложной системой, выступает в разных измерениях: и как институт государства, и как заинтересованная социальная группа, имеющая свои корпоративные интересы, а в ближневосточных странах нередко и как объект влияния иностранных держав[30].

В этой связи рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящего режима представляется неправомерно ограниченным и недостаточным. Для полномасштабной оценки роли ближневосточных армий в политике необходимо учитывать конкретное соотношение разных элементов структуры армии как субъекта политического процесса, преломляющееся через мотивацию офицерского

---

[28] Charles C. Moskos. Towards a Postmodern Military. In Stuart A. Cohen ed., Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context. London: Franc Cass, 1999, p. 18.

[28] Halliday, Fred The Nationalist Debate and the Middle East. In Middle Eastern Lectures No. 3, Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999, pp. 27, 230-248.

[29] Halliday, Fred The Nationalist Debate and the Middle East. In Middle Eastern Lectures No. 3, Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999, pp. 27, 230-248.

[30] Изучению роли военных в политике ближневосточных государств посвящены несколько работ автора: Ахмедов В.М. Вооруженные силы в общественно-политической жизни Сирии. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2003. № 4. С. 87; Ахмедов В.М. Военные, власть и политический ислам на Ближнем и Среднем Востоке. Проблема региональной стабильности. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 3, с. 71-88; Ахмедов В.М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Восточный курьер. 2021. № 3-4, с. 85-94.

корпуса, который определяет ее политическое поведение. Такой подход способствовал более полному осмыслению вопроса о роли религии в ближневосточных армиях, что чрезвычайно важно для полноты раскрытия темы настоящего исследования.

Место и роль религий в ближневосточных армиях, процессы их эволюции оказывали непосредственное влияние на политику Ирана и арабских стран. Теоретическая разработка данной темы важна по ряду обстоятельств. Во-первых, в отечественном востоковедении этот вопрос остается практически открытым. Во-вторых, в силу особой роли военных в политике, их взаимоотношения с политическим исламом непосредственно влияли на характер международных отношений на Ближнем Востоке.

Как было показано выше, в основу государственной идеологии закладывались принципы национализма как фактора, определяющего коллективную идентичность армии, поведенческий стереотип военных. Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений. Превалирование одного над другим было связано, прежде всего, с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывавшейся в регионе политической конъектурой. В Турции, Египте, Сирии, Ираке власти старались придерживаться светских принципов государственного устройства. Военные могли использовать насилие в качестве одного из инструментов поддержки национализма в противовес религии[31]. Когда в основу идеологии закладывались идеи национализма, руководство должно было обеспечить достаточно высокий уровень развития, чтобы продемонстрировать обществу превосходство светских идей над религиозной идеологией. Чтобы удержать ситуацию под контролем,

[31] Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б.Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973, с. 47-72.

властям необходимо было уравновесить степень влияния религии в армии и обществе[32].

Исламская традиция и культура играли особую роль в системе арабского национального мировоззрения. В зависимости от политической конъектуры военные могли в той или иной степени задействовать исламские идеалы и символы в пропаганде идей арабского национализма в интересах мобилизации широких народных масс. Отношение к вопросам религии в армейской прессе сильно отличалось от того, что писали обычные СМИ. Однако в той мере, в которой армия оказывалась вовлеченной в политику, военные издания обращались к проблемам религии, наряду с другими вопросами гражданского общества. Армейская печать уделяла серьезное внимание борьбе с фундаментализмом и ставила вопрос о законности использования террористических методов с точки зрения ислама[33].

В Сирии религия в армии служила инструментом легитимации власти, но роль ислама была значительно сильнее, чем этого можно было ожидать. В армейской прессе САР редко печатались статьи, апеллировавшие к религии как одному из факторов идентификации армии. Значение религиозных ценностей не акцентировалось, а ставилось в ряд многочисленных базовых нормативов, определявших поведение военных, среди которых основную роль играли светские, националистические факторы. Ислам служил не конечной целью, а средством для реализации националистических интересов, особенно в вопросах определения лояльности военных и их преданности своему народу и стране[34].

Основные отличия египетской и сирийской армии сводились к разнице в наборе светских националистических компонентов. В Сирии идеи патриотизма и преданности делу арабского единства были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии. В Египте несмотря на

---

[32] Ахмедов В.М. Военные и политический ислам на Ближнем Востоке: рамки взаимоотношений и пределы сотрудничества Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 80-87; Ахмедов В.М. Армия и этно-религиозные конфликты на Ближнем Востоке. Азия и Африка сегодня. 2009. № 9 (626), с. 23-28.

[33] Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (XX-XXI). М.: Институт востоковедения РАН, 2023, с. 81- 92.

[34] Джейш аль-шааб. № 1825, апрель, 1998, с. 27-28.

официальную приверженность этой идее, она не получила широкого распространения в армейской среде. В Иордании ислам являлся одним из важных факторов определения коллективной идентичности в вооруженных силах. В речах и обращениях иорданского монарха к военным более чем у кого-либо из арабских лидеров содержались религиозные элементы. В то же время, основным мотивом, определявшим поведение военных, являлось служение не Аллаху, а монарху в традициях абсолютной монархии[35].

Ситуация с исламом в арабских армиях свидетельствовала о том, что нарастание религиозных настроений в армии скорее носило инструментальный характер, чем отражало тот факт, что военные и армия как институт искреннее разделяли приверженность к исламу. С другой стороны, вряд ли было возможным отрицать роль ислама в формировании коллективной идентичности армии, где многие офицеры и солдаты искренне верили в ислам. Поэтому любые заигрывания с исламом, особенно в условиях кризисных процессов в государстве и обществе, обычно заканчивались не в пользу власти[36].

Как в Сирии и Ираке, в Иране армия носила идеологический характер. Однако в отличие от указанных арабских стран, где индокринация личного состава строилась на основе светских идей Баас, в Исламской республике поведенческий стереотип военных определялся идеями исламской революции. За последние десятилетия Корпус стражей исламской революции ИРИ (КСИР) превратился из обычной шиитской милиции (450-500 чел.) для защиты духовенства в теневое (глубинное) государство. КСИР был главной движущей силой экспорта исламской революции на Ближнем Востоке[37]. В своей деятельности КСИР руководствовался следующими политическими установками: защита режима, личной власти

---

[35] Аль-Акса. №907, февраль, 1998, с. 22; №809, декабрь, 1989, с. 30-33.

[36] Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (XX-XXI). М.: Институт востоковедения РАН, 2023, с. 81- 92.

[37] Saban, N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council. 05.11.2020. https://bit.ly/3dOvG7C; https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/pp.1-7 (accessed: 12.09.2025).

Верховного исламского правителя (рахбара), обеспечения исламской справедливости[38].

Ислам являлся инструментом, посредством, которого обеспечивалась лояльность военных власти, формировался характер армии. Религиозная лояльность была связана с государством в лице духовного лидера ИРИ, поскольку именно он выполнял свой долг и обеспечивал защиту и пропаганду религиозных ценностей. Ислам был интегрирован в «священные» военные ритуалы. Религии отводилась важная роль в политико-воспитательной работе и моральной подготовке солдат, обеспечивались условия соблюдения религиозных ритуалов. Шиитская доктрина служила средством воспитания господствующей самоидентификации офицеров. Сегодня КСИР является ключевым элементом любого сценария эволюции власти в ИРИ и располагает исключительными ресурсами в вопросах обороны, безопасности, экономики, социальной и идеологической мобилизации общества[39].

Откликаясь на вызовы глобализации и модернизации, ближневосточные руководители периодически пытались вывести религиозные настроения из сферы деятельности широких слоев населения и сделать религию частным делом отдельного гражданина. Они полагали, что так им будет легче управлять страной и модернизировать государство. Однако политика ограничения религиозных настроений в армии не спасла вооруженные силы Сирии и Ирака от широкого присутствия в них шиитских милиций. В Египте в январе 2011 г. армия (военная контрразведка. – *А. В.)* фактически отстранила президента Х. Мубарака от власти и открыла дорогу «Братьям-мусульманам» на властное поприще. На рубеже столетий, светский облик арабского офицера изрядно изменился, что привело к усилению роли религии в армии, а также оказало влияние на характер арабо-

---

[38] Ахмедов В.М. Проблемы международной безопасности на Ближнем Востоке в условиях трансформации региональных отношений и смены власти в Сирии (конец XX – начало XXI вв.). Институт востоковедения РАН. – М., 2025, с. 40-77, 103-116.

[39] Alfoneh, A. Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran From Theocracy Into Military Dictatorship.Washington, DC: Rowman & Littlefield, 2013, p. 272.

иранских отношений, повысив риски распространения конфликтов на этноконфессиональной основе.

Эволюция общественно-политического сознания ближневосточного социума оказала большое влияние на рост движений политического ислама и изменение роли ислама в вооруженных силах ближневосточных государств. В силу неразвитости демократии государство на Ближнем Востоке было более слабым институтом, чем такие социальные организации, как религия, община, семья. В таком обществе ислам оказывал существенное влияние на политику. Служившие на протяжении нескольких последних десятилетий секулярные идеи панарабизма, арабского национализма в качестве идеологической и легитимирующей основы правящих режимов, не нашли своего практического воплощения[40]. Под влиянием поражений в войне с Израилем и победы исламской революции в Иране позиции сторонников исламского выбора укрепились. Во многом этому способствовала деятельность мусульманских реформаторов, которые под влиянием происходящих перемен стремились проводить в жизнь идеи мусульманского обновленчества[41].

Новая идеология пыталась совместить национализм с идеями исламской демократии в качестве принципа государственного строительства. Действовавшие в арабском мире националистические концепции, по принципу соотношения в них национализма и ислама, не позволяли на практике объединить усилия различных политических сил и движений региона исключительно на религиозной или этнической основе. Лозунги принадлежности к общей арабской нации весьма неоднозначно воспринимались курдами Ирака и Сирии, представителями малых народностей веками живших в арабских странах и имевших общую с арабами историю и язык. Принцип равенства всех наций и этносов в исламе оставлял открытым вопрос о положении религиозных меньшинств, представителей различных толков в самом исламе и просто атеистов. В кругах интеллектуальной арабской элиты активно дискутировалась идея гражданства, предполагавшая

---

[40] Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1986. 238 с.

[41] Ахмедов В.М. Современный Ближний Восток. Новая и новейшая история. 2012. № 2, С. 23-43.

равноправие всех граждан, как основы для объединения националистов и исламистов, ответ на межрелигиозную рознь. Однако в условиях отсутствия подлинно гражданского общества такое решение проблемы представлялось нежизнеспособным.

Активизации движений политического ислама отчасти способствовали сами арабские власти. Несмотря на непримиримую борьбу, которую арабские правители вели с исламистами, они, как правило, не трогали религиозные учреждения (мечети, медресе и т.п.). В отличие от оппозиционных групп светского характера, исламские движения, даже уйдя в подполье, всегда сохраняли возможности возврата к активной политической работе. Как показали события «Арабской весны» исламисты успешно использовали мечети в качестве штабов «революции». В короткие сроки они смогли обеспечить мобилизацию значительных масс населения и организовать финансовую поддержку своей деятельности через сеть исламских банков и экономических учреждений, чья собственность находилась на положении вакфов[42].

В тоже время, исламские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества[43]. У них не было необходимого опыта государственного управления. Вероятность легитимации их власти была весьма сомнительна не только за рубежом, но и внутри страны. Организации типа «Братьев-мусульман» (Египет, Сирия), «ХАМАС», «Исламский Джихад» (Палестина) «Хезболла» (Ливан) традиционно находились на положении оппозиции внутри своих стран. Радикальные исламисты сталкивались с активным неприятием со стороны правящего класса ряда ведущих арабских стран и Запада. Общественные силы, представлявшие либерально-демократические, националистические, левые движения, которые активно участвовали в свержении

[42] Ахмедов В.М. Современный Ближний Восток. Новая и новейшая история. 2012. № 2, С. 23-43.

[43] Игнатенко А.А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70- первая половина 80-х годов). М., 1987, с. 49.

диктаторских режимов, не восприняли «исламский проект». Отставка президента Египта М. Морси в 2013 показала, что организации политического ислама не обладали возможностью долго удерживать власть, тем более способностью справляться с решением сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без поддержки извне. Опыт «ХАМАС» в Палестине и «Хезболлы» в Ливане показал, что руководители многих подобных организаций были вынуждены считаться с этими реалиями. Революционный путь прихода к власти представлялся им весьма рискованным. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических общеарабских позиций и защищали идеи социальной справедливости и равенства, которые формировались на секулярных, а не только религиозных основах. Эти факторы усиливали напряженность и раскол в обществе, тем более что социально-экономические проблемы в этих странах остались нерешенными и, более того, обострялись.

Расцвет политического ислама привел к разделению религиозных институтов на системные (встроенные в структуру власти) и оппозиционные, политически ангажированные (исламский фундаментализм, исламизм). Политизация ислама сопровождалась трансформацией его духовно-нравственного потенциала и была связана с релятивизацией традиционных религиозных ценностей. Она сопровождалась конфессиональными деструкциями, которые вводили религиозное пространство в состояние перманентного кризиса, выход из которого сопровождался его радикальной трансформацией[44].

Этно-религиозные конфликты и гибридные войны стали следствием усилившегося раскола по конфессиональным и этническим линиям. Причиной их возникновения стало также ослабление светского характер идеологии арабского национализма за счет его замещения идеями политического ислама и этноконфессионального сепаратизма. Теоретическое осмысление этой темы важно

[44] Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (XX-XXI). Институт востоковедения РАН. – М., 2023, с. 178-186.

с точки зрения изучения предпосылок эволюции ближневосточной политики арабских стран и Ирана, факторов арабо-иранских отношений.

Действительно, такие конфликты лишь по форме напоминали прежнюю вражду и являлись, прежде всего, результатом острых социальных противоречий, столкновением групповых интересов и борьбы за политическое и экономическое влияние в регионе. С учетом того, что формирование современных типов государств на мусульманском Востоке началось только в конце XIX века для людей, воспитанных в рамках мусульманской традиции, идея войны как орудия религии не являлась неожиданной. Подобное мировоззрение детерминировалось ощущениями внешней угрозы исламской идентичности, мессианскими настроениями, желанием отстроить новое государство на религиозно-политическом фундаменте. По этой причине отказ от идеи религиозной войны шел на Ближнем Востоке значительно медленней, чем в государствах Западной Европы.

В большинстве стран Ближнего Востока религия и религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Зачастую это происходило в противовес светскому судопроизводству, межобщинным, клановым отношениям. В свою очередь, это меняло алгоритм взаимоотношений в треугольнике – власть, армия, религия, – который служил одним из ключевых элементов государственной инфраструктуры многих стран Ближнего Востока[45].

В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных конфликтов. Малообеспеченные социальные слои населения находили религию привлекательной, потому что она предполагала готовность сражаться за социальную справедливость. На Ближнем Востоке – родине трех мировых монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) – возрастание воинственности одной конфессии неизбежно вынуждало адептов другой защищать свои идеалы и образ жизни, сражаясь под знаменем великой идеи.

---

[45] Наумкин В.В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. № 6, с. 67-80.

Конфликты низкой интенсивности и гибридные войны становились важным элементом современного политического противоборства на Ближнем Востоке. В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распрей, в силу чего они могли принимать затяжной и латентный характер. Их мотивационной основой могли служить укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма, обостренные всплесками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Наступательная, бескомпромиссная деятельность политических движений и партий могла становиться драйвером религиозных конфликтов. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей.

Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую правила ведения боя. Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные на подобии народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идейно-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. Их поведенческий стереотип определялся балансом между религиозными верованиями, политическими убеждениями, соображениями личной выгоды. Некоторые вдохновлялись националистическими устремлениями, свойственными этническим меньшинствам. Общим для всех являлось неудовлетворенность существовавшим порядком и решимость изменить его посредством насилия[46].

Религиозные милиции имели общую экзистенциональную основу. Она была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое

[46] Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (XX-XXI). Институт востоковедения РАН. – М., 2023, с. 178-186.

сознание путем хитроумных манипуляций и психологических установок. Их офицеры обладали сильной мотивацией, имели высшее образование и были способны использовать современные технологии. Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде, из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Несмотря на свое военное превосходство, регулярные армии не могли выйти победителями в конфликтах низкой интенсивности.

Распространение религиозно окрашенных конфликтов низкой интенсивности приводило к изменению структуры военных организаций. Повышалась роль личных интересов их лидеров, изменялась природа *интереса* рядовых участников сражений. В итоге сама идея войны ради чего-либо становилась неприменимой. Попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией сталкивались с большими трудностями. Разновидность войн, основанных на разделении армии, правительства и народа (по К. фон Клаузевицу) практически исчезла. Распространение новых видов войны было чревато уничтожением государства как института. На смену государству-нации могли прийти военные организации нового типа.

Основными участниками военных действий в Ираке, Сирии, Ливане зачастую становились не армии, а милицейские формирования. Они были основаны больше на харизматических принципах, нежели чем на институциональных началах. Основой мотивацией их действий служил не профессионализм, а идеологическая лояльность. Они подчинялись определенному руководству, располагавшему методами принудительного воздействия. Их руководство было неотделимо от самой организации и мало напоминало правительство. Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия. Военные организации контролировали территорию, не имевшую четких границ.

Таким образом, идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции национальных вооруженных сил меняли характер международных отношений и политику государств на Ближнем Востоке.

Милитаризация Ближнего Востока также оказывала заметное влияние на развитие системы международных отношений. Война в Ираке (2003) и изменение военно-политической обстановки в регионе укрепили в правящих ближневосточных элитах мнение, что, в основе безопасного существования лежит сила сдерживания. Большинство исследователей сходилось в том, что геополитический вес и влияние государств во многом обеспечивались их военной мощью [47]. С другой стороны, военные возможности государств не являлись самодовлеющей величиной. Содержание и роль военного фактора сложно понять без учета оценок военно-политическим руководством ближневосточных стран собственной мощи в сравнении с возможностями вероятных противников. На самом деле, многие такие оценки и представления в силу целого ряда причин были далеко не всегда адекватны действительности. Тем более что у многих государств существовала тенденция рассматривать собственную мощь как абсолютную величину, а не как результат сравнения с другим государством. Зарубежные закупки вооружений и военной техники (ВВТ) служили важным фактором, определявшим политическую ориентацию ближневосточных стран. Когда Египет в 1950-х гг. начал закупать оружие у СССР и социалистических стран Восточной Европы, это стало поворотным моментом в истории самого Египта и всего региона. И, наоборот, разрыв отношений с СССР в 1970 годах и переориентация на США привели к изоляции Египта, что обострило ситуацию в арабском мире. Сирия в 1970 - 1980 годах позиционировала себя как прифронтовое государство, сражавшееся против Израиля, и на этом основании получала финансовую помощь от стран Персидского залива. Также действовал и Ирак, который выставлял себя защитником арабов от иранской угрозы. Рост импорта ВВТ подстегивали

[47] Cordesman, Anthony H. The Military Balance in the Middle East. Westport: Praeger.2004.; p. 586; Terril, W. Andrew. Arab Threat Perceptions and the Future of the U.S. Military Presence in the Middle East. Carsil Barracks. PA: United States Army War College Press, 2015, p. 124.

многочисленные внутренние и межгосударственные конфликты стран Ближнего Востока. Гонка вооружений препятствовала образованию на региональном уровне устойчивого межгосударственного союза или альянса, способного обеспечить безопасность в регионе[48].

Отсутствие России как сильного игрока на ближневосточном рынке вооружений после распада СССР привело к тому, что такие страны, как Иран, Ирак, Ливия и Сирия, стали обращаться к альтернативным источникам закупок вооружений и технологий, прежде всего Китаю, Северной Корее и государствам СНГ. Во многих арабских странах считали, что если традиционными средствами было невозможно или дорого обеспечивать потребности национальной обороны, то можно было прибегнуть к использованию других средств, включая поддержку экстремистских организаций и создание химического и биологического оружия. Стремление обладать таким оружием представляло собой определенную попытку изменить сложившийся баланс сил в регионе. Обладание подобным оружием повышало возможности этих стран, как на региональном, так и международном уровнях.

Однако использование такого оружия в тактических целях могло оказаться проблематичным, и было сопряжено с рядом политических рисков. Применение неконвенционных видов оружия в тактических операциях требовало определенной децентрализации управления и больших полномочий полевых командиров. В последнем случае это повышало угрозу шантажа и свержения власти. К тому же оружие массового поражения (ОМП) имело ограниченную эффективность как средства защиты режима от попыток государственного переворота и массовых протестных движений. Обладание ОМП могло компенсировать некоторую тактическую слабость ближневосточных армий и обеспечить стратегический паритет в регионе, но не способствовало повышению эффективности обычных вооружений.

---

[48] Ахмедов В.М. Проблемы международной безопасности на Ближнем Востоке в условиях трансформации региональных отношений и смены власти в Сирии (конец XX – начало XXI вв.). М.: Институт востоковедения РАН, 2025, с. 69-77.

Подобная ориентация ближневосточных стран создавала новую политическую динамику развития международных отношений с учетом отсутствия строгих политических ограничений в продаже компонентов для производства ОМП. Сложная ситуация в вопросах сдерживания провоцировала использование силы в межрегиональных отношениях и подрывала систему региональной безопасности[49].

Основные итоги выше отмеченных факторов и доминант трансформационных процессов на Ближнем Востоке оказали определенное влияние на развитие политического ближневосточного процесса и характер международных отношений на Ближнем Востоке, которые кратко можно суммировать в виде следующих положений.

На региональном уровне быстрые темпы демографического роста привели к маргинализации значительной части городского населения арабских стран. В условиях авторитарных методов правления пауперизация населения сопровождалась обогащением правящих элит, что усиливало напряженность в обществе.

В государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти.

Отличительной особенностью 1970-1980 годов стало заметное усиление «исламского фактора» в общественно-политической жизни Ближнего Востока. Политизация религии сопровождалась конфессиональными деструкциями, которые вводили религиозное пространство в состояние перманентного кризиса. На практике это выражалось в активизации радикальных исламских движений, представители которых стремились утвердиться во властных структурах государства.

Специфика политического процесса затронула сферу духовной жизни ближневосточных народов. Попытки обосновать предпринимаемые местными

---

[49] Там же.

властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Как правило, они вели к падению популярности институтов, воплощавших эту идеологию среди населения, и заполнению возникающего идеологического вакуума, религиозной идеей, главным образом, исламом. Это привело к серьезным сдвигам в сознании людей.

В условиях резкого обострения конфессиональных противоречий регион вплотную столкнулся с опасностью раскола по конфессиональным и этническим линиям. Гибридные войны и конфликты низкой интенсивности могли принять характер религиозных войн эпохи Средневековья, но с использованием современных вооружений и новых информационных технологий.

Это сказалось на характере политики ближневосточных государств. На Ближнем Востоке обострилась борьба за влияние между крупными региональными и международными игроками. Политика этих государств мотивировалась желанием переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. В то же время, политика этих стран была прямо пропорциональна различиям выстроенных в них политических систем, их региональное соперничество обычно заканчивалось с «нулевой суммой», а для других ближневосточных государств имело самые негативные последствия.

В этих условиях процессы глобализации застопорились, уступив место регионализации, которая в сложившихся к тому времени условиях на Ближнем Востоке принимала далеко неоднозначный характер[50].

§ 3. Предпосылки торможения глобализации и фактор регионализма: региональный и международный аспект

В параграфе третьем в рамках критического рассмотрения некоторых элементов теорий модернизации и либерализации применительно к ближневосточным реалиям исследовано влияние процессов глобализации и

[50] Гринин Л. Е. Революция и модернизационные ловушки. История и современность. №2. Июнь, 2023-3-28. DOI: 10.30884/iis/2023.02.01, с. 4-29.

регионализации на трансформацию политики региональных и мировых держав в регионе. На основе культурно-цивилизационного, идейно-ценностного подходов рассмотрены причины торможения процессов глобализации, в результате чего на передний план в политике ближневосточных государств вышел фактор регионализма.

Действительно, процессы глобализации и регионализации оказали определенное влияние на трансформацию политической ситуации на Ближнем Востоке. Несмотря на свою взаимосвязанность, тренды глобализации и регионализации фактически отражали противоречивые тенденции в развитии современных международных процессов на Ближнем Востоке. С одной стороны, глобализация предполагала новый уровень взаимодействия на основе новых информационных технологий и коммуникативных возможностей. С другой – усиливающиеся в последние десятилетия на региональной основе противоречия цивилизационного, геополитического характера формировали тенденцию к разъединению и поляризации[51].

Важно, что распространение современных информационных технологий и их постепенная массовая доступность стали новым явлением в регионе. Образованная часть населения получила доступ к быстрому и свободному распространению информации, нарративы которой контролировали западные медиа. Подобные изменения не могли не повлиять на характер политики ближневосточных государств. Как указывалось выше, пришлось быстро приспосабливаться к новым политическим реалиям. Неготовность арабских правительств быстро реагировать на подобные изменения предопределила реактивный характер восприятия ими новых реалий и сложность адаптации к ним политических и мировоззренческих систем. С учетом внешнего воздействия происходившие изменения не служили прогрессу ближневосточных государств и интересам их населения, в среде

---

[51] Резник Ю. М. Цивилизационный проект – идея, цели, идеология // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2, с. 5–29; Римский В. П., Мизаев В. Н., Резник С. В. Исламский культурно-цивилизационный проект в трансформирующемся мире модерна // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 4, с. 37–44.

которого стал формироваться антизападный протест и расти недоверие к собственным властям.

Растущее международное соперничество и жесткая конкурентная среда подталкивали региональные страны к объединению совместных усилий под давлением глобализации. В этих условиях регионализация являлась ответной реакцией отдельных регионов мира на вызовы глобализации [52] . В условиях авторитарных методов правления, базировавшихся на принципах личной власти, конфессиональной, клановой и земляческой общности пауперизация населения сопровождалась обогащением правящих элит. Так, в начале 2000 годов общий объем личных капиталов зажиточных людей на Ближнем Востоке вырос и составил 1-1,3 триллиона долларов США[53]. Одновременно росла грамотность населения, постепенно сближались культурные уровни мужчин и женщин, а вместе с этим объективно менялось и общественное самосознание людей. Подобная динамика во многом была обусловлена развитием процессов модернизации. С этой точки зрения вряд ли можно было разделить оптимизм сторонников неолиберализма, считавших, что установление демократии обеспечит экономический прогресс в странах третьего мира. По мнению ряда исследователей вряд ли было возможным говорить о предопределенной позитивной связи между демократией и развитием[54]. Более того, исторический опыт развития Европы и других регионов свидетельствовал, что устойчивая демократическая система складывалась как итог длительного социально-экономического развития. Преждевременное введение демократии могло затруднить развитие, особенно когда государство оказывалось перед выбором между быстрым ростом или укреплением демократии.

На ранних стадиях процесса модернизации приоритетным являлся процесс накопления и инвестиций в инфраструктуру и производство, а не в социальную сферу. В этом случае эффективным оказывались авторитарные, а не

---

[52]Мартин Г. Т. Телос глобализации: на пути к единству в многообразии. Завершение перехода к парадигме единой Конституции Земли // Век глобализации. 2023. № 4, с. 3–21.

[53] Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006, с. 300.

[54] Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly.- L., 1993. Vol. 14, no. 3, pp. 605-620.

демократические режимы, которые ограничивали процесс накопления в пользу потребления. Поэтому вера в экономический и политический либерализм как универсальное средство развития была ошибочной. Ближневосточные страны нуждались не столько в демократическом государстве, сколько в государстве, ориентированном на развитие, - «Developmental State» [55] . То есть в таком государстве, где политическая и бюрократическая элиты поддерживали цели развития и обладали возможностями осуществить поставленные задачи. Без сильного государства ни одно развивающееся общество не могло провести радикальные преобразования и осуществить экономический прорыв. В отсутствие мощного государства рыночные стратегии развития рано или поздно терпели крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства, эскалации политической борьбы. Реализация нелиберальных моделей развития в таких странах вела к политическим потрясениям, подрыву экономики, революциям и государственным переворотам.

В последние десятилетия теория модернизации уступила свое ведущее место в научном и политическом мире Запада новой парадигме – неолиберализму. В противовес кейнсианству, служившему до недавнего времени идейно-теоретической основой государственной политики стран Запада, неолиберализм выступал за ограничение регулирующей роли государства в экономике и общественной жизни, за всемерное развитие частного предпринимательства и свободных рынков, а в сфере политики отстаивал идеи демократии, свобод и прав личности, разнообразных форм самоуправления. Демократия и свободный рынок для неолиберализма – функционально взаимозависимые и взаимодополняющие понятия. В отличие от теории модернизации центральный тезис современного либерализма состоял в том, что демократия служила обязательным предварительным или сопутствующим условием развития, а не его конечным результатом[56]. Теория модернизации предусматривала обратную зависимость.

---

[55] Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly.L., 1993. Vol. 14, No. 3, p. 613.

[56]Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly.-L., 1993. Vol. 14. No. 3, p. 605.

В тоже время, было бы ошибкой недооценивать теорию модернизации как инструмент исследования влияния глобализации и регионализации на развитие стран Ближнего Востока. Прежде всего, это касается формирующихся под влиянием модернизации скрытых предпосылок к социальным потрясениям и революциям в ближневосточных странах. В свою очередь, это повышает значимость процесса регионализации в их развитии[57]. Действительно, как было показано выше, в процессе модернизации в обществах с догоняющим типом развития процессы реформ нередко вели к демографическим и структурным диспропорциям. На фоне усиливающегося социального неравенства они могли восприниматься радикальной частью населения весьма болезненно и вести к нарушению сложившегося баланса в ближневосточном социуме[58]. Выдвинутые выше положения видны достаточно отчетливо на сирийском примере, который будет охарактеризован в последующих главах диссертации.

При всех имеющихся различиях либеральная и модернизационная парадигма исходили из единого отправного постулата – ведущей роли в мире западной капиталистической цивилизации и универсальности западной модели экономического и политического развития, применимой ко всем обществам.

Подобное западноцентристское видение мира вызывало возражения со стороны многих ученых и политиков. С. П. Хантингтон назвал подобный подход нереальной альтернативой, пережитком холодной войны, в условиях которой либеральная демократия рассматривалась в качестве единственной альтернативы коммунизму. Стремление Запада навязать остальным странам свои либеральные и демократические ценности в качестве универсальной модели общественного устройства, вызвало ответную реакцию. Она воплощалась в возрождении и

---

[57] Гринин Л. Е. Революция и модернизационные ловушки. История и современность. №2, Июнь, 2023-3-28,. DOI: 10.30884/iis/2023.02.01, с. 4-29.

[58] Smelser, N. J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press. 1963, pp. 436; Johnson, Ch. Revolutionary Change. London: University of London Press, 1968. Stanford University Press, June 1, 1982. Edition : 2nd, p. 217.

консолидации незападных цивилизаций, стремившихся построить общество по своим, отличным от Запада, образцам[59].

Постепенное ослабление влияния глобализации обусловило сложный и противоречивый характер процесса политической модернизации на Арабском Востоке, который в ряде случаев приобретал особую остроту, что наряду с неготовностью большинства населения к демократии крайне затрудняло проведение подлинно демократических преобразований, способных изменить сложившуюся в обществе авторитарную практику.

В непростых условиях развития ближневосточных стран модернизация могла нередко обращаться против Запада и исходящих оттуда идей демократии и прогресса. На практике это выражалось в политизации религии и активизации радикальных исламских движений, представители которых стремились под флагом демократии и реформ утвердиться во властных структурах государства. Идеология возврата к «истинному или первоначальному» исламу во многом питалась наступлением западной культуры и образа жизни на арабское общество – быт, нравы, мораль, социальные связи между людьми, подрывая традиционное общество. Данное обстоятельство оказало в целом неоднозначное воздействие на массовое сознание и сыграло роковую роль в период «Арабской весны».

Усиливавшаяся со второй половины 1990 годов вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне ускорения в них процессов смены власти и попыток изменить характер действующих политических систем. Выше было отмечено, что ближневосточные лидеры опасались, что подобные настроения могут выйти за политические рамки и дестабилизировать режим. В то же время многие шаги ближневосточных руководителей отличались крайней противоречивостью, случайностью, и по многим параметрам оказывались несостоятельны. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политических систем арабских государств.

---

[59] Huntington S.P. If not civilization, what? Paradigms of the post-cold war period. Foreign affairs. N.Y., 1993. Vol. 72. No, 3, pp. 191, 194.

По оценке российских исследователей В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова события последних лет на Ближнем Востоке привели к усилению дихотомии процессов регионализации и глобализации. Ответ на универсализацию региональных политических систем выразился в возрождении традиционных социально-политических устоев[60]. Усиливающаяся взаимозависимость государств и регионов мира в условиях глобализации и интернационализации общественного развития, ускорения экономических, социальных и политических процессов подталкивала арабские страны к поиску современных моделей развития, к модернизации политических структур, но при сохранении особой специфики и самобытности. В этой связи категории национальной идентичности и идеологии приобретали особое звучание с точки зрения изучения некоторых аспектов региональной безопасности, хотя сами по себе они не могли служить факторами, определявшими характер политических угроз на Ближнем Востоке.

Несмотря на условия для роста единства, выражавшиеся в единстве территории, языка, религии, культурно-исторической традиции, арабское общество не было единым и отличалось этнической и конфессиональной пестротой. Национально-этническая и религиозная неоднородность Ближнего Востока существенно осложняла процесс исторического развития проживавших здесь народов и служила источником различных конфликтов и столкновений. А под влиянием охватившего Арабский мир с конца XX столетия процесса глобализации его население подверглось активной политизации, что наложило свой отпечаток на политическую ситуацию в регионе.

В складывавшихся на Ближнем Востоке международных отношениях. фактор регионализма приобретал актуальное значение. Одной из важных характеристик современных международных отношений являлось то, что формирование новых организаций, союзов, альянсов зачастую происходило на

---

[60] Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1, с. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.

общей геоцивилизационной основе. Большинство таких проектов носило региональный характер[61].

Действительно, решающим фактором, определявшим контуры развития международных отношений и региональной безопасности на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональные внутриполитические процессы. Как было показано выше, в настоящее время степень конфликтогенности региона имеет ярко выраженную тенденцию к росту, что дестабилизирует систему международных отношений и затрудняет противодействия новому типу вызовов и угроз в регионе. Во многом это связано с отсутствием эффективных механизмов поддержания стабильности на Ближнем Востоке.

Процесс создания устойчивой и действенной системы международных отношений и региональной безопасности носил комплексный характер. Он был обусловлен группой внутренних и внешних факторов, которые были тесно связанны с геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и социокультурным многообразием и историческим наследием ближневосточных государств. Одним из важных факторов региональной безопасности являлась политика ближневосточных государств, императивом которой была борьба с угрозами внутреннего характера в интересах защиты правящего режима и персональной власти. В условиях эскалации напряженности такая политика вела к обострению отношений с соседними странами и провоцировала интервенционистские настроения со стороны более сильных государств. С учетом богатого конфликтного потенциала Ближнего Востока и особой роли армии в политике военные риски и угрозы играли первостепенную роль в вопросах обеспечении региональной безопасности.

Таким образом, рубеж XX-XXI столетий на Ближнем Востоке ознаменовался чередой острых конфликтов. Ближний Восток лидировал по количеству вооруженных столкновений и кризисов, став одним из центров угроз

---

[61] Киселев С. Г. Геоцивилизации, глобализация и регионализация// Век глобализации. 2024. № 4, с. 158–168. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.13.

международной безопасности. На самом деле, слом прежней системы международных отношений был неизбежно связан с нарастанием политической турбулентности и конфликтности. Немалую роль в этом играли США, которые стремились выстроить новый мировой порядок с максимальной для себя выгодой. Не случайно рост антиамериканизма является наиболее яркой приметой сегодняшнего дня[62].

В итоге процессы глобализации и регионализации оказали неоднозначное влияние на развитие современного ближневосточного политического процесса. С одной стороны, глобализация, несомненно, повлияла на развитие ближневосточных государств, ускорив их вхождение в общемировые политические процессы, обеспечив доступ к мировым торговым площадкам и приобщение к передовым информационным и технологическим достижениям Запада. С другой стороны, вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации происходила на фоне изменения геополитической ситуации в регионе. Она сопровождалась острой борьбой крупных социально-политических сил в процессе формирования новых контуров политических систем арабо-мусульманских стран Ближнего Востока. Тем более в заметном выигрыше от глобализации оказались политические движения ислама, чья приверженность демократическим ценностям Запада представлялась весьма спорной, но с точки зрения стирания национальных границ соответствовала концепции построения халифата.

С другой стороны, политическая слабость, экономическая неразвитость региональных стран, сохраняющаяся зависимость от внешнего фактора, их разобщенность и соперничество не позволили им на практике воплотить свою мечту о создании единого арабского государства. В отсутствие эффективных механизмов взаимодействия и структуры регионального масштаба, региональные альянсы отличались хрупкостью и недолговечностью. Эскалации напряженности в

---

[62] Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее: монография. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025, с. 480.

регионе ставила под вопрос возможности региональных государств самостоятельно решить острые проблемы Ближнего Востока.

Отмеченные выше тенденции в развитии политического процесса на Ближнем Востоке формировали основные параметры межгосударственных отношений, и приоритетные направления политики государств на Ближнем Востоке в исследуемый период времени.

Глава 2.
Факторы влияния в арабо-иранских отношениях в контексте развития национальных приоритетов политики ближневосточных государств

В данной главе наряду с исследованием вопросов общетеоретического и методологического характера, касающихся определения политических приоритетов национальных государств региона, дан анализ исторических явлений, которые наиболее рельефно отразили основные факторы влияния в становлении и развитии арабо-иранских отношений в условиях эволюции приоритетов внешней политики ближневосточных стран в последней трети XX - первой четверти XXI веков.

§ 1. Особенности формирования внешней политики и политических приоритетов ближневосточных государств: общетеоретические вопросы

В данном параграфе предпринята попытка выявить проблемные области теоретических и методологических подходов к оценке основ формирования внешней политики ближневосточных стран, которые заставляют по-новому взглянуть на процессы эволюции внешнеполитических приоритетов национальных государств, определенно повлиявших на характер арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке.

Формирование современной политики ближневосточных государств во многом определялось региональной политической конъектурой, которая отличалась перманентной нестабильностью, конфликтностью, гонкой вооружений и вмешательством мировых держав. С этой точки зрения, современные межгосударственные отношения на Ближнем Востоке характеризовались стремлением государств защитить свои национальные интересы путем увеличения

мощи и влияния, формирования различных альянсов. Многие ближневосточные государства не обладали достаточной военной силой, чтобы противостоять угрозам вторжения и территориальных захватов. В интересах сдерживания враждебной политики со стороны других государств или группы стран ряд ближневосточных государств пытались сохранить баланс сил, в то время как другие стремились к региональному лидерству. Такая политика нередко вела к обострению отношений с соседними странами и провоцировала межгосударственные конфликты[63].

Современная история ближневосточных стран свидетельствует, что приоритеты внутренней безопасности и внешней политики менялись вне зависимости друг от друга. Ближневосточные правящие режимы в равной степени сталкивались с угрозами подрыва власти как изнутри, так и извне. Ирано-иракская война (1980-1988) и агрессия США в Ирак (2003) в равной степени представляли угрозу, как для Ирака, так и для внутриполитической стабильности соседних государств. С другой стороны, внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства. Относительная слабость государства не всегда означала неспособность правящего режима к консолидации и проведению прагматичной внешней политики. Большинство арабских стран и Иран смогли преодолеть период внутренней нестабильности, реформировав систему управления, и показали способность к проведению независимой политики как ответ на внешние вызовы[64].

В Сирии, как и в других арабских странах с сильным правлением авторитарного типа, правящая элита смогла укрепить свою относительную самостоятельность в сфере внешней политики. В этом случае механизм принятия решений формировался на прагматичной основе. Для таких стран, как Иран, где правящая элита была не столь единой, была больше характерна политическая

---

[63] Мелкумян Е. С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. М.: ИВ РАН, 2023, с. 317; Ахмедов В. М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). М.: ИВ РАН, 2023, с. 374.

[64] Dawisha, Adeed. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy. In Adeed Dawisha and I. William Zartman(eds) Beyond Coercion: The Durability of the Arab State, London; Croom Helm, pp. 260-275; Арабаджян З.А. Иран: власть, реформы, революции (XIX-XX вв.). М.: Наука, 1991, с. 125.

модель бюрократического типа, которая предполагала учет интересов различных политических сил в принятии внешнеполитических решений[65].

В зависимости от особенностей развития политических систем и государственной идеологии внешняя политика этих стран определялась группой факторов. Выживаемость режимов в условиях региональной нестабильности предполагала проведение реалистичной политики на основе авторитарного правления и баланса интересов. В этом случае механизм принятия решений строился на основе баланса политических выгод и издержек соответственно общественным настроениям и идеологическим предпочтениям. Иными словами, государственная политика решала задачи, определенные рамками национальных интересов с учетом геополитической ситуации[66] .

Дипломатические отношения между Египтом и Ираном были установлены в 1939 году. Обе страны были монархиями. У них не было территориальных споров. В 1951 году иранский премьер М. Мосаддек посещал Египет и обсуждал со своим египетским коллегой Н. Пашой возможные пути внешнеполитической координации двух стран. После июльской 1952 года антимонархической революции в Египте ирано-египетские отношения не претерпели изменений. Некоторые мероприятия иранского премьера в области национализации и его теория неприсоединения были позитивно восприняты революционным египетским режимом. Поражение М. Моссадека в Иране после англо-американского госпереворота 1953 г. и установление режима личной власти в Египте Г.А. Насера, рост расхождений по вопросам региональной политики и международных отношений серьезно осложнили характер египетско-иранских отношений, и в конечном итоге привели к их разрыву[67].

---

[65]Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка. Политическая элита Ближнего востока. М.: ИИИиБВ, 2000, с. 18-25; Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. №1, 2016, с. 121-127.

[66] Garham, A. Essence of Decision; Explaining the Cuban Missile Crisis, Boston, Mass,: Little, Brown, 1971, p. 330.

[67] Bayat Assef and Bakhtiari Bahman. Revolutionary Iran and Egypt, pp. 305-327. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics. Ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002, p. 306.

Угрозы внешнего и внутреннего характера, борьба за власть фокусировали внимание властей на проблеме обеспечения внутренней безопасности, в ущерб проведению эффективной внешней политики. Внешняя политика, таким образом, решала задачи национального строительства и являлась, по сути, продолжением внутренней политики иными средствами. Большинство ближневосточных режимов, пришедших к власти после Второй мировой войны, проводили внешнюю политику под лозунгами борьбы с колониализмом и империализмом в интересах укрепления своей социальной опоры и извлечения экономических и политических преференций, что зачастую делало ее иррациональной и несбалансированной[68]. В основе выработки внешнеполитических решений лежало несколько поведенческих моделей. С этой точки зрения исследование внешнеполитических приоритетов ближневосточных стран можно провести в рамках различных теорий международных отношений. В российской и западной ориенталистике существовало несколько подходов к оценке внешней политики ближневосточных стран. Как было показано выше, одни исследователи были склонны рассматривать политику Сирии в рамках реалистической модели, считая, что президент Х. аль-Асад вел борьбу за Ближний Восток. Другие полагали, что сирийская политика определялась авторитарным и сектантским характером правящего режима, который стремился отвлечь общественное внимание от внутренних проблем[69]. На деле во времена Х. аль-Асада внешняя политика Сирии строилась, прежде всего, в контексте арабо-израильского противостояния и одновременно преследовала цель минимизировать зависимость развития внутренней политики от внешнего фактора. Х. аль-Асад был прагматиком, тонко чувствовавшим малейшие колебания политической обстановки в регионе и в мире в целом, и умел быстро и

---

[68] David, Steven R. Explaining Third World Alignement. World Politics, 43(2), 1991, pp. 233-256; Calvert, Peter. The Foreign Policy of New States, Sussex: Wheatsheaf Books, 1986, p.216;Goode Robert. State Building as a Determinant of Foreign Policy in the New States. In Laurence W. Martin (ed.) Neutralism and Non-Alignment. New York: Praeger, 1962. P. 250.

[69] Pipes, Daniel. Greater Syria: The History of an Ambitions. Oxford: Oxford University Press, 1990, pp. 115-193; Seal, Patrik. Asad: The Struggle for the Middle East, Berkely, Calif: University of California Press, 1988, p. 576.

своевременно реагировать на внешние вызовы[70]. Внешняя политика Египта при Г.А. Насере строилась, исходя из соображений особой роли Египта в регионе и с учетом внутриполитической динамики. На внешнюю политику Египта накладывало отпечаток экономическое положение страны. В этой связи Египет стремился к хорошим отношениям с монархиями Персидского залива. Философия внешней политики Г.А. Насера строилась на основе концепции трех кругов – арабского, африканского и исламского, в центре которых находился Египет. Египет был призван играть главную роль и обеспечивать безопасность арабских стран. В этой связи Иран, который находился на окраине Арабского мира с преимущественно шиитским населением, не вписывался в эту концепцию. В то же время Иран соседствовал с Ираком и арабскими монархиями Персидского залива и таким образом мог влиять на баланс сил в регионе в пользу соперников Египта. К тому же насеровские концепции арабизма и национализма содержали антииранские элементы[71].

Анализируя внешнюю политику ИРИ, ряд исследователей делали упор на идеологию как драйвер политики экспорта исламской революции и укрепления власти внутри страны. Другая точка зрения исходила из того, что внешняя политика ИРИ была продиктована государственными интересами и носила прагматичный характер[72]. Некоторые ученые рассматривали внешнюю политику Ирана через призму экспансионистских устремлений, гегемонистских настроений и имперских амбиций вне зависимости от господствующей идеологии. Эти же исследователи изучали внешнюю политику Саудовской Аравии с точки зрения хронической озабоченности королевства своей безопасностью. Анализ внешней политики королевства, начиная с 1950 гг., показал, что она определялась в равной

---

[70]Ахмедов В.М. Современная Сирии. История, политика, экономика. Российская акад. наук, Институт востоковедения. (2-е изд., перераб. и доп.) М., 2010, с. 145 (всего 236 с.).

[71] Bayat A and Bakhtiari B. Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics. Ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002, pp. 306-308.

[72] Dawisha,A. Saudi Arabia's Search for Security. Adelphi Paper no. 158, London: International Institute for Strategic Studies, May 2008, p. 1-4; Judith Perera, "Together Against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia, Rivals for Super-power Role", The Middle East Magazine, number 43, May 1978, pp. 16-25.

мере чувством безопасности и экспансии. Иран больше, чем Саудовская Аравия, подвергался угрозам со стороны СССР, Великобритании и враждебно настроенных арабских стран, типа Ирака[73]. На деле внешняя политика арабских государств и Ирана гораздо чаще определялась национальными интересами, нежели характером правящего режима и внутриполитическими конфликтами.

Как упоминалось выше, взаимодействие региональных государств можно изучать в рамках системного подхода и анализа факторов, влиявших на возможности их политического выбора[74]. Использование такого метода оправдано, когда речь идет о зависимых и слабых государствах, поскольку сложившаяся на Ближнем Востоке современная система международных отношений отличалась значительным неравенством. В результате большинству стран приходилось выстраивать отношения зависимости от крупных региональных и мировых держав, что подрывало их возможности действовать самостоятельно. Легитимация власти в странах, испытывавших иностранное давление, нередко принимала формы антиимпериалистической борьбы. Нередко власти преувеличивали внешние угрозы, чтобы отвлечь внимание от внутренних проблем. Внешняя политика становилась заложницей внутриэлитного соперничества. Для понимания внешней политики ближневосточных государств под давлением внешних факторов необходимо изучить внешние и внутренние условия ее формирования и развития, определить роль военно-политических элит в механизме принятия решений.

Все малые арабские монархии Персидского залива отличались незначительной численностью коренного населения. В своей экономической деятельности и даже в вопросах безопасности они опирались на иностранных рабочих и служащих. Несмотря на их богатства, опора, на иностранную рабочую силу формировала факторы незащищенности и потенциальной угрозы их безопасности. Территориальные и демографические особенности малых монархий

---

[73] Dawisha,A. Saudi Arabia’s Search for Security. Adelphi Paper no. 158, London: International Institute for Strategic Studies, May 2008, p. 1-4; Judith Perera, “Together Against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia, Rivals for Super-power Role”, The Middle East Magazine, number 43, May 1978, pp. 16–25.

[74] Kenneth, W. Theory of International Politics. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company, 1979, p. 74.

залива затрудняли создание сильных армий, несмотря на закупки самого современного вооружения. Политика этих государств имела характеристики малых стран, соседствующих с крупными государствами. Они нуждались в присутствии и защите внешних сил, чтобы сдерживать амбиции крупных и сильных соседей. Неизбежным следствием географических и демографических различий между этими странами и их более крупными соседями становилось столкновение их понимания природы угроз национальной безопасности, а также политика вне региональных государств и отношения с ними. В отличие от стран Арабского Востока, правящая элита арабских монархий Персидского залива никогда не была национально ориентированной. Большинство арабских монархий Персидского залива не прошло путь борьбы за национальную независимость и предпочитало доверять свою безопасность Западу. Их правящий класс опасался не столько Ирана, сколько арабского национального движения[75]. Межгосударственные отношения можно также изучать в рамках конструктивистского подхода. В этом случае необходимо акцентировать внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, политического дискурса, в определении поведенческого стереотипа исследуемых государств. Согласно указанному подходу, идентичность и идеология определяли средства, с помощью которых государства осознавали свои политические интересы и вырабатывали параметры национальной безопасности. Внешняя политика рассматривается в тесной связи с социокультурной средой ближневосточного социума. В то же время, категории культуры и идентичности сами по себе не могли служить определяющими факторами межгосударственных отношений.

Так, религиозная общность части населения Ирака и Ирана не оказывала исключительно положительного воздействия на характер ирано-иракских отношений, а в ряде случаев служила одним из аспектов соперничества двух стран. Несмотря на то, что многие иракские арабы приняли шиизм, этнические и культурные различия вели к соперничеству между двумя странами. Большинство

[75] Ingo Forstenlechner and Emilie Jane Rutledge. The GCC's Demographic Imbalance: Perceptions, Realities and Policy Options. Middle East Policy 13. No. 4, winter 2017, pp. 25-43.

представителей иракской правящей элиты, несмотря на свою приверженность шиизму, оставались, прежде всего, арабскими националистами, когда речь заходила о спорных вопросах судоходства по Шатт эль-Араб. Некоторое сближение Ирака и Ирана после падения режима С. Хусейна произошло в основном в результате реакции иракских властей на рост суннитского сопротивления Ирака и других арабских стран, а не религиозной общности части населения двух стран[76]. В то же время наличие шиитских общин в Ираке на каком-то этапе облегчило Ирану создание шиитских милиционных формирований в этой арабской стране. Шиитские общины Ливана сыграли особую роль в появлении «Хезболлы» в Ливане в июне 1982 года. Большинство ливанских шиитов идентифицировали себя не столько с Дамаском, сколько с Неджефом, Кербелой (Ирак) и Кумом (Иран). Воспользовавшись израильской оккупацией юга Ливана и войной 1982 г., Иран через территорию Сирии направил в страну около 3 тысяч бойцов из элитных подразделений Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В их задачу входило оказание поддержки шиитскому движению в Ливане[77]. С другой стороны, следуя исключительно указанному подходу, вряд ли удалось бы выявить в полной мере различия в отношениях Ирана и Турции с отдельными арабскими странами.

История арабо-турецких отношений насчитывала несколько столетий и характеризовалась в целом настороженностью, а в некоторых случаях даже враждебностью. Арабским народам было не просто забыть четыре века господства Османской империи. Турция же затаила обиду на арабские страны, которые сражались против Порты на стороне Англии и Франции во время Первой мировой войны. В результате американской оккупации Ирака в 2003 году региональный

[76]Tim Arango. Iran Dominates Iraq after the U.S. Handed the Country Over. New York Times, July 15,2017. https://www.nytimes.com/2017/07/15/world/middleeast/iran-iraq-iranian-power.html. p. 1-14 (accessed: 14.09.2025).

[77]Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // «Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции». М.: МГУ им. Ломоносова. 21.03.2002.

баланс сил изменился. Это заставило ряд арабских стран и Турцию пересмотреть прежние отношения.

Несмотря на положительные сдвиги в сирийско-турецких отношениях после прихода к власти в САР Б. аль-Асада в июне 2000 года арабо-турецкое историческое наследие и различия в стратегических интересах затрудняли сближение Дамаска и Анкары. Сирия не могла забыть, что Франция передала Турции часть сирийской территории – Александреттский санджак (Искендерун), – и по-прежнему считала эти земли своими. В Сирии действовала общественная организация, созданная в 1970 г. «За освобождение Искендеруна». Помимо территориального спора, между двумя странами остро стоял вопрос о распределении водных ресурсов. Проблема, связанная с распределением вод этих рек между Сирией и Турцией, представляла важный фактор, влиявший на отношения двух стран. Турецкие плотины общим объемом 48,5 млрд $м^3$ значительно уменьшали количество воды, поступавшее в Сирию. Несмотря на то, что водная проблема неоднократно рассматривалась в ходе двусторонних переговоров, она продолжала сохранять структурный характер между двумя странами. Общей для Дамаска и Анкары проблемой, которая особенно обострилась после иракской войны, являлся курдский вопрос. Проблематичный в целом характер отношений между двумя странами по курдскому вопросу господствовал со времени обретения Сирией независимости. Поддержка Сирией Рабочей партии Курдистана (РПК), которая считалась в Турции террористической организацией, вызывала неоднократные протесты со стороны турецкого руководства. В результате состоявшихся в сентябре 1998 г. в пограничном поселении Адана сирийско-турецких переговоров Сирия прекратила оказывать поддержку РПК и выдворила ее лидера А. Оджалана за пределы своей территории. В то же время, в результате аданских переговоров Дамаск утратил контроль над частью своей территории в пользу Турции, что в условиях сирийского кризиса привело к осложнению сирийско-турецких отношений и краху режима аль-Асада[78].

[78] Ахмедов В. Сирия-Турция. Противостояние. Азия и Африка сегодня. 2000. № 1, с. 12.

Значительно большее влияние на формирование характера региональной политики оказывали политические системы и идеологические установки государства. Такой подход предполагал изучение внутренних категорий, определявших внешнюю политику государств, и включал анализ географии, исторического опыта, демографии и ресурсной базы. При этом изучение идейных концептов и практик внешнеполитических инициатив было основано на принципах историзма и системности.

Как уже отмечалось, оценка международных отношений с позиций теорий политического реализма и неореализма с упором на изучение системы власти и безопасности была способна дать адекватное объяснение их динамике. Подобный подход предполагал использование критически переосмысленных понятий, таких как «баланс сил», «мощь государства», «национальные интересы», «хаос, анархия», «ограничительные условия». В качестве критериев анализа внешней политики Г. Моргентау выделял единство государства и его рациональность. К. Уолтц считал, что международная система анархии являлась важным фактором влияния в государственной политике[79]. Такой подход объяснял многие аспекты развития межгосударственных отношений, поскольку ближневосточные государства всегда заботились о сохранении баланса сил, будучи обеспокоенны возможностью начала масштабного конфликта.

Однако в условиях Ближнего Востока реалистичный подход в чистом виде был практически неприменим. С одной стороны, в условиях конфликтогенного характера развития Ближнего Востока выживание государства предполагало использование рациональной модели поведения, которая определялась стратегическим балансированием. В рамках такой модели внешняя политика должна была бы определяться геополитической обстановкой и решать сугубо прагматические задачи, далекие от идеологических и революционных установок. С другой – в условиях относительной слабости государств их внешняя политика нередко становилась заложницей внутриполитической борьбы за власть. Многие

[79] Morgenthau, H., Thompson, K. and Clinton, D. Politics among Nations. New York: McGraw-Hill Education, 2005. 752 p.

ближневосточные режимы испытывали недостаток легитимности, страдали от отсутствия сильных государственных институтов и массовой общественной поддержки. Поэтому они были больше озабочены сохранением собственной власти, нежели проведением эффективной внешней политики.

Характерным примером могут служить военные перевороты в Сирии конца 1940 – начала 1950 годов. Военный переворот 31 марта 1949 года возглавил начальник генерального штаба сирийской армии Х. аль-Заим. Он отказался от союза с Ираком и Трансиорданией. Переориентация внешней политики вызвала правительственный кризис. В августе 1949 г. в стране был осуществлен новый военный переворот во главе с полковником С. Хинауи, который приступил к объединению Сирии и Ирака. Армия выступила против планов объединения. Военные считали, что это могло привести к ликвидации в Сирии республиканского строя. В декабре 1949 года армейские офицеры во главе с полковником А. Шишекли организовали новый военный переворот. После прихода к власти А. Шишекли укрепил связи с Западом, предоставил американским и французским монополиям широкие возможности для проникновения в сирийскую экономику. В конце 1953 г. в Сирии развернулись широкие антиправительственные демонстрации, в ходе которых режим А. Шишекли потерпел крах[80].

Личностные особенности и идеологические ценности лидера оказывали большое влияние на внешнюю политику страны. Вне зависимости от различных политических сил и их интересов наиболее сильное влияние на принятие тех или иных внешнеполитических решений оказывало высшее руководство страны. В государствах с сильной авторитарной властью идеология лидера значительно больше влияла на политику, чем в странах с институализированными режимами.

Ценностные ориентиры лидера мотивировались социальным происхождением. Так, радикальные националистические взгляды, как правило, были характерны для выходцев из зажиточных семей сельских, периферийных районов и образованной части общества. В Сирии за годы правления Х. аль-Асада

---

[80] Be’eri,E. The Waning of the Military in Coup Politics. Middle Eastern Studies. Vol. 18, no. 3, January 1982, p. 60, 69-81.

(1973-2000) была создана авторитарная система правления и сильное с точки зрения внутренней безопасности государство. Режим Х. аль-Асада был персонифицирован до такой степени, что Сирия стала называться «Сирией Асада», о чем гласили многочисленные лозунги и плакаты на улицах сирийских городов. Контроль Х. аль-Асада над системой частично обеспечивался за счет использования патронажной общественно-политической сети, базировавшейся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях. Устойчивость власти в САР базировалась на следующих основных опорах: алавитская община и семейный клан аль-Асадов, ПАСВ, армия и спецслужбы, государственный бюрократический аппарат и новая национальная буржуазия. Они обладали надежными каналами управления государством, были способны защитить режим в случае необходимости и обеспечивали в целом мирное сосуществование правящих элит. Отличительной особенностью режима Х. аль-Асада являлась хрупкость возведенной им властной конструкции. Поэтому реальная опасность для власти заключалась не столько во внешних врагах, сколько в нарушении целостности созданной Х. аль-Асадом конструкции[81].

Враждебное внешнее окружение также оказывало большое влияние на принятие внешнеполитических решений. Лидеры региональных государств, подвергавшихся сильному внешнему влиянию, были склонны проводить политику игры с нулевой суммой и стратегию консолидации власти перед лицом внешней угрозы[82]. В таких странах степень рациональности внешней политики во многом зависела от степени независимости лидера от общественного мнения и его опыта. Обычно руководители радикальных режимов с плохо консолидированной властью испытывали недостаток подобного опыта. Взгляды и предпочтения лидеров таких стран во внешней политике во многом формировались под влиянием исторического опыта и геостратегического положения страны. В то же время

---

[81] Ахмедов В.М Политический облик режима. Азия и Африка сегодня. 1999. № 8, с. 9.

[82] McGowan, Patrick and Shapiro, Howard. The Comparative Study of Foreign Policy: A survey of Scientific Findings, Beverly Hills, Calif. and London: Sage Publications, 1973, pp. 53-58.

влияние главы режима на политику было ограничено такими факторами, как история и география[83].

Политика региональных государств зависела от избранной модели государственного устройства, которая, в свою очередь, определялась господствующей идеологией и балансом интересов политических сил. В Сирии, где национализм обеспечивал легитимность власти, внутриполитическая стабильность в значительной мере зависела от националистически ориентированной внешней политики. В отличие от светского режима САР, в ИРИ политика содержала сильный компонент исламских ценностей и религиозных догматов. При этом консолидация правящего режима вовсе не гарантировала независимость внешней политики от внутренних проблем. Сохранение долговременной стабильности предполагало соответствие внешнеполитического курса базовым национальным установкам, которые служили легитимации власти. В Сирии это была светская идеология «баасизма», обслуживавшая интересы правящего алавитского меньшинства. В ИРИ носителями господствующей идеологии выступало духовенство, которое занимало лидирующие позиции в руководстве страной[84].

Политика альянсов оказывала большое влияние на характер межгосударственных отношений на Ближнем Востоке. Такая политика была продиктована повышенной конфликтностью и нестабильностью в регионе. Невысокий уровень институанализции норм и правил межгосударственных отношений вел к подрыву безопасности, милитаризации и росту насилия. В этих условиях политика альянсов и баланса становилась критичной с точки зрения безопасности государства. В последние годы в западной политологии появилось несколько научных трудов, посвященных политике альянсов, в том числе на

---

[83]Ramazani R. K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013, 400 p.; Maoz, Moshe. Hafiz al-Assad:A Political Profile. Jerusalem Quarterly, 8, pp. 16-31.

[84]Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. №. 4. 2018, с. 169–189. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189; Seal, Patrik. Asad: The Struggle for the Middle East, Berkely, Calif: University of California Press, 1988, p. 576.

Ближнем Востоке[85]. С точки зрения реалистичного подхода политика альянсов мотивировалась необходимостью баланса, в то время как такие внутриполитические доминанты государства, как идеология и политическая система, не отвечали задачам внешней политики.

В 1955 г. США инициировали создание «Багдадского пакта» (Иран, Ирак, Турция Пакистан Великобритания). Задачей пакта было сдерживать советскую «экспансию» в регионе и сохранять позиции Запада и союзных ему режимов. Президент Египта Г.А. Насер считал, что пакт направлен против Египта и его региональной политики. Г. А. Насер не видел угрозы в присутствии СССР на Ближнем Востоке. Со своей стороны, шахский Иран рассматривал СССР как одну из потенциальных угроз своей территориальной целостности, особенно после событий в Южном Азербайджане и Курдистане в 1940 годах. Тегеран был озабочен внутренней безопасностью, и ему было сложно понять враждебное отношение Египта к Западу[86].

С геополитической точки зрения соседние государства могли являться как соперниками, так и союзниками в достижении баланса и предотвращении угроз. Создание альянсов могло определяться более сложным явлением, чем просто балансирование политических систем. Межгосударственные союзы создавались в интересах ограничения избыточной ассиметричной зависимости. Внутренняя политика рассматривалась как фактор влияния в процессе взаимодействия внутрисистемных особенностей и внешней политики государства, когда системные и геополитические соображения давали партнерам возможность выбора, учитывали мнение элит.

Июльская революция 1958 г. в Ираке коренным образом изменила внутриполитическую ситуацию в стране и ее внешнюю политику. В иракском

---

[85] Snyder,G. The Security Dilemma in Alliance Politics.World Politics,1984, 36, pp. 461-495; Ynvi, Avner. Alliance Politics in the Middle East: A Security Dilemma Perspective.p.1-20 In Auriel Braun (ed). The Middle East in Global Strategy. Boulder.Colo,:Westview Press and Mansell Publishing, 1987. P. 274.

[86] Shama, N. lEgyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest. London: Routledge, 2013, pp. 115.

политическом руководстве соперничали различные точки зрения в отношении места Ирака в межарабских отношениях. Лидер революции А. К. Касем был скорее иракским националистом и не спешил присоединяться к союзу Сирии и Египта в лице ОАР. Его ближайший соратник А. С. Ареф придерживался панарбских взглядов и разделял идеологические установки Г.А. Насера на арабское единство. В целом, Ирак и его политическое руководство были настроены антизападнически и стремились установить близкие связи с СССР[87].

С этой точки зрения, страны, где внутренняя политика была подвержена частым изменениям, отличались нестабильностью. В этой связи многие альянсы на Ближнем Востоке были крайне нестабильны. Несмотря на определенную схожесть, федерации, союзы, соглашения о сотрудничестве постоянно рушились и вновь создавались. Партнеры не доверяли друг другу и предпочитали кратковременные союзы долговременным отношениям. Согласно другой точке зрения, устойчивость альянсов детерминировалась нуждой партнеров друг в друге, равноценностью стратегических выгод от союза, партнеры имели общего противника и опыт взаимного доверия. Сирийско-иранский альянс давал тому убедительные примеры.

Союз между персидской исламской теократией и арабской светской республикой рассматривался многими как нетипичный политический альянс (или мезальянс) на Ближнем Востоке. Однако сирийский арабский националист Х. аль-Асад и духовный лидер иранских шиитов А. Хомейни (как и его преемник А. Хаменеи) разделяли общие политические взгляды, которые в условиях тогдашней региональной конъектуры брали верх над их идеологическими предпочтениями. В то же время религиозная схожесть сирийской и иранской элит сыграли важную роль в развитии этого нетипичного альянса. Как ведущая шиитская держава, Иран способствовал легитимаций правящей алавитской верхушки в доминирующем суннитском окружении и оградил алавитское меньшинство Сирии от нападок со стороны влиятельных религиозных оппонентов. Несмотря на то, что, в отличие от других союзов, сирийско-иранский альянс успешно просуществовал более 50 лет,

[87] Chubin and Zabih. The Foreign Relations of Iran, 1974, pp. 172-173; Charles Tripp. A History of Iraq. Cambridge: Cambrige University Press, 2000, p. 153.

он рухнул в условиях войны в Газе и смены власти в САР[88]. Таким образом, если системные региональные факторы оказывали подчас разрушительное влияние на ближневосточные альянсы, то прагматизм и опыт лидеров были способны его преодолевать.

В результате проведенного исследования на конкретных примерах были выявлены основные алгоритмы политики региональных государств, которые оказывали непосредственное влияние на формирование и развитие арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Было установлено, что исторически сложившееся региональное соперничество наряду с различиями религиозного, этнического и культурного порядка влияли на выбор приоритетов национальной политики и безопасности ближневосточных государств. Характер отношений между странами Ближнего Востока во многом зависел от эволюции внутренних процессов в них, особенностей формирования и развития политических систем, институтов государства, природы правящих элит, конфессионального и этнического состава местного социума. Немаловажное значение в этом плане имели идеологические установки, демографические показатели, географические параметры, специфика ресурсной базы и исторический опыт взаимодействия ближневосточных государств. Наряду с этим, нельзя не учитывать роль внешнего фактора и политики мировых держав на Ближнем Востоке, которые во многом определяли характер арабо-иранских отношений в течение нескольких последних десятилетий[89].

§ 2. Факторы влияния в становлении и развитии современных арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке

В параграфе втором сделан акцент на выявлении доминант в формировании и развитии современных арабо-иранских отношений. Определены причины

---

[88] Akhmedov V. M. Al-Assad’s Fall and the End of Syrian-Iran Alliance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2025. Т. 17. Вып. 3, с. 373–383. EDN SHJBCG.

[89] Ахмедов В.М. Роль религиозно-языковых традиций в арабо-иранских отношениях. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1 (19). С. 42-49.

разногласий между арабскими странами и Ираном. Дана оценка фактора предопределенности их враждебности. Выявлены условий их нормализации. Особое внимание уделено исследованию таких факторов, как арабо-иранское историческое наследие, роль националмза в процессе строительства независимых стран и их модернизации, межарабских разногласий, фактор Израиля, культурно-религиозных различий и общностей.

Арабо-иранские отношения отличались комплексностью и динамичностью и во многом детерминировали параметры современных международных отношений на Ближнем Востоке. Исторически сложившееся арабо-иранское соперничество наряду с различиями религиозного, этнического и культурного порядка оказали определенное влияние на сегодняшнюю политику Ирана в арабских странах, процессы арабо-иранского политического взаимодействия, весь комплекс международных конфликтов на Ближнем Востоке. В этой связи, исследование факторов, определявших характер современных арабо-иранских отношений, и изучение причин арабо-иранских разногласий приобретает сегодня особую значимость.

Характер арабо-иранских отношений определялся группой факторов и во многом зависел от эволюции внутренних процессов в этих странах, особенностей формирования и развития политических систем, институтов государства, природы правящих элит, конфессионального и этнического состава местного социума. Немаловажное значение в этом плане имели идеологические установки, демографические показатели, географические параметры, специфика ресурсной базы и исторический опыт взаимодействия Ирана и арабов. Наряду с этим нельзя не учитывать роль внешнего фактора и политики мировых держав на Ближнем Востоке, которые во многом определяли характер арабо-иранских отношений в течение нескольких последних десятилетий.

Историческое наследие арабо-иранских отношений основывалось на более чем трех тысячелетней истории арабо-персидского взаимодействия и определялось рядом основных параметров. К их числу можно отнести региональное соперничеством между династией Сасанидов и Византией (во II-VI веках н.э.),

арабизацию и исламизацию Ирана в ходе арабских завоеваний (642 г. н.э.) и колониальное соперничество Османской Порты и Персидской империи (15-16 вв.).

До арабских завоеваний двусторонние связи персов и арабов в основном носили нейтральный либо дружественный характер. В этот период этнические и конфессиональные различия практически не оказывали влияния на формирование двусторонних отношений. В ряде случаев арабы успешно сотрудничали с различными персидскими империями. Персидские походы против арабов преследовали в основном цель изгнать вторгшиеся на их территорию арабские племена, расширить свое влияние вглубь Аравии и пресечь возможность объединения арабских племен и Византии против Персидской империи. Сложившиеся в этот период параметры ирано-арабского взаимодействия дошли в более сложных формах и до наших дней[90].

Появление ислама в Аравии и арабские завоевания коренным образом изменили ситуацию в арабо-иранских отношениях. Исламизация и арабизация Ирана привели к серьезной трансформации иранской культуры и национального самосознания. В силу социально-ориентированного характера ислама, который своими установлениями регламентировал всю жизнь человека и общества, жизнь иранцев претерпела серьезные изменения. Поскольку Коран был написан по-арабски, наряду с исламизацией неизбежно следовала арабизация завоеванных народов.

Произошедшие в Иране изменения привели к цивилизационному разрыву в развитии иранского общества, его культуре и самоидентификации населения. В общественном сознании появился определенный элемент дуализма, связанный с трансформацией доисламской культурной традиции персов. В политическом плане подобная дихотомия сказалась на арабской политике Тегерана и его взаимоотношениях с арабскими странами. Глубокая вовлеченность Ирана в арабскую политику и его подчас избыточная поддержка палестинской проблемы являлись отражением влияния ислама на самоидентификацию иранского общества

---

[90] Abdul Aziz Ad Duri. Arab-Iranian Relations: Historical Background., pp.3-18. In Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb. Center for Arab Unity Studies. Beirut, Lebanon. 1998, p. 556.

после исламской революции 1979 года. С другой стороны, многие иранцы до сих пор продолжают испытывать горечь своего поражения. Тем более что империя Сасанидов была куда более развитой во всех отношениях, нежели Аравия времен появления ислама [91] . Таким образом, формировался комплекс исторической травмы, который периодически прорывался в ходе народных волнений населения. Когда претензии к социально-экономической политике правительства мотивировались слишком большими расходами на поддержку арабских сил Исламского Сопротивления (ИС) в ущерб решению острых социальных нужд иранцев. В то же время арабские страны не проявляли особой солидарности с ИРИ в его борьбе с Израилем и США на Ближнем Востоке. Не все иранцы однозначно оценивали итоги исламизации и арабизации Ирана. Националистически настроенная и светски ориентированная часть иранского социума действительно сожалела о случившемся. В то время как значительная часть иранского духовенства приветствовала арабские завоевания, которые принесли ислам в Иран. Последствия арабизации Ирана особенно заметно сказались после исламской революции 1979 г., которая породила в иранском социуме острые споры об арабизации и исламизации страны[92].

С распространением шиизма в Иране этнические и культурные противоречия между арабами и иранцами усилились. Шиизм утвердился в качестве господствующей религии в Иране после прихода к власти династии Сефевидов в 1501 году. В результате превращения Ирана в альтернативный центр ислама соперничество между иранцами и арабами только усилилось. Стремление Ирана играть важную роль в исламском мире, оставаясь при этом независимым и самостоятельным в религиозном отношении государством, не могло не раздражать арабов, которые городились своей уникальной ролью в исламе. Постепенно такие понятия, как «арабизм» и «иранизм», шиизм и суннизм, приобрели

[91]Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. Al Arabiya News. September 9, 2011. https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927.html (accessed: 02.01.2020).
[92]Al Bashir M.W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. Kan Historical Periodicals 33.2017. [In Arabic] https://platform.almanhal.com/Files/2/109110 (accessed: 09.11.2019).

антагонистический характер. Развитие шиизма в Иране привело к тому, что в спектре взаимодействия Ирана с арабами и турками появился новый оттенок в виде конфессионального соперничества[93]. В условиях современных международных отношений на Ближнем Востоке оно имплементировалось в виде острых суннито-шиитских разногласий.

Наряду с конфессиональными, этническими и культурными факторами, существовали другие обстоятельства, которые определяли характер арабо-иранских отношений в последние десятилетия. Колониальное наследие арабских соседей Ирана и соперничество Османской Порты и Персидской Империи и сегодня отягощает арабо-иранские отношения. Одним из негативных последствий колониального прошлого являлись нерешенные территориальные споры между Ираном и арабскими странами. Это касалось иранской провинции Хузистан, проблемы Шатт эль-Араб, трех островов в Персидском заливе, статуса Бахрейна, который Иран под давлением Великобритании был вынужден уступить арабам.

Национализм, процессы модернизации и реформ, которые начались в государствах Ближнего Востока в конце XVIII века, оказали заметное влияние на развитие арабо-иранских отношений. Колониальные захваты и их последствия коренным образом изменили мировоззрение мусульман в Иране и арабских странах. Рост национализма как сопутствующего продукта развития процесса модернизации в арабских странах и Иране, способствовал углублению их национального и культурного соперничества и усиливал напряженность в двусторонних отношениях. Превращение национализма в инструмент политики усилил традиционные этнические и религиозные различия в отношении между арабами и Ираном[94]. В 1920-1950 годах в Иране стал развиваться партикулярный

---

[93] Заходер, Борис Николаевич (1898-1960). История восточного средневековья [Текст] : (Халифат и Ближний Восток) / Проф. Б. Н. Заходер ; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М,: МГУ, 1944. 152 с.

[94]Кулагина Л.М. Иран во второй половине XIX - начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII - начало XX в. Книга 2. М.: ИВ РАН, 2005, с. 70-83.

национализм. Ряд иранских мыслителей ставили вопрос о панираниз ме[95]. В этот период иранский национализм ассоциируется с борьбой Моссадека за национализацию нефти, что было общенациональной задачей, задачей противостояния с монопольным господством в нефтяной отрасли Великобритании. В результате свержения Моссадека был создан МНК, то есть альянс крупнейших мировых компаний.

Несмотря на то, что современные модели арабского и иранского национализма имели много общего и национализм рассматривался, прежде всего, как защитный механизм, его защитная функция достаточно быстро стала дополняться экспансионистской составляющей. Это касалось, прежде всего, панарабизма и пантюркизма. Обе теории были ориентированы на возврат своих национальных меньшинств, нашедших пристанище в других странах, под единую национально-государственную крышу под предлогом объединения арабских или турецких земель[96]. Иранский национализм был направлен против растущего арабского и турецкого экспансионизма, претендовавшего на часть территории Ирана. В отличие от арабских стран, где панарабизм в форме баасизма или насеризма стал государственной идеологией, панираниз м не получил развития в Иране. Центральной установкой иранского национализма была концепция «иранских земель» (Иран замин). Она носила земляческий характер и отличалась культурными канотациями. Появление этой концепции было связано с долгой историей существования Ирана как единого национального государства. Другим немаловажным обстоятельством служила уникальность иранского языка и нации. Педалирование персидского характера иранского национализма могло оттолкнуть от власти национальные меньшинства. Поэтому режим делал упор на «иранизм» как основу единой иранской нации. Сасанидская концепция «Eranshahr» (Iran=Eran) означала единство земли и империи. Оборонительный характер иранского национализма проявился в том, что во время правления Реза Шаха,

---

[95] Федорова И.Е. Элементы панираниз ма во внешней политике Ирана. Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2015. No. 9, 437-442.

[96] George Antonius. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. Safety Harbor, FI.:Simon Publications, 2001, p. 490.

первого шаха из династии Пехлеви (1926-1941), Иран не выступал с территориальным притязаниями в отношении своих соседей, где проживало ирано-язычное население, включая Герат, который до 1856 г. входил в состав Ирана. Исключением являлись спорные острова в Персидском заливе. Остров Абу Муса в административном управлении разделен между эмиратом Шарджа и Ираном. Таким образом, иранский национализм решал задачи сохранения территориальных границ, позиций Ирана в Персидском заливе[97]. В практическом плане иранский национализм использовался как основа для развития политических, экономических и культурных реформ. Подъем национализма в Иране и иранские усилия по защите своих интересов в регионе множили негативный имидж иранцев в глазах арабов. Неутихающие споры вокруг названия Персидского залива служили иллюстрацией к арабо-иранским разногласиям в культурной и исторической сфере. Они быстро перерастали в политические конфликты. Процесс создания национальных государств в арабских странах и Иране нередко вызывал рост этноцентрического национализма. Это усиливало напряженность в двусторонних отношениях. Несмотря на восприятие европейских идей национализма, процессы строительства государства-нации сопровождались в арабском общественном сознании появлением понятий «чужой», «враждебный», которые помогали укреплять национальное единство. Во многом это было связано с отсутствием собственного длительного опыта и богатой культуры государственного строительства в ряде независимых арабских стран, долгое время находившихся в кабальной зависимости от Османской Порты и европейских колонизаторов. Неудивительно, что для ряда арабских стран Арабского Востока (Машрика. – *А. В.)*, прежде всего, Ирака таким «чужим» становился соседний Иран. Это неизбежно вело к ухудшению двусторонних отношений.

Различия в иранском и арабском национальных движениях были отчасти связаны с исламом и духовенством. Иранское духовенство активно противостояло распространению национализма в Иране. Духовенство обвиняло националистов в

---

[97] Amanat A.and Vejdani.F. Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective. New York: Palgrave. McMillan, 2012, p. 176.

увлечении европейскими идеями модернизации и опасалось, что националисты хотят изменить иранское общество и государство по европейским образцам. В Иране правящий режим и духовенство рассматривали Иран как культурный и исторический конструкт шиитского толка ислама, соперничавшего с ортодоксальным исламом. Такой подход в корне отличался от практик арабского национального движения, в котором левые и социалисты стали ярыми сторонниками панарабизма. В арабских странах и Турции ислам и этнический национализм усиливали друг друга. Ислам служил объединительным целям национализма, а национализм помогал решать задачи панисламизма. В Иране же существовала дихотомия между национализмом и исламом. Она придавала иранской внешней политике двойственный и противоречивый характер [98] . Шиитский партикуляризм также усиливал недоверие арабов к Ирану. Большинство арабских стран скептически относились к Ирану с точки зрения его претензий на «исламскую миссию». Арабские клерикалы испытывали подозрения в отношении иранского национализма и опасались его политических амбиций. Ирано-иракская война и арабские нападки на Иран усиливали позиции иранских националистов. Некоторая «ограниченность» исламской идеологии в плане развития новых институтов государства и реформирования старых вынуждала иранские власти терпимее относиться к национализму как более гибкому инструменту реформ.

С приходом к власти президента М. Ахмединежада (2005-2013) развитие иранского национализма получило новый импульс. Президент ИРИ и его сторонники придерживались точки зрения, что Иран не только территориальный и этнический конструкт, но и культурный и духовный феномен древней цивилизации. Действительно, Иран задолго до ислама представлял великую цивилизацию. Эти взгляды оставили отпечаток в иранском социуме и сформировали общественный запрос на развитие иранизма, национализма как основы иранской идентичности и альтернативы радикальному исламизму. Таким образом, сохранялась возможность возрождения национализма как основы новой

[98] Hunter, S. T. Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014, p.272.

политической идеологии. Сегодняшний Иран остро нуждается в развитии подобных идей, чтобы улучшить отношения с арабскими странами и договориться с Западом по ядерной проблеме. А также пересмотреть свою политику на Ближнем Востоке на основе новой идеологии. В целом, процессы модернизации и развития национального движения в освободившихся государствах Ближнего Востока оказали негативное воздействие на развитие арабо-иранских отношений. Традиционные различия в этническом и религиозном отношениях в условиях модернизации превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства.

После двух мировых войн религия как основной идеологический инструмент манипуляции массами в арабских странах Ближнего Востока стала уступать место национализму, к которому добавились светские идеи социализма и коммунизма. В Иране идеи социализма и коммунизма не пользовались популярностью в силу того, что большинство их адептов были представителями этнических меньшинств[99]. К тому же, новые идеи национализма, либерализма, социализма, строительства нации-государства вызвали социальные волнения в Иране и арабских странах. Волна революций (в основном в виде военных переворотов – *А. В.)*, в первую очередь, накрыла арабские страны в 1960-1970 гг., серьезно осложнив отношения Ирана с такими странами, как Египет, Сирия, Ирак, Ливия. Во главе арабских революций стояли националистические и радикальные силы. Временная разница революционных движений в Иране и арабских странах привела к тому, что с 1950-х годов Иран и ряд арабских стран находились в постоянном противоборстве. В условиях монархического правления в Иране укрепление национализма совпало с возрождением чувств исторического соперничества с арабами. До иранской революции 1979 г. арабские страны были носителями радикальной идеологии и видели в монархическом и прозападном Иране угрозу своим интересам. Однако, как показал опыт ИРИ, ограничение ислама национализмом не способствовало развитию дружеских связей между арабами и иранцами. И, хотя, идеи

[99] Раванди-Фадаи Л.М. Этно-конфессиональные проблемы в современном Иране, с. 172-182. В Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.

национализма и либерализма подспудно лежали в основе революционных процессов в Иране в 1979 году, многие арабские страны обвинили Иран в попытках экспортировать в их страны иранскую версию шиизма.

В отличие от большинства арабских стран Иран не был колонизирован и сохранил свою независимость. Однако независимость Ирана носила номинальный характер. Полуколониальный статус Ирана во многом сближал его с арабскими государствами, которые возникли после Первой мировой войны. Подобный опыт развития Ирана и ряда арабских государств облегчал формироване общих мировоззренческих взглядов и политических представлений. Арабы и иранцы испытывали общие чувства и настроения национального пробуждения, борьбы за независимость, достижения прогресса, реформ, модернизации и революций. Однако этот их общий опыт развития не сделал арабов и иранцев ближе, чем общая приверженность исламу. Укрепление государственности арабов и иранцев на национальной основе, появление в общественной среде новых идеологических веяний типа либерализма и социализма породили новый раскол между арабами и иранцами на идеологической основе и новые узлы напряженности в двусторонних отношениях.

Межарабская политика оказала большое влияние на проблему арабо-иранских отношений. Межарабские отношения детерминировалась группой факторов. География частично определяла приоритеты национальной политики арабских стран. Так, монархии Персидского залива испытывали больше обеспокоенности в отношении Ирана, нежели Алжир, Египет, Тунис. Однако идеологические, политические соображения, межарабская солидарность часто перевешивали роль географии. Идеи арабизма и ислама прочно утвердились в национальном сознании арабов и для большинства населения арабских стран служили факторами политической и национальной идентификации[100]. В свою

[100] Noble, Paul.The Arab State System: Pressures, Constrains and Opportunities, in Bahgat Korany and Ali al-Din Hillal Dessouki (eds) he Foreign Policies of Arab States, Boulder, Colo: Westview Pres, 1991, pp. 49-102.

очередь, особый характер региональной политической среды наложил отпечаток на внешнюю политику арабских государств.

Межарабские отношения представляли собой уникальный инструмент внешней политики. Отличительной чертой арабской политики было то, что она могла иметь моментальный эффект с точки зрения обеспечения внутренней безопасности. В целях расширения базы социальной поддержки режима и политической мобилизации населения соседних стран арабские лидеры нередко позиционировали себя как защитников общеарабского дела в ущерб репутации руководителей других стран[101]. Внешняя политика балансировала на грани защиты интересов нации и государства, что являлось аномалий в «привычном» поведенческом стереотипе государства-нации. Такие страны, как Сирия, претендовавшие на роль региональной державы, стремились свести этот баланс за счет концепции лидера единой арабской нации, который имел исключительные позиции внутри арабского сообщества. Подобная динамика характерна для современных движений радикального исламизма, которые определяли региональную политику в религиозном аспекте. Факторы национальной идентичности, идеологические доктрины также влияли на выбор друзей и врагов.

Ведущими идеологиями в Арабском мире в этот период были арабский национализм, панарабизм и арабский социализм. Эти идеологические концепты были сугубо враждебны Ирану и угрожали его территориальной целостности. В этой связи можно предположить, что приверженность Г. А. Насера и египетской правящей элиты арабскому национализму была продиктована не столько идеологическими соображениями, сколько политическими соображениями как инструмент противодействия соперникам Египта в регионе. К 1958 г. Г.А. Насер полностью принял идеологию арабского национализма. Он стремился превратить арабов в единую нацию и встать во главе Арабского мира. Это неизбежно сказалось на отношениях с Ираном. С учетом различий в геополитическом положении, противоположных концепций национальной безопасности, несовпадениях в

[101] Kienle, E. Ba'th against Ba'th. London, I.B. Taurus, 1990, p. 1-30.

идеологических подходах, разницы в региональных и национальных интересах ухудшение двусторонних отношений между Египтом и Ираном становилось неизбежным. Характер политического строя в Иране и его региональная политика влияли на динамику баланса сил и интересов в Арабском мире. С этой точки зрения Иран стал определенного рода мишенью Египта. Г.А. Насер пытался свергнуть режим шаха в Иране и оказывал поддержку оппозиционным силам в Иране, в том числе исламистам. Иран обвинил Египет в поддержке анти шахских волнений 1962 года[102].

В 1950-е гг. Сирия переживала период внутренней нестабильности, череду военных переворотов, частую смену правительств. Сирия не играла самостоятельной роли в региональной политике. Дамаск был объектом борьбы за влияние между Каиром и Багдадом. Однако уже в 1960-х годах, еще до прихода к власти партии «Баас» (Партия Арабского Социалистического Возрождения), идеологические и политические взгляды многих сирийских политиков представляли для Ирана определенный вызов в силу их сильного панарабского и националистического характера. Теории арабского национализма, панарабизма и партикулярного национализма имели в Сирии более сильные и устойчивые позиции, чем даже в Египте. Сирия разделяла и поддерживала арабские националистические настроения в отношении Ирана. Идеи арабского национального движения служили мощным стимулом для укрепления региональной роли Сирии. Дамаск поддерживал арабские требования в отношении Хузистана, Бахрейна, переименования Персидского залива. Сирия рассматривала политику Ирана на Ближнем Востоке как преграду на пути к арабскому единству. Образование ОАР в 1958 г. в составе Египта и Сирии вызвало обеспокоенность Тегерана. Иран квалифицировал этот акт как изменение баланса сил в регионе и попытку арабских радикальных режимов перехватить власть на Арабском Востоке. Сближение Дамаска с СССР и поставки советского оружия в САР вызвали неоднозначную реакцию в Иране, который находился в орбите влияния Запада.

[102] Dawisha, A. Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy. London: Macmillan, 1976, p. 131, p. 234.

Приход к власти в САР в марте 1963 г. партии «Баас», ее идеологические и политические установки были негативно восприняты в шахском Иране. Таким образом, развитие советско-сирийских связей, различия в подходах в отношении Израиля и палестинской проблемы, межарабские союзы с Египтом и Ираком оказывали определенное влияние на политику шахского Ирана в Сирии[103].

Влияние таких факторов, как арабский национализм, на отношения Ирана и Королевства Саудовской Аравии (в дальнейшем – КСА. – А.В.) носило весьма специфический характер. По уровню своего воздействия оно отличалось от связей КСА с Египтом, Сирией, Ираком. В период 1950-1970 гг. КСА было заинтересовано в отношениях с Ираном в целях противодействия панарабизму и арабскому национализму. Однако в вопросах Персидского залива и регионального лидерства КСА использовало приемы из политического арсенала арабских националистов. В 1950-1960-е гг. на развитии двусторонних отношений сказывалась разница в идеологических подходах и политическом мировоззрении правящих элит двух стран. Официальная идеологическая доктрина Ирана базировалась в тот период на светских идеях модернизации. В основе государственной идеологии КСА лежал ваххабизм, который представлял один из самых жестких мазхабов суннитского вероучения. Возможно, под влиянием ваххабитского вероучения саудовские руководители испытывали особые чувства к Ирану по сравнению с другими арабскими странами. Реакция Ирана на выпады саудовских политиков заметно отличалась по сравнению с поведением Тегерана в отношении других арабских стран. На практике саудовско-иранские отношения определялись борьбой за влияние в Персидском заливе, соперничеством за лидерство в исламском мире[104].

Развитию межарабских связей служили также культурно-языковая общность и высокая степень трансграничных связей. Они проявлялись в частоте межарабских государственных визитов, интенсивном обмене людьми, товарами,

---

[103] Picard E. Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes& Meir, 1996, p. 202.

[104] Badeeb, S. M. Saudi-Iranian relations 1932-1983. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994, p. 164.

капиталами, информацией и наличием общеарабских институтов подобно ЛАГ. Создание единого арабского национального государства было мечтой арабских националистов. Это, отчасти, объясняет, почему арабский национализм иногда трактуют как панарабизм.

Сама доктрина о создании единой арабской нации от Северной Африки до Персидского залива появилась только в XX веке. До этого существовала концепция «арабизма». До начала XX века статус «полноценных» арабов имели только жители Аравии, части Месопотамии и Сирии. Жители Египта, Северной Африки, Сомали, Мавритании и Джибути не считались арабами в полном смысле этого слова. К 1960 г. они стали частью арабского мира. А в 1970-е гг. эти страны и Союз Коморских островов стали членами ЛАГ. С учетом неоднородности процессов арабизации и исламизации новых территорий в Африке и на Ближнем Востоке в ходе арабских завоеваний в ряде североафриканских государств, Египте, Ливане сохранялись группы населения, которые были не склонны считать себя арабами и придерживались устоявшихся взглядов и традиций. Несмотря на то, что большинство арабских стран и их население идентифицировало себя на общеарабской платформе, создать единое арабское государство не получилось[105]. Арабские страны действовали независимо в выборе своей внешней политики и партнеров[106]. Несмотря на то, что единое арабское государство было скорее мечтой, Иран был обеспокоен чувством арабской коллективной солидарности, которое ощущалось достаточно ясно. Иногда оно выражалось на практике в противодействии «чужим».

Другим фактором, влиявшим на ирано-арабские отношения, было межарабское соперничество. Межарабские отношения нередко принимали острый

---

[105] Любопытно, что сегодня подавляющее большинство сторонников временного президента Сирии аль-Шараа сравнивают его с самозванным правителем халифата Омейядов в Сирии Муавией (арабская историческая трактовка. – А.В.), ставя ему в заслугу сохранение единого арабского государства в виде халифата и поощряют его повторить славные подвиги своего древнего предка. В основном это не клерикалы, а образованные молодые люди, проживающие в США и Западной Европе.

[106] Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. No. 1, с. 66–96.

характер. Основными факторами влияния межарабских противоречий служили: борьба за лидерство, идеологические разногласия, отношение к Израилю и Ирану, палестинской проблеме, политике мировых держав. Соперничество между Египтом, Ираком, Сирией за лидерство в арабском мире объяснялось тем, что исторически эти страны были крупными культурными и политическими центрами арабского мира. Дамаск – столица халифата Омейядов, Ирак – Аббасидов, Египет – Фатимидов. В Египте претензии на лидерство подкреплялись наследием Фараонов. Особенно ясно это проявилось при А. Садате. В Ираке С. Хусейн говорил о Вавилоне и Аббасидах. С 1960-х гг. Саудовская Аравия стала заявлять о схожих претензиях, апеллируя статусом государства двух важнейших мусульманских святынь (Мекка, Медина).

Идеологические различия были еще одним источником расхождений между арабами и Ираном. Вплоть до начала 1970-х гг. в арабских странах шло острое идеологическое соперничество между светскими, националистическими и революционными режимами и консервативными, религиозными правительствами. Это соперничество, активизировавшееся в 1950-1960-х годах. получило название арабской «холодной войны». Сегодня соперничество идет в рамках исламской идеологии (что куда опаснее в силу трансграничности. *– А. В.)*. Примером может служить отношение к организации «Братья-мусульмане» в Египте, КСА, ОАЭ с одной стороны, и Катаре – с другой[107]. Подобные настроения отражались на двусторонних отношениях Ирана и арабских стран. Любые попытки Ирана каким-либо образом обеспечить свои интересы в ближней арабской территориальной периферии расценивались той или иной конкурирующей арабской страной как угроза ее амбициям на лидерство.

Еще одним фактором расхождений между арабскими странами было их отношение к Израилю и палестинской проблеме. С конца 1960 г. линия раскола проходила между арабскими странами, которые стояли на непримиримых позициях в отношении Израиля и государствах типа Египта, Иордании и Марокко,

---

[107] Kerr M. The Arab Cold War. Gamal ‘Abd al-Nasir and His Rivals. Oxford: Oxford University Press, 1971, p. 174.

которые занимали более гибкую позицию в отношении нормализации отношений с Тель-Авивом. После подписания Кэмп-дэвидских соглашений 1979 г. между Египтом и Израилем этот раскол углубился. Ряд арабских монархий стали склоняться к возможности изменения позиции в отношении Израиля. Такие государства, как Сирия, Алжир, Ливан и Ирак, занимали выжидательную позицию. Тем более что у Сирии и Ливана оставались нерешенными территориальные вопросы с Израилем.

Различия в отношениях арабских стран с ведущими мировыми державами были еще одним фактором ирано-арабских расхождений. В период «холодной войны» отношения арабских стран с СССР и Западом во многом определяли их позиции в отношении друг друга. Арабские страны, поддерживавшие хорошие отношения с СССР, имели нормальные двусторонние связи. И, наоборот. Однако само по себе это не гарантировало дружеского характера двусторонних отношений. Примером могут служить отношения между Сирией и Ираком, Ираком и Египтом. После окончания «холодной войны» арабские страны пытались приспособиться к политике США на Ближнем Востоке. Это во многом определило характер их будущих взаимоотношений.

Когда в 2014 г. отношения России и США заметно осложнились из-за статуса Крыма (Россия. – *А. В.)* и стали напоминать времена «холодной войны» это повлияло на межарабские отношения. Однако, как свидетельствовали последние события, Россия и США не стремились вернуть времена «холодной войны». Достаточно часто говорили о возможности российско-американской сделки по Ближнему Востоку. В этом случае, положение правящего режима в зависящих от России странах, таких как Сирия (при аль-Асаде. – *А. В.)*, могло подвергнуться серьезным испытаниям[108]. Характер межарабских отношений оказывал влияние на проблему безопасности Турции и Ирана и характер их связей с арабскими странами.

---

[108] Stavridis J. Are we entering a New Cold War. FP, February, 17, 2016. https://foreignpolicy.com/2016/02/17/are-we-entering-a-new-cold-war-russia-europe/ (accessed: 12.09.2025).

Дисбаланс межарабских сил давал Ирану возможность играть роль арбитра в межарабских отношениях. Арабские страны использовали иранский фактор для ограничения властных устремлений своих соперников. Нередко арабские страны использовали фактор Ирана для того, чтобы сбалансировать отношения друг с другом, и добиться влияния в арабской среде или получить материальные выгоды. Подобный подход практиковал Египет в 1950-х годах и Сирия вплоть до начала событий 2011 года. Использование Ирана в качестве контрбаланса революционным арабским движениям проявилось в Йемене после переворота 1962 г. и начала гражданской войны, которая продолжалась вплоть до 1968-1970 годов[109]. В 1920 гг. в Ираке начался процесс деиранизации. Одним из инициаторов был Сати аль-Хусри, который стал министром просвещения при короле Фейсале. Он сделал упор на арабский язык. Закрыл все иранские школы и запретил преподавать в школах иранцам и иракцам, имевшим персидские корни. Аналогичный процесс наблюдался на Бахрейне, куда приехало немалое число учителей из Египта и Ирака. После обретения Бахрейном независимости процессы его арабизации и дешиитзации усилились. Протесты иранцев только усиливали подозрения арабов[110].

Характер межарабских отношений оказывал влияние на проблему безопасности Ирана и его связи с арабскими странами. Данный факт особенно ясно проявился на примере отношений Ирана со странами Персидского залива (далее по тексту – Залив. – *А. В.)*. Именно в Заливе отношения двух стран часто подвергались испытаниям с точки зрения безопасности. В 1960-х годах Египет вмешался в события в Йемене, где столкнулся с Саудовской Аравией. Это обстоятельство серьезно осложнило проблему безопасности Ирана в Персидском заливе. Иран был вынужден вмешиваться в межарабские разногласия, поскольку часто оказывался объектом их споров. Но не мог эффективно использовать межарабские

---

[109] Guldescu, S. The Background to the Yemeni revolution of 1962. Dalhousie Review 45. No. 1, 1965, pp. 66-77. https://dashspace.library.dal.ca.bitstrem/handle/10222/59002/da./ (accessed: 15.12.2025).

[110] Kanan, M. Republic of Fear: The Politics of Modern Iraq. Berkeley: University of California Press, 1989, pp. 153-160

разногласия, поскольку, ни одно арабское государство не хотело идти до конца в союзе с Ираном. В период гражданской войны Иран поддержал войска Зейдитов. Иран опасался превращения Йемена в союзника насеровского Египта, который выступал антиподом шахскому Ирану. Саудовская Аравия настороженно воспринимала эти шаги Тегерана. Она явно не хотела усиления военного присутствия Египта и Ирана вблизи своих границ, опасаясь, что это может дестабилизировать внутреннюю ситуацию в королевстве [111]. После прихода к власти в Египте А. Садата, Каир стремился использовать Иран, чтобы сбалансировать силы Сирии и Арабского фронта стойкости и сопротивления. Во время арабо-израильской войны 1973 г. шах Ирана разрешил СССР использовать иранские аэродромы для переброски вооружений в Египет. В 1980 гг. Дамаск поддержал Иран в ирано-иракской войне, хотя практически все арабские страны выступили на стороне Ирака. Позиция Дамаска мотивировалась опасениями поражения Ирана и превращения президента Ирака Саддама Хусейна в лидера Арабского мира, который может попытаться свергнуть соперничавший алавито-баасистский режим в САР[112]. На протяжении 1960-1970-х годов Иран, Ирак и КСА боролись за доминирование в Персидском заливе. В этих условиях малые арабские монархии Залива («заливники» в дальнейшем. – *А. В.)* рассматривали Иран как контрбаланс амбициям указанных стран. Тем более Египет, Ирак. Сирия и Ливия представляли угрозу для аравийских монархий с их патриархальным укладом власти. С этой точки зрения арабские монархии рассматривали Иран как контрбаланс революционным тенденциям из стран Арабского Востока. Однако они никогда не поддерживали Иран в силу чувства общеарабской солидарности[113].

Исламская революция 1979 года превратила Иран в основной источник революционных идей и коренным образом изменила характер арабо-иранских отношений. В наиболее острые политические моменты они выдвигались на

---

[111] Katz, M. N. Yemeni Unity and Saudi Security. Middle East Policy 1, no.1. 1992, pp. 117-135.
[112] Seale, P. The Struggle for the Middle East. Berkley: University of California Press, 1988, p. 353.
[113] Snyder, S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. The World, PRI, August 12, 2015, https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war (accessed: 18.03.2025).

передний план, а исламское руководство пыталось выйти с их помощью из внутриполитического кризиса.[114]

Вначале радикальные арабские режимы и движения приветствовали свержение шаха и победу исламской революции в Иране. Они считали, что свержение шаха изменит баланс сил в Иране и регионе, в целом, в пользу арабов, и рассчитывали, что новый исламский режим с большим пониманием отнесется к требованиям арабов в отношении Хузистана, проблемы трех островов в Персидском заливе и названии самого Залива. Антиизраильский тренд в политике ИРИ был позитивно встречен в консервативных арабских кругах. Многие арабские страны усматривали в этом определенную поддержку их борьбы с Израилем. Дамаск считал, что новый режим в Иране может стать определенным балансом в отношении Египта и растущей мощи Ирака [115] . Однако иллюзии арабских радикалов быстро рассеялись после начала ирано-иракской войны 1980 года и попыток экспорта исламской революции ИРИ в ряд арабских стран. Исламская революция заострила конфессиональные аспекты в политических отношениях Ирана и КСА. Аятолла А. Хомейни крайне негативно относился к ваххабитской вере и антишиитскому настрою саудовских руководителей. Особую обеспокоенность Эр-Рияда вызвала шиитская община Саудовской Аравии, которую вдохновляли революционные идеи нового исламского государства. Озабоченность КСА своей безопасностью носила обоснованный характер. В 1979 году произошел захват заложников в Мекке сторонниками Сайфа аль-Отайби, который требовал положить конец власти дома Аль-Сауд, ликвидировать ваххабизм. Все это происходило на фоне волнений саудовских шиитов в ноябре 1979 года. В последующем в королевстве появились радикальные шиитские группировки типа «Хизбалла аль-Хиджаз», которым приписывались акты террора на территории королевства. Неясно, какую именно роль сыграл Иран в создании этих группировок. Известно, что Тегеран поддерживал контакты с некоторыми

---

[114] Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки. М., 1988, с. 557.

[115] Hunter, Islamic Iran and the Arab World. Middle East Insight 5, no. 3, August-September, 1987, pp. 17-25.

шиитскими активистами, которые проходили обучение в Куме (Иран). В ответ КСА активизировало распространение идей ваххабизма в провинциях Систан, Белуджистан и районах компактного проживания курдов в Иране[116]. Арабская политика Тегерана была во многом связана с идеологическими установками, которые складывались под сильным влиянием КСИР и высшего иранского духовенства.

Формирование новой политико-идеологической модели ИРИ началось еще до победы исламской революции и к началу 2000-х гг. институализировалось в форме взаимодействия властных религиозно-политических институтов в духовной, нравственно-этической, экономической и социально-политической жизни общества и государства. Иранская модель не являлась конечным продуктом. Она развивалась и совершенствовалась в процессе реализации программных установок исламской революции. Согласно идеологической доктрине Ирана, в основе которой лежит учение об имамате, исламской умме и велаят-е факих, исламская революция служит лишь инструментом шиитского духовенства для подготовки к возвращению «скрытого имама» (Имам аль-Гаиб)[117]. В конце 1990-х гг. духовный лидер ИРИ А. Хомейни определил пять этапов (задач) исламской революции – исламская революция, исламское государство, исламское правление, исламское общество, исламская цивилизация. К настоящему времени революция решила две первые задачи. Сегодня Иран стремиться выстроить исламское правление. Иранскую модель можно было бы отнести к теократическо-экспансивному типу, предполагающему подчинение государства религии. Однако, как и другие, иранская модель поливариантная. Согласно имамитской доктрине, исламское правление – это исполнение божественного повеления. Единственным правителем и законодателем является Аллах. Идеальной моделью правления служат практики праведных халифов и шиитских имамов. Исламское правление призвано обеспечить скрепленный Аллахом союз религии и политики. По сути, это

---

[116] Jones, T. C. Rebellion on the Saudi Perephery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979. International Journal of Middle East Studies 38, no. 2. May, 2006, pp. 213-233.
[117] Aarabi, K. What Is Velayat-e Faqih?. Tony Blair Institute for Global Change, 20 March, 2019, https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih (accessed: 20.01.2026).

обновленная доктрина имамата, в рамках которой должно создать идеальную модель теократического правления, где достигается единство светского и духовного начал в исламе.

В условиях исламского правления политическая стратегия ИРИ претерпела определенные изменения. Важное место в стратегии и тактике ИРИ стало отводиться ведению ассиметричных войн. Появились новые понятия, типа иранская стратегическая глубина, проекция силы, общественная мобилизация. Модифицированная стратегия ИРИ строилась на принципах революционной идеологии, на основе ислама и патриотизме. Одним из столпов политической стратегии являлся принцип верховенства велаят-е-факих. Он предполагал подчинение духовенству основных институтов государства, в том числе и силовых структур [118]. Со времени исламской революции (1979) иранская политика на Ближнем Востоке неоднократно менялась. Однако ее матрицей оставалась политизированная версия шиизма, которая была основой государственной идеологии и инструментом внешней политики.

Иран попытался экспортировать исламскую революцию, стремясь привести к власти в арабских странах идеологически и политически близкие ему правительства [119]. Однако полиэтнический и многоконфессиональной характер арабского общества, доминировавший в арабизме светский компонент и политический консерватизм правящих элит, обусловили недостаточную эффективность подобного инструмента иранской политики. Исламская революция в Иране и ирано-иракская война ограничили возможности Ирана играть эффективную роль в межарабских отношениях. Отношения Ирана с «Хезболлой», «ХАМАС» и другими организациями, с одной стороны, помогали ему решать конкретные задачи в отдельных странах, однако в целом сужали его возможности как регионального игрока в широком арабском политическом контексте. Иранская

---

[118] Ward, S. R. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. Middle East Journal, vol. 59, no. 4, 2005, pp. 559-576.

[119] Дорошенко Е. К вопросу об экспорте «исламской революции» (теория и практика) // Специальный бюллетень, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А.З. Арабаджян, Л.Е. Скляров. М.: Наука, 1984, с. 136-145.

революционная пропаганда, политика «экспорта исламской революции» пугали Ирак и другие арабские режимы. Эта политика представляла угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства многих арабских стран и их региональной политики. Ирак, где большинство населения было представлено шиитами, проявлял особое беспокойство в отношении активности Ирана. Распад СССР в 1991 г. и агрессия США в Ираке в 2003 г. коренным образом изменили баланс сил на Ближнем Востоке. После конфликта с США и странами Западной Европы Иран оказался в частичной международной изоляции. Это повлекло общее снижение уровня отношений Ирана с арабскими странами. На рубеже 1970-1980 годов прежние конфликты между правыми и левыми силами, консерваторами и радикалами в арабских странах отошли в прошлое. Ситуация в арабском идеологическом спектре стабилизировалась. Любые радикальные идеи перестали пользоваться поддержкой населения. Поэтому радикальный ислам Ирана рассматривался арабами как угроза их безопасности. Незначительные в этот период времени силы арабских исламистов исповедовали ислам суннитского толка и настороженно относились к шиитскому Ирану.

После арабо-израильской войны 1973 г. арабские лидеры поняли бесперспективность военной победы над Израилем, и палестинский вопрос стал постепенно утрачивать свою остроту и значимость для них. Арабы уже не так, как прежде, нуждались в Иране для баланса сил в регионе. Особенно эти настроения усилились после соглашений в Осло 1993 года. Иран уже не мог играть прежнюю роль регулятора межарабских отношений. Однако в силу сохранявшихся различий в арабском мире Иран продолжал оставаться активным участником межарабской политики. Исламская революция обеспечила связь Ирана со многими исламскими оппозиционными движениями в арабских странах. Это было особенно заметно в странах, где значительная часть населения исповедовала ислам шиитского толка и была связана с Ираном религиозной общностью, как например, в Ливане и Ираке. Легитимация иранского режима во многом зависела от его роли как лидера исламского мира и защитника «обездоленных» мусульман.

Спустя три десятилетия Иран принял на вооружение новую стратегию на Арабском Востоке. Ее сущностное содержание и цели фактически остались прежними, а инструментальное наполнение заметно изменилось и стало более изощренным. Вместо революций Иран стал экспортировать собственную уникальную модель государственного устройства путем конфессиональной экспансии в регионе. Конфессиональная экспансия Ирана на Ближнем Востоке базировалась на принципах государственно-религиозной модели Исламской республики. Реализация данной стратегии строилась на основе иранской финансовой, логистической поддержки местных милицейских образований, их обучении, тренировки, снабжении оружием, а также культурно-просветительской и религиозной работе с населением. Поскольку идеологический фактор вышел на первое место в отношениях Ирана и арабских стран, этнические, и религиозные разногласия временно отошли на второй план. В случае совпадения идеологических взглядов по каким-либо вопросам региональной политики отношения Ирана и арабских стран временами носили нормальный характер. В тех случаях, когда Иран и арабы имели общих идеологических друзей или врагов, их отношения могли улучшаться или ухудшаться, в зависимости от политической конъюнктуры в регионе[120].

На самом деле, этнические, религиозные и культурные различия и споры не определяли природу арабо-иранских отношений на государственном уровне. Однако в критических ситуациях они могли служить катализатором политических конфликтов между арабскими странами и Ираном. В условиях эскалации напряженности на Ближнем Востоке этнические и национальные особенности арабов и иранцев оказывались сильно политизированными. И тогда они рассматривались обеими сторонами в плоскости защиты национальной безопасности и сохранения территориальной целостности государства. Действительно, в последние десятилетия вопросы безопасности и стремление к капитализации власти играли заметную роль в формировании ключевых

[120] Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (XX-XXI). М.: Институт востоковедения РАН, 2023, с. 228-241.

параметров арабо-иранских отношений. Таким образом, в последние десятилетия изменения динамики идеологических парадигм в арабских странах Ближнего Востока и межарабского баланса сил оказывали большое влияние на характер арабо-иранских отношений.

Фактор Израиля также оказывал заметное влияние на характер арабо-иранских отношений. Еще в начале 1940-х годов Израиль и Иран можно было бы считать «аутсайдерами» Арабского мира, если бы не их стремительно развивающаяся военно-политическая активность на Ближнем Востоке. В силу географической удаленности, явной религиозной и этнической несхожести израильского и иранского социумов, детерминированности политики идеологическими установками на основе консервативных религиозных воззрений Тегеран и Тель-Авив не рассматривали друг друга в качестве прямой угрозы национальной безопасности. Указанные факторы способствовали сближению двух стран на фоне мощного подъема движений арабского национализма и панарабизма. В 1950 г. иранские власти фактически признали Израиль. Обе страны открыли неофициальные представительства в своих столицах. Между двумя государствами наладилось взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество[121].

Нормализация ирано-израильских отношений демонстрировала разные представления об угрозах и безопасности в Иране и арабских странах. Иран добился определенного улучшения отношений с Западом и временной передышки перед угрозой со стороны революционных арабских режимов. Для Израиля серьезным мотивом сближения с Ираном послужила опасность со стороны арабских режимов с преимущественно суннитским населением, стремившихся стереть его с лица земли. На этом фоне шиитский Иран представлялся разумным выбором. Тогда было сложно представить, что через три десятилетия Израилю придется столкнуться с мощными отрядами «Оси исламского сопротивления» во

[121] Bialer, U. The Iranian Connection in Israel’s Foreign Policy, 1948-1951. Middle East Journal, 39. Spring, 1985, pp. 292-315.

главе с Ираном и пережить несколько войн, которые поставили на грань безопасность еврейского государства[122].

В Иране обострились отношения шахской власти с духовенством и иранскими националистами. Они критиковали действия иранского правительства в вопросах взаимодействия с Израилем. В интересах сохранения гражданского спокойствия правительство М. Моссадека (1951-1953) проводило политику, которая у ряда экспертов получила называние «просчитанная амбивалентность»[123]. Несмотря на это, в канун государственного переворота в Иране в 1953 году произошло усиление позиций левых сил в армии на фоне ослабления правительства М. Мосаддека. Тель-Авив опасался возможности военного переворота в Иране и прихода к власти революционных сил наподобие Египта и Ирака. Обострение отношений шахской власти с оппозицией стало особенно заметным после свержения М. Мосаддека. Позднее исламистское крыло националистических сил объединилось с левыми политиками и выступило на стороне исламской революции 1979 года.

Таким образом, внутренние причины не предопределяли характер политики Ирана и Израиля в отношении друг друга. Однако недоучет тех же факторов, которые когда-то способствовали сближению двух государств, в процессе принятия внешнеполитических решений приобрел эффект отложенных конфликтов между Тель-Авивом и Тегераном. Характер ирано-израильского взаимодействия сильно зависел от системных факторов международных отношений на Ближнем Востоке. Отношения Ирана с Израилем придали новые измерения представлениям об угрозах и безопасности на Ближнем Востоке. Ирано-израильские контакты активировали конфликтный потенциал региона, усилив недоверие в арабских странах к политике Тель-Авива и Тегерана. Многие арабские политики рассматривали отношения Ирана с Израилем не в контексте геополитики и региональной безопасности, а как намеренную демонстрацию антиарабских

---

[122] Ахмедов В. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии. Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.

[123] Ramazani R. K. Iran and the Arab-Israeli Conflict. Middle East Journal 32. Autumn, 1978, с. 416.

настроений двух «антиподов» арабского мира. Арабские страны манипулировали фактором иранской и израильской угроз, для того чтобы сбалансировать отношения друг с другом, добиться влияния в арабской среде или получить материальные выгоды.

После арабо-израильской войны 1967 г. Тегеран попытался сбалансировать отношения с Израилем за счет развития связей с некоторыми арабскими режимами. Любая нормализация отношений Ирана с арабскими странами шла вразрез с геополитическими интересами Израиля [124] . В Тель-Авиве не без оснований надеялись, что исламская революция в Иране поможет скорректировать позиции арабских стран в отношении еврейского государства. Действительно, революционная риторика ИРИ в одинаковой степени настораживала консервативных арабских лидеров и баасистов в Ираке и Сирии. Израиль делал ставку и на ирано-иракскую войну, рассчитывая, что ослабевший Иран может повернуться лицом к Израилю. Однако Тегеран повернулся к Израилю обратной стороной.

После исламской революции 1979 года ИРИ разорвала все отношения с Израилем и заявила о необходимости уничтожения израильского государства. Некоторые политически незрелые руководители исламской революции ставили исламские ценности выше национальных интересов. Они не задумывались, как это может отразиться на самом Иране. Антиизраильская позиция Тегерана дорого обошлась стране и стала основной причиной ухудшения отношений с США и Западом, в целом, с последующим принятием режима санкций. Взаимодействие Тель-Авива и Тегерана являлось вневременным фактором напряжения в региональной политической среде. Израильский фактор оставался водоразделом между арабами и Ираном даже после революции в Иране и разрыва Тегераном отношений с Израилем. Израильское руководство использовало эту ситуацию, ускорив процесс нормализации отношений с арабскими странами, чтобы образовать с ними союз против Ирана. К тому времени, когда Иран взял жесткий

[124] Sohbani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948-1988. Westport. CT: Praeger, 1989, c. 77-84.

антиизраильский курс, Египет подписал Кэмп-дэвидские соглашения (1978). Израиль заключил соглашение с палестинцами в Осло (1993) и мирный договор с Иорданией (1994). В 1990-х годах Тель-Авив установил близкие отношения с Турцией и Азербайджаном, окружив Иран поясом дружественных Израилю государств. Последовательный курс Ирана на уничтожение израильского государства рассматривался в Египте, Иордании, арабских монархиях Залива как препятствие на пути нормализации арабо-израильских отношений.Поддержка движений в Палестине типа ХАМАС и «Исламский Джихад» затрудняла арабские усилия по достижению компромисса с Израилем[125]. В 2000 г. в ряде арабских столиц и Тель-Авиве обсуждалась планы установления арабо-суннитского и израильского альянса против шиитского Ирана. В 2020 г. эти планы реализовывались в виде «Авраамских соглашений».

Комплексность ирано-израильских отношений демонстрировала определенную политическую «изолированность» Израиля и Ирана, их «зажатость» между арабскими амбициями и соперничеством мировых держав на Ближнем Востоке. Враждебность в ирано-израильских отношениях, как, впрочем, и согласие, автоматически не гарантировали Тегерану и Тель-Авиву дружбу с Арабским миром. В действительности, Иран и Израиль обладали достаточно ограниченным политическим инструментарием в выстраивании отношений в арабской среде. На практике это привело к вооруженной эскалации между Ираном и Израилем, обострению ирано-израильского противостояния в регионе. Сирийские события и война в Газе, в которые оказался вовлеченным Тегеран, только усилили ирано-израильские вооруженное противостояние.

Таким образом, на динамику арабо-иранских отношений оказывала влияние целая группа факторов. Факторы, определяющие арабо-иранские отношения можно подразделить на две большие группы. Первые – это присущие арабам и иранцам характеристики, касающиеся их истории, культуры, этнических и

---

[125] Звягельская И., Тюкаева Т. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2(61), с. 80-95. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-2-80-95.

конфессиональных особенностей, развитие политических систем и динамика межарабских и региональных отношений. Вторая группа включает в себя категории системного характера, такие как характеристики международной политической системы, политика ведущих мировых держав в регионе. К этой группе фаторов можно отнести биполярный характер международной политической системы, геополитическую значимость региона Ближнего Востока, слабость региональных стран и их зависимость от политики мировых держав. Теоретически системные факторы международных отношений могли позитивно воздействовать на характер отношений Ирана с арабскими странами. Однако на деле это влияние по большей части носило негативный характер[126].

Проведенное на конкретных примерах исследование факторов арабо-иранских отношений позволило автору сделать несколько промежуточных выводов по проблеме формирования и развития арабо-иранских отношений, которые облегчили продолжение разработки диссертационной темы в последующих главах.

Как было показано выше, характер современных арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке определялся комплексом факторов. Разработанный автором подход к анализу арабо-иранских отношений включает рассмотрение внутреннего положения в этих странах, их эволюцию, развитие политических и управленческих институтов государства, учитывает региональный и международный контекст. С учетом этого был сделан вывод о том, что объяснять напряженность в арабо-иранских отношениях исключительно различиями в этноконфессиональном составе населения двух стран, представлениями об Иране как экспансионистском государстве, исторически сложившемся соперничеством, было бы неверным. Конечно, исторические особенности арабо-иранского взаимодействия и их различия в этническом и религиозном отношении представляли своеобразную матрицу двусторонних отношений и играли роль катализатора взаимных разногласий в определенных ситуациях. В то же время в отношениях двух народов

[126] Ахмедов В. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии. Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.

имелось немало примеров добрососедства и сотрудничества. Конфессиональные, этнические и культурные факторы могли серьезно осложнить арабо-иранские отношения, но, в конечном счете, не определяли их. В этой связи, можно предположить, что арабо-иранское соперничество и вражда не отличались предопределенностью и не носили неизбежного характера, а могли при определенных условиях нормализоваться. Наряду с конфессиональными, этническими и культурными факторами, существовали более весомые обстоятельства и причины, которые определяли характер арабо-иранских отношений в последние десятилетия. В этой связи, следует обратить внимание на роль внешнего фактора в процессе выстраивания арабо-иранского политического взаимодействия.

Глава 3.
Роль политики мировых держав в арабо-иранском политическом взаимодействии в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке (вторая половина XX – начало XXI вв.)

В главе с теоретических позиций в контексте критического переосмысления некоторых подходов к оценке динамики современного ближневосточного процесса исследуются основные характеристики развития арабо-иранских отношений на различных этапах трансформации современной структуры международных отношений и доминант мировой политики на Ближнем Востоке на рубеже XX-XXI веков.

В условиях «Холодной войны» вопросы межгосударственных отношений и региональной безопасности приобрели глобальный характер. Геостратегическое положение Ближнего Востока, его богатая ресурсная база и создание государства Израиль детерминировали повышенное внимание внешних сил к региону. Нередко это приводило к росту напряженности на Ближнем Востоке, что было связано с политикой мировых держав.

Возникновение в 1948 году государства Израиль стало одним из важных факторов создания современной структуры международных отношений и региональной безопасности. Арабо-израильские войны (1948, 1967, 1973, 1982 гг.) стали одним из факторов изменения баланса сил на Ближнем Востоке. Арабо-израильская война 1973 г. привела к временному поиску компромиссов между Ираном и Ираком. Ирак опасался, что, воспользовавшись войной с Израилем, Иран может открыть второй фронт на юге. Растущее влияние шиитского духовенства в Иране и Ираке и создание вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. Находящийся в ссылке в Неджефе аятолла Хомейни оказывал большое влияние на шиитских духовных лидеров Ирака типа М. ас-Садра, М. аль-Бакира, М. аль-Садека. Образование исламской партии «ад-Даава»

также насторожило иракские власти. В 1973 г. Ирак возобновил дипотношения с Ираном. Однако требования Ирака о возврате к договору по Шатт эль-Араб в редакции 1937 года не были приняты Ираном. В конечном итоге в 1975 г. при посредничестве Алжира Ирак и Иран подписали договор по Шатт эль-Араб в соответствии с требованиями Ирана. Иран прекратил поддержку курдских сепаратистов. Подобная политика Ирана, возможно, решала некоторые задачи тактического характера. Но в стратегических вопросах не имела особой эффективности[127].

До арабо-израильской войны 1982 г. Ливан не представлял особого интереса для политики Ирана на Арабском Востоке. Отчасти, это было связано с тем, что Ливан всегда был ареной межарабского соперничества. А в силу своего геополитического статуса не играл самостоятельной роли в региональной политике. Однако после войны 1982 года Ливан превратился в один из важных плацдармов иранской внешней политики в регионе. Образование израильского государства на палестинских территориях привело к росту влияния США в регионе. Бывшие колониальные державы Великобритания и Франция постепенно теряли свои позиции на Ближнем Востоке. Несмотря на это колониальная политика Великобритании в Персидском заливе наложила отпечаток на характер арабо-иранских отношений. Проявившийся в начале XIX века повышенный интерес Великобритании к Ирану был продиктован обеспокоенностью англичан активностью России в Центральной Азии и Закавказье[128]. После того как Англия установила контроль над Персидским заливом, Иран столкнулся с английским влиянием на своих южных границах. В 1892 г. Англия подписала договор с Бахрейном, игнорировав ранее признанный правящей семьей аль-Халифа иранский сюзеренитет над островом. После первой мировой войны Англия стала проводить систематическую политику по очищению острова от иранцев. В 1971 г. Иран под

---

[127] Rajaei, Farhang, ed. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression. Gainesville: University Press of Florida, 1993, pp. 1-7; Dilip Hiro. The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict. New York: Routledge, 1991, p. 46.

[128] Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М., 1981, с. 190.

давлением Англии и США был вынужден отказаться от своих прав на Бахрейн в пользу арабов[129].

Затянувшиеся англо-иранские переговоры о принадлежности спорных островов в Персидском заливе привели к тому, что их статус так и остался неопределенным. Вопрос о тальвеге в Шатт эль-Араб сформировал еще один долговременный конфликт в отношениях между арабами и Ираном. Отчасти он был создан англичанами, исходя из своих политических предпочтений и интересов в регионе. Таким образом, английская политика в Персидском заливе по защите своих интересов в Индии и противодействию России изменила систему безопасности в этом субрегионе не в пользу Ирана. Англия сделала ставку на малые монархии Залива и поддерживала их против Ирана. Великобритания создала несколько спорных территориальных проблем, которые до сих пор осложняют арабо-иранские двусторонние отношения. Это касается Бахрейна, проблемы трех островов и судоходства по Шатт зль-Араб.

После Суэцкого кризиса 1956 года Ближний Восток стал занимать растущее значение в политике США. В рамках объявленной в 1957 году доктрины Эйзенхауэра США начали оказывать государствам Ближнего Востока военную и экономическую поддержку, прежде всего, Израилю, Египту, Иордании, Ливану и Саудовской Аравии. Политика США в отношении Ирана носила инструментальный характер. В основном она определялась американскими озабоченностями в отношении активности СССР на Ближнем и Среднем Востоке. Действительно, в этот период возросло место Ближнего Востока во внешней политике СССР. Москва поддержала арабское национальное движение в рамках антиколониальной борьбы арабских народов. Ближний Восток становился ареной соперничества СССР и США.

Одним из системных факторов влияния на ирано-арабские отношения было соперничество СССР и США на Ближнем Востоке в рамках биполярной системы международных отношений. Иран и арабские страны превратились в объект

---

[129] Wilson, T. A. The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century. 1928, reprinted New York: Hyperion Press, 1981, p. 315.

конкуренции двух держав, которые сильно ограничивали их выбор в вопросах внешней политики. Иностранное вмешательство меняло курс их внешней политики и в ряде случаев приводило к дестабилизации внутриполитической ситуации.

«Холодная война» на Ближнем Востоке еще больше осложнила арабо-иранские отношения и привнесла в них новый идеологический фактор раздора. Державы предпочитали сохранять напряженность в арабо-иранских отношениях, что ярко проявилось в ходе ирано-иракской войны. Политика мировых держав, направленная на поддержание определенного градуса напряженности в отношениях региональных государств, зачастую усиливала соперничество Ирана и арабских стран, прежде всего, в Персидском заливе. По сравнению с государствами Аравийского полуострова, географические, демографические и экономические характеристики Ирана вызывали у мировых держав больше подозрений в отношении истинных политических планов Тегерана, особенно в Персидском заливе, сужая политический выбор региональных государств. С другой стороны, биполярная система ограничивала возможности держав действовать в одностороннем порядке в отношении региональных стран. Так, в 1946 г. СССР вывел свои войска из Ирана отчасти из-за политики американской администрации. Во время кризиса с заложниками в Иране в 1980-1981 гг. США отказались от прямой военной интервенции из-за возможной реакции СССР и угрозы заложникам. В условиях «холодной войны» региональные государства были определенным образом застрахованы от односторонних действий держав, их прямой вооруженной интервенции [130]. Однако Запад не смог или не захотел способствовать созданию эффективной системы безопасности в регионе, которая бы вывела из-под их контроля страны региона, ограничив его политический маневр в этом стратегически важном районе мира. Таким образом, динамика системы международных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке оказали за последние десятилетия заметное влияние на развитие арабо-иранских отношений.

---

[130] Halliday F. The Middle East, the Great Powers and the Cold War. The Cold War and the Middle East. Ed. Yazid Sayigh and Avi Shaim. Oxford: Claredon Press, 1977, c. 367.

Обе сверхдержавы рассматривали ближневосточный политический ландшафт как поле борьбы за глобальное доминирование. Москва и Вашингтон соревновались за приобретение ближневосточных союзников в интересах укрепления своих позиций в регионе. Баланс между национальными интересами арабских стран и объемом помощи мировых держав во многом определял параметры региональной политики в этот исторический период. В интересах укрепления стабильности режима арабские монархии (Иордания, Саудовская Аравия) доверили свою безопасность США и другим странам Запада. Республиканские режимы (Сирия, Ливия, Ирак, Египет) стали союзниками СССР. Советский Союз оказал военную и материально-техническую поддержку этим арабским государствам. В отличие от арабских стран, Турция, Иран и Израиль не были столь явным объектом борьбы мировых держав за региональное влияние. Однако все они, так или иначе, соотносили свою внешнюю политику и безопасность с позицией великих держав. Выбор шахским Ираном западной ориентации был определен его географией и связан с опасениями в отношении СССР, а также предпочтениями правящей элиты, прежде всего, самого шаха. В результате эта ситуация отрицательно повлияла на состояние арабо-иранских отношений.

Уход Великобритании в конце 1960-х годов из зоны Персидского залива усилил соперничество между Эр-Риядом и Тегераном за лидерство в этом районе. В начале США сделали ставку на Иран в вопросах обеспечения безопасности в Персидском заливе. Иран снял свои претензии на Бахрейн и облегчил процесс создания ОАЭ. Шах Ирана полагал, что страны Персидского залива в одиночку не смогут противостоять напору радикальных арабских режимов. Однако не получил поддержки Саудовской Аравии, которая хотела единолично контролировать регион.

Независимая политика Ирана в регионе подрывала доверие Запада к Ирану как союзнику в Персидском заливе. К 1975 г. КСА благодаря своей гибкой политике, хорошим отношениям с США и согласием с присутствием Запада в Персидском заливе превратилось в верного союзника США в этом регионе. Вместо

того чтобы попытаться создать саудовско-иранский альянс для обеспечения безопасности в Персидском Заливе, Великобритания и США играли на лидерских амбициях Тегерана и Эр-Рияда. В конечном итоге отношения между Ираном и КСА окончательно зашли в тупик. Одновременно обострились территориальные споры между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива. Другим немаловажным вопросом стала судьба малых эмиратов Абу Даби, Дубай, Шарджа, Рас эль-Хэйма, Фуджейра, Аджам и Умм аль-Кувайн. Любые попытки Тегерана обозначить свои интересы в Персидском заливе квалифицировались Эр-Риядом как гегемонистские устремления Тегерана и проявление его имперских амбиций. В самом Иране его новая роль в Заливе вызвала критику противников шахского режима. Они обвиняли иранские власти в пособничестве Западу и отвлечении средств от внутренних потребностей. В США росла обеспокоенность независимой политикой Ирана. Настороженное отношение демократической администрации США к шаху было продиктовано принципиальной партийной позицией американских демократов в отношении монархических режимов. В практическом плане демократы полагали, что поддержка США репрессивных режимов облегчала СССР распространение своего влияния на Ближнем Востоке. В этой связи в американской администрации считали, что в интересах сохранения своих позиций в регионе США должны дистанцироваться от Ирана. В поисках адекватной замены Ирану США в 1977 г. установили контакты с Ираком[131].

Своим отказом от поддержки шаха США фактически сыграли роль катализатора исламской революции в Иране. Возможно, США не ожидали прихода к власти в Иране исламистов вместо светского и либерального правителя типа М. Мосаддека. Кризис с захватом американских заложников сыграл на руку арабским режимам, которые ориентировались на США. После исламской революции 1979 г. внешний фактор и региональный баланс сил играли весомую, а иногда решающую роль в арабской политике ИРИ на Ближнем Востоке. С одной стороны, в этот период осложнились отношения Ирана с арабскими странами, находившимися в

[131] April R. Summit. For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran. Middle East Journal 58, no. 4, 2010, pp. 560-575.

орбите влияния СССР. В то же время Иран сблизился с прозападными и консервативными арабскими режимами. Иран попытался нормализовать отношения с арабскими режимами, которые находились в орбите влияния СССР. В итоге, политика Ирана в отношении арабских стран в этот период вызвала подозрительность Запада и не привела к крепкой дружбе с Россией[132].

Ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. возродил в США опасения в отношении укрепления позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке и его выхода к Персидскому заливу. Предпринятая в 1986 г. США «перезагрузка» отношений с Ираном натолкнулась на сопротивление иранских клерикалов. С 1987 г. США взяли курс на конфронтацию с Тегераном и сдерживание Ирана. Во время первой войны в Заливе (1991) появилась возможность наладить ирано-арабские отношения. США, Израиль и Европа хотели, чтобы Иран присоединился к антисаддамовской коалиции. Но Иран занимал нейтральную позицию, несмотря на призывы некоторых радикалов поддержать С. Хусейна. Взятый иранским президентом Х. Рафсанджани курс во внешней политике мог бы дать позитивные результаты в налаживании отношений Ирана с арабскими странами, если бы не односторонняя политика США на Ближнем Востоке. Иран предпринял попытку нормализовать отношения с Египтом через посредничество Иордании и Сирии. Тегеран предложил Дамаску и Амману сотрудничество в сельскохозяйственных проектах и участие в деятельности “Misr-Iran Bank”. Однако политика США двойного сдерживания Ирана и Ирака не позволила Ирану проявить определенную гибкость в вопросах, которые затрагивали безопасность Египта. Нормализация ирано-египетских отношений оказалась растянутой во времени. Х. Мубарак скептически относился к ИРИ и полагал, что в случае выхода ИРИ из политической изоляции Тегеран может претендовать на лидерство в регионе, которое Египет был намерен сохранить за собой. К тому же США не хотели, чтобы Египет способствовал выводу Ирана из изоляции. Каир же не желал портить отношения с Вашингтоном из-за Ирана. В итоге режим С. Хусейна пал, а Иран не смог

[132] Hunter, S.T. Iran and the World: Continuity in a Revolutionary Decade. Bloomington: Indiana University Press, 1990, p. 247.

нормализовать отношения с арабскими странами. В самом Иране возобладали антиамериканские силы[133]. Политика США в отношении Ирана в этот период показывает, как мировые державы влияли на характер отношений Ирана и арабских стран. В результате активного проникновения мировых держав на Ближнем Востоке сформировалась особая модель баланса интересов и межгосударственных отношений, которая просуществовала вплоть до распада СССР.

После распада СССР США остались единственной глобальной сверхдержавой и стремились утвердить свой миропорядок в регионе Ближнего Востока. В 1991 г. США инициировали проведение в Мадриде мирной конференции по Ближнему Востоку с целью установления на своих условиях нового миропорядка в регионе. Президент Сирии Х. аль-Асад поддержал американские мирные инициативы, обозначил готовность САР вступить в мирные переговоры с Израилем. Этот шаг Сирии осложнил иранскую политику в отношении Дамаска. Иран опасался, что отход Дамаска от фронта стойкости и противодействия может оставить его один на один с Западом и Израилем в борьбе за Палестину. Эта ситуация выявила ряд спорных моментов в политических отношениях Ирана и САР. Распад СССР оказал заметное влияние на изменение геополитической структуры в регионе и повлиял на саудовско-иранские отношения. После заметного спада политической активности СССР на Ближнем Востоке снизилась значимость ИРИ для США в качестве буферного государства на пути возможной советской экспансии в Персидском заливе. Однако США продолжали рассматривать Иран как конкурента и угрозу своему влиянию в Персидском заливе и в регионе в целом. Поэтому США продолжили курс на сдерживание Тегерана на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии и на Кавказе.

Указанные трансформации в международных отношениях и региональной политике несколько снизили озабоченности КСА в отношении политики Ирана в регионе. Однако Эр-Рияд не хотел форсировать нормализацию отношений с

---

[133] Lake, A. Confronting Backlash States. Foreign Affairs, 73, no. 2, 1992. https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-statets (accessed: 18.09.2025).

Тегераном рассчитывая на то, что под влиянием сложившейся обстановки Иран станет более уступчивым в важных для саудовцев вопросах. В результате изменения геополитической обстановки на Ближнем Востоке основополагающие принципы внешней политики ИРИ, такие как «ни Запад, ни Восток, а ислам», экспорт исламской революции, приоритетные отношения с мусульманскими странами были скорректированы. Внешняя политика Ирана в 1990-е годы менялась и становилась более гибкой и умеренной, утратив характерный для 1980-х годов радикальный характер. Главный упор во внешней политике был сделан на обеспечение внутренней безопасности страны, сохранение ее территориальной целостности, поддержание добрососедских отношений с пограничными ИРИ государствами[134]. С приходом к власти в 1997 году президента М. Хатами Иран предложил новую внешнеполитическую концепцию – диалог между культурами и цивилизациями западного и восточного мира на основе принципов взаимопонимания и доверия. Новый внешнеполитический курс ИРИ строился согласно этим установкам, с учетом меняющегося регионального баланса сил. Иран выдвинул идею обеспечения региональной безопасности в Персидском заливе исключительно силами прибрежных государств с обязательным участием Тегерана. Важным шагом на пути реализации единой системы региональной безопасности явилось подписание в апреле 2001 г. Пакта о безопасности между Ираном и Саудовской Аравией. Стремясь не допустить политической изоляции ИРИ на Ближнем Востоке, иранская ближневосточная дипломатия активно прорабатывала тему возможного участия ИРИ (в качестве ассоциированного члена) вместе с Турцией в работе Лиги Арабских Государств. Впервые в Тегеране прошла встреча ОИК. Несмотря на то, что Х. Мубарак не приехал в Тегеран, Иран продолжил налаживать отношения с Каиром. В 2003 г. Х. Мубарак и М. Хатами встретились на полях саммита по информационным технологиям в Женеве. Х. Мубарак с недоверием относился к попыткам Ирана наладить связи с Каиром. Как бывший военный он считал, что Иран в действительности стремится установить

[134]Arab-Iranian Relations. Edited by Haseeb Khair el-Din. Center for Arab Unity Studies. Beirut. 1988, p. 3-18, 73-103.

контакты с египетскими исламистами и шиитской общиной Египта[135]. Нежелание США нормализовать отношения с ИРИ провоцировало арабские режимы занять более жесткую позицию в отношении Ирана.

Кувейтский кризис стал определенным испытанием для политики Ирана на Ближнем Востоке. По итогам окончания ирано-иракской войны Багдад установил дипотношения с Ираном и освободил захваченные иранские территории. Однако Иран не был уверен в том, что после захвата Кувейта Ирак не нападет на него. С другой стороны, в случае поражения Ирака в кувейтском кризисе позиции США в Персидском заливе могли усилиться и представлять реальную угрозу безопасности Ирана. После иракского вторжения в Кувейт в августе 1990 г. США и Иран предпринимали попытки сблизиться. Но они были жестко блокированы арабскими странами в лице Египта, КСА и ОАЭ, которые стремились оставить Иран в изоляции. Когда началась операция США по освобождению Кувейта (Буря в пустыне), Дамаск увидел в этом возможность упрочить свои отношения с Западом и обеспечить САР достойное место в будущей системе миропорядка на Ближнем Востоке. Тем более, еще до начала конфликта Запад стремился привлечь Дамаск на свою сторону. Показательно, что в этих целях Запад временно прекратил вмешиваться в политику Сирии в Ливане. Запад стремился заручиться поддержкой арабских стран в войне против Ирака. И позиция Сирии была для него очень важной. Данный факт способствовал развитию отношений Дамаска с Западом. Сирия вошла в состав антисаддамовской коалиции. В ответ Запад молчаливо согласился с особой ролью Сирии в Ливане. После событий 11 сентября 2001 в США и начала американской операции в Афганистане политика США на Ближнем Востоке приобрела откровенно милитаристский характер[136].

Утверждение «нового миропорядка» в регионе стало результатом распада СССР и усилением американской гегемонии на Ближнем Востоке. После распада

---

[135] Hunter S. T. Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects. In reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity. Ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY. M.E. Sharpe, 2008, pp. 33-57.

[136] Юртаев В. И., Краснов К. Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания». Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4, с. 616-627.

СССР советско-американское соперничество начало отмирать. Тщательно отстроенная в 1970 годах политическая архитектоника, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей и мировой политики эпохи холодной войны и последовавшей разрядки, стала меняться[137]. Ближний Восток входил в орбиту абсолютного влияния США, которые стали играть доминирующую роль в ближневосточной политике и утверждении «нового миропорядка» в регионе.

После вторжения США в Ирак (2003) ближневосточный политический ландшафт изменился коренным образом. Приход к власти в Багдаде представителей шиитской общины и курдского меньшинства на фоне планов американской администрации раздела Ирака по религиозному признаку обозначил новый конфликт на Ближнем Востоке на этноконфессиональной основе, куда оказались напрямую вовлечены региональные соседи Ирака: Сирия, Иордания, Турция, Иран, Саудовская Аравия.

До нападения на Кувейт в 1990 г. отношения Ирака с Ираном носили напряженный характер. Ирак не уходил с части оккупированных территорий, не решал проблему пленных, вопрос о Шатт эль-Араб оставался открытым. После начала войны с Кувейтом Ирак изменил свою политику в отношении Ирана. Багдад подтвердил Алжирские соглашения, вывел свои войска с территории Ирана и отправил свои самолеты на иранские аэродромы для сохранения. После американского вторжения в Ирак в 2003 г. Тегеран фактически «заморозил» свою политику в отношении Багдада. Иран опасался, что может стать следующим объектом нападения США. В Иране не исключали, что возникший в результате американского военного вторжения хаос в Ираке может затронуть и Иран. Тегеран не хотел распада Ирака по этническим и конфессиональным линиям раскола. Иран опасался, что это может негативно отразиться на иранском обществе. Иран также не был уверен в том, что новое иракское руководство, несмотря на большой процент шиитов в нем будет лояльно Тегерану и станет его союзником.

---

[137] Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.

Действительно, новое руководство Ирака занимало схожую позицию по Шатт эль-Араб и Алжирским соглашениям 1975 г. Мирный договор между двумя странами так и не был ратифицирован. Более того, власть шиитского большинства в Ираке радикализовала иракских суннитов и сделала их более враждебными в отношении Ирана[138]. К середине 2000-х гг. изменилась позиция США и ряда арабских стран в отношении правительства в Багдаде. В результате сложились благоприятные условия для активизации политики Ирана в Ираке. После возврата к власти в ИРИ в 2005 году «консерваторов», Иран вместе со своими арабскими союзниками в регионе, прежде всего Сирией, проводил активную политику по укреплению своего влияния на Ближнем Востоке. Эта политическая линия ИРИ нашла свое отражение в Ираке, где было сформировано правительство, подконтрольное Тегерану. В целях укрепления своих региональных позиций Иран умело использовал просчеты арабских лидеров и межарабские разногласия. При этом Тегеран опирался на поддержку шиитских общин в ряде арабских стран. В итоге, Иран добился определенных результатов в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене[139].

В результате, отношения Ирана с рядом ключевых арабских государств, включая Саудовскую Аравию, Египет, ОАЭ заметно осложнились. В большинстве арабских стран возникло устойчивое убеждение в том, что Иран оказался в выигрыше от американской агрессии в Ираке. Президент Египта Х. Мубарак рассматривал эти перемены как укрепление позиций Ирана в регионе. Он считал, что шиитские общины в арабских странах более лояльны Ирану, чем собственным властям. Х. Мубарак полагал, что Иран активно вмешивается во внутренние дела Египта. Несмотря на это, контакты между Каиром и Тегераном продолжались. В январе 2008 г. М. Ахмединежад заявил, что Иран готов открыть свое посольство в Каире.

---

[138] Parasiliti, A.T. Iran and Iraq: Changing Relations and Future Prospects, pp. 217-243. In: Amirahmadi, H., Entessar, N. (eds) Iran and the Arab World. Palgrave Macmillan, London, 1993. URL. https://doi.org/10.1007/978-1-349-22538-5_12, p. 264.

[139] Дунаева Е.В. Развитие политического процесса в Иране в 2005-2012 гг., с. 91-107. В Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.

С другой стороны, сторонники жесткой линии в Иране утверждали, что Х. Мубарак использует отношения с Ираном в своих интересах и играх с США. Они полагали, что службы безопасности Египта работают против Ирана. Действительно, Х. Мубарак больше доверял военным, чем дипломатам. Возможно, поэтому проблема урегулирования ирано-египетских отношений решалась с таким трудом[140].

В условиях гегемонистской политики США на Ближнем Востоке Египет опасался искать сближения с Ираном, который находился под санкциями и угрозой американского удара. Национальные, религиозные и культурные различия не играли решающей роли в определении характера двусторонних отношений. Хотя время от времени конфессиональные различия обострялись и становились предметом раздора в двусторонних контактах, региональная политика оказывала большое влияние на политику двух стран. Египет и Иран конкурировали за влияние в Персидском заливе и стремились не допустить превосходства соперников в этом регионе. В действительности, политика Ирана в Египте постоянно наталкивалась на скрытые механизмы, определявшие характер региональных процессов, и динамку их развития.

Установление отношений дружбы и сотрудничества между Ираном и Египтом с учетом их потенциальных возможностей могло кардинально изменить ситуацию на Ближнем Востоке за счет других региональных игроков и мировых держав. В этом плане, основным просчетом иранской политики в Египте была уверенность Тегерана в том, что он сможет договориться с Каиром напрямую, игнорируя США и влиятельных региональных акторов.

С другой стороны, Дамаск поддержал Иран в войне с Ираком, что на долгие годы вперед определило характер двусторонних ирано-сирийских отношений. Позиция САР показывала, что С. Хусейн не пользуется поддержкой всех арабских стран. Тем самым ставились под сомнение попытки некоторых арабских политиков позиционировать ирано-иракский конфликт как арабо-персидскую войну.

---

[140] Мамед-заде П.Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX – начале XXI в. Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. М., 2006, с.198.

Многочисленные эксперты по-разному объясняли феномен сирийской позиции. Одни делали упор на то, что у власти в Сирии стояли алавиты, близкие по вере к шиитам Ирана. Другие считали, что за решением Дамаска стояли прагматичные соображения и четкие политические расчеты. В это время сирийский режим столкнулся с мятежом «Братьев-мусульман», который поддерживал Ирак. Ирано-иракская война давала возможность сирийскому режиму справиться с суннитским сопротивлением в лице «Братьев», лишив их поддержки извне. Ряд экспертов обращали внимание на расчеты Дамаска, связанные с динамикой межарабского баланса сил и фактор Израиля, который оккупировал часть сирийской территории[141].

В действительности, Дамаск полагал, что атака на исламский режим Ирана не в интересах арабских стран. Х. аль-Асад считал, что война с Ираном отвлекает силы арабских государств от борьбы с Израилем за освобождение оккупированных арабских земель. Президент САР опасался, что в случае победы Ирака С. Хусейн может стать самым влиятельным арабским лидером и захочет свести старые счеты с Х. аль-Асадом. С. Хусейн действительно обещал наказать Дамаск после победы над Ираном, а до этого оказывал поддержку антисирийским силам в Ливане. Поддержка Дамаском Ирана принесла Сирии финансовую выгоду. Дамаск стал получать нефть из Ирана на безвозмездной основе[142]. Война в Ливане (2006) еще больше усилила религиозную напряженность в регионе. Ливанские события спровоцировали обострение религиозной борьбы и ухудшили ирано-арабские отношения. Искусственно подогреваемые суннито-шиитские разногласия становились неотъемлемым элементом межгосударственных отношений. В рамках американского проекта Большого Ближнего Востока региональные конфликты приобрели международное значение, что полностью меняло подходы к обеспечению региональной безопасности.

---

[141] Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990 – 2020-е гг.). М.: ИВ РАН, 2022, с. 58-64.

[142] Hunter, S. Islamic Iran and the Arab World. Middle East Insight 5, no. 3, August-September 1987, pp. 17-25.

Политика США на Ближнем Востоке подтолкнула Эр-Рияд активизировать действия против Ирана и иракских шиитов. Усиление позиций шиитов в Ираке и перспектива ирако-иранского альянса могли спровоцировать волнения в шиитских районах КСА. Саудовцы решили укрепить позиции иракских суннитов и оказать поддержку суннитскому сопротивлению Ирака. Иранская помощь шиитам Ирака, их вооруженным формированиям, усилила соперничество за Ирак между КСА и ИРИ. Несмотря на это, в Иране и КСА не стремились к дальнейшему обострению отношений. Саудовский монарх Абдалла бен Адбель Азиз пытался использовать любые возможности, чтобы избежать прямого конфликта с Ираном. В 2007 г. он пригласил президента ИРИ М. Ахмединежада на хадж в Мекку. Со своей стороны, Иран выступил с рядом инициатив по созданию системы региональной безопасности. В итоге сложились благоприятные условия возможного участия Ирана в заседании ЛАГ в Дохе в 2009 г. Однако ряд арабских стран, в частности, Египет, отказались прибыть на саммит в случае участия в нем ИРИ[143].

Складывающаяся в регионе военно-политическая ситуация во многом определялась характером взаимоотношений США с Ираном. На протяжении первой декады 2000-х гг. сдерживание ИРИ стало центром всей ближневосточной политики США. Америка обвиняла Иран в эскалации насилия в Ираке, Афганистане, дестабилизации ситуации в Ливане, приходе «ХАМАС» к власти в Газе. США опасались, что баланс сил в регионе может склониться в пользу ИРИ и ее союзников.

США стремились усилить давление на Иран и пытались создать широкую антииракскую коалицию. С этой целью Вашингтон увеличил свое военное присутствие в Персидском заливе. Одновременно США создали и профинансировали (75 млн долл.) фонд поддержки иранской оппозиции, выступавшей за смену власти в Иране[144]. Через свои подконтрольные финансовые

---

[143] Pasha A.K. Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal. Contemporary Review of the Middle East. 2016. Volume 3. Issue 4, pp. 387-404.

[144] Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М., 2007, с. 149.

организации США ограничили возможности выхода Ирана на международные рынки и обвинили КСИР в поддержке международного терроризма.

Главной целью США было снизить влияние ИРИ в Арабском мире, чтобы отбросить назад все завоевания ИРИ в этом регионе. Вашингтон стремился получить поддержку арабских правительств в борьбе с Ираном. Положение, сложившееся вокруг Ирана, вызывало неадекватную реакцию его арабских соседей-«заливников». Позиции некоторых из этих государств не отличались ни ясностью, ни решительностью. С одной стороны, они вроде как опасались последствий возможного американского военного удара по Ирану, а с другой –не желали вызвать недовольство американской администрации. С этой точки зрения многие арабские страны с сочувствием относились к планам «замораживания» иранской ядерной программы, будь то в рамках международных усилий или односторонних действий США. В то же время многие арабские государства понимали, что возможные последствия американских силовых акций против ИРИ с точки зрения экономики и безопасности вряд ли будут отвечать их национальным интересам. Значительная часть населения ближневосточных государств не поддерживала идею нанесения ракетно-бомбовых ударов по иранским ядерным объектам. Но они обладали весьма ограниченными возможностями повлиять на ситуацию, особенно в условиях американской гегемонии в регионе. Политика Ирана пугала многих представителей правящей арабской элиты. Ядерная программа Тегерана, его явное стремление к политическому доминированию в регионе, неоспоримые достижения ИРИ в военно-технической сфере, вовлеченность Ирана в наиболее острые конфликты в Арабском мире. Все это мешало арабским правительствам нормализовать отношения с иранским руководством[145] .

В условиях обострения религиозного противостояния на Ближнем Востоке арабские государства с большинством суннитского населения опасались имеющихся у Тегерана возможностей напрямую вести диалог с шиитским

[145] Сажин В.И. Военная напряженность вокруг Ирана, с. 64-81. В Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.

меньшинством и связанными с ними организациями в их странах. В отношении шиитских общин Иран проводил политику их сплочения вокруг Тегерана с целью обеспечения своей внешней политики, а также решения энергетических задач[146] . Это, прежде всего, касалось шиитов Ирака, Ливана, арабских монархий Персидского залива, Афганистана, Йемена и Азербайджана. Характерно, что именно на территории этих стран, где был достаточно велик процент шиитов, находились одни из самых крупных мировых запасов углеводородов. Это районы Хузистана, Каспия, Басры, Азербайджана, Эль-Хассы, Бахрейна. Приоритетной задачей ИРИ являлось сплочение шиитского населения под эгидой Ирана. Общая численность шиитов в этом районе составляла около 11% всех мусульман. Но Ирану в одиночку вряд ли удалось бы укрепить позиции в этих районах и, особенно, в Персидском заливе, поэтому он стремился приобрести союзников из числа арабских стран, прежде всего в Сирии и Ираке. До начала «Арабской весны» и событий в САР в марте 2011 г. Б. аль-Асад пытался развивать отношения с Западом и арабскими странами, не меняя характера связей с Тегераном. Ведущие государства Западной Европы и арабские монархии Персидского Залива охотно шли на развитие отношений с САР. В то же время западные страны и арабские монархии Персидского Залива не спешили солидаризироваться с позицией сирийского руководства в вопросах возвращения оккупированных Израилем сирийских территорий. Запад и арабские монархии, прежде всего КСА, обуславливали финансовую и экономическую помощь Дамаску, поддержку его планов по возвращению Голанских высот пересмотром характера отношений с Ираном[147].

Изменение баланса сил в регионе вызвало серьезные опасения и недовольство в арабских странах, прежде всего в Персидском заливе. Особую

---

[146] Аятолла Занджани, Мохаммад Таваколи. Усуль-сиясат-хариджий-джамхурие-иран-исламий-мабнаи-унван-бихи-динийю. Маджалла Батрухджи касли (Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран). Ежеквартальный исследовательский журнал. Т. 42. No. 2. Тегеран. 2012. https://journals.ut.ac.ir/article_29898_0.html (дата обращения: 12.08.2025). На перс. яз.

[147] Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014, с. 252-257.

обеспокоенность активной политикой Ирана в регионе проявляли лидеры Саудовской Аравии, Египта, которые рассматривали себя и свои страны в качестве главных игроков в регионе и считали ближневосточную политику Ирана угрозой своему влиянию и стабильности на Арабском Востоке. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива (ССАГПЗ) вместе с Египтом и Иорданией стремились создать общий военный щит против Ирана, особенно в условиях ослабления Ирака. Саудовская Аравия никак не могла смириться с новым балансом сил и усилением роли Ирана, ростом активности шиитских общин в Арабском мире. Эр-Рияд стал активно помогать суннитскому сопротивлению в Ираке, в том числе ИГИЛ*. В начале США и ряд арабских стран рассматривали эту организацию как полезный инструмент в борьбе с Ираном. Но после атак ИГИЛ* на американские объекты эта точка зрения изменилась. В конечном счете, Иран и ряд арабских государств оказались вовлеченными в гибридные войны в Ираке, Сирии, Йемене. Это серьезно осложнило арабо-иранские отношения[148].

Таким образом, «новый мировой порядок» США окончательно подорвал баланс сил в регионе и отрицательно сказался на отношениях Ирана с арабскими странами, активизировав в спектре их разногласий этнический и конфессиональный фактор. Политика США не способствовала поиску арабскими странами примирения с Ираном, а только обостряла их отношения. Иран и ряд арабских стран оказались втянуты в вооруженные конфликты в различных уголках Арабского мира и на Ближнем Востоке, в частности. Тем более, предпринимавшиеся американской администрацией при содействии своих арабских союзников в течение последних двух десятилетий попытки изменить систему власти в ИРИ и сдержать рост иранского влияния на Ближнем Востоке не принесли желаемых результатов. Спустя два десятилетия последствия указанных

[148] Novak, J. Trump May Have Pushed Saudi Arabia and Iran Closer to War. CNBC. November, 7, 2017. https://www.cnbc.com/2017/11/07/trump-may-have-pushed-saudi-arabia-and-iran-closer-to-war-commentary.html (accessed: 21.08.2025).

событий на Ближнем Востоке привели к тому, что регион стал свидетелем социальных потрясений и гражданских войн.

«**Арабская весна» 2010-2011 гг.** обозначила новый этап в развитии системы международных отношений на Ближнем Востоке. Арабские восстания ознаменовали возвращение политики в широкие массы населения и их активное участие в политическом процессе. Во многом это было связано с тем, что арабские правительства не смогли решить главные проблемы, – преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории, обеспечить создание палестинского государства, защитить арабские народы от внешней агрессии. Арабские протестные движения вызвали кризис политических систем арабских стран, их институтов, идеологии, в том числе политического ислама, возведенного в ранг государственной политики.

События «Арабской весны» характеризовались выходом на политическую авансцену в ряде арабских стран движений «политического ислама». Представители политических движений ислама продемонстрировали возможность прихода в органы власти как мирным, демократическим путем, так и с помощью силы. Они пытались реализовать свои партикулярные цели, то есть навязать обществу исламизацию во всех сферах жизни. В странах, где «Арабская весна» сопровождалась продолжительными вооруженными конфликтами, политический вакуум стал заполняться «джихадистскими» движениями. Эрозия государственной целостности привела к тому, что экстремистские организации обрели новые функции, которые позволили им стать акторами вне суверенитета.

Возрождение религии в качестве причины вооруженных конфликтов ускорило вышеобозначенные процессы изменения обычаев войны, трансформации регулярных армий. Вооруженные религиозные конфликты становились важным элементом политического противоборства на Ближнем Востоке, принимая форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. Развитие революционного процесса в арабском мире, начавшееся в 2010-2011 годах меняло сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. При этом ключевые игроки на поле ближневосточного конфликта оказались неготовыми противостоять подобному

вызову. Мировые и региональные державы не пытались урегулировать ситуацию, а вступили в борьбу за влияние на Ближнем Востоке, объектом которой стали арабские государства. Поскольку их внешнеполитические и региональные устремления противоречили внутриполитическим интересам арабских стран, их соперничество имело самые негативные последствия для региональной безопасности и международных отношений в регионе.

В Иране в целом позитивно были восприняты события в арабском мире. Мировые державы переключили свое внимание на арабские события и уже не так строго следили за осуществлением иранской ядерной программы. Существенно снижался риск нанесения Израилем военного удара по иранским ядерным объектам. Используя сложившуюся обстановку, Иран стремился укрепить свои позиции в регионе, что являлось одним из важных направлений внешней политики Ирана на протяжении последних лет. Однако на волне событий в Арабском мире в 2010-2011 гг. силовая составляющая во внешней политике Ирана стала вновь превалировать. Это дало импульс возрождению идеи экспорта исламской революции, но уже в идеологически и политически модифицированном виде как средства укрепления иранских военно-политических позиций в арабских странах и попыток навязать им свою политическую модель государственного устройства[149].

События «Арабской весны» привели к отставке Х. Мубарака и приходу на пост президента Египта М. Морси. Избрание представителя «Братьев-мусульман» на высший пост в государстве воодушевило иранцев. В ирано-египетских отношениях наметились некоторые позитивные сдвиги. В 2013 г. президент ИРИ М. Ахмединежад посетил Каир, где принял участие в саммите ОИК. Впервые после 1979 г. Каир разрешил двум иранским военным судам пройти через Суэцкий канал. Непродолжительная нормализация ирано-египетских отношений означала не только отход Каира от лагеря «умеренных» арабских стран, созданных США против Ирана, Сирии, «Хезболлы» и «ХАМАС», но и то, что внешняя политика ИРИ в Арабском мире получила дополнительное признание и легитимацию. Это

[149] Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990 – 2020-е гг.). М.: ИВ РАН, 2022, с. 270.

создавало серьезную брешь в мобилизации арабских стран на антииранской основе, которую проводили монархии Персидского залива, нередко используя для этого конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами. Однако очень скоро прежние проблемы в двусторонних отношениях Египта и Ирана заявили о себе[150].

На деле внешняя политика Египта при М. Морси была во многом продолжением политики Х. Мубарака. Новая власть в Египте сохранила подавляющую часть египетского аппарата безопасности и особые позиции военных в стране. Египетские военные и сотрудники служб безопасности настороженно относились к Ирану. М. Морси не хотел обострять отношения с США и Саудовской Аравией, которые были не в восторге от нормализации отношений Каира и Тегерана. Поэтому свой первый зарубежный визит в качестве президента М. Морси совершил в Эр-Рияд. На межарабском уровне многие страны скептически относились к М. Морси. Особую обеспокоенность проявила Саудовская Аравия. События «Арабской весны», которые привели к смене власти в Тунисе и Египте, прихода к управлению в АРЕ «Братьев-мусульман» вызывали серьезную обеспокоенность саудовского руководства. Сближение нового руководства Египта с Ираном ставило под вопрос существование египетско-саудовского альянса, который служил определенной преградой на пути продвижения ИРИ на Ближнем Востоке. В конечном итоге КСА, с тем чтобы ослабить активность Ирана, способствовало организации военного переворота в Египте. Короткое президентство М. Морси окончилось в июле 2013 г. Военный переворот в Египте не вызвал в Иране бурной реакции. Однако процесс налаживания ирано-египетских отношений был опять отложен[151].

Пришедший на смену М. Морси генерал Абдул Фаттах аль-Сиси восстановил отчасти прежние порядки. Несмотря на то, что Каир не стремился к нормализации

---

[150] Esfandiary D. Iran and Egypt: A Complicated Tango. European Union Institute for Security Studies, October, 2012. http://www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango; www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango, pp.1-17 (accessed 23.09.2025).

[151] Аль-Сейд, С. М. Тахлиль-сиясат-аль-хариджияй. Мактаба-аср-аль-Нахд -аль-мысрий Кахира. (Анализ внешней политики. Библиотека египетского ренессанса, Каир), 2013, p. 397. На араб.яз.

отношений с Тегераном, позиции двух стран совпадали по ряду вопросов региональной политики. Египет был недоволен тем, что КСА играет в сирийском вопросе более значимую роль. В этой связи, некоторые египетские политики полагали, что было неразумным слишком далеко отходить от Ирана, чтобы несколько скорректировать региональную систему сдержек и противовесов. Нельзя исключать, что в дальнейшем в случае изменения баланса сил в регионе Египет может вернуться к мысли о сближении с Ираном в качестве противовеса в отношениях с другими арабскими странами[152] .

Волнения на Бахрейне и в восточных провинциях КСА вызвали обеспокоенность саудовцев и усиливали их опасения в отношении Ирана и его роли в этих событиях. В результате событий на Бахрейне и вмешательства в них вооруженных сил ССАГПЗ, отношения между Эр-Риядом и Тегераном серьезно осложнились. Иран явно недооценил тот факт, что арабы считают Бахрейн исключительно зоной своего влияния. Арабские монархии опасались, что Иран может воспользоваться их потенциальной слабостью в результате развития арабских протестных движений и использовать это обстоятельство для укрепления своих позиций в регионе. В результате последствия «Арабской весны» привели к серьезному ухудшению двусторонних арабо-иранских отношений[153].

Таким образом, характер арабо-иранских отношений после Второй мировой войны определялся комплексом факторов. Это процессы модернизации и государственного строительства, поиски национальных моделей для самоидентификации и т.п. В то же время исторические особенности арабо-иранского взаимодействия и их различия в этническом и религиозном отношении представляли собой основу для развития их отношений и играли роль катализатора

---

[152] Мохаммад Н. Аль-саура-мин-амман-абаун. Аль-сияса-аль-хариджий-аль- иранийя. Ли-ль-фахм-аль-мухавваля-тахаваль--аль-савабит-аль-прагматийя-ва-аль-идеолоджийя. Аль-вахат-маджалья-аль-дирасат-ва-аль-бухус. (Сорок лет иранской революции. Внешняя политика Ирана. Исследование попытки трансформации прагматических и идеологических основ. Научно-исследовательский журнал «Аль-Вахат» Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам. No. 292. Каир, 2019. На араб. яз.

[153] Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Москва, 2012, с. 500-508.

разногласий в определенных ситуациях. Наряду с этим арабо-иранские отношения определялись обычным соперничеством в политической и торгово-экономической сферах. Саудовская Аравия использовала свои нефтяные богатства и ценовую политику для ослабления иранской экономики и мобилизовала ваххабизм для сдерживания экспорта исламской революции и распространения ее влияния в суннитском мире. Со своей стороны, Иран направлял потенциал исламской революции для ослабления консервативных арабских режимов, стремясь подорвать доверие к ним среди их собственного населения. Стремление Ирана и арабских стран к региональному лидерству и усилению позиций на международной арене только усиливало конфликтный потенциал их отношений. В коечном итоге, вопросы власти и безопасности играли более важную роль, чем проблемы, связанные с идеологической и конфессиональной идентичностью в определении состояния арабо-иранских отношений. Внешняя политика Ирана и арабских стран зависела от системных факторов международных отношений и политики мировых держав на Ближнем Востоке. Возможности Ирана и арабских стран самостоятельно выстраивать свои отношения были ограничены и подвергались влиянию извне. Смена политического курса мировых держав также негативно сказывалось на процессе развития региональных государств. Внешний фактор в лице политики ведущих мировых держав на Ближнем Востоке оказывал, куда большее влияние на характер арабо-иранских отношений, нежели их этнические, конфессиональные, культурно-исторические различия.

Глава 4. Основные направления арабо-иранских отношений и ближневосточной политики ИРИ в условиях сирийского конфликта

В главе четвертой дана комплексная характеристика причин сирийского конфликта, подробно проанализированы основные предпосылки и мотивы участия Ирана в сирийских событиях. Показаны этапы и ход военной кампании ИРИ в САР и Ираке в контексте малоисследованных особенностей взаимодействия Тегерана с властями Дамаска и Багдада. Впервые представлена комплексная оценка основных идейно-политических характеристик шиитских милиций Сирии и Ирака, особенностей их отношений с властями арабских стран и Ирана. Особое внимание уделено малоизученным аспектам гуманитарной дипломатии ИРИ в САР и Ираке. Дан сравнительный анализ политики Ирана в САР и в Ираке. Использован авторский подход к исследованию характера арабо-иранских отношений и анализу факторов влияния ирано-израильской вооруженной конфронтации на развитие ситуации в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом. Определены предварительные итоги и результаты политики ИРИ с точки зрения изменения взаимоотношений Тегерана с ключевыми региональными и мировыми державами на Ближнем Востоке в контексте выявления причин иранского ослабления в регионе и смены власти в САР.

§ 1. Политика Ирана в Сирии и Ираке в условиях сирийского конфликта

В параграфе первом выявлены скрытые причины сирийского кризиса, дан комплексный анализ предпосылок и мотивов участия Ирана в сирийском конфликте, дан сравнительный анализ силовой операции ИРИ в Сирии и Ираке, охарактеризованы ее основные этапы и результаты, показана борьба Ирана с ИГИЛ* в САР и Ираке. Особое внимание уделено созданию проиранских шиитских милиций в САР и Ираке, дан анализ их идейно-религиозных установок. В

сравнительном плане исследован характер их отношений с местными властями и Ираном. Детально изучены основные направления гуманитарной дипломатии ИРИ в условиях сирийского конфликта и ее результаты.

Кризис в САР (2011-2024 гг.) и его последствия вызвали изменения в системе международных отношений, и обозначил переломный этап развития Ближнего Востока. Вооруженное вмешательство Ирана в Сирию и Ирак обострило борьбу за Ближний Восток. Силовая политика ИРИ изменила характер взаимоотношений Ирана с Россией, США, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива.

С начала 2000-х гг. ситуация в регионе изменилась не в пользу Дамаска. Выживаемость режима (как власти нескольких алавитских семей) ставилась в прямую зависимость от способности президента адаптировать политическую систему к новым ближневосточным реалиям. С приходом к власти в 2000 году молодого президента Б. аль-Асада активизировался поиск новой экономической стратегии. Получивший в новейшей истории Сирии название «Дамасской оттепели», период с лета 2000 по февраль 2001 г., в какой-то степени предопределил события, начавшиеся в марте 2011 года. В результате падения цен на нефть и распада СССР страна оказалась неготовой к самостоятельной перестройке своей экономической модели. В рамках курса на приватизацию государственного сектора экономики были постепенно отменены государственные субсидии на хлеб, рис, кукурузу и другие продукты питания. Принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных слоев населения. Социально-экономическое положение ухудшилась после отмены в начале 2000 годов топливных субсидий. Резкий рост цен на топливо привел к падению промышленного производства на 4% и ощутимому снижению уровня жизни большинства сирийцев, усугубленному катастрофической засухой. Половинчатые меры Б. аль-Асада в сфере социально-политических и экономических реформ создали объективные условия, в которых внешние силы в рамках технологий «цветных революций» спровоцировали сирийский конфликт. В

2007 году после переизбрания Б. аль-Асада президентом на второй срок Дамаск стал свидетелем обострения борьбы за власть в ближайшем окружении президента. Подобная ситуация свидетельствовала о появлении первых признаков кризиса власти и расколе общества[154].

Сирийское правительство практически не уделило должного внимания проблеме сотен тысяч голодных и обездоленных сельских провинциалов. Накануне сирийских событий в крупные городские центры потянулись безработные сельчане, общая численность которых насчитывала около 1 млн человек. Именно они и стали той взрывоопасной субстанцией, где вспыхнула искра сирийских протестов. Особый характер сирийского конфликта, сложность его разрешения определялись рядом скрытых внутренних причин, которые зрели на протяжении нескольких последних лет и выплеснулись на поверхность в переломный для страны момент. Специфика сирийского восстания определялась традиционно существовавшей разницей между городом и деревней и той ролью, которую сыграла периферия на начальном этапе событий. Салафитские идеи расцвели, прежде всего, в условиях провинциальных центров. Это дало мощный импульс к возрождению и выходу на политическую авансцену загнанных режимом в провинцию религиозных организаций салафито-джихадисткого толка. Исламистский поворот в сирийском кризисе сопровождался обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами, с одной стороны, и национальным расколом между арабами и курдами, – с другой. Ряд причин кризиса заключались в специфике демографической структуры сирийского общества, системе распределения ресурсов и социальных благ. Общая численность населения Сирии в 2011 году составляла примерно 22 миллиона человек. Согласно данным статистики, арабы-сунниты занимали доминирующее положение в этноконфессиональной картине страны. В то же время ключевые позиции в

---

[154] Данная проблематика подробно изучена автором в его более ранних работах: Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: Институт Востоковедения, 2018, с. 193; Ахмедов В.М. Исламистский феномен сирийского восстания. Москва–Берлин: Институт Востоковедения, 2019, с. 177; Akhmedov V.M. The Syria Revolution. В книге: Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham, 2022, pp. 707-723.

политике, экономике и военной структуре занимала небольшая группа арабов-алавитов. Накануне сирийских событий сирийское общество было разделено по конфессиональным и этническим линиям. Сирия не сильно отличалась от соседнего Ливана, где в основе управления страной лежал принцип политического конфессионализма. Недооценка властью конфессиональной специфики сирийского социума на фоне ухудшения экономического положения сыграла роковую роль в сирийских событиях и способствовала их превращению в вооруженный конфессиональнокрашенный конфликт.

К началу сирийского конфликта внутри Сирии не существовало политически организованной оппозиции. Ее зарубежные отряды были плохо связаны с внутренней жизнью в Сирии. Они были разобщены и занимались в основном информационно-пропагандистской работой. Политическая оппозиция не сумела сплотить свои силы на единой патриотической основе и политической платформе. Прежде внешне единый сирийский социум стал стремительно раскалываться, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране. В результате в протестном движении возобладали религиозные настроения радикального характера.

Весной-летом 2011 г. Б. аль-Асад провел ряд мер в законодательной и административной сфере. Вне зависимости от сирийских руководителей сама логика событий, подталкиваемых внешними силами, заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих. Летом 2011 г. протестные движения охватили практически все крупные городские и сельские центры страны. Мирные демонстрации постепенно переросли в ожесточенные столкновения с силами правопорядка. Наряду с требованиями свобод и реформ, все чаще стали раздаваться призывы к свержению правящего режима. Режим фактически не попытался использовать политические инструменты урегулирования кризиса. Одним из таких инструментов могла стать правящая партия ПАСВ, которая объединяла в своих рядах свыше 1 миллиона членов и образовывала консолидирующий центр мобилизационной модели общества. Усиление силовой составляющей в политике

режима ускорило структурный кризис власти и обрушило программу реформ под предлогом укрепления стабильности и безопасности. В условиях гражданской войны армия кардинальным образом трансформировалась. К середине 2013 г. количественный состав Сирийской арабской армии (САА) сократился и составлял фактически 50% от прежней численности (220 тысяч). Конфессиональная поляризация и фракционность в офицерском корпусе ослабили боеспособность и эффективность вооруженных сил САР. После начала кризиса режим мог использовать в борьбе с повстанцами не более трети личного состава всех 20 дивизий. В результате дезертирства более 3 тыс. офицеров (суннитов) изменился конфессиональный баланс в армейском руководстве. Режим сделал опору исключительно на лояльные с его точки зрения алавитские части и местные милиции. Алавиты заняли практически все командные посты в армии[155]. В то же время вооруженные исламистские отряды объединяли в своих рядах более 80 тысяч бойцов. Исламские бригады и фронты получали финансирование и оружие из-за рубежа, главным образом, из арабских монархий Персидского залива, прежде всего, Саудовской Аравии. Всего на территории Сирии в 2012 году находилось около 1200 вооруженных отрядов в основном радикальной направленности[156].

Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис. После начала сирийских событий Запад и консервативные арабские режимы потребовали смены власти в Дамаске. Турция и арабские монархии Персидского Залива поддержали сирийскую оппозицию. Саудовская Аравия и Катар допускали иностранное вторжение в Сирию с целью свержения президента Б. аль-Асада. Одновременно, ЛАГ выдвинула мирный план по Сирии, который предусматривал немедленное прекращение огня и допуск на сирийскую территорию арабских наблюдателей. В конечном итоге это привело к провалу миссии арабских наблюдателей, приостановке членства САР в ЛАГ, передаче «сирийского досье» в СБ ООН. В новый 2012 год Сирия вошла в очень тревожной обстановке. После

---

[155] Fabrice, B. The Alawi Community and the Syria Crisis / Middle East Institute, May 14, 2015. http://www.mei.edu/content/map/alawi-community-and-syria-crisis (accessed: 24.06.2022).

[156] Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: ИВ РАН, 2010, с. 152.

взрыва в июле 2012 г. штаб-квартиры Совета национальной безопасности САР, в результате которого было убито несколько высокопоставленных руководителей сирийских спецслужб, и штурма Дамаска режим начал быстро слабеть. Возникла реальная угроза потери столицы, что могло привести к краху правительства.

Мотивы участия ИРИ в сирийских событиях детерминировались группой факторов.

Решение Тегерана о вмешательстве во внутренние дела той или иной страны, уровень и характер иранской вовлеченности определялись рядом обстоятельств. Особый характер отношений с правящим режимом и лояльность его представителей политике ИРИ в регионе служили важным элементом механизма принятия подобных решений. Этническая и религиозная общность являлась другим важным мотивом иранского вмешательства. Во многих арабских государствах проживали конфессиональные сообщества, разделявшие религиозную доктрину Ирана. Указанные факторы занимали важное место в региональной политике Тегерана. Обычно Тегеран ограничивался направлением в эти страны советнических миссий, избегая вооруженной интервенции, если это не задевало напрямую интересов безопасности ИРИ. Таким образом, ослабление властной конструкции в САР, отсутствие инклюзивного правительства, нерешенность острых социально-экономических проблем, распространение религиозной вражды, – все это создало благоприятные причины для вмешательства Ирана в сирийский конфликт и поддержки им негосударственных организаций с целью решения собственных стратегических задач на Ближнем Востоке.

Сирийский кризис стал тяжелым испытанием для ближневосточной политики ИРИ. Значимость правящего в САР режима определялась его позицией в отношении региональной роли ИРИ с момента исламской революции 1979 г. С учетом стратегического характера сирийско-иранских отношений, Иран не мог допустить смены режима в САР, на который Тегеран опирался в неблагоприятном арабском окружении. Опорные элементы ирано-сирийского альянса подверглись серьезным изменениям. Сирийские события отрицательно сказывались на позициях Ирана в Ливане и Ираке. Превращение Сирии в плацдарм для

террористических организаций, прежде всего Исламского Государства (ИГ)*, представляло реальную угрозу иранским позициям в Ираке. В случае победы суннитского сопротивления в САР ставилась под сомнение эффективность политической стратегии и государственной модели ИРИ[157]. В августе 2012 глава Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) Ирана С. Джалили встретился с Б. аль-Асадом в Дамаске. С. Джалили и другие иранские представители дали ясно понять, что ИРИ отдаст все силы для спасения сирийского режима. Упомянутые выше официальные лица представляли интересы военно-клерикальной группировки в иранском руководстве и во многом отражали позицию влиятельной группы в правящей элите Ирана.

Руководители Тегерана и «Хезболлы» сомневались в способности сирийского режима самостоятельно справиться с протестным движением. Прежние методы, использовавшиеся Дамаском для борьбы с экстремистскими организациями, оказались бесполезны в отношении вооруженных сирийских исламистов. Военизированные салафитские отряды пропагандировали чуждые идеологию, мировоззрение и практиковали действий крайне экстремистского характера. Для защиты интересов ИРИ в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом уже было недостаточно использовать ошибки и просчеты врагов Тегерана в регионе. С этой точки зрения, докризисная ближневосточная политика Ирана могла не справиться с решением задач в новой региональной ситуации. Участие Ирана в начавшейся борьбе за Сирию и Ближний Восток предполагало изменение его военно-политической стратегии.

Этапы иранской вовлеченности в сирийские события отличались характером решаемых задач в зависимости от развития ситуации в САР и вокруг нее. После силового подавления сирийскими властями протестных движений весной 2011 года начался первый этап иранского участия в сирийском конфликте. Тегеран ограничивался материальной и гуманитарной поддержкой сирийского

---

[157] ISNA. Ма-дар-сораех-сарбаз-нафрохтеким. Даеш-алаех-иран-дар-срае-ташкиль-шодех-ест (Мы не продадим сирийских солдат. ИГ создал в Сирии позиции против Ирана). Iranian Students News. 05.10.2016. https://www.isna.ir/news/95071409366 (дата обращения: 08.09.2025). На перс. яз.

правительства. Иран оказывал сирийскому режиму материально-техническую помощь, обеспечивал его средствами связи и некоторыми видами легких вооружений. По мере успехов сирийской оппозиции, Тегеран наращивал уровень поддержки правящего в САР режима.

В начале 2012 г. начался второй этап иранской операции в САР. В мае 2012 г. КСИР впервые публично признал факт наличия в Сирии своих боевых подразделений. Первоначально КСИР составил основу иранского военного контингента. В течение 2013 г. Тегеран заметно нарастил свое военное присутствие в САР, в том числе, привлек «Хезболлу»[158] .

Причины вооруженного вмешательства Ирана в САР были для многих непонятными. С учетом этого, сравнительный анализ политики ИРИ в Сирии и Ираке может дать представление о поведенческой модели Ирана на Ближнем Востоке в обозримой перспективе. Позиция Тегерана в отношении сирийского конфликта кардинально отличалась от традиционной политики и действий ИРИ в регионе. После ирано-иракской войны 1980-1988 гг. Иран практические избегал прямого вооруженного участия в региональных конфликтах, тем более, дислокации своих войск на территории третьих стран. Кризис в САР подтвердил стратегическую установку ИРИ на то, что Сирия и Ирак являются критическими факторами национальной безопасности Ирана[159]. В отличие от Ирака, сирийский конфликт не представлял прямую угрозу ИРИ. Кризис в САР не был результатом атак на иранскую территорию, не угрожал иранскому суверенитету и территориальной целостности. В Ираке и Афганистане, где обострение внутренней ситуации могло представлять потенциальную угрозу безопасности ИРИ, Сирия не вызвала особой обеспокоенности. Иран не имел общей границы с САР. В широких массах иранского населения борьба ИРИ за сохранение режима аль-Асада не пользовалась особой поддержкой. В то же время сирийский кризис открывал новые

---

[158] Charboneau L. Exclusive: Iran Steps Up Weapons Lifeline to Assad. Reuters, March 13, 2013. https://www.reuters.com/article (accessed: 23.04.2025).

[159] Аль-Ганжа,Х.Аль-амиль-аль-мазхабий-ва-даураху-фи-тауджих-аль-сияса-аль-хариджийя-аль-иранийя-туджаха-ирак (Роль доктринального фактора в выработке внешней политики Ирана в Ираке 2003). Амман. Марказ Китаб аль-Академий.Амман. 2016, с. 269. На араб. яз.

возможности для иранской политики в регионе. Несмотря на то, что Иран является идеологическим государством, его решения определялись, в первую очередь, чисто прагматическими соображениями. Идеология служила инструментом мобилизации сторонних сил для поддержки иранского участия в сирийских событиях. Проблемы региональной и внутренней безопасности послужили мощным драйвером иранского участия в САР. Основным мотивом вооруженного вмешательства ИРИ в САР стало его стремление изменить баланс сил на Ближнем Востоке в свою пользу. Вовлеченность Ирана в сирийские события была вызвана стремлением ИРИ укрепить свои позиции в САР, превратив ее в надежный плацдарм для своих операций в Ливане и Палестине. Фактор географии играл не последнюю роль в решении вмешательства в САР. Общая граница САР с Ираком и Ливаном обеспечивала возможность постоянного доступа к шиитским общинам указанных стран. Действуя с сирийских позиций, Иран минимизировал затраты на поддержку «Хезболлы» в Ливане и союзных ему организаций в Ираке. Сухопутный путь в Ирак и Ливан через сирийскую территорию расширял иранское геополитическое пространство. Удержание САР в орбите своего влияния означало для Тегерана наращивание стратегической глубины в регионе [160] . Если бы Тегеран смог организовать на Голанских высотах второй фронт против Тель-Авива, в сочетании с возможностями «Хезболлы» на северных границах Израиля, это дало бы шанс ИРИ и ее союзникам пробить израильскую противоракетную оборону. В этом случае Израилю было бы затруднительно организовать обстрел иранской территории без угрозы для собственной безопасности. Иран рассматривал размещение своих вооруженных сил на сирийской территории как достаточно эффективное средство для сдерживания Израиля и США в регионе. Участие вооруженных отрядов «Хезболлы» в сирийских событиях и возможность прямого управления организацией сыграли немалую роль в решении Тегерана вмешаться в САР. Массированное присутствие в САР шиитских милиций снимало опасения

[160]Хамадани, Хосейн. Агхаз-бахран-сорайе-бах-равайят-шехид-хасин-хамадани(Начало сирийского кризиса по воспоминаниям шахида хусейн хамадани) Алаламти. 26.12.2016. https://fa.alalamtv.net;https://tinyurl.com/37w3yz92 (дата обращения: 05.03.2025). На перс. яз.

Тегерана, что в случае конфликта с Израилем и США Иран может оказаться в одиночестве[161]. Забота о сохранении правящего в САР режима была вызвана опасениями ИРИ возможным расширением активности «Исламского Государства»* в Ираке и проникновением «ИГ»* на иранскую территорию. В этом плане САР и правящий режим представляли интерес для обеспечения безопасности ИРИ. Без должного контроля и внешнего моделирования внутренняя слабость этих арабских государств могла стать потенциальной угрозой безопасности ИРИ. Участие в сирийском конфликте давало ИРИ уникальную возможность приобретения опыта совместных боевых операций двумя абсолютно разными силовыми подразделениями (КСИР – «Артеш»), которые разительно отличались по своим тактическим задачам и социальному уровню личного состава[162] . Впервые после ирано-иракской войны Иран получил возможность продемонстрировать в условиях реального боя способность вести широкомасштабные военные операции за пределами национальной территории. С экономической точки зрения Сирия служила обременением для Тегерана, который тратил значительные ресурсы на поддержание сирийской экономики в интересах сохранения режима. Иран пытался компенсировать свои затраты за счет приобретения выгодных контрактов на реконструкцию САР. Участие «Хезболлы» частично снижало транспортные затраты Тегерана на поддержку организации. В целом, экономические факторы играли второстепенную роль в принятии ИРИ решения об интервенции в САР.

Вопрос о вооруженной интервенции ИРИ в САР стал предметом непростых дебатов в кулуарах высшего военного и политического руководства Ирана. Окончательное решение о силовом участии ИРИ в сирийских событиях явилось компромиссом между военным и гражданским руководством Ирана. Президент Ирана Х. Рухани выступал за ограниченное иранское присутствие на территории САР. Он опасался возможных внутренних осложнений и проблем на переговорах

---

[161] Hubbard, Ben. Iran, Deeply Embedded in Syria. Expands ‘Axis of Resistance, New York Times, February 19, 2018, pp. 1-12.

[162] Пурдистани, А. Джозеат-хозур-ерташ-иран-дар-араг-ве-сорейх. Бах-равият-фрмандех-кел-ерташ (Подробности присутсвия армии Ирана в Ираке и Сирии согласно заявлениям Главкома Артеш). Фарару. 21.01.2018. https://fararu.com/fa/news/; https://tinyurl.com/mr3jjy9u (дата обращения: 19.02.2026). На перс. яз.

по ядерной проблеме. Командующий корпусом «аль-Кодс» генерал К. Сулеймании был явным сторонником массированного военного участия ИРИ в сирийских событиях. Таким образом, вооруженная интервенция Ирана в САР свидетельствовала о стратегической значимости Сирии во внутриполитических раскладах иранской политики на Ближнем Востоке.

Неоднозначность иранской поддержки сирийского режима определялись особенностями иранской политики в Сирии и Ираке и динамикой развития региональной ситуации на Ближнем Востоке. В начале 2011 г. Иран стремился сохранить своего единственного арабского союзника в регионе. По мере развития конфликта и роста иранских затрат, Тегеран стал рассматривать вариант сохранения САР в качестве своего регионального союзника в случае эвентуального ухода Б. аль-Асада. Вне зависимости от нахождения Б. аль-Асада у власти Сирия сама по себе представляла интерес для ИРИ в силу своей геостратегической значимости.

В итоге Тегеран оказался в сложном положении. Иран уже понес немало издержек, поддержав Б. аль-Асада, и не мог найти адекватную ему замену, которая была бы готова обеспечить иранские интересы в САР. Первоначальные расчеты ИРИ на непродолжительность военной операции в САР рухнули в результате интернационализации конфликта и его перерастания в гражданскую войну. Иран оказался перед лицом реальной угрозы быть втянутым в долговременный конфликт с большинством стран Ближнего Востока и ведущими странами Запада. Россия еще не приняла участие в сирийском конфликте. Иран и «Хезболла» были единственными наземными силами, которые обеспечивали поддержку режима и несли большие потери в живой силе и технике. В этот период Тегеран стремился к тому, чтобы любая замена Б. аль-Асада могла бы сохранить приоритет ирано-сирийских связей, позволить ИРИ беспрепятственно действовать на территории САР и обеспечивать поддержку ливанской «Хезболлы»[163]. Политика ИРИ в этот период ясно демонстрировала глубинные интересы Ирана в регионе. Тегеран

[163] Juneau, T. Iran’s Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. Mediterranean Politics, Vol. 25. No. 1, 2020, pp.26-44.

показал, что для Ирана в конечном итоге важнее соображения собственной безопасности и сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности, нежели сохранение личной власти аль-Асада. Несмотря на это, Иран по-прежнему придерживался линии на сохранение правящего в САР режима. Тегеран тщательно взвешивал свои шансы с точки зрения наращивания военного присутствия в Сирии. В Иране ясно понимали, что если Тегеран выведет свои войска из САР и режим аль-Асада падет, то ИРИ лишится надежного союзника в Леванте и утратит канал связи с «Хезболлой». Иран будет выглядеть как слабое государство. Если Иран продолжит сражаться в Сирии, то вряд ли ему удастся найти такую замену Б. аль-Асаду, которая бы смогла сохранить стратегический характер двусторонних отношений. С точки зрения иранской перспективы в регионе единственным выходом было продолжить сражаться в Сирии, несмотря на затраты и неизбежные репутационные потери.

В начале 2014 г. Иран направил в САР несколько сотен своих военных советников из корпуса «Аль-Кодс» – специального подразделения КСИР, –под командованием генерала К. Сулеймани. В этот же период Иран поставил в САР свои ПЗРК типа «Фалак-1» и «Фалак-2»[164] . В Сирии на постоянной основе находилось около 70 высокопоставленных офицеров «Аль-Кодс». В их задачу входило логистическое обеспечение операций сирийской армии и сбор разведывательной информации. По мере развития боевых действий Иран приступил к размещению на сирийской территории части своих армейских подразделений, известных как «Артеш»[165]. Армейские части «Артеш» в Сирии были представлены подразделением «рейнджеров» и силами «Саберин» (отряд снайперов). Военное командование ИРИ отрицало факт полноценного участия частей «Артеш» в сирийском конфликте. Командование «Артеш» утверждало, что в Сирию были направлены представители нескольких подразделений для

---

[164] Saul, J. and Hafezi. P. Iran Boosts Military Support in Syria to Bolster Assad, Reuters, February 20, 2014.URL. https://www.reuters.com (accessed: 14.10.2025).

[165] Пурдистани, А. Джозеат-хозур-ерташ-иран-дар-араг-ве-сорейх. Бах-равият-фрмандех-кел-ерташ (Подробности присутсвия армии Ирана в Ираке и Сирии согласно заявлениям Главкома Артеш). Фарару. 21.01.2018. https://fararu.com/fa/news/; https://tinyurl.com/mr3jjy9u (дата обращения: 19.02.2026). На перс. яз.

поддержки сил «Аль-Кодс» и других иранских военных в САР. Командующий «Артеш» Ахмед Реза Пурдастан утверждал, что бойцы «Артеш» прикомандированы к «Аль-Кодс» и действуют в тесной координации с КСИР[166] . Направление в Сирию «Артеш» имело целью дать возможность его бойцам повысить уровень оперативно-тактической подготовки для противодействия основному противнику ИРИ в лице Израиля и США[167]. Иран увеличил численность подконтрольных ему шиитских милиций, прежде всего, из числа боевых подразделений «Хезболлы» и других формирований.

Борьба с Исламским Государством в Сирии и Ираке обозначила следующую фазу иранской вооруженной интервенции не только в САР, но и в Ирак. Начавшиеся в САР события открыли сирийско-иракскую границу, обеспечили приток экстремистов в Ирак. Критическим моментом в эволюции «ИГ» стал захват в 2013 г. города ар-Ракъа (САР). «ИГ» распространило свое влияние на восточные районы САР и западные провинции Ирака. «ИГ» контролировало 16-20% территории и населения двух стран. Мятеж «Исламского Государства», и взятие Мосула (Ирак) в 2014 г. усилили позиции «ИГ» в регионе. В 2014 г. «ИГ» сумело полностью овладеть значительной частью Дейр аз-Зора и стратегическими участками территории Алеппо, а также установить контроль над несколькими пропускными пунктами на границе Сирии и Ирака. Летом 2014 г. организация заявила о создании халифата на оккупированных территориях. По разным оценкам, численность «ИГ» в Сирии в 2014 г. составляла приблизительно от 7 до 10 тысяч бойцов и имела тенденцию к стремительному росту. Организация контролировала от 30 до 40% сирийской территории. Под контролем «ИГ» оказались части Фалуджи, Тикрита, Рамади на западе Ирака[168].

---

[166]Тасним.Джозефт-даргири-колах-сабземаеи-ерташ-ба-тарварестия-дар-халаб-шодан-200-такфири (Детали сражения армейских зеленых беретов и террористов в Алеппо. 200 такфиристов убито.). Тасним. 12.04.2016. https://www.tasnimnews.com; https://tinyurl.com/tjuydcp5 (дата обращения: 23.05.2025). На перс. яз.

[167]Тасним. Ерташ-иран-та-чех-мадат-дар-сорейах-хаход-манд? (Как долго иранская армия будет находиться в Сирии). Тасним. 23.04.2016. https://www.tasnimnews.com/; https://tinyurl.com/yc2499sc (дата обращения: 21.01.2022). На перс. яз.

[168] Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014, pp.1-9.

Государство, которое стремилось построить «ИГ», располагалось в стратегически значимом регионе мира, что обеспечивало доступ «джихадистам» к нефтегазовым ресурсам, оружию, криминально-финансовым сетям, через которые они могли пополнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы. С учетом складывающейся в регионе ситуации, «ИГ» рассматривалось в Иране как потенциальная угроза его национальной безопасности. С другой стороны, угроза «ИГ» для арабских монархий Персидского залива, и его антизападные настроения импонировали некоторым сторонникам жесткой линии в руководстве ИРИ. Однако достаточно быстро, в иранском руководстве поняли, что договариваться с «ИГ» бесперспективно. После мятежа «ИГ» Тегеран нанес несколько авиационных ударов по позициям организации[169] . В Ираке Иран в основном использовал ракетное вооружение и БПЛА. Позднее Тегеран применял подобную тактику и в САР. В отличие от Сирии ситуация с Ираком носила принципиально иное измерение с точки зрения безопасности ИРИ. Поэтому, если в Сирии Иран сражался с «ИГ», чтобы сдержать ее проникновение на территорию Ирака, то в Ираке Тегеран вел борьбу с «ИГ» до ее полного уничтожения. Атака «ИГ» летом 2017 г. на здание парламента ИРИ и мавзолей аятоллы Хомейни побудила Тегеран нанести по позициям организации серию мощных авиационных ударов[170] . Действия международной коалиции облегчили Ирану задачу в укреплении своего влияния в Ираке и борьбе с «ИГ». Ирану оставалось использовать часть своих сухопутных войск для решения поставленных задач. К тому же такая тактика позволяла Ирану позиционировать себя как независимую региональную державу, которая борется с международным терроризмом. В итоге Иран остановил атаки «ИГ» против объектов на своей территории. В то же время организация продолжала наносить ограниченные удары по контингентам западных сил в Ираке и сражаться в Сирии. Противодействие «ИГ» в Сирии давало возможность ИРИ

[169]Бомбаран-даиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сепах[Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами]. 21.11.2018. Табнак Ньюз. https://tinyurl.com/342smfka.(дата обращения: 23.08.2021). На перс. яз.

[170]Тасним.Джозеат-размаш-сепах-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар[Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны]. Тасним Ньюз. 24.09.2017. https://tinyurl.com/2s3rmtkd (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз.

позиционировать себя внутри страны и за рубежом как ответственного международного партнера в борьбе с терроризмом[171] . В иранской пропаганде Б. аль-Асад представал как борец с террористами. Его поражение и уход от власти означали бы победу международного терроризма и распространение хаоса во всем регионе. Данная установка постоянно муссировалась в заявлениях иранского руководства и лидеров ливанской «Хезболлы» в интересах легитимации своего присутствия в Сирии. В рамках этих идеологем Иран и «Хезболла» вели борьбу с «такфиристами»[172].

На деле, до начала антитеррористической операции в САР российских Военно-космических сил в сентябре 2015 года (ВКС РФ), ни силы международной коалиции, ни режим аль-Асада, ни Иран не смогли нанести решающего поражения «ИГ».

Создание шиитских милиций в Сирии и Ираке маркировало качественно новый этап политики Ирана в этих арабских странах. Создание милиционных отрядов было обусловлено состоянием сирийских и иракских вооруженных сил и изменением характера войны между правительственными войсками и вооруженной оппозицией. Через несколько месяцев после начала кризиса сирийская армия показала неспособность вести гибридную войну против исламистского сопротивления.

Формирование Национальных сил обороны (НСО) стало одним из первых шагов Тегерана в создании шиитских милиций в САР. В 2012 г. офицеры КСИР под командованием Х. Хамадани на основе прорежимного ополчения Хомса организовали первые отряды НСО, в составе которых наряду с шиитами сражались

---

[171]ДжамеДжамОнлайн.Дар-гофтогое-еафсилий-ба-дабир-шорае-али-аменит-моли-мотрх-шод-фельсефе-хозур-иран-дар-сорайе-аз-набард-алия-фатнех-даеш-та-хафз-аминет-мардамfelsefeh hozur iran dar sorieh; az nabard aliyeh fatneh daesh ta hafz amenit mardam (В ходе подробной беседы с секретарем ВСНБ ИРИ обсуждена философия иранского присутствия в Сирии, а также борьба с ИГИЛ для поддержания безопасности народа). ДжамеДжамОнлайн. 19.12.2014. https://jamejamonline.ir/fa/news/; https://tinyurl.com/mu3a2m2e (дата обращения: 12.02.2026). На перс. яз.

[172]МашрекНьюз.Егхер-бах-сорейя-камак-немикардим-джанг-бах-дахал-ин-кешор-кешиден-мишод (Если бы мы конкретно не помогли Сирии, война пришла бы к нам). МашрекНьюз. 27.09.2017. https://www.mashreghnews.ir/news/ (дата обращения: 03.02.2026). На перс. яз.

сунниты и друзы. НСО считались одной из крупнейших проиранских милиций, чья совокупная численность составила к концу 2012 года около 40 тысяч бойцов[173] . Заметную роль в создании милиций сыграли принципы не только земляческой, но и религиозной общности. Тегеран создавал милиции под предлогом защиты шиитских святынь в Сирии. Если местом рождения НСО был Хомс, то создание в 2013 году другой крупнейшей проиранской милиции Местных сил обороны (МСО) происходило за счет объединения различных проасадовских милиций Алеппо, Дейр аль-Зора и Ракъа. Позднее они инкорпорировали в свои ряды часть прорежимных христианских милиций и распространили свое влияние на Дамаск, Хаму и Латакию[174].

В отличие от НСО руководство МСО полностью находились в руках «Хезболлы» и КСИР, офицеры которых отвечали за планирование войсковых операций, подготовку личного состава, снабжение вооружением. Достаточно быстро численность МСО выросла до десятков тысяч человек и составляла к 2015 году около 50 тысяч бойцов[175]. Однако в отличие от НСО МСО отличались строгой религиозной индокринацией своего личного состава и имели признанный режимом статус части национальных вооруженных сил. В судьбоносные для сирийского режима моменты общая численность НСО и МСО превышала 100 тысяч человек за счет мобилизации резервистов и шиитских наемников из Ирака, что показывало реальные возможности Тегерана по изменению баланса сил в сирийском конфликте.

Другими наиболее известными и крупными шиитскими милициями Сирии считались бригады «аль-Аббасиюн», «аль-Фатимиюн» и «аль-Зейнобиюн», в составе которых сражались преимущественно шииты из Ирака, Афганистана и Пакистана, соответственно. Одной из первых шиитских милиций Сирии стали

---

[173] Perlov, O., Dekel, U. The Model of Iranian Influence in Syria.The Institute for National Security Studies (INSS), July 27. (2018). www.inss.org.il/publication/model-iranian-influence-syria (accessed: 25.09.2025).

[174] Shaban, N. The Iranian Crescent: Iran’s Political, Geostrategic and Economic Interest in Syria- Part Three- Syrian-Iranian Relations since 2000, Konrad Adenaur Stiftung, p. 1-6.

[175] Azizi, H. Integration of Iran-backed armed groups into the Iraqi and Syrian armed forces: implications for stability in Iraq and Syria, Small Wars & Insurgencies, 2022, p. 508.

бригады «Абу аль-Фадль аль-Аббас» (аль-Аббасиюн). Они были созданы КСИР в 2013 г. из шиитских милиций Ирака «Катаиб Хезболла» и «Армии аль-Махди»[176]. Бригады «аль-Аббасиюн» создавались под задачу охраны шиитских святынь в пригородах Дамаска. Бригады «аль-Фатимиюн» были созданы в 2011 г. как батальон из афганских шиитов. В их состав входили афганские шииты-беженцы в Сирии (пригороды Дамаска) и Иране. Бригады «аль-Зейнобиюн» были созданы КСИР за счет оптимизации бригад «аль-Фатимиюн». В состав «аль-Зейнобиюн» входили пакистанские беженцы в Сирии. На рубеже 2014-2015 годов бригада «аль-Зейнобиюн» оформилась как самостоятельная сила[177]. В отличие от «аль-Фатимиюн» численность личного состава «аль-Зейнобиюн» не превышала 3 тысяч[178]. КСИР отвечал за идеологическую и боевую подготовку шиитских милиций. В целом, «Хезболла» и шиитские милиции изменили ход гражданской войны в пользу Ирана и режима Б. аль-Асада[179].

В Ираке на базе местных милиций Тегеран сформировал Силы народной мобилизации (аль-Хашад аль-Шаабий). Силы народной мобилизации (СНМ) возникли в 2014 г. как добровольческие отряды для сражения с ИГИЛ*. В отличие от других иранских милиций Ирака в СНМ входили отряды суннитских племен, йезидских и христианских общин[180]. Институциональное оформление СНМ как альтернативных регулярной армии милицейских формирований происходило в несколько этапов. В апреле 2015 г. премьер-министр Ирака Х. аль-Абади (главнокомандующий ВС Ирака) издал указ о прямом подчинении СНМ офису

---

[176] Smyth, Ph. From Karbala to Sayyida Zaynab: Iraqi Fighters in Syria's Shia Militias, CTC Sentinel, Syria Special Issue, volume, 6, issue 8, 2013, pp.28-32.

[177] Zahid, F. The Zainabiyoun Brigade: A Pakistani Shiite Militia Amid the Syrian Conflict, Terrorism Monitor, volume: 14, issue 11. 2016, pp.1-10.

[178] Wigger, L. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation. Zenith.Me, 2019, September 26. magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia (accessed: 20.03.2024), pp. 1-7.

[179] Ахмедов В.М. Религиозная политика исламской республики Ирана в арабских странах Ближнего Востока. пути к миру и безопасности. 2024. № 1(66). С. 96-12.

[180] Ахмедов В.М. Специфика иранской͡ силовой͡ операции в Ираке в условиях кризиса в САР Глава 11., сс. 261-291. Мозаика политической͡ истории Ирака XX–XXI вв.: колл. монография / Отв. ред. Г.В. Лукьянов, Р.Ш. Мамедов; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2025. 316 с.

премьер-министра [181] . Указ 2015 г. был первым шагом иракских властей по контролю над шиитскими милициями Ирака. С 2018 процесс интеграции шиитских милиций в вооруженные силы Ирака ускорился. Несмотря на то, что СНМ стали боевой единицей регулярных армейских частей, они оставались зонтичной организацией для других шиитских милиций. СНМ состояли из 42 вооруженных отрядов общей численностью около 120 тысяч бойцов. Среди вооруженных группировок в составе СНМ четыре имели тесные связи с Ираном. Это «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хак», «Катаиб Сейд аль-Шухада», «Куват аль-Бадр». Иран снабжал шиитские милиции Ирака оружием и организовывал подготовку и обучение их бойцов. Командиры СНМ публично признавались в верности принципу «велаят-е факих». После гибели в январе 2020 г. К. Сулеймани и командира СНМ А.М. аль-Мухандиса, организация усилила операции против военных объектов США [182]. Таким образом, СНМ и другие шиитские милиции решали одну из главных стратегических задач Ирана по ослаблению американского присутствия в регионе.

Процесс и результаты интеграции в САР и Ираке разнились в зависимости от динамики роли ИРИ в этих странах и во многом зависели от характера отношений милицейских отрядов с Тегераном, степени их участия в деятельности иракских и сирийских силовых структур. В Ираке Иран стремился сохранить полуавтономный статус «аль-Хашад аль-Шаабий» как параллельных войск. В Сирии же Иран выступал за полную интеграцию милицейских формирований в национальные вооруженные силы. По соглашению 2017 года между Б. аль-Асадом и Ираном КСИР вместе с ГШ ВС САР совместно управляли МСО до окончания кризиса в Сирии. Шиитская милиция «аль-Аббасиюн» была преобразована в отдельную дивизию в составе ДРГ. Часть отрядов бригад «аль-Зейнобиюн» и «аль-Фатимиюн»

---

[181] The National. . Iraq PM Mustafa Al Kadhimi Reshuffles Top Security Posts. 2020 July 4. www.thenationalnews.com/world/mena/iraq-pm-mustafa-al-kadhimi-reshuffles-top-security-posts-1.1044117. Accessed, 12.09.2025.

[182] Renad, M., Jabar, F. The Popular Mobilization Forces and Iraq’s Future. Carnegie Middle East Center, 2017, April 28. carnegie-mec.org/2017/04/28/popular-mobilization-forces-and-Iraq-s-future-pub-68810 (accessed: 15.06.2025).

также вошли в состав сирийских вооруженных сил. Всего в состав сирийской армии было интегрировано около 53 тысяч бойцов шиитских милиций[183].

В какой-то степени глубокая интеграция милиционных формирований в сирийские вооруженные силы была связана с постоянными попытками Б. аль-Асада снизить влияние Тегерана на сирийские спецслужбы. Позиции Ирана в сирийских спецслужбах являлись предметом постоянной озабоченности президента. В конце 2018 года Б. аль-Асад своим приказом утвердил Управление военной контрразведки (УВКР) САР в качестве единственного куратора проиранских милиций, освободив Контрразведку ВВС (Джавийю) от исполнения этих функций. Президент не намеревался долго сохранять УВКР САР как влиятельного посредника в контактах с Ираном, опасаясь, что ряд высокопоставленных офицеров контрразведки могут оказаться более преданными Тегерану, чем ему лично. Б. аль-Асад не испытывал ни малейших сомнений в особых способностях иранцев приобретать себе друзей в сирийских спецслужбах. Ярким примером этому могли служить особые отношения Ирана с 4-й Дивизией Спецвойск САР под командованием брата президента Махера аль-Асада. Проведенные летом 2019 года кадровые перемещения в высшем командном составе сирийских органов безопасности затронули наиболее значимые и боеспособные службы, в операциях которых участвовали иранские военные советники. По оценке одного из высокопоставленных перебежчиков из близкого окружения президента, Б. аль-Асад планировал дальнейшие перестановки в силовом корпусе без согласования с Тегераном. Новые кадровые назначения должны были затронуть, прежде всего, руководство УВКР САР, «Джавийю», ряд дивизий спецвойск.

Особенности интеграции шиитских милиций Сирии и Ирака определялись различиями тактического, организационного, поведенческого характера. Процессы интеграции в Сирии и Ираке отличались по своим мотивам и целям. Результаты

[183]Alami, M. Syria Seeks to Integrate Myriad Paramilitaries. Al-Monitor, 2018, December 3. www.al-monitor.com/originals/2018/11/syria-state-army-integrate-paramilitary-militias.html (accessed: 14.07.2025).

интеграции по-разному влияли на динамику вооруженных сил Ирака и Сирии, характер военно-гражданских отношений в обеих странах. В какой-то степени эти различия были обусловлены разницей в условия возникновения шиитских милиций и принципах их формирования в Сирии и Ираке. В отличие от Сил народной мобилизации Ирака далеко не все сирийские милиции разделяли идеологические и политические установки Ирана. Причина заключалась в их неоднородном конфессиональном и этническом составе и целях участия в сирийских событиях. Так, основу бригад «аль-Фатимиюн» и «аль-Зейнобиюн» составляли шииты, которые признавали власть «велаят-е факих». Значительное число бойцов «аль-Фатимиюн» и «аль-Аббасиюн» было представлено афганскими беженцами, которые долгое время жили в Иране. В то же время основным мотивом участия в сирийской кампании многих шиитских милиций в составе НСО и МСО были соображения материального порядка. Степень их близости к Ирану зависела от объема финансовой поддержки. В отличие от иракских «аль-Хашад аль-Шаабий» большинство сирийских милиций сильно зависели от иранской финансовой подпитки. Финансирование фонда заработной платы осуществлялось из бюджета КСИР и частично за счет средств иранского фонда «Бонаяд Мостазафан». В отличие от Ирака в Сирии Иран играл определяющую роль в вопросах управления, финансирования шиитскими отрядами [184] . Несмотря на различия шиитских милиций Сирии и Ирака, фактор религиозной близости с Тегераном имел определяющее воздействие на их поведенческую модель, даже после интеграции в состав национальных вооруженных сил.

В результате, Тегеран смог создать многоуровневый механизм влияния на сирийские и иракские силовые структуры и заметно упрочить свои позиции в этих арабских странах. Идеологическая и религиозная общность между шиитскими милициями в составе регулярных войск и иранскими военными не только

[184]РадиоФарда. Йек-могхан-сабагх-сепах-паздаран-миговит-салимани-аз-о-бараеи-пардакхт-пол-бах-нирвиеяие-ниябати-дар-сорейх-дархаст-пол-кардех-эст (Бывший официальный представитель КСИР заявил что Солеймани расспрашивал его деньгах, которые платят милициям). Фарда. 06.04.2020. https://tinyurl.com/3nm236w9 (дата обращения: 10.04.2023). На перс. яз.

сохранилась, но и окрепла. Благодаря этому Иран получил возможность влиять на поведенческую модель личного состава вооруженных сил. Подобная модель поведенческого стереотипа оказала большое влияние на развитие Ирака и Сирии. Багдад и Дамаск оказались в центре региональной напряженности. Власти были вынуждены лавировать между идеологическим и национальным выбором местных элит. Иран добился того, что в Сирии и Ираке было весьма затруднительно создать инклюзивное правительство на основе общенациональной идентичности. Присутствие шиитских милиций в сирийских и иракских силовых структурах гарантировало Ирану, что Дамаск и Багдад вряд ли смогут быстро нормализовать отношения с США и Израилем за рамками политического курса Ирана в регионе.

Характер отношений Ирана с арабскими странами, региональными и мировыми державами изменился в результате создания шиитских милиций. В первую очередь это объяснялось различиями во взаимодействии Ирана с милиционными отрядами и возможностями управления ими. Действительно, многочисленность проиранских вооруженных отрядов на Ближнем Востоке и их разношерстный состав затруднял их классификацию и определение подлинного характера взаимоотношений с властями стран-реципиентов, с одной стороны, и Ирана – с другой.

В западном научном сообществе дружественные Тегерану вооруженные отряды, несмотря на присущие им различия и разную степень лояльности, характеризовали как «иранские прокси-группы». В научно-исследовательских центрах США их рассматривали как поддержку Ираном терроризма на Ближнем Востоке, а отношения с Тегераном характеризовали как сотрудничество «патрона и прокси» в рамках созданной после исламской революции «прокси-модели», считая ее основным инструментом реализации ИРИ своих целей на Ближнем Востоке. В ряде случаев проиранские вооруженные отряды в Сирии, Ираке, Ливане, Йемене, Палестине, на Бахрейне определяли как «иранские исламистские прокси на Ближнем Востоке». Многие западные исследователи не считали

ливанскую «Хезболлу» самостоятельным партнером Тегерана и рассматривали организацию как иранскую прокси[185].

Как показывают результаты наших исследований, в ряде случаев проиранские милиции могли действовать автономно, что в принципе не противоречило характеристике их взаимоотношений с Ираном в системе «патрон-прокси», хотя и затрудняло комплексный анализ их взаимоотношений с Тегераном. Ограниченность инструментального подхода определяется тем, что суть системы взаимоотношений «патрон-прокси» описывается как неформальное соглашение о сотрудничестве между двумя дееспособными ассиметричными сторонами, в которых одна сторона (спонсор-патрон) использует другую сторону (прокси) для достижения своих стратегических целей в обмен на ощутимую помощь. С этой точки зрения прокси выступала как объективно слабая сторона, часто внесистемная сила, полагающаяся на поддержку патрона и ставящая во главу угла его интересы. Это предполагало директивную модель взаимоотношений, где патрон отдает приказы, которым прокси обязан подчиняться. В то же время, такое определение не всегда дает точное представление о комплексном характере взаимоотношений Ирана с его партнерами на Ближнем Востоке[186].

На практике характер отношений Ирана с вооруженными отрядами зависел от группы факторов, наиболее важными из которых были идеологическая близость, общность стратегических интересов, политическая целесообразность, взаимовыгодное партнерство. В соответствии с этими критериями союзные Ирану группы можно было классифицировать по нескольким категориям: партнеры, стратегические союзники, идеологические союзники, прокси и государственные организации. В этой связи было бы упрощением характеризовать их только как иранские прокси-группы. Более глубокое понимание природы взаимоотношений Ирана с этими группировками можно было получить, рассматривая их в качестве

---

[185] Hanin, G. Hezbollah-Iran Dynamics: A Proxy, Not A Partner. The Washington Institute. 2019. April 12. www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-iran-dynamics-proxy-not-partner (accessed: 19/02/2025), pp. 1-8.

[186] Ахмедов В.М. Проиранские милиции Ирака. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 3 (29), с. 62-73; Ahmedov V.M. The Hezbollah of Lebanon and the Syrian Crisis: religious and Military Dimrnsions. Oriental Courier. 2023. № 3, Pp. 13-20.

«младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов»[187]. Шиитские милиции Ирака являлись не столько клиентами Тегерана, сколько исполняли роль его местных агентств.

Действительно, «Хезболлу» можно считать наиболее близким Ирану союзником в регионе. Организацию связывала с Ираном не только конфессиональная близость, но и общность стратегических целей и политических задач. Политическое крыло «Хезболлы» уже давно играло самостоятельную роль в системе государственных структур Ливана[188]. В то же время организация получала значительную финансовую, военную и политическую поддержку Ирана. В условиях сирийского кризиса «Хезболла» выстраивала свою стратегию на основе 5-летнего плана. Согласно этому плану, «Хезболла» еще накануне событий приступила к созданию на территории САР отрядов исламского сопротивления. При этом «Хезболла» не рассчитывала на продолжительный вооруженный конфликт в САР. Организация опасалась, чтобы длительная война в Сирии могла сказаться на ее позициях в Ливане. «Хезболла» не имела никакого желания нести в будущем людские и материальные потери в Сирии. С учетом этого руководство «Хезболлы» приняло план, согласно которому в Сирии должна была быть создана внешне независимая структура, которая на деле находилась бы под управлением «Совета Шуры» и замыкалась непосредственно на генерального секретаря «Хезболлы» Х. Насруллу. Наряду с этим «Хезболла» стремилась выйти за рамки Ливана и укрепить свои позиции в Ираке и Йемене. Однако, несмотря на присутствие «Хезболлы» в Сирии, Ираке, Йемене, где ее отряды проводили самостоятельные акции, они в той или иной мере оставались связаны со своим центром в Ливане, который обеспечивал взаимосвязь с «театрами» военных действий в Сирии, Ираке и Йемене. К 2020 годам общая численность отрядов «Хезболлы» в САР составляла 50 тысяч бойцов, которые рекрутировались из представителей различных общественных и религиозных слоев сирийского

---

[187] Afshon. O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran’s Way of War. Security Studies 28, no. 1, pp. 159–188. doi:10.1080/09636412.2018.1508862.166-167 (accessed: 21.01.2024).

[188] Humud, C. E. Lebanese Hezbollah. Congressional Research Service, 2021, February, 1. crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10703. Accesssed, 17.05.2025, pp. 1-3.

населения. При этом акцент делался, прежде всего, на тех сирийцах, которые под воздействием иранской пропаганды приняли шиизм, а также из представителей христианской и друзской общин. «Хезболла» пыталась выстроить в Сирии модель «Исламского Сопротивления» («ИС») на подобии той, которую она создала в Ливане. Одновременно, высокопоставленные офицеры «Хезболлы» находились в постоянном контакте с представителями правительственных войск в Сирии и Ираке, управляя их действиями. За время участия в сирийской кампании организация потеряла несколько тысяч высокопоставленных офицеров и основательно испортила отношения с политическими силами в Ливане и большинством арабских государств.

Также как и «Хезболла», «Хуситы» получали помощь из Ирана, но имели уникальный опыт выживания в отсутствии внешней поддержки[189]. На деле, связи Ирана с вооруженными группировками Сирии и Ирака относились к отношениям комбинаторного типа. Возможно, шиитские милиции Сирии типа бригад «аль-Зейнобиюн» (Пакистан) и «аль-Фатимиюн» (Афганистан), как и ряд вооруженных группировок Ирака, были иранскими прокси-группами. Однако такие отряды, как «аль-Хашад аль-Шаабий», скорее являлись ближайшими партнерами ИРИ на Ближнем Востоке. Несмотря на различный характер отношений этих групп с Ираном, все они имели общие с Тегераном стратегические цели и финансировались из Ирана. И с этой точки зрения всех их можно определить как проиранские вооруженные формирования.

Таким образом, проиранские вооруженные формирования являлись боевым авангардом созданной Ираном «Оси исламского сопротивления", которая протянулась от Тегерана через Ирак, Дамаск, Бейрут до Газы (Палестина). В течение нескольких десятилетий Иран находится под санкциями и был не в состоянии эффективно противостоять США и Израилю. Создание сети проиранских милиций помогло Тегерану достаточно эффективно и относительно малозатратно решить эту задачу. Подобный ассиметричный подход позволял

---

[189] Juneau, T. How War in Yemen Transformed the Iran-Houthi Partnership.Studies in Conflict & Terrorism, 2021. Pp. 1–23. doi:10.1080/1057610x.2021.1954353 (accessed: 25.06.2025).

сдерживать эвентуальную агрессию США и Израиля против Ирана и его союзников в регионе. В последнее десятилетие иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась и укрепилась в различных странах Ближнего Востока. На рубеже 2021-2022 гг. их общая численность на Ближнем Востоке, включая Афганистан и Пакистан, составляла более 250 000 человек [190]. Правда, тогда, мало кто мог предположить, что шиитские милиции станут отчасти причастны к втягиванию Ирана в войну в Газе. Ирано-израильская война серьезно ослабила их самих, фактически обнулила позиции ИРИ в регионе и серьезно осложнила отношения с арабскими странами, Россией и США, а в конечном итоге привела к смене власти в САР.

Иранская поддержка способствовала некоторому укреплению эффективности и боеспособности национальных вооруженных сил. Это позволило режиму добиться определенных успехов в борьбе с вооруженной оппозицией в первой половине 2015 г. Однако этого оказалось недостаточным для того, чтобы сирийская армия смогла сохранить достигнутые успехи, тем более обеспечить победу правительственных войск над вооруженной оппозицией. Подобное развитие событий поставило под вопрос все прежние достижения Ирана в Сирии. В результате Иран был вынужден обратиться к России с просьбой вмешаться в сирийский вооруженный конфликт.

Новый этап военной компании ИРИ в САР начался после участия российских ВКС в сирийском конфликте в сентябре 2015 года. Участие российских Военно-Космических Сил (ВКС) в сирийском конфликте стало мощным мотивом для ИРИ в сохранении сирийского режима. Москва обеспечила сильную воздушную поддержку иранских наземных операций против отрядов вооруженной оппозиции. Позиции режима вопреки ожиданиям многих экспертов (в том числе и в Иране) быстро крепли. После сражения за Мосул (Ирак) Тегеран

---

[190] Seth, J. G. Containing Tehran: Understanding Iran’s Power and Exploiting Its Vulnerabilities.Center for Strategic & International Studies (CSIS), 06.01.2020.www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-iranspower-and-exploiting-its-vulnerabilities, p. 11 (accessed: 20.04.2025).

передислоцировал часть своих войск в САР[191]. Когда вопрос о смене режима был снят с переговорной повестки по Сирии, иранская вовлеченность в сирийский конфликт приобрела новое измерение.

В практическом плане расширение стратегической глубины войсковых операций иранских вооруженных сил (ВС) рассматривалось Тегераном как определенная гарантия безопасности в случае конфликта с Израилем и США. Тегеран получил возможность активнее привлечь части регулярной армии «Артеш». В течение последних десятилетий, иранское руководство пыталось изменить принципы военного строительства и повысить авторитет «Артеш». Однако КСИР прочно удерживал командные позиции в ВС ИРИ и имел доступ к новейшим видам вооружений[192] . В условиях сирийского конфликта ситуация внутри иранских ВС стала меняться. На практике «Артеш» и КСИР совместно обучали правительственные войска аль-Асада. При этом «Артеш» действовал под контролем «аль-Кодс», который отвечал за подготовку и обучение ВС САР. В 2016 г. после консультаций КСИР и Генерального штаба вооруженных сил (ГШ ВС) ИРИ «Артеш» смог направить в САР специальную 65-ю воздушную эскадрилью[193] . «Басидж» получил возможность обкатать в боевых условиях свое новое подразделение «Фатехин», которое было создано в 2009-2010 гг. предположительно для подавления «Движения зеленых» в ИРИ в 2009 г.[194] Общее

---

[191]Тасним. Нагофтехнпехи-бомбаран-мовазе-даеш-тозет-джангандегнпехеи-ерташ (Неизвестная история бомбардировки «ИГ» позиций иранской армии). Tasnimnews. 21.09.2017. https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/06/30; https://tinyurl.com/cd62mrn8 (дата обращения: 26.08.2024). На перс. яз.

[192]ДжамеДжам.Ерташ-ве-сепах-бачпектариан-сатах-таамель-ра-даранд (Между Артеш и армией налажено лучшее взаимодействие) ДжамеДжам. 18.04.2018. http://jamejamonline.ir/online/; https://tinyurl.com/3x7a92xt (дата обращения: 08.20.2025). На перс. яз.

[193] Тасним.Мошаварех-эзам-такаваран-тип-65-нпавабард-бах-сорейах. Такаваран-нирое-замини-дар-сорейях-мостегхар-шоданд (Рекомендации разместить боцов 65-ого авиакрыла в Сирии. Иранская пехота в Сирии). Тасним. 16.04.2016. https://www.tasnimnews.com/; https://tinyurl.com/53t7n778 (дата обращения: 23.09.2025). На перс. яз.

[194] Тасним.Еьруз-кешорехае-нпамсаех-сорейя-маджбор-бах-мозакрех-ба-иран-нпастанд-манофуз-пирузманданех-кход-ра-дар-сарасар-кешор-гостарш-дадегим (Сегодня соседние Сирии государства вынуждены говорить с Ираном. Мы распространили наше победоносное влияние по всей стране). Тасним. 21.10.2016. https://www.tasnimnews.com;https://tinyurl.com/59c5m3zd (дата обращения: 12.14.2025). На перс. яз.

командование всеми иранскими силами и шиитскими милициями в САР осуществлял К. Сулеймани вплоть до своей гибели в январе 2020 года[195] .

В 2021-2023 годах Иран создал в Сирии и Ираке новые вооруженные отряды для усиления своего влияния в политической, экономической, идеологической сферах жизни этих стран. В июле 2017 г. был подписан новый протокол по вопросам обороны и безопасности с Ираком. Иран обязался оказывать военно-техническую и логистическую поддержку иракским вооруженным силам. В апреле 2019 г. был подготовлен новый проект документа о сотрудничестве в сфере безопасности границ, борьбы с терроризмом и мигрантах. В ноябре 2022 г обе стороны заявили о подготовке нового договора по военно-техническому сотрудничеству. В июле 2020 г. Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военно-техническом сотрудничестве[196] . В начале 2022 г. было заключено соглашения между командованием 4-й дивизии спецвойск и руководством КСИР о создании 11 новых командных штабов под совместным управлением в стратегически важных районах Сирии (Халеб, Хама, Хомс, Пальмира, Дейр эз-Зор). Иран взял под свой контроль стратегически важные участки сирийско-иракской границы между аль-Букамалем и аль-Каимом, превратив их в безопасные коридоры доставки оружия и боеприпасов, прохода новых отрядов шиитских милиций в Сирию[197] .

Эти договоры обозначили новый этап в подходах ИРИ к сотрудничеству с Ираком и Сирией в военных вопросах. Всего с января по март 2022 г. Тегеран смог создать 38 новых укрепрайонов в Халебе и его пригородах, где находились основные промышленные зоны и ремонтные мастерские. В конце марта 2022 г.

---

[195] VJC.IR. Хозур-сардар-салимани-дар-конар-размандегар-фатемиюн-дар-кхат-иогходам-сахра-дар-сорейях (Появление военначальника Солеймани на передовой линии бригады аль-Фатимиюн в пустыне Сирии). VJC.IR. 28.03.2018. https://www.yjc.ir/; https://tinyurl.com/4va3b48t (дата обращения: 07.08.2024). На перс. яз.

[196] Карам, Ф. Иран-тавасуа-худур-милишиятиха-ва-аслихатиха-фи-Сурия(Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии). Аль-Шарк Аль-аусат. 2022, Июнь, 4. https://aawsat.com/home/article/3577221/ Дата обращения: 21.09.2021. На араб. яз.

[197] Нааме, А. Бада-имама-али-иран-ябни-каидатиха-аль-сания-шарк-аль-фурат). После «Аль-Имам Али».., Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. Аль-Араби21. 28. 11.2021. https:// www. arabi21.com/story/1394178/ (дата обращения: 15.08.2025). На араб. яз.

Иран перебросил часть своей боевой авиации из Пальмиры на восток Хомса, построил в юго-западных пригородах Дейр аль-Зора новые тренировочные аэродромы и фактически создал в указанных районах свою бесполетную зону. В целях закрепления своего военного присутствия в САР и Ираке Иран использовал новую тактику, которая предусматривала значительное расширение ареала действий шиитских милиций. Для охраны своих военных складов в районах Хомса, Хамы, Халеба, Дейр аль-Зора и Пальмиры Иран создал новые отряды шиитских милиций. Дислоцированные в северных и южных районах Дейр аль-Зора милиции контролировали стратегически важный район сирийско-иракской границы, который служил постоянно действующим пропускным пунктом для иранского транспорта, направляющего вглубь сирийской территории и Ливан.

Вместе с иракскими СНМ сирийские милиции «аль-Бакир», «Хезболла аль-Нуджаба» и «аль-Фатимиюн» контролировали район от аль-Хусейнии до Бокруса, а также район аль-Маядин, который был превращен Ираном в один из своих форпостов на Ближнем Востоке. В аль-Букамаль на сирийско-иракской границе тесно сотрудничали шиитские милиции Ирака и Сирии (бригады «аль-Туффуф», «аль-Бадр», «аль-Кодс» и «Хезболла аль-Нуджаба»). В условиях изменения обычаев войны милиционные отряды достаточно быстро превратились из объекта в субъект взаимодействия основных авторов сирийского кризиса. В 2022 г. шиитские милиции создали мощные позиции на средиземноморском побережье Сирии и практически полностью контролировали значительные участки сирийской территории и приграничные районы Ливана.

Основной задачей проиранских отрядов в Сирии было сбалансировать американское военное присутствие в регионе. Подразделения КСИР, «Хезболлы» и шиитские милиции активно противодействовали американским военным в восточных и южных районах Сирии. На востоке Сирии шиитские милиции оказывали поддержку армии Б. аль-Асада по сдерживанию союзных США отрядов Сирийских Демократических Сил (СДС). Несмотря на потери в результате воздушных атак США, шиитские милиции не прекращали атаковать американские войска на базе «аль-Танф».

Шиитские милиции сдерживали военное присутствие Турции в Идлебе и Алеппо. Ирано-турецкое соперничество в Сирии проходило в форме противоборства шиитских милиций и протурецких сил сирийской оппозиции. Напряженность между Анкарой и шиитскими милициями выросла после дислокации турецких военных в Идлибе в 2018 г. В ходе военной операции Турции в Африне (Оливковая ветвь) турецкие военные столкнулись с бойцами из бригады «аль-Бакир». Турецкая армия уничтожила около 30 шиитских милиций и полностью заблокировала их деятельность в районе Африна[198]. После гибели 33 турецких военных в боях за Идлеб Турция начала операцию (Spring Shield). Анкара атаковала силы режима и шиитских милиций в Идлебе с помощью БПЛА. В ходе атак турецких БПЛА десятки бойцов ливанской «Хезболлы» и бригады «аль-Зейнобиюн» были убиты. Несмотря на жесткие действия турецких военных, шиитские милиции продолжали атаки на турецкие силы в Идлибе и Тель Рифате. Одновременно, проиранские вооруженные формирования создали идеологический плацдарм для проведения в регионе иранской гуманитарной дипломатии по укреплению религиозного влияния ИРИ на Ближнем Востоке[199].

Гуманитарная дипломатия сопровождала силовое вмешательство ИРИ в САР и Ирак. Военная кампания ИРИ в САР и Ираке обеспечила качественные сдвиги в гуманитарной дипломатии ИРИ, балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой» силы.

Конфессиональная политика Ирана определялась группой факторов. Сирийский кризис создал благоприятные условия для распространения иранского влияния в ключевых государствах Ближнего Востока, близких Ирану в конфессиональном и этническом отношении.

Несмотря на прагматичный характер внешней политики ИРИ, тот факт, что Иран являлся идеологическим государством, во многом детерминировал характер

---

[198] Al-Tamimi, A. J. Who are Liwa al-Baqir, the pro-regime unit seeking to enter Afrin?. MECRA, 2018. https://www.mideastcenter.org/post/who-are-liwa-al-baqir-the-pro-regime-unit-seeking-to-enter-afrinpp (accesssed: 12.12.2025), pp. 1-4.

[199] Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990 – 2020-е гг.). М.: ИВ РАН, 2022, с. 270.

принимаемых решений. Идеология служила инструментом мобилизации внутренних и внешних сил для поддержки иранского участия в сирийских событиях.

В Ираке стратегическими установками религиозной экспансии ИРИ являлись активная работа с меньшинствами, формирование правительства шиитского большинства, поддержка негосударственных вооруженных формирований и создание проиранских милиций. Важным фактором, повлиявшим на решение Ирана укрепить иракскую государственность, стал проведенный иракскими курдами в 2017 г. референдум о создании независимого государства. Тегеран приложил все усилия к тому, чтобы не допустить отделения иракского Курдистана в качестве самостоятельного государства. Тегеран закрыл границы с Иракским Курдистаном. Одновременно части КСИР при поддержке полков регулярной армии «Артеш» блокировали курдские районы Ирана, приграничные Ираку, чтобы не допустить контактов курдского населения двух стран. Иран был вынужден применить ракетное оружие и БПЛА [200]. Иран использовал связи с шиитскими общинами Ирака в интересах укрепления своих позиций в этой арабской стране. В первой трети 2000-х гг. в Ираке проживало 20 млн. шиитов, которые составляли от 60 до 75% населения страны. Ирак являлся вторым после Ирана крупным шиитским государством на Ближнем Востоке. В самом Иране 90-95% населения (свыше 80 млн человек) являлись шиитами[201]. Шиитские общины сыграли важную роль в планировании ИРИ своих военных операций в Ираке и других странах Ближнего Востока. Они существенно облегчили действия Ирана в этих государствах. В отличие от Ирака подобные этнические и религиозные группы Сирии не имели поддержки международного сообщества. Исторически связь большинства иракских шиитов с Ираном обуславливалась сложным

---

[200]Тасним.Джозеат-размаш-сепах-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар[Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны]. Тасним Ньюз. 24.09.2017. https://tinyurl.com/2s3rmtkd (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз.

[201]Eisenstadt, M., Knights, M., Ali, A. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, 2011, April. https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach (accessed: 22.09.2025), pp. 1-50.

характером их взаимодействия с властями Багдада. В 1970-х гг. рост влияния шиитского духовенства в Иране и Ираке, создание исламских партий, движений типа «ад-Даава», вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. Находящийся в ссылке в Неджефе (Ирак) аятолла Хомейни оказывал большое влияние на шиитских духовных лидеров Ирака типа М. аль-Садра, М. аль-Бакира, М. аль-Садека. Ирак, где большинство населения было представлено шиитами, проявлял беспокойство активностью Ирана. После исламской революции в Иране (1979 г.) политика ИРИ представляла угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства Ирака. Иракские шииты подвергались гонениям со стороны баасистских бюрократов, которые являлись суннитским большинством во власти. С. Хусейн пытался секуляризировать шиитские святыни Ирака, превратив их в музеи. Высланные в период ирано-иракской войны (1980-1988) иракские шииты создали в Иране Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). Позднее он стал известен как Высший исламский совет Ирака (ВИСИ). После свержения С. Хусейна в 2003 г. иракские шииты вернулись в Ирак. Многие из них стали руководителями шиитских милиций и членами нового иракского правительства[202]. Шиитская община Ирака была разделена по линиям принадлежности ее членов к разным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру экономических предпочтений. Шииты Ирака отличались своими религиозными и политическими взглядами, степенью лояльности различным духовным лидерам. Многие иракские шииты светской ориентации были более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. В прошлом многие из них симпатизировали социалистическим теориям. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (М. аль-Садр, например) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. В

[202] Eisenstadt, M. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed. The Iran Primer: Power, Politics, and U.S. Policy, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010, pp. 1-7 https://tinyurl.com/4bmssy5p (accessed: 21.08.2025).

проведении своей политики в Ираке Иран был вынужден учитывать соперничество и расхождения доктринального характера между шиитскими лидерами Ирака. Аятолла Абуль Касем аль-Хои не являлся поклонником имама Хомейни. Его сторонники и последователи были настроены против Ирана и использовали антииранскую карту для налаживания связей с США после американского вторжения в Ирак. Аятолла А. аль-Систани был известен своими доктринальными расхождениями с имамом Хаменеи и его концепцией исламской республики. Аятолла М. аль-Садр придерживался антиамериканских взглядов. Среди шиитских группировок Иран имел близкие связи с ВСИРИ во главе с аятоллой Б. аль-Хакимом, а после его кончины с его родственниками (братом и племянником). Однако семейство аль-Хаким нельзя было назвать последовательными сторонниками Ирана. Они самостоятельно вели дела с арабскими странами и США, а Иран использовали в своих политических целях. Аятолла А. аль-Систани являлся сторонником старой шиитской школы и не поддерживал участие духовенства в политике, как это практиковалось в Иране. Расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли Ирану процесс выстраивания отношений с иракскими шиитами как единой структурой. Поэтому Тегеран не мог в полной мере контролировать развитие политического процесса в Ираке[203]. Несмотря на то, что численность иранских резидентов в Ираке, заметно выросла в период с 2003 по 2014 гг. связи Ирана с шиитскими общинами Ирака стали постепенно ослабевать. Доля иракских шиитов, которые считали Иран надежным партнером, сократилась с 76% до 43% между 2015 и 2018 гг. Число иракских шиитов, которые позитивно относились к Ирану, также упало в процентном отношении с 88% до 47% в указанный период. Одновременно выросла доля тех шиитов, которые считали Иран угрозой иракскому суверенитету с 25 до 58% между 2016-2018 гг.[204] Иран не смог установить прочных контактов с суннитской общиной Ирака, в глазах которой он воспринимался как

[203] Yusri, H. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // Middle East Journal, Autumn 2010. Vol. 64. No. 4, p. 521-541.
[204] Al-Dagher, M. Iran’s Influence in Iraq Is Declining: Here’s Why.Washington Post, November 16, 2018. https://tinyurl.com/tbm2z9px (accessed: 29.04.2025).

конфессионально ориентированное государство и не пользовался их доверием и поддержкой.

Таким образом, использование Ираном этнических и конфессиональных сообществ Ирака привело к неоднозначным последствиям. Часть политических сил почувствовали силу и решили добиться независимости и самостоятельности. Это угрожало позициям ИРИ в Ираке. Нарушало установку на сохранение территориальной целостности Ирака как гарантию национальной безопасности Тегерана. Подобная ситуация была чревата серьезными издержками для иранской политики в отношении багдадских властей. Нельзя было исключать вероятного конфликта с религиозными общинами Ирака. Это могло произойти в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа со стороны арабских стран, угроз в лице США.

В Сирии магистральным направлением гуманитарной дипломатии Ирана было распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм сирийского населения. Основным инструментом реализации этой политики служило приобретение недвижимости, жилищное строительство, переселение в САР шиитов из других стран. Тегеран провел реконструкцию шиитских святынь, расширил географию религиозного паломничества, создал сеть культурно-образовательных центров.

Сирийский режим на законодательном уровне поддержал культурно-религиозную экспансию ИРИ в САР. В 2018 г. был издан президентский указ, согласно которому в рамках министерства вакфов был образован Научный совет по юриспруденции со специальной квотой для шиитов. Это позволило представителям шиитского духовенства занять высокие должности после получения ими сирийского гражданства. В конце 2021 г. в Сирии был принят закон № 28 об укреплении роли Высшего исламского совета (ВИС). ВИС сильно ограничил права 4 суннитских мазхабов (ханбалитского, ханифитского, шафиитского, маликитского) на религиозную работу с населением и управление

вакфами[205]. На законодательном уровне было решено, что только представители джаафаритского[206] мазхаба имеют преимущественное право на издание фетв и другие виды религиозной деятельности, в том числе управление вакфами. Таким образом, Иран глубоко проник в систему шариатской юриспруденции и государственные институты САР, действующие в религиозной сфере, типа министерства вакфов. Одновременно, сирийский режим формировал легальную основу изменения демографии сирийского общества[207].

В 2012-2017 гг. сирийский президент подписал ряд указов, согласно которым разрешалось конфисковать собственность лиц, осужденных по различным обвинениям, и изымать нежилые объекты недвижимости. В 2018 г. был принят закон №10, который дал право командирам проиранских милиций отчуждать в свою собственность любые объекты недвижимости в случае, если их владелец не мог подтвердить свои права владения. В результате десятки тысяч шиитских бойцов с семьями стали собственниками объектов недвижимости в различных районах Сирии. Особое внимание Тегеран уделял увеличению численности шиитского населения в Дамаске и его пригородах. До начала сирийских событий провинция Дамаск была суннитским поясом безопасности сирийской столицы[208]. Для того чтобы укрепиться в этом районе, Иран использовал тактику «Хезболлы» в южных пригородах Бейрута (аль-Дахия). В 2015-2016 гг. в результате тяжелых сражений в пригородах Дамаска и Алеппо, суннитская оппозиция потерпела

---

[205] Аль-Хейр, М.М. Иалян-шейх-усама-аль-рифаи-муфтийа-сурия-аль-масулийя-ва-аль-тадаият. Риваят-хауля-сыраа-мин-аджл-муфтий-сурий-мин-заман-джамаль-абдель-насер-хатта-башар-аль-асад (Объявление шейха Усамы ар-Рифаъи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г.А. Насера до Башара аль-Асада. 11.11.2021. https://mubasher.aljazeera.net/opinions (дата обращения: 17.02.2025). На араб. яз.

[206] Джа’афариты – последователи джа’афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. в 765 г.н.э.). Джа’афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьми другими. Сегодня джа’афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты. Подробнее см.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

[207] Ахмедов В.М. Религиозная политика исламской республики Ирана в арабских странах Ближнего Востока. Пути к миру и безопасности. 2024. № 1(66), с. 96-12.

[208] Ясин Аль-Хадж, Салих. Акаллият-фи-сурия-гейр-мауджуда. Лякина-мумкин-ихса-аль-таваиф-сурия (Несуществующие меньшинства Сирии. Однако можно подсчитать сирийские кофессии). Аль-Хивар. 22.02.2006. https://www.ahewar.net/debat/show.art.asp?aid=57826; https://tinyurl.com/35s6jzdd (дата обращения: 04.05.2025). На араб. яз.

поражение, и ее личный состав вместе с семьями вынужден был выехать в Идлеб. Вскоре за ними последовали мирные жители расположенных на границе с Ливаном сирийских городов Блудан, Ябруд, Мадайа, Сергайа, Кисва и Забадани, которые оказались под контролем «Хезболлы». Конфискованные дома заняли шииты-выходцы из Ирана, Афганистана, Ирака и Пакистана [209]. Наряду с Дамаском Тегеран проявил повышенный интерес к суннитскому оплоту в Алеппо. В 2014 году шиитские милиции из Ирака, Афганистана и Пакистана во главе с КСИР начали операцию по захвату Алеппо. Сотни тысяч суннитов выехали из разрушенных районов. Иранская строительная компания «Джихад аль-Бина» вела масштабные работы по реконструкции социальных объектов городской инфраструктуры. Восстановленные кварталы заселили десятками тысяч шиитских семей из Ирака, Афганистана, Пакистана [210]. Города Хомс и Хама являлись своеобразным пограничным пунктом между суннитскими районами центра и алавитским анклавом на западе Сирии. В стратегическом отношении этот район связывал Дамаск с Латакийским побережьем и служил коридором в Иран через Ирак. В начале 2009 г. режим начал крупный инвестиционный проект «Мечта Хомса», который в рамках реновации предусматривал ликвидацию суннитских кварталов старого города. С принятием закона № 10 в 2018 г. проект реноваций в старых кварталах Хомса был возобновлен. Многие мечети Хомса были превращены в центры пропаганды шиизма, значительная часть недвижимости была конфискована [211]. В духовной экспансии Ирана в Сирии большое внимание уделялось вопросам святых мест. В 1999 году Тегеран начал программу реконструкции шиитских святынь в Сирии. В Дамаске и пригородах три шиитских святыни были названы в честь дочерей и внучек четвертого праведного халифа и

---

[209] Рашед, Б. Аль-сияса-аль-иранийя-аль-хариджийя-фи-аль-таваиф-аль-муаддаля (Конфессиональная проблема внешней политики Ирана). RASANA. Эр-Рияд. 02.01.2017. https://rasanah-iiis.org/?p=5109; https://tinyurl.com/yr69tvk3 (дата обращения: 12.09.2025). На араб. яз.

[210] Saban, N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council. 05.11.2020. https://bit.ly/3dOvG7C, c. 1-7 (accessed: 20.05.2024).

[211] Reuters. Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete, 18.07.2018. https://www.reuters.com/article/world/evacuation-of-two-pro-assad-syrian-villages-complete-idUSKBN1K80PA, pp. 1-24 (accessed: 02.09.2025).

зятя Пророка Али,- «Сейида Зейнаб» «Сейида Сакина» и «Сейида Рукъая». «Сейида Зейнаб» располагалась в 10 километрах от центра Дамаска. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр аль-Зоре, Деръа), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников[212] . В 2011 г. президент издал закон, согласно которому комплекс Сейда Рукая в Дамаске признавался учебным заведением по изучению шиизма. В 2014 г. был издан указ о преподавании шиитского вероучения в специализированных сирийских школах, которые открылись в том же году в различных городах страны. В 2021 году в Сирии действовало 6 иранских университетов. Из них 5 были созданы после 2011 г. Работа строилась на основе учебных программ, разработанных министерством науки ИРИ. Для поступления в них требовалось свободное владение персидским языком. В Дамаске, Хлебе, Латакии, Дейр аль-Зоре работало 15 культурных центров Ирана. Распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм местного населения занимало центральное место в политике Ирана в САР. Эта деятельность была ориентирована, прежде всего, на средние и беднейшие слои сирийского населения в стратегически важных для ИРИ районах Сирии. Тегеран использовал племенных вождей для обращения в шиизм жителей ряда деревень. В ходе конфликта многие племенные вожди тесно сотрудничали с КСИР и шиитскими милициями. Северо-восток Сирии служил естественным коридором между Сирией и Ираком, а город Ракъа является историческим местом. В 657 г.н.э. в его окрестностях произошла знаменитая битва при Сиффине между Али бин Абу Талибом (4-й праведный халиф) и Муавией бин Абу Суфьяном (основателем династии Омейядов). Несмотря на то, что еще до кризиса Тегеран привлек на свою сторону племя аль-Хамад в Ракъа, Иран испытывал затруднения в распространении шиизма в этом районе. Как правило, суннитов было проще обратить в классический шиизм, чем

[212] Нааме, А. Иран-юалян-таджджид-аль-хадж-фи-сурия-лимаза-адь-ан(Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас?) Аль-Араб21. 13.11.2021. https:// www.arab_21.com/story/1397691/ (дата обращения: 24.05.2025). На араб. яз.

представителей других сирийских конфессий. Слабое присутствие шиитских милиций в юго-восточных районах Хасака вынуждало Иран действовать через сеть культурных центров, пытаясь обратить в шиизм местное население. Тегеран смог обратить в шиизм несколько сот жителей г. Мисъяф и завербовать их в шиитские милиции[213]. В отличие от деловых кварталов Дамаска (аль-Хамидийя, например), где празднование «ашуры» стало обычным делом еще до кризиса, религиозная ситуация на юге Сирии была иной. С 2018 г. после победы над оппозицией в Деръа начался процесс «шиитизации» местного населения. Иранские миссионеры рассчитывали на поддержку иракских шиитов из района аль-Матар, где находилась шиитская мечеть. Город аль-Кафра был центром операций «Хезболлы» и оплотом иранской духовной экспансии на юге Сирии. Аль-Кафра это родина генерала Р. аль-Газали, заместителя некогда всесильного Г. Канаана, бывшего командующего сирийским воинским контингентом в Ливане. По иронии судьбы именно суннитская семья аль-Газали оказала Ирану помощь в продвижении шиитов в этом районе. КСИР создал здесь местные милиции «Корпус аль-Арин» и «Бригаду 313». «Бригада 313» была названа по имени 313 сторонников аль-Махди, которые в его отсутствие защищают справедливость на земле. Населенная друзами аль-Сувейда была единственной сирийской провинцией, большинству жителей которой удалось сохранить конфессиональную идентичность. Несмотря на то, что друзы не выступили против режима Б. аль-Асада, их отношения с алавитами и шиитами были напряженными. Тегеран запустил ряд гуманитарных и социальных программ в аль-Сувейде. С учетом серьезных различий в религиозных доктринах друзов и шиитов, запрета переходить в другую веру, шансы на «шиитизацию» друзов были ничтожны. Однако офицеры КСИР, пользуясь бедственным положением друзов, смогли вовлечь нескольких жителей в состав проиранских вооруженных отрядов.

В условиях кризиса сирийский социум пребывал в тяжелом положении. Образованный класс пытался обрести идейную основу для новой

[213]Dukhan, H., Alhamad, A. (2021). Iran’s Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes. The Washington Institute for Near East Policy. Washington, D.C., 06.04.2021. Pp.1-7https://tinyurl.com/vkaw6mxy (accessed: 09.10.2025).

самоидентификации. Иран опирался на доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью в распространении шиитского вероучения среди жителей столичных центров САР. Тегеран стремился мобилизовать широкие народные массы в свою поддержку, прежде всего молодежь, большинство которой было неграмотно. Гуманитарная дипломатия изменила социально-культурный облик современной Сирии и сделала сирийские власти еще более зависимыми от Ирана. Использование фактора конфессиональной общности, сопровождалось определенными рисками для политики Тегерана. Поддержка шиитских общин высвечивала Иран как не столько политического, а религиозного игрока на поле сирийского конфликта и подчеркивала опасность религиозного измерения сирийского кризиса. Подобный политический инструмент был эффективным, пока Тегеран мог управлять религиозными процессами в САР. В случае отказа механизма управления Иран рисковал ослабить свою политику в Леванте.

В итоге, участие Ирана в сирийских событиях и вооруженная интервенция ИРИ в САР и Ирак серьезно осложнили отношения Ирана с арабскими странами и мировыми державами, обострили вооруженную конфронтацию между Тегераном и Тель-Авивом, и спровоцировали войну в Газе.

§ 2. Ирано-израильский вооруженный конфликт и арабские государства Ближнего Востока: предварительные итоги

В параграфе втором изучена тема ирано-израильского вооруженного конфликта. Показано, что ирано-израильская война вышла за пределы Сирии, отразившись на характере арабо-иранских отношений. Исследование этой проблемы имеет значение для полного раскрытия темы диссертационной работы. Дана оценка влияния ирано-израильского вооруженнного конфликта на характер отношений Ирана с арабскими странами, территорию которых он так или иначе затронул, подведены предварительные итоги эволюции арабо-иранских отношений в результате ирано-израильского вооруженного противостояния.

Кризис в САР обострил ирано-израильские отношения, придав им новые формы. В 2011-2013 гг. Тель-Авив спокойно относился к действиям ИРИ по поддержке режима Б. аль-Асада. Ни Тель-Авив, ни Тегеран не хотели ввязываться в масштабную вооруженную конфронтацию. Иран был заинтересован в продвижении переговорного процесса по иранскому атому. А Израиль шел в русле американской политики рамочного сдерживания иранских региональных устремлений.

Когда стало очевидным, что Тегеран использует ситуацию для снабжения «Хезболлы» новейшим вооружением и укрепления позиций ХАМАС в Газе, Тель-Авив отреагировал. С 2012 по 2019 гг. Израиль нанес десятки тысяч воздушных ударов по военным целям ИРИ и «Хезболлы» в САР, тщетно пытаясь сдержать расширение иранской стратегической глубины к северным границам еврейского государства[214].

Воздушная война в сирийском небе развернулась в начале 2018 года. В ней приняли участие ВВС Израиля, ВВС и ПВО Сирийской арабской армии (САА), иранские Беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Иран продолжил укреплять свои позиции в САР и наращивать силы шиитских милиций за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана. В целом же, израильские удары по иранским объектам в Сирии оказались неспособны серьезно поколебать прочность иранских позиций в САР. В конце 2021 года Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство второй крупной военной базы Ирана в САР в районе аль-Букамаль на правом берегу Евфрата.

После серии израильских ударов по иранским объектам в САР Иран рассредоточил руководящие кадры КСИР, «Хезболлы» и шиитских милиций в различных районах Сирии. Воздушные атаки Израиля стали «привычным»

---

[214]Garrett N. Iran’s Confrontation with Israel over Four Decades. 19.05.2021. https://iranprimer.usip.org/blog/2020/jan/21/iran-confrontation-israel-over-four-decades (accessed: 27.03.2025).

элементом сирийского конфликта. Дамаск, Тегеран, другие участники сирийских событий не могли остановить израильские авиаудары и фактически перестали их комментировать. С другой стороны, Тель-Авив не сумел защитить мирные израильские поселения от растущей военной угрозы ИРИ и «Хезболлы» с территории Сирии, Ливана и Палестины. Израиль сталкивался с серьезными проблемами безопасности на севере Палестины и юге Ливана, которые ему приходилось решать в условиях определенной внутриполитической турбулентности. Особые опасения Израиля вызывала деятельность «Катаиб аль-Радван» (Батальон Радван*). Их личный состав был укомплектован ветеранами боевых действий в Сирии, Ираке и Йемене. В составе батальонов действовали подразделения специалистов по кибервойнам и отряды смертников[215]. Таким образом, в продолжавшейся свыше 10 лет «воздушной войне» Ирана и Израиля в Сирии возникла тупиковая ситуация в плане достижения приемлемого результата для обеих сторон конфликта.

Война разведок и диверсионных подразделений двух стран охватила территорию Ирака, Аравийского полуострова, Турции, Азербайджана на рубеже 2021-2022 годов. С этого времени стратегическое видение методов и средств вооруженного противостояния двух стран стало постепенно меняться. С позиций в Ираке, Сирии, Ливане, и Йемене, Тегеран начал «тестировать» допустимую глубину силового ответа Израилю. Тель-Авив ответил серией разведывательно-диверсионных операций, открыв «сезон охоты» на старших офицеров элитных подразделений армии, служб безопасности и высокопоставленных гражданских специалистов, занятых в сферах ядерных технологий. В 2022 г. был убит начальник управления специальных операций КСИР в Сирии и Ираке генерал С. Ходаи. Аналогичная участь постигла начальника управления закордонных операций КСИР генерала А. И. Заде. Эти громкие убийства обнажили лишь верхушку айсберга тайной войны между КСИР и «Моссад». Тегеран провел серию удачных

* Радван (الرضوان) – ангел, охраняющий вход в рай, подобно [католическому] апостолу Петру.
[215]Аль-Рай Аль-Яум. Ма-Хия-Катаиб-аль-Радван? (Кто такие батальоны Радван) // Рай аль-Яум. 08.01.2023. https://raialyoum.com// (дата обращения: 09.02.2025). На араб. яз.

операций в Ираке, в ходе одной из которых обезвредили израильскую агентуру в Эрбиле (Ирак). Со своей стороны специальный отряд израильских снайперов ликвидировал в Багдаде несколько офицеров КСИР [216] . Ни одна из сторон конфликта не была готова «сложить оружие».

Израильское присутствие на Кавказе, рассматривалось в Иране как потенциальная угроза национальной безопасности и территориальной целостности ИРИ. Тегеран был обеспокоен активной ролью Израиля в Азербайджане. Особую тревогу Ирана вызывало нахождение израильских войск специального назначения на северных границах ИРИ. По оценкам Тегерана, в сложившейся ситуации Израиль мог дать ассиметричный ответ на действия ИРИ и «Хезболлы» в ближневосточном регионе. Таким образом, тщательно отстроенная Тегераном ось сопротивления Израилю серьезно меняла свою директорию. Иран испытывал тревогу по поводу возможных действий Израиля в отношении иранских азербайджанцев, общая численность которых составляла около 25% совокупного населения ИРИ. Тегеран опасался, что если Израиль при поддержке ряда арабских стран Персидского залива начнет работу в этом направлении, то это может реально угрожать сохранению территориальной целостности Ирана. Озабоченности Ирана были не беспочвенны, если принять во внимание народные волнения в иранской провинции Хузистан (июль 2021), которую многие арабские националисты и исламисты до сих пор считают арабской территорией, «оккупированной» Ираном.

В октябре 2021 Иран провел военные маневры вблизи пограничной территории с Азербайджаном, что, естественно, вызвало негативную реакцию Баку и Анкары[217]. Израильское военное присутствие в Азербайджане имело под собой определенные основания. В конце 2021 года глава израильской разведки находился с визитом в США. В ходе встречи со своими американскими коллегами он передал

---

[216] Аль-Кодс. Харб-джавасис-иранийя-исраильийя-фи-т-туркийя (Израильско-иранская шпионская война в Турции) // Аль-Кодс. 23.06.2022. https://alquds.co.uk.// (дата обращения: 08.07.2025). На араб.яз.

[217] Аль-Араб. Иран-тахш'а-вужуд-хизб-алла-аль-исраилийя-аля-худудха-аш-шималийя (Иран опасается присутствия израильской Хезболлы на своих северных границах). Аль-Араб. 10.07.2022. https://alarab.co.uk// (дата обращения: 06.08.2025). На араб. яз.

им особое досье по Ирану. В досье содержалась новая информация о ядерной программе Ирана.

В документе были указаны два секретных объекта где, по оценке израильтян, Тегеран вел работы по обогащению урана свыше установленной нормы (20%). Один из объектов был расположен на севере Ирана в 50 км от границы с Азербайджаном. Второй находился на юге Ирана в провинции Ахваз на побережье Персидского залива. В середине декабря 2021 г. глава израильской разведки публично пообещал, что он не допустит появления у Ирана ядерного оружия. Примерно в это же время на одном из предприятий в иранском городе Натанз (Исфахан) произошел взрыв[218].

Персидский залив стал еще одним «полем брани» между ИРИ и Израилем. Тегеран был раздосадован торжественным открытием в 2021 г. посольства Израиля в Манаме (Бахрейн). В начале октября 2021 г. на своем сайте КСИР поместил угрозы в адрес властей Бахрейна. Во время своего визита на Бахрейн израильский министр посетил 5-й американский флот США (Персидский залив). На борту одного из эсминцев он провел переговоры с представителями властей Манамы о возможности организации совместной обороны против иранской угрозы. Одновременно министр обороны Израиля встретился с командованием 5-го флота США и пытался договориться о совместных операциях в случае нарастания военной угрозы со стороны Ирана. По оценке иранских военных, Израиль стремился превратить Бахрейн и ОАЭ в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана.

География Бахрейна, его близость к Ирану позволяли создать там идеальную разведывательную базу Израиля против Ирана. В случае расширения Израилем своей деятельности на Бахрейне Иран планировал усилить свое военное присутствие в прибрежных водах Бахрейна и начать проводить спецоперации на

---

[218]Аль-Джарида.Аль-Джарида-такшафу-маляф-раис-"аль-мосад"-ли-байден-би-ша'ан-иран (Аль-Джарида раскрывает Дж.Байдену досье главы «Моссад» по Ирану).Аль-Джарида. 07.12.2021. https://www.aljarida.com/articles/1638813289975756\ (дата обращения: 16.12.2025). На араб. яз.

его территории при поддержке местных оппозиционных группировок типа «Ассоциации Народного Согласия», «аль-Махтар» и «аль-Аштар»[219].

Первые месяцы 2023 г. стали критическими в изменении парадигмы ирано-израильского конфликта. В январе 2023 г. БПЛА ВВС Израиля нанесли удар по военным предприятиям в районе Исфахана (Иран). Израильские атаки на военные объекты в Исфахане свидетельствовали о значимых коррективах в стратегии Израиля и США в отношении Ирана. В свою очередь, Тегеран подготовил ответные удары силами БПЛА по военным объектам Израиля и США в Ливане, Сирии, Ираке, Афганистане, Азербайджане [220] . Иранские специальные службы разоблачили более 10 агентов израильской разведки «Моссад», действовавших на иранской территории[221]. Тегеран заблаговременно поставил отрядам исламского сопротивления в Ливане и Палестине новейшие системы ракетного вооружения, нацелив их на ответный удар по глубинным районам Израиля[222].

Иранские руководители не были готовы мириться с ударами израильской авиации по иранским военным объектам на территории третьих стран, тем более, внутри Ирана. Многие высокопоставленные представители иранского духовенства и военные демонстрировали готовность к более решительным мерам сдерживания Израиля и США на Ближнем Востоке. Ставка на начавшиеся в сентябре 2022 года в Иране протестные движения, проблемы в экономике, вызванные режимом санкций, политическую изоляцию ИРИ оказалась несостоятельной. В сложившейся ситуации Тегеран усилил меры безопасности внутри страны и укрепил военное присутствие сил «ИС» в арабских странах Ближнего Востока. Попытка использования израильскими ВВС аэродромов на территории соседних

---

[219] Хамуд Ю. Халь-татахаваль-бахрейн-ли-с-саха-т-аль-джадида-ли-сыраъа бейна исраиль-валь-иран (Превратиться ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном?) // Аль-Халидж. 13.07.2021. https://alkhaleejonline.net/ (дата обращения: 21.07.2024). На араб. яз.

[220] Атван А.Б. Ма-хия-аль-хиярат-аль-саляса-амам-иран-ли-рад'а аля-ль-худжум-аль-исраилий-фи-исфахан (Три варианта иранского ответа на израильскую атаку в Исфахане) // Рай аль-Яум. 30.01.2023. https://raialyoum.com// (дата обращения: 09.02.2025). На араб. яз.

[221] Рейхан И. Хужум-исфахан: амрика-тарф'а-аль-аса-фи-важх-иран (Атака на Исфахан: Америка размахивает дубинкой перед лицом Ирана) // Азаз. 01.02.2023. https://asasmedia.com/news/395500/ (дата обращения: 15.03.2025). На араб. яз.

[222] Ахмедов В.Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии. Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64), с. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.

Ирану арабских стран для нанесения удара по военным целям внутри ИРИ кратно увеличивала риски распространения ирано-израильской вооруженной конфронтации на весь регион и ставила под удар американских военных в Персидском заливе, Ираке и Сирии.

В свою очередь, израильское правительство Б. Нетаньяху не могло мириться с иранскими ответными мерами, особенно, если их целью становилось гражданское население Израиля. Успехи ИРИ в работе над ядерной программой могли побудить Израиль к более решительным действиям против ядерных объектов Ирана, чтобы отбросить иранскую программу на десятилетия назад. Израиль не мог игнорировать политические дивиденды от «Авраамских соглашений» 2020 года. Следование прежним курсом на треках палестино-израильского урегулирования и конфронтация с ИРИ могло надолго отложить осуществление планов Тель-Авива в вопросе нормализации отношений с КСА и расширения сотрудничества с другими членами ССАГПЗ. Диалектический выбор между конфронтацией и нормализацией с арабами и персами, когда единство противоположностей трактуется как обеспечение интересов государственной безопасности Израиля, могло в конечном итоге привести к смене кабинета.

В апреле 2023 года бойцы палестинского движения «ХАМАС» выпустили десятки ракет с территории Юга Ливана. Одновременно с территории Газы и Голанских высот (Сирия) были нанесены ракетные удары по районам Северной Галилеи. Апрельские акции «ИС» продемонстрировали несостоятельность израильских заявлений о том, что Тель-Авив способен вести войну на нескольких фронтах и определять в одностороннем порядке «правила ведения боя» на своих южных и северных границах. Иран добился координации сил «ИС» в этих районах и навязал Израилю свою тактику боя. Со своей стороны США не были готовы поддержать массированную военную операцию Израиля против Ирана. В этом случае арабские партнеры США в Персидском заливе могли решить, что Вашингтон намерился поставить их под персидские кинжалы, поскольку в случае крупномасштабного ирано-израильского конфликта они скорее видели себя, нежели Израиль, в качестве приоритетных целей иранской военной машины. После

ракетной атаки ХАМАС США предприняли срочные меры по сдерживанию эскалации конфликта. США рассматривали АРЕ как главную силу сдерживания в Газе, а Катар был призван умиротворять обстановку на северных фронтах в Сирии и Ливане. По просьбе США глава египетской разведки генерал А. Камель организовал тайную челночную дипломатию между ХАМАС (Газа) и Израилем. Он провел ряд встреч с И. Ханийя и его представителем в Газе (Я. Синвар). После консультаций с Вашингтоном Тель-Авив принял решение нанести ответный удар по банановым плантациям в южных районах Ливана (предположительно в Сайде), чтобы избежать нового витка вооруженной конфронтации. Компромиссное решение, принятое кабинетом Б. Нетаньяху, было призвано удовлетворить правых радикальных министров в правительстве Израиля и дать понять арабским партнерам США, что Тель-Авив ценит их посреднические усилия[223].

Таким образом, ирано-израильское противостояние негативно сказалось на состоянии арабо-иранских отношений. Территория таких стран, как Ливан, Сирия, Ирак, превратилась в поле битвы между Ираном и Израилем. Аравийские монархии с опасением относились к перспективе появления у Ирана ядерного оружия. Еще больше они боялись быть ввергнутыми в ирано-израильскую войну на Аравийском полуострове. Предпринятые весной 2023 г. влиятельными региональными и международными державами меры дали импульс развитию позитивных процессов в регионе, призванных снизить градус напряженности в ирано-израильских отношениях. Однако в условиях эскалации гибридных войн и вооруженных конфликтов низкой интенсивности поиски мира, как правило, могли быть чреваты возможными последующими осложнениями. Нелинейное развитие вышеуказанных тенденций в международных отношениях на Ближнем Востоке наглядно демонстрировало диалектику единства противоположных процессов в сфере ирано-израильского конфликта и миротворческих усилий в регионе.

---

[223]Рихан, И. Мыср-ва-катар-ва-амрика: асрар-висата-анказат-любнан.., муваккатан (Египет,Катар и США: тайное посредничество спасло Ливан.. временно) 12.04.2023. 12.https://www.asasmedia.com/news/396484 (дата обращения: 13.05.2025). На араб. яз.

§ 3. Особенности арабо-иранских отношений в условиях сирийской нормализации

В параграфе третьем рассматривается политика арабских стран в вопросах сирийского политического урегулирования, затягивание которого после прекращение горячей фазы сирийского конфликта тормозило окончательный вывод иностранных войск с сирийской территории и процесс сирийской нормализации, осложняло международные миротворческие усилия. С учетом особого характера сирийского кризиса, места и роли САР в региональных событиях, процессы сирийской нормализации в плане снижения напряженности в ирано-израильском конфликте, достижения политического урегулирования на Ближнем Востоке, приобретали особую значимость в ходе исследования политического взаимодействия Ирана и прежде весго арабских монархий Персидского залива в процессе сирийской нормализации.

Саудовская Аравия (КСА) предприняла первые серьезные попытки вернуть Дамаск в лоно арабской семьи через год после участия российских Военно-космических сил (ВКС РФ) в сирийском конфликте (осень 2015). Многие представители правящей саудовской элиты считали ошибкой поддержку сирийской оппозиции и изоляцию Сирии в результате событий марта 2011. Они полагали, что, таким образом, арабы облегчили Ирану укрепление позиций на Ближнем Востоке. Однако нападение в 2016 г. на посольство КСА и саудовское консульство в Мешхеде (Иран) привело к разрыву отношений с ИРИ. Кувейт, Катар и ОАЭ понизили уровень представительства в ИРИ, а Бахрейн разорвал дипотношения с Ираном. Действия Кувейта были продиктованы активностью так называемой шпионской сети «Абдали», к которой, по некоторым данным, имел отношение Иран. Однако после визита президента ИРИ в Кувейт в феврале 2017 г. отношения стали постепенно налаживаться. В июле 2017 г. М. бен Сальман стал наследным принцем, в апреле 2022 – премьер-министром. Спустя 2 месяца после назначения М. бен Сальмана на пост министра обороны КСА активизировало военную операцию в Йемене, начатую в 2013 году. Это вызвало конфликт среди

членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет разорвали отношения с Катаром и устроили воздушную блокаду Дохи. Иран предоставил свое воздушное пространство Катару, открыл свои порты и снабжал Катар продовольствием. Катар восстановил отношения с Ираном в полном объеме. В октябре-ноябре 2017 стороны обменялись визитами высоких официальных лиц. Катар выразил желание инвестировать в развитие иранских портов и наладить долговременное экономическое сотрудничество с ИРИ. В 2021-2022 гг. Катар принял активное участие в реконструкции САР. Доха была убеждена в том, что в Сирии необходимо обеспечить комплексное урегулирование, а не идти путем постепенного умиротворения отдельных районов. Доха особо выделяла проблемы возвращения сирийских беженцев и оказание гуманитарной помощи как непременные условия для достижения прочного и долговременного урегулирования в этой арабской стране. Катар стал крупнейшим донором гуманитарной помощи САР. С 2011 по 2021 гг. Доха выделила около 2 млрд долларов на оказание гуманитарной помощи Сирии. В сентябре 2021 г. Катар принял участие в проекте по восстановлению северных районов Сирии, который получил название «Города Надежды». В рамках реализации этого проекта на севере САР с центром в Азазе планировалось построить 1400 домов, куда смогли бы вернуться около 9 тысяч сирийских беженцев. Общая оценочная стоимость проекта составила около 7,5 млн долларов. В результате связи с Ираном стали частью внешнеполитической стратегии Катара. При этом Катар помогал оппозиции не только финансово, но и оружием[224].

В свою очередь КСА стало предпринимать новые попытки вернуть САР под арабский контроль и побудить его отойти от Тегерана. В зависимости от того, как быстро удалось бы КСА остановить вооруженный кризис в САР, Дамаск в будущем мог сыграть в пользу саудовского доминирования на Арабском Востоке. Развитие ситуации в Сирии и вокруг нее стало постепенно занимать приоритетные позиции

[224] Аль-Ани Т.Ма-ахамийят-даур-туркий-катарий-фи-таадим-фль-карара-аль-сиясий фи-сурия (В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САР?). Аль-Халидж. http://khaleej.online/3oBeBo. Дата обращения: 21.04.2025. На араб. яз.

в политической повестке большинства государств Аравийского полуострова[225]. Иран делал ставку на свои связи с Катаром, которому было предложено сыграть ведущую роль в налаживании внутриливанского диалога. Арабские монархии были готовы поддержать переговорный процесс по ядерной программе Ирана, чтобы дать возможность США быстрее определиться в отношении к Тегерану и его ядерной программе. В ходе визита министра иностранных дел ОАЭ в Дамаск в первой декаде ноября 2021 года и переговоров с сирийским руководством А. Бин Заид дал ясно понять, что арабские монархии не ставят вопрос нормализации отношений с САР в зависимость от изменения характера отношений Дамаска с Тегераном. Многие руководители арабских монархий пришли к убеждению, что разбить стратегическое партнерство Дамаска и Тегерана в обозримой перспективе практически невозможно. Несмотря на нерешенность проблемы островов в Персидском заливе, в Абу Даби предпочли не поднимать этот вопрос, чтобы не раздражать Иран. К тому же Тегеран обеспечивал более 40% доходов внешней торговли эмиратов[226]. Лабильная ситуация в регионе и явное превосходство Тегерана в Персидском заливе заставляло государства этого субрегиона временно забыть о своих прежних амбициях. Арабские монархии Персидского залива были обеспокоены, прежде всего, собственной безопасностью и поэтому предпочитали игнорировать военно-политическое присутствие Тегерана в Ираке, Сирии, Ливане, хотя и не переставали осуждать вмешательство Ирана в дела других арабских стран. Для арабских монархий Персидского залива этот вопрос приобретал особую актуальность в связи с характером отношений Ирана с КСА.

В последние десятилетия, несмотря на спорадические контакты между КСА и ИРИ, природа их двусторонних отношений оставалась неизменной. Иран и КСА относились друг к другу с взаимным недоверием и подозрительностью. Несмотря

---

[225] Исаев Л.М., Мардасов А.Г., Коротаев А.В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации. Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019, с. 42-52.

[226] Аль-Рай Аль-Яум. Ма-якмун-вара-зиярат-вазир-имаратий-фи-димашк (Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск?). Редакционная статья. 11.12.2021. htpps://www.raialyoum.com/ (на араб. яз.).

на десятилетиями наработанный общий негативный фон в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном, в обеих странах всегда были силы, не согласные с враждебным курсом КСА в отношении ИРИ, и наоборот. Естественно, сложное историческое наследие и религиозный фактор оказывали значительно большее влияние на этот процесс, чем в случае отношений Ирана с другими арабскими странами. Изменение внутриполитической ситуации внутри КСА и Иране на фоне охвативших Ближний Восток событий подталкивало обе страны к тому, чтобы начать процесс переосмысления характера двусторонних связей.

После 2016 г. представители КСА и Ирана провели в Багдаде 4 раунда закрытых переговоров, в ходе которых обсуждались различные варианты восстановления двусторонних отношений. В первых числах октября 2021 г. министры иностранных дел КСА и Ирана последовательно сделали заявления о ведущихся между Тегераном и Эр-Риядом контактах. Прошедшая в сентябре 2021 года в Багдаде серия саудовско-иранских встреч могла в недалекой перспективе способствовать нормализации двусторонних отношений. Договаривающие стороны рассчитывали, что 5-й раунд даст конкретные результаты в виде официальных договоренностей по ключевым вопросам двусторонних отношений. Несмотря на то, что ирано-саудовские переговоры проходили в сугубо закрытом режиме, а суть обсуждаемых вопросов тщательно скрывалась, ряд признаков указывали на то, что в Эр-Рияде и Тегеране было общее желание нормализовать характер двусторонних отношений. На переговорах речь шла об открытии консульских представительств, развитии торгово-экономического сотрудничества и поиске путей урегулирования конфликта в Йемене. До разрыва отношений между Ираном и КСА ежегодный объем товарооборота двух стран в период с 2006 по 2016 гг. составлял 500 млн долларов. Политика США двойных стандартов в отношении Ирана и КСА побудила их к выходу на прямые контакты. В Иране уже порядком устали от политической игры США, которые одновременно оппонировали Ирану и пытались возобновить с ним переговорный процесс по

«мирному атому»[227]. После того как США демонтировали и вывезли с территории КСА комплексы ПВО «Патриот», отношение к США в КСА изменилось. Внутри саудовского руководства окончательно сформировалось убеждение, что в складывающейся ситуации на Ближнем Востоке Эр-Рияд уже не может целиком полагаться на США в вопросах защиты своей национальной безопасности и обеспечения саудовских интересов в регионе. В случае достижения согласованного политического решения Тегеран и Эр-Рияд были вполне способны самостоятельно урегулировать йеменский кризис. Атаки «Хуситов» не представляли прямой угрозы для национальной безопасности КСА. Куда большую обеспокоенность саудовские военные проявляли в отношении национальных нефтеперерабатывающих предприятий и нефтепромыслов, маршрутов доставки нефти в Персидском заливе в случае дальнейшей эскалации вооруженного конфликта в Йемене. До конца 2021 г. обе стороны заявляли о достигнутом прогрессе в сближении позиций Эр-Рияда и Тегерана и формировании общей позиции по обсуждаемым вопросам. Однако возникший осенью 2021 года дипломатический кризис между КСА и Ливаном в контексте сирийского конфликта поставил под вопрос примирение между Эр-Риядом и Тегераном. На самом деле разногласия между КСА и ИРИ выходили далеко за пределы конфликта в Йемене и Ливане и имели экзистенциональный характер[228].

В сложившейся ситуации Саудовская Аравия решила восстановить прежний объем отношений с Пакистаном. После отказа Исламабада поддержать КСА в йеменском конфликте в 2015 и 2018 гг. отношения между странами заметно охладели. Саудовцам было сложно забыть нанесенные (предположительно ИРИ) в сентябре 2019 удары по нефтехранилищам на саудовской территории в районе Бкейк и Хрейс.

---

[227] Аль-Араб. Аль-Саудия-ва-Иран-аля-вишак-ифтитах-кунсулият-ва-игляк-сафхат-аль-харб-фи-аль-йемен (Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене). Редакционная статья. 13.10.2021. https://alarab.co.uk/(на араб.яз.).

[228] Хамуд. Ю. Халь-тауссир-азмат-муфаввадат-тахран-маа-аль-рияд-аля-байрут (Повлияет ли кризис в переговорах между Эр-Риядом и Тегераном на Бейрут?). ХалтджОнлайн. 11.06.2021. http://khaleej.online/9DWdj3; http://khaleej.online/9DWdj3; https://tinyurl.com/bd2bfacj (дата обращения: 23.02.2025). На араб. яз.

В свое время КСА затратило сотни миллионов долларов на поддержку ядерной программы Пакистана в надежде на то, что Исламабад сможет создать для Эр-Рияда ядерный «зонтик», который защитит саудовцев от возможных ударов Ирана. С другой стороны, КСА учитывало особый характер традиционных связей между Исламабадом и Дамаском и рассчитывало использовать свои контакты в Пакистане для удаленного налаживания процесса сирийского урегулирования. При этом саудовские руководители не обольщались на счет Исламабада. Они отдавали себе ясный отчет в том, что в случае вооруженного конфликта с Ираном Пакистан не станет сражаться «в одном окопе» с Эр-Риядом. Основные опасения Эр-Рияда были связаны с возможными ударами США и Израиля по Ирану. В этом случае КСА рассчитывало на то, что Исламабад окажет саудовцам необходимую военно-политическую поддержку, чтобы не допустить иранских ударов по территории Королевства[229]. Подобные опасения арабских монархий Персидского залива имели достаточно обоснованный характер. Не все страны Персидского залива хотели вести диалог с Израилем за счет отношений с Ираном. Определенную роль в продвижении этого трека сыграл визит в Оман израильского премьера Б. Нетаньяху в октябре 2018 г. Возможно, Оман хотел обезопасить себя от последствий ударов США по Ирану[230].

Авраамские соглашения о нормализации отношений Израиля и ряда арабских государств Персидского Залива были подписаны летом 2020 г. Подписание указанных соглашений отражало новый тренд развития ситуации в регионе, в котором идея сирийской нормализации за счет секвестрования связей с Ираном занимала не последнее место. После подписания соглашений между Израилем, Бахрейном и ОАЭ Иран резко ужесточил антиизраильскую риторику и усилил свои позиции в САР. Тегеран полагал, что Израиль стремился превратить Персидский залив в новый плацдарм для ведения активной разведывательной

---

[229] Аль-Араб. Аль-Саудийя-туджаддтд-риханатиха-туджаха-бакистан-аля-маваджахан-ли-иран (КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противодействии Ирану). Аль-Араб. 11.07.2021. https://alarab.co.uk/. Дата обращения: 17.03.2025. На араб. яз.

[230] Dourian, K. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram, 18.05.2007. https://en.otaghiranonline.ir/news/44518, pp. 1-2 (accessed: 21.01.2026).

деятельности против Ирана. В случае расширения Израилем своей деятельности Иран планировал проводить спецоперации на территории ряда арабских монархий. Иранская дипломатия и подразделения КСИР обладали достаточно обширным запасом методов и средств, чтобы подорвать идущие вразрез иранским интересам соглашения на региональном уровне. В феврале 2020 г. на одном из заседаний Стратегического Совета ИРИ по международным делам прозвучала идея об организации новой мощной палестинской интифады. В этих целях планировалось задействовать позиции ИРИ в САР и Ливане. В сентябре 2020 г. представители руководства «ХАМАС» и «Хезболлы» договорились о более тесном сотрудничестве по ключевым военно-политическим вопросам. Иран на постоянной основе оказывал поддержку «ХАМАС» и «Исламскому джихаду»*, используя транзитный путь через сирийскую территорию. Более осторожно и скрытно Иран поддерживал нерегулярные контакты с представителями «Аль-Каиды»* и «Талибан»* (еще до прихода к власти в Кабуле) по мере необходимости. По оценке спецслужб арабских стран Совета Сотрудничества первые контакты между Ираном и «Аль-Каидой»* были зафиксированы после событий 11 сентября 2001 г. Отношения между ними носили весьма неровный характер и отличались взаимным недоверием и цинизмом. Однако, когда речь шла об интересах национальной безопасности Ирана, Тегеран не брезговал пользоваться логистической и военной поддержкой «Аль-Каиды»* в проведении операций против Израиля и США. Известно, что в своей пропагандистской деятельности «Аль-Каида»* постоянно уделяла внимание палестинскому вопросу. Так, после решения США перевести в 2018 г. свое посольство в Иерусалим глава «Аль-Каиды»* Айман аль-Завахири публично осудил бездеятельность арабских стран и призвал мусульман к вооруженному джихаду против арабских правительств и США. В 2019 г. после признания США Голанских высот территорией Израиля А. аль-Завахири призвал палестинцев к атакам смертников на Израиль и его объекты.

В то же время отношение «Аль-Каиды»* к палестинскому делу носило неопределенный характер. Воинственная риторика «Аль-Каиды»* по палестинскому вопросу не сопровождалась конкретными операциями, что

вызывало резкую критику в джихадистких и такфиристских кругах. Однако существовала гипотетическая опасность, что рано или поздно «аль-Каида» под воздействием Ирана может начать действовать и перейти от слов к делу. В 2015 г., по некоторым данным (требуют дополнительной проверки), иранские власти освободили из-под домашнего ареста 5 старших оперативников «аль-Каиды», удерживаемых на территории ИРИ. При этом двое из них – Сэйф аль-Адель и Абу Мохаммед аль-Масри (оба египтяне. – *А. В.)* – оставались в Иране, откуда, по всей видимости, пытались помогать руководить деятельностью организации. Трое других, в том числе заместитель А. аль-Завахири по египетскому досье Абу Хейр аль-Масри, Халед аль-Арури (старший оперативник по иорданскому досье) и Сари Шихаб вошли в состав проиранских сил, действовавших на территории Сирии. Предоставление Ираном убежища ряду руководителей «аль-Каиды» с тем, чтобы предотвратить враждебные действия организации в отношении ИРИ и ее интересов, сопровождались логистической поддержкой ее оперативников. В свою очередь Иран мог рассчитывать на ответные действия со стороны организации. Несмотря на свою доктрину ограниченного сотрудничества и взаимодействия в условиях враждебного окружения и контролируемого характера такого сотрудничества, «аль-Каида» могла пойти на контакт с Ираном с учетом оправданного риска и очевидной выгоды.

Аравийские монархии опасались, что примирение с Израилем и поддержка сирийской оппозиции может породить иные виды угроз и косвенно способствовать расширению иранской «Оси сопротивления» с привлечением в нее новых радикальных элементов, в том числе и «аль-Каиды» (естественно, неофициально). Тем более что Иран был обеспокоен стремлением арабских стран снизить уровень иранского присутствия в Сирии, и стремился не допустить создания суннито-израильского альянса с участием Дамаска. В марте 2022 г. министр иностранных дел ИРИ посетил Дамаск и Бейрут. Высокопоставленный иранский представитель уверил руководителей Сирии и Ливана, а также глав шиитских милиций и общин,

что Иран не намерен менять характер своей политики в регионе[231]. Неожиданный визит Б. аль-Асада в Тегеран в июне 2022 г. внес коррективы в арабские планы в отношении Дамаска.

Отношения Ирана с рядом малых монархий Персидского залива в течение нескольких последних десятилетий носили уникальный характер и определялись факторами региональной безопасности. В отличие от других арабских стран, географическая близость Ирана и малых монархий Персидского залива служила важным аспектом в их двусторонних отношениях. Территориальные и демографические различия между Ираном и «заливниками» генерировали озабоченности «заливников» за свою безопасность. В случае вооруженного конфликта военная мощь и экономический потенциал Ирана, который, отчасти, определялся его территориальными и демографическими параметрами, могли обеспечить Тегерану военное превосходство и стать решающим фактором в определении исхода конфликта. Напротив, малые монархии Персидского залива отличались незначительной численностью коренного населения и были вынуждены опираться на инонациональную рабочую силу в своей экономической деятельности и вопросах обеспечения безопасности (на уровне рядового и сержантского состава в регулярной армии. – *А. В.)*. Кроме того, в большинстве этих стран проживали крупные иранские общины, которые имели глубокие исторические корни. Конфессиональные различия между коренным населением и иранскими общинами служили дополнительным источником напряжения в отношениях с Ираном. Власти малых монархий рассматривали шиитские общины на своей территории как инструмент влияния Ирана и потенциальный фактор саботажа и дестабилизации. Поэтому для малых монархий Персидского залива иранские общины представляли большую опасность, нежели выходцы из Индии или Пакистана. С другой стороны, не стоит

---

[231] Аль-Факих, И. Халь-асбаха-аль-шарк-аль-аусат-шахидан-ли-хиляфат-аль-джадида-баида-ан-аль-вашинтон (Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов далеких от Вашингтона). Стамбул. 05.04.2022. https://www.aa.com.tr/ar/2555368/ (дата обращения: 18.03.2026). На араб. яз.

обобщать все арабские монархии с точки зрения степени интегрированности шиитских общин в их общества.

С другой стороны, присутствие шиитских общин на территории малых государств Персидского залива не обязательно предполагало враждебность в отношении Ирана. В Кувейте проживало 30-40% шиитов, большинство из которых были этническими иранцами. При этом отношения между Кувейтом и Ираном носили в целом нормальный характер. Примерно так же складывались отношения между ИРИ и Катаром[232]. Изменения в политике США на Ближнем Востоке явно складывались не в пользу арабских монархий Персидского залива. Несмотря на это арабские монархии не доверяли Ирану и хотели бы иметь арабскую систему безопасности, возможно, с участием России и Китая как ее гарантов. В ряде случаев Тегеран намерено обострял ситуацию в арабских странах, где иранские позиции были особенно сильны. Таким образом, Иран стремился выиграть время и завершить свои проекты по укреплению позиций на Ближнем Востоке. Подобная тактика действий была чревата высокими рисками, но в определенных обстоятельствах могла позволить Тегерану успешно решить поставленные задачи. Иран вмешивался во внутренние дела стран ССАГПЗ, и их лидеры не могли ничего с этим поделать. Попытки США и Израиля сдержать активность Ирана в регионе не увенчались успехом. Неудивительно, что правящие элиты Сирии и Ирана с недоверием воспринимали планы Аравийских монархий по урегулированию кризиса в САР. Тем более арабские монархии всегда заявляли, что США гарантирует их безопасность. Да, они старались диверсифицировать свои военно-политические связи, но США оставались их главным союзником.

Изменение характера системы международных отношений и региональной политики, баланса сил на Ближнем Востоке на рубеже 2022-2023 годов не могли не сказаться на характере ирано-саудовских связей и сирийско-саудовских отношениях. С середины февраля 2023 г в КСА активизировалась подготовка к восстановлению дипломатических отношений с Сирией. В начале

---

[232] Kamrava, M. Qatar: Small State, Big Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013, с. 206.

марта 2023 министр иностранных дел КСА Фейсал бин Фархан заявил на саммите по безопасности (Мюнхен) о формировании единой арабской позиции относительно сирийской нормализации. Он подчеркнул, что позиция Дамаска сделала возможным его возвращение в ЛАГ. В начале апреля 2023 года министр иностранных дел САР Ф. Мекдад прибыл в Джидду, чтобы обсудить детали сирийско-саудовской нормализации[233]. Это был первый за последние десять лет визит высокопоставленного сирийского дипломата в КСА. Визит последовал за соглашением между КСА и Дамаском о восстановлении отношений и открытии посольств. Поражала скорость, с которой велась подготовка к участию САР в арабском саммите. Вероятно, КСА ждали подходящего момента для возобновления диалога с САР. Благоприятные условия сложились после восстановления саудовско-иранских отношений 10 марта 2023. Уже в начале апреля Иран заявил о создании ирано-саудовских торговых палат для подъема товарооборота между двумя странами. Данный шаг был предпринят в развитие ранее подписанных соглашений (май 1998) о сотрудничестве в торговле, инвестициях, технологии, науке, культуре, спорте. По оценке саудовских экономистов, деятельность совместных торговых палат могла оздоровить финансовый и инвестиционный климат в экономике стран Совета Сотрудничества.

В середине апреля 2023 г. в Джидде проходила арабская встреча, на которой обсуждались условия участия САР в арабском саммите 19 мая 2023 г. Основной задачей встречи стало преодоление разногласий внутри ССАГПЗ. Такие страны, как Марокко, Кувейт, Катар скептически относились к возврату САР в ЛАГ. Они считали, что Б. аль-Асад должен прежде нормализовать отношения с политической оппозицией, чтобы дать возможность всем сирийцам участвовать в определении будущего страны. Накануне арабской встречи в Джидде Иордания выдвинула план политического урегулирования в САР. В мае 2023 года арабские министры иностранных дел единогласно проголосовали за восстановление членства САР в

[233]Аль-Араб. Аль-Микдад-фи-джидда-нихая-т-аль-катъиа-аль-саудия-аль-сурия (Мекдад в Джидде. окончание паузы в сирийско-саудовских отношениях). Аль-Араб. 13.04.2023. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 19.09.2025). На араб. яз.

ЛАГ. Условия возвращения Сирии в арабскую семью были скорректированы на встрече в Аммане 1 мая 2023 с участием КСА, Иордании, Египта, Ирака и министра иностранных дел САР. Арабские страны потребовали от Б. аль-Асада выполнить положения резолюции СБ ООН №2254, а именно: освободить политических заключенных, организовать поиск без вести пропавших, провести выборы в законодательные органы власти с участием международных наблюдателей. Сирийские власти должны были также сформировать коалиционное правительство, остановить поток наркотиков с сирийской территории в соседние арабские страны, освободить возвращающихся беженцев от тюремного наказания.

В канун решения ЛАГ сирийский режим подавал вполне очевидные сигналы своего отношения к арабским посредническим инициативам. Еще весной 2023 года стало ясно, что возвращение Сирии в ЛАГ не обязательно пойдет по сценарию арабских монархий Персидского залива [234] . Арабские партнеры Сирии в Персидском заливе, прежде всего Саудовская Аравия, были обескуражены майскими торжествами в Дамаске по случаю визита в Сирию иранского президента И. Раиси. После «дипломатии катастроф» (февраль)*, восстановления КСА отношений с Ираном (март) и Сирией (апрель), разноформатных арабских встреч по Сирии в Эр-Рияде и Джидде (апрель), консолидированного арабского решения о возвращении САР в ЛАГ (май) иранский президент, игнорируя саудовское приглашение, приехал в Дамаск. Во время торжественных мероприятий в Дамаске не было сказано ни слова об участии арабских монархий в гуманитарной помощи Сирии после землетрясения 6 февраля 2023, их роли в сирийском урегулировании, восстановлении страны. Саудовская инициатива по урегулированию сирийского кризиса была фактически проигнорирована, если не сказать, перелицована Тегераном в свою пользу. Выступая вместе с иранским президентом И. Раиси на праздновании победы «Оси исламского сопротивления» (Тегеран, Багдад, Дамаск, Бейрут, Газа) в борьбе за Сирию, Б. аль-Асад послал ясный сигнал братским

---

[234] Атаван, Б. Сурия-лям-тугадир-аль-уруба-хатта-таъуд-иля-жамиъатиха (Сирия не откажется от арабизма чтобы вернуться ЛАГ). Рай аль-Яум. 07.05.2023. https://www.raialyoum.com/ (дата обращения: 10.05.2025). На араб. яз.

* Арабская гуманитарная помощь Сирии после землетрясения 6 февраля 2023 года.

арабским странам, что Иран занимает приоритетное место в ближневосточной политике САР. На встрече И. Раиси с Б. аль-Асадом был подписан меморандум о взаимопонимании и долгосрочном всеобъемлющем сотрудничестве. Официальные иранские представители рассказали о достигнутых с Дамаском договоренностях увеличить численность иранских туристов (паломников) в САР до 50 тысяч против прежних 500 человек ежегодно[235].

Визит И. Раиси в Дамаск проходил на фоне региональных сдвигов в контексте саудовско-иранского примирения и нормализации саудовско-сирийских отношений. Эр-Рияд надеялся, что Тегерану вполне должно хватить двух месяцев (с 10 марта 2023) чтобы выказать свои добрые намерения в отношении арабских монархий Персидского Залива. Однако, как показал визит И. Раиси в САР, Тегеран не собирался выводить свои войска и шиитские милиции из Ирака, Сирии, Ливана и Йемена. По мнению саудовских политиков, Тегеран и Дамаск хотели предать забвению события марта 2011 г. Однако больше всего руководителей ССАГПЗ насторожили звучавшие рефреном заявления иранских и сирийских представителей о победе над американской гегемонией на Ближнем Востоке. Тегеран расценивал последние сдвиги в региональной политике как ослабление позиций США на Ближнем Востоке и позиционировал свои успехи в Сирии и Ираке как новый этап борьбы за Ближний Восток.

На этом фоне особую озабоченность вызывал социально-экономический кризис в САР и складывавшаяся вокруг Дамаска конфликтогенная обстановка. В самой Сирии продолжалось острое политическое соперничество, в основе которого лежали религиозные, идеологические, этнические различия, которые внешние акторы искусно использовали для обеспечения своих интересов на Ближнем Востоке. В Тегеране не могли не понимать, что проблема сирийского урегулирования выходит за переделы одной страны и служит своеобразным катализатором переформатирования системы международных отношений на

[235] Аль-Кодс.Аль-Асад-изъан-ли-иран-ва-русия-ва-муталаба.., (Аль-Асад-"комплимент" Ирану и Росии и требование..,). Аль-Кодс. 04.05.2023. https://www.alquds.co.uk/ (дата обращения: 12.05.2023). На араб. яз.

Ближнем Востоке. В то же время политика Тегерана в Сирии и на Ближнем Востоке в целом во многом определялась противоборством с Израилем и США. Это отрицательно сказывалось на характере арабо-иранских отношений и провоцировало дальнейший рост напряженности в отношениях Ирана с США и Израилем, что, в конечном итоге, могло привести к губительным последствиям для позиций ИРИ в регионе и внутренней безопасности самого Ирана. К тому же историческое наследие арабо-израильских войн предопределило тот факт, что в XXI столетии арабо-израильский конфликт только усилился и не исчерпывался противостоянием в Газе.

Глава 5.
Политика Ирана и арабских стран после начала войны в Газе и смены власти в САР в контексте перспектив арабо-иранских отношений

В главе пятой изучены причины участия Ирана в войне в Газе и втягивания в нее Сирии. Показано ослабление сил «Исламского сопротивления» в Палестине и Ливане, иранского влияния на Ближнем Востоке в результате ирано-израильской войны, что в конечном итоге привело к смене власти в САР и краху сирийско-иранского альянса. Исследованы основные позиции Ирана и арабских стран в отношении войны в Газе. Поскольку ход войны и сложившаяся вокруг нее ситуация не являются самостоятельным предметом диссертационного исследования, диссертант сосредоточился на выявлении следующих вопросов. Это, во-первых, исследование влияния ирано-израильского противостояния как причины смены власти в САР и краха сирийско-иранского альянса. Во-вторых, изучение политики Ирана и арабских стран в условиях смены власти в САР. В-третьих, определения перспектив ирано-арабских отношений.

Представленное во втором параграфе главы второй исследование обстоятельств падения режима аль-Асада имеет немалое значение, поскольку на практике подтвердило целый спектр поднятых автором проблем, выдвинутых положений и сделанных выводов в четырех первых главах диссертации. Это, во-первых, влияние процессов глобализации и регионализации на развитие политического процесса в регионе. Особенности формирования структуры международных отношений, место и роль силовых структур в политике ближневосточных стран. Рост исламистских движений, негосударственных вооруженных формирований, факторы влияния в развитии межгосударственных отношений, в том числе арабо-иранского взаимодействия на Ближнем Востоке.

§ 1. Война в Газе: региональное и международное измерение

В параграфе первом исследованы позиции, действия Израиля, США, сил «Исламского сопротивления» (ИС), Ирана, арабских стран в отношении событий в Палестине. Особое внимание отведено выявлению факторов разногласий и совпадения позиций арабских стран и Тегерана. Оценке войны в Газе с точки зрения выявления возможностей налаживания арабо-иранских отношений в кризисных условиях перед лицом общих угроз и вызовов их национальной безопасности и суверенитета. Обозначены перспективы сирийского исламизма в канун падения режима аль-Асада с точки зрения отношений Израиля, Турции, Ирана и ряда арабских стран в Леванте.

Операция «Потоп Аль-Аксы», которую инициировал ХАМАС в первой декаде октября 2023 года, началась с атаки на израильские поселения в Палестине. В ответ Тель-Авив начал наземную операцию «Стальные Мечи» в анклаве. Одновременно Израиль нанес десятки ударов по иранским целям в Сирии и шиитским милициям в Ливане.

Первая реакция Тегерана на события в Газе проявилась в стремлении дистанцироваться от действий ХАМАС. Иран опасался возможной реакции США по аналогии с терактами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. На встрече с главой Политбюро ХАМАС Исамилом Ханией Верховный лидер Ирана заявил, что ХАМАС заранее не уведомил Иран о готовящейся атаке на Израиль и поэтому Тегеран не готов воевать за ХАМАС.[236] Вне зависимости от желания Тегерана действия «Оси исламского сопротивления» превращали Исламскую республику в активного участника конфликта. На начальном этапе операции в Газе ни Иран, ни «Хезболла» не стремились расширить географию военных действий.

---

[236] The Times of Israel,' Khamenei Told Haniyeh that Iran Will not directly enter War', 2023. https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/report-khamenei-told-haniyeh-that-iran-will-not-directly-enter-war/ (accessed: 13.09.2025).

На официальном уровне Тегеран осудил действия Израиля в отношении ХАМАС. В официальных иранских СМИ возможность участия Ирана в войне рассматривалась как стремление освободить регион от военного присутствия США [237] . Многие иранские политики считали, что роль Ирана должна ограничиваться политической поддержкой палестинцев. Они опасались, что Израиль может спровоцировать США на открытую войну против Ирана. Осторожные высказывания иранских политиков подвергались критике в консервативных кругах как отступление от основополагающих идеологических принципов внешней политики Исламской Республики. Практические шаги Тегерана в отношении событий в Газе не отличались воинственностью. Данный факт не признавался открыто официальными СМИ, дабы не провоцировать внутриэлитные конфликты[238].

В отличие от событий «Арабской весны», когда мечети становились штабами революций, в шиитском Иране стадионы стали местом выражения протестного мнения. Так, во время футбольного матча на столичном стадионе «Азади» болельщики сорвали минуту молчания в память о жертвах израильской атаки в Газе и пытались сжечь флаг Палестины. Организаторы митингов в поддержку Газы столкнулись с нежеланием простых иранцев принимать участие в них[239]. Война в Газе, как и вовлеченность Тегерана в сирийские события, стали поводом для выражения недовольства тем, что правительство направляет ресурсы на помощь палестинцам, а не на решение внутренних проблем. Протестное мнение основывалась на убеждении, что политика властей в поддержку Палестины обусловлена не столько практической реализацией доктринального шиитского

---

[237] Кабалан М. (2024). Хаза-аль-истисмар-аль-ираний-фи-харб-газа (Вот иранский вклад в войну в Газе). Аль-Араби. 21.02.2024. https://www.alaraby.co.uk/opinion; https://tinyurl.com/4m48rtws (дата обращения: 24.02.2024). На араб. яз.

[238] Имам Аль-Хаменеи. Рисалят-е Хомейни. Дифаа-аз-фаластин-дар-манзума-факри-имам (Послания Имама Хомейни. Задача защита Палестины в интеллектуальной системе имама Хомейни). Фарси Хомейни. 19.11.2023. https://farsi.khamenei.ir/print-content?id=54396 (дата обращения: 12.03.2023). На перс. яз.

[239]Дейли Футбол ТВ. Ахант-т-едада-аз-хаваран-персепвалс-бе-парчам-флстан-дар-варзежгах-азади (Оскорбление палестинском флага несколькими фанатами Персеполиса на стадионе Азади). Дейли Футбол. 08.10.2023. https://dailyfootball.tv/196826/perspolis-fans-palestine-flag-mehr-1402/ (дата обращения: 13.11.2023). На перс. яз.

принципа защиты угнетенных и обездоленных, сколько продиктована стремлением режима обеспечить собственную выживаемость[240].

Перспективы войны в Газе неоднозначно оценивались и в арабских странах. Большинство арабских экспертов считали, что Израиль и Иран использовали все средства, чтобы эскалировать ситуацию вокруг Газы. При этом многие арабские политики опасались, что в случае победы ХАМАС к руководству палестинским государством могут прийти «Братья-мусульмане». Поэтому в отличие от Катара и Турции, Саудовская Аравия и Египет занимали более сдержанную позицию в вопросах поддержки ХАМАС[241]. Арабские монархии настаивали, чтобы США возглавили международный альянс по прекращению войны в Газе. Односторонняя ориентация США на Израиль в конфликте с «ХАМАС» вынудила арабские монархии выступить с собственной платформой по Газе на основе принципа трех «нет» – израильской оккупации палестинских территорий, выселению палестинцев, вводу арабских миротворцев в анклав. Арабские страны Аравийского полуострова считали, что присутствие на их территории американских баз может угрожать их безопасности в случае распространения военных действий в Ливане, Сирии и Ираке. Таким образом, на начальном этапе войны в Газе позиции Ирана и большинства арабских стран были в определенной мере схожими. Ни официальный Тегеран, ни арабские столицы не хотели продолжения этой войны, тем более ее распространения за пределы палестинского анклава.

С другой стороны, международные посреднические усилия по окончанию конфликта в Газе наталкивались на желание Б. Нетаньяху непременно победить в борьбе с «исламистами» в Палестине и Ливане. Во многом этому способствовала позиция сил «Исламского сопротивления» и крупных проиранских милиций Сирии

---

[240]Аббас А. Кам-шодан-хемаят-мардом-аз-фелестин-бе-элат-би-тафавот-шодан-несбат-бе-зольм-ва-дженайат (Отсутствие общественной поддержки Палестины не из -за безразличия к жестокости). ЕтемадОнлайн. 17.10.2023. https://www.etemadonline.com/9/636570/; http://tinyurl.com/2F3e88rcmj, дата обращения: 12.12.2023. На перс. яз.

[241] Исса, Т. Аль-араб-хаифун-мин-хамас (Арабы боятся ХАМАС). Аль-Джумхурийя. 29.11.2023. https:.aljoumhouria.com/ar/news/701874; https://nabd.com/s/1288935601dfbde/https://tinyurl.com/3bbyddsv, дата обращения: 14.12.2023. На араб. яз.

и Ирака. Командир бригад «аль-Кассам» М. Дейф призвал силы «Исламского Сопротивления» поддержать ХАМАС в борьбе с Израилем. В ответ представители проиранских вооруженных группировок Ирака и Сирии заявили, что защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада и Дамаска. Они атаковали американских военных в Ираке и Сирии. Нанесли удары по израильским поселениям на севере Палестины. Шиитские милиции укрепили позиции на юге и востоке САР. По соображениям безопасности КСИР и «Хезболла» передислоцировали свои штабы в новые кварталы престижных пригородов Дамаска. Шиитские милиции, наоборот, усилили присутствие в густонаселенных районах старого Дамаска и его ближайших пригородах[242].

После начала войны в Газе в октябре 2023 года Сирия превратилась в объект израильской вооруженной агрессии, жертвами которой пали более десятка руководящих кадров КСИР и проиранских милиций. В результате Израиль ликвидировал в декабре 2023 – январе 2024 годов представителей КСИР и «аль-Кодс» в САР (Р. Мусави), командира бригад «аль-Радван» (спецподразделение «Хезболлы») В. Тавиля (Хадж Джавада) на юге Ливана, военного лидера ХАМАС С. аль-Арури в южных пригородах Бейрута. С января 2024 года Израиль трижды атаковал Дамаск, Алеппо и Хомс. Целью этих ударов стали склады оружия, боеприпасов, позиции шиитских милиций. Одновременно Израиль провел несколько диверсионно-разведывательных операций с целью физического устранения лидеров «ИС» и высокопоставленных иранских военных. С октября 2023 года Израиль ликвидировал около 140 бойцов «Хезболлы» и около 20 командиров высшего и среднего звена КСИР и «аль-Кодс»[243]. Эскалация арабо-израильского противоборства в Ливане осенью 2024 года тормозила планы международного сообщества по окончательному завершению военной фазы

---

[242] Исса Т. Ля-салям-фи-газа-ва-ля-харб-фи-любнан (Ни мира в Газе, ни войны в Ливане). Аль-Джумхурийя. 05.01.2024. https://www.aljoumhouria.com/ar/news/706996, дата обращения: 19.01.2024. На араб. яз.

[243] Радия, С. Баада-ихтияль-аль-арури-ва-тавиль-халь-хизб-алла-мухтарак-истихибаратийян? (После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу). АнадольАнба. 09.01.2024. https://www.aa.com.tr/ar/3103482/, дата обращения: 12.01.2024. На араб. яз.

конфликта, выводу иностранных войск из Сирии. Вопреки ожиданиям непрекращающиеся атаки шиитских милиций на американские объекты в Сирии и Ираке не привели к выводу американских войск из этих арабских стран. С начала весны 2024 года милиции возобновили атаки на американских военных в САР.

Иран был вынужден пересмотреть свою позицию. Кризисная политика ИРИ в арабских странах решала несколько стратегических задач. С помощью «Хезболлы» Иран укреплял контроль над территорией Ливана и Сирии и одновременно стремился сохранить нормальные отношения с Саудовской Аравией, чтобы предотвратить распространение войны на юг Ливана и отработать возможный сценарии перемирия в Газе. Иран диверсифицировал пути и средства доставки оружия в Ливан и Газу и заявил о поставке сирийской армии (САА) системы ПВО типа «Хардад-15». Особое внимание Иран обращал на развитие ситуации в Ливане и Красном море. В Ливане сохранялась вероятность открытия второго фронта. С одной стороны, Б. Нетаньяху был неспособен начать в одностороннем порядке войну в Ливане. С другой – США не могли сдерживать израильского премьера, в случае если АОИ сможет разбить силы ХАМАС в районе КПП РАФАХ. Власти Ливана не контролировали «Хезболлу». В случае провала миссии Б. Нетаньяху в Газе организация могла инициировать ракетные удары по израильским поселениям Северной Галилеи с территории юга Ливана. Таким образом, «Хезболла» стремилась не допустить ликвидации военного крыла ХАМАС в Газе[244]. Иран наладил надежные каналы доставки оружия палестинским отрядам на Западном берегу, в Газе и Ливане. Иран стремится к тому, чтобы в случае крупномасштабной войны Израиль столкнулся с глубоко эшелонированным палестинским сопротивлением, и ему пришлось отражать удары «ИС» из Ливана, Ирака, Йемена и Сирии (Голанские высоты). В начале августа 2024 года Иран поставил своим союзникам в Ливане, Ираке и Йемене высокоточное ракетное вооружение и средства ПВО. Одновременно Иран завершил строительство новой

[244]Аль-Рабиа, М. Манъа-исраиль-мин-аль-интисар-халь-яфруд-харбан-истибакийян (Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные действия). Аль-Мудун. 19.02.2024. https://www.almodon.com/politics/2024/2/19./ (дата обращения: 27.02.2025). На араб. яз.

военной базы в районе Тартус. Представитель КСИР в Дамаске генерал Р. Зераи лично руководил строительством базы до своей гибели в результате налета израильской авиации летом 2024 года. Израилю не удалось сократить иранское присутствие в САР и парализовать действия милиций. Нападения йеменских «Хуситов» на суда в Красном море срывали планы бесперебойных поставок Израилю и бросали вызов мировой экономике. Несмотря на усилия США и Израиля по уничтожению в лице ХАМАС одного из звеньев оси сопротивления, Иран сосредоточил усилия в Йемене. В результате на какое-то время внимание оказалось приковано к «Хуситам», которые обстреливали американские и израильские суда в Красном море и Аденском заливе[245].

Тегеран понимал, что в отличие от Ливана, где боестолкновения между Израилем и «Хезболлой» происходили в основном в районе ферм Шебаа, йеменский фронт представлял большую угрозу, поскольку затрагивал безопасность всего региона[246]. После американских ударов 15 января 2024 по «Хуситам» шансы подобного развития событий выросли. США считали действия Ирана на региональной арене в меру сбалансированными. Возможно, поэтому Вашингтон заранее предупредил Тегеран о готовящихся ударах по «Хуситам»[247]. Тегеран разработал дорожную карту урегулирования ситуации в Красном море и наладил отношения с военным командованием Судана, стремясь взять под контроль порт Судан. Шиитские милиции нанесли серию ракетно-артиллерийских ударов по

---

[245] Akhmedov V. M. Al-Assad’s Fall and the End of Syrian-Iran Alliance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2025. Т. 17. Вып. 3. С. 373–383. EDN SHJBCG;
Ахмедов В.М. Факторы ослабления Ирана в Сирии. 366-376. Иран и глобальные вызовы. Напряженное десятилетие 2013–2023. Колл. монография / отв. ред. Е.В. Дунаева, В. И. Сажин. М.: ИВ РАН, 2025, с. 476.

[246] Аль-Мавакиа Пост. Бада-газа-эй-аль-джабхатейн-аль-акраб-ли-ль-иштиаль-аль-йемен-ва-любнан (После Газы какой из двух фронтов может скорее вспыхнуть, – йеменский или ливанский), Аль-МавакиаПост. 30.11.2023. https://almawqeapost.com/news/92125, дата обращения: 12.12.2023. На араб. яз.

[247] Аль-Марказия.Джаджаа: Иран-туриду-ан-якун-шарк-аль-бахр-аль-мутавассит-бухейра-ли-нуфузиха (Джаджа: Иран стремится к тому, чтобы Восточное Средиземноморье стало сферой его влияния). Аль-Марказийя. 14.01.2024. https://www.almarkazia.com/ar/news/show/528190/, дата обращения: 24.01.2024. На араб. яз.

американской базе на границе с Иорданией. В результате несколько американских военных пострадало.

Визит командующего силами «аль-Кодс» Э. Каани в Ирак способствовал прекращению атак на американские объекты в Ираке. Тегеран опасался, что гибель американских военных может побудить США нанести удар по Ирану. Иран стремился ликвидировать неподконтрольных ему лидеров курдских вооруженных формирований, связанных с М. Барзани и ДПК. Курдские отряды оставались единственной неподконтрольной Ирану силой в Ираке, которая блокировала доступ шиитских милиций к нефтяным полям в этих районах. К февралю 2024 года Израиль потерял около 200 человек убитыми и более 1 тысячи ранеными. Десятки тысяч израильтян вынужденно переселились из северных районов Газы. Общая стоимость операции составила около 60 млрд долларов США[248]. Несмотря на это, политика кабинета Б. Нетаньяху свидетельствовали о его стремлении продолжить войну в анклаве и одновременно активизировать специальные войсковые операции против Ирана и его милиций в других странах. Иран предпочитал тактику активного сдерживания Израиля, надеясь на то, что Тель-Авиву вряд ли удаться втянуть Вашингтон в войну с Ираном на Ближнем Востоке. Активизация джихадистских сил в регионе на фоне войны в Газе вызывала особую обеспокоенность Ирана и арабских стран. Обмен ракетными ударами между Ираном и Пакистаном, воздушные атаки Ирана, Израиля, США по целям в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене под предлогом «зачистки» джихадистов, свидетельствовали, что регион находится на грани крупномасштабной катастрофы. В Ираке вновь заявило о себе «Исламское Государство». Всего в Ираке накануне событий в Газе действовало около 300 офицеров ИГИЛ*, которые в основном дислоцировались в пустыне и горных районах. Однако наибольшее присутствие боевиков ИГИЛ* наблюдалось в сирийской пустыне. Районы вокруг Пальмиры, Хомса и на юго-западе САР представляли стратегический интерес для ИГИЛ*.

---

[248] Аль-Кодс. Иран-бакистан-аль-ирак-рисаля-фи-гейр-махалляха (Иран, Пакистан, Ирак, - неуместное послание ?). Аль-Кодс. 18.01.2024.,https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.com/2w7b6u2t, дата обращения: 26.01.2024. На араб. яз.

После начала войны в Газе ИГИЛ* провозгласило себя борцом за создание единого фронта «суннитского дихадизма». Характерно, что ИГИЛ* сражалось не столько с Израилем и США, сколько с шиитским Ираном и «продавшимися» Тегерану иракским и афганским отделениями суннитской организации «Аль-Каиды»*. В декабре 2023 – январе 2024 года ИГИЛ* провело ряд операций в пригородах Багдада и северо-западных районах Ирака. Основной целью стали подразделения иракской армии, шиитских милиций и племен. Организация смогла частично восстановить свою структуру в этих районах и возродиться в качестве угрозы национальной безопасности Ирана. Ряд иракских политиков, близких к Ирану, связывали атаки ИГИЛ* с эскалацией войны в Газе. Они призывали к выводу американских сил из Ирака[249].

В Идлебе нашли убежище боевики «Хейат Тахрир аль-Шам» (ХТШ)*. Вместе с другими отрядами джихадистов ХТШ* контролировал около половины территории Идлеба и его пригородов, прилегающие районы в соседних провинциях Алеппо, Латакия и Хама, где проживали около 5 миллионов сирийцев. В сентябре-октябре 2024 года ХТШ* возобновила атаки на правительственные войска, развязав вооруженный конфликт в этом районе. Характерно, что с декабря 2024 года Израиль и Иран усилили поддержку соперничавших исламистов на Средиземноморское побережье, которые одновременно сражались с правительственными войсками аль-Асада.

Политическая перспектива сирийского исламизма, в том числе и Аль-Нусры* в финальной стадии сирийского конфликта во многом определялась различными сценариями окончания боевых действий в САР, исходя из интересов крупных региональных и международных держав. Сложившийся в Сирии к концу 2024 году баланс сил мог привести к неоднозначным последствиям для всего Ближневосточного региона. В результате сохранения вооруженного противостояния джихадистское салафитское движение могло укрепить свое

[249]Аль-Мухтар,О.Тасид-нашат-даиш-фи-аль-ирак-ва-сурия-тафиль-ли-ль-халяя-ва-аль-иалам (Усиление ИГИЛ в Сирии и Ираке: активизация ячеек и пропаганды). Аль-Араби. 12.01.2024. https://www.alaraby.co.uk/politics/https://tinyurl.com/5n6nnwh8 (дата обращения: 07.09.2025). На араб. яз.

влияние в стране. В случае победы исламистских сил во главе с ИГИЛ* и «Аль-Каидой»* джихадистское движение могло принять региональный характер и подтолкнуть наиболее радикальных исламистов к созданию исламского государства в Леванте по типу Исламской республики в Иране 1979 года. С этой точки зрения, одним из важных трендов в спектре исламистской перспективы являлась позиция региональных сил и международных акторов, которые при первых признаках усиления позиций ИГИЛ* и «Аль-Каиды»*, возникновения явной угрозы международной безопасности, могли оказать решительную поддержку другим отрядам суннитского сопротивления, например, ХТШ*. При этом расчет делался на то, что в случае падения режима аль-Асада переходное правительство исламистов начнет под международным контролем создание новых государственных институтов, примет конституцию, построит новое общество, где будут защищены права меньшинств и женщин. Радикальные идеологические установки постепенно трансформируются. В конечном итоге эти движения превратятся в политические партии и общественные организации. Они окажутся вовлеченными в дебаты друг с другом и основными политическими силами страны по широкому кругу вопросов общественного и государственного устройства, как это уже происходило в других странах Арабской весны.

Изложенные выше положения можно считать до известной степени справедливыми, поскольку некоторые из них подтверждаются материалами настоящего исследования и последующим развитием событий, которые получили освещение и научное осмысление в соответствующих главах диссертации.

§ 2. Падение режима аль-Асада и крах ирано-сирийского альянса

В параграфе втором кратко рассмотрены причины падения режима аль-Асада и ирано-сирийского альянса. Особое внимание уделено политике Ирана в Сирии, ирано-израильской войне и арабо-иранским отношениям, которые сыграли важную роль в процессе смены власти в Сирии. Особо выделена роль Ирана и его политика

в Сирии как одна из причин падения сирийского режима. Представлен ход событий по смене режима в САР, действия исламистской оппозиции. Проанализирована позиция Ирана и арабских стран в процессе падения режима аль-Асада. Дана авторская трактовка обстоятельств конца сирийско-иранского альянса. Действия нового сирийского правительства, его политика не являются самостоятельной темой диссертационного исследования. Тем более они достаточно подробно исследованы в других работах автора. В этой связи первые полтора года у власти правительства А. аль-Шараа рассматриваются через призму вопроса ирано-арабских отношений.

Крах режима аль-Асада был обусловлен группой факторов, связанных с последствиями гражданской войны и эскалацией военно-политической обстановки вокруг Сирии в результате войны в Газе. Вооруженный конфликт привел к разделу Сирии на зоны влияния региональных и международных сил. В Сирии сохранялось политическое соперничество, в основе которого лежали религиозные, идеологические, этнические противоречия. Многие районы страны сделались легкой добычей экстремистских группировок.

Сирийская экономика сильно пострадала в условиях кризиса. Сирийский конфликт привел к остановке большинства отраслей экономики и снижению деловой активности в стране. Общие экономические потери превысили к концу 2021 г. 650 млрд долларов США. ВНП снизился на 20% в период с 2019-2021 гг. Сирия испытывала хронический бюджетный дефицит, размер которого составил в 2023 г. около 5000 млрд сир. ф. В 2019-2022 гг. темпы инфляции превышали 600%. Цены на продовольствие и товары первой необходимости выросли на 670% в указанный период[250]. В результате сокращения добычи нефти и производства нефтепродуктов Дамаск столкнулся с острым топливным кризисом. Экономический кризис отразился на продовольственной безопасности, за рамками

[250]Аль-Марказ Аль-Сурий ли-льБухус. Далиль-аль-марказ-аль-сурий-ли-бухус-аль-сиясия-ли-асар-аль-мустагхляка-фи-сурия-ли-фатра-тишир-аль-аваль-2020-хузейран-2022. (Справочник Сирийского центра политических исследований цен на потребительские товары в Сирии в период октября 2020-июля 2022). Аль-Марказ Аль-Сурий ли-ль-Бухус. 08.12.2022. https://bit.ly/3vVbj1V (дата обращения: 02.01.2023). На араб. яз.

которой к весне 2022 года оказалось 12 млн чел., что на 51% больше, чем в 2019 году. Заметно вырос уровень бедности сирийского населения. В результате восстановление сирийской экономики с опорой на собственные ресурсы превращалось практически в неразрешимую задачу, что на долгие годы могло превратить Сирию в страну-должника с постоянно растущим внешним долгом. Торгово-экономическая экспансия Ирана в Сирию усугубляла и без того тяжелое экономическое положение страны. Иран получил самые выгодные контракты на восстановительные работы в стратегически важных районах страны. В феврале 2022 года сирийское правительство подписало с Ираном меморандум о сотрудничестве в сфере администрирования и управления людскими ресурсами в госсекторе сирийской экономики. Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Иран пытался частично компенсировать свои затраты в ходе сирийского кризиса, которые по некоторым данным составляли около 30 млрд долл. Тегеран также рассчитывал частично покрыть выданные госсектору сирийской экономики за последние 10 лет кредиты на общую сумму в несколько десятков миллиардов долларов США. Тегеран распространил на Сирию иракский опыт выкачивания финансовых средств за счет заключения выгодных Тегерану контрактов в нефтегазовой и энергетической сферах. Подобная экономическая экспансия ИРИ отрицательно сказалась на сирийской экономике, которая и без того была подорвана в результате войны.

В январе 2023 года Иран возобновил прерванные в конце 2022 года поставки нефти в САР. Однако иранская помощь не могла полностью удовлетворить потребности сирийской экономики. При аль-Асаде 90% добычи нефти в Сирии в той или иной степени контролировалось Ираном. В ходе войны в Газе отлаженные «Хезболлой» каналы транспортировки нефти из Ливана были уничтожены. Дамаск был вынужден изыскивать новые источники поставок нефти из Катара, Саудовской

Аравии и Ирака. В итоге экономический кризис обернулся политическим поражением режима[251].

Сирийский социум оказался расколот и деморализован в условиях гражданского противостояния. Население Сирии сократилось до 16 млн против 24 миллионов человек в 2011. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов. Большинство алавитов, друзов, христиан, исмаилитов и шиитов поддерживали Б. аль-Асада. Однако относительная малочисленность алавитов и других конфессий на фоне численного превосходства суннитов ставила сирийские власти перед сложной дилеммой. В условиях вооруженной борьбы открылся путь для возвращения суннитов к власти, которую они утратили после прихода на президентский пост Х. аль-Асада.

Конфессиональная политика Ирана отчасти способствовала росу суннитского радикализма и ослаблению социальной опоры режима аль-Асада. В условиях кризиса сирийский социум пребывал в тяжелом положении. Образованный класс пытался обрести идейную основу для новой самоидентификации. Иран опирался на доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью в распространении шиитского вероучения среди жителей столичных центров САР. Тегеран стремился мобилизовать широкие народные массы в свою поддержку, прежде всего молодежь. Иран использовал проверенные и наиболее доходчивые средства и методы. Распространение шиитского вероучения и отчуждение значительной части жилого и земельного фонда в пользу бойцов шиитских милиций и их семей вызывали растущее недовольство в широких слоях сирийского населения, в том числе у части властвующей элиты. К тому же попытки изменить демографию и конфессиональный состав сирийского социума не смогли переломить ситуацию в сирийском обществе, – 42% населения подконтрольных режиму территорий было суннитами.

---

[251] Ахмедов В.М. Факторы ослабления Ирана в Сирии, с. 366-376. Иран и глобальные вызовы. Напряженное десятилетие 2013–2023. Колл. монография / отв. ред. Е.В. Дунаева, В. И. Сажин. М.: ИВ РАН, 2025. – 476 с.

Деформация властной конструкции, основанной на сложной системе сдержек и противовесов, вызвала острый кризис в правящей элите. Ослабление властных структур повлекло децентрализацию центров сил, активизацию их заговорщицкой активности, борьбу за власть в правящей элите. Президент проводил «оптимизацию» властной элиты, поставив ее представителей под жесткий контроль главы государства. В процессе перестройки структуры национальных элит были созданы элитарные группы на базе государственных, частных экономических предприятий и военных организаций. Вакантные места в элитной нише второго эшелона пытались занять новые «игроки» (оружейные бароны, политические брокеры, крупные торговцы), составившие капитал на войне и контрабанде. Устойчивость созданной Х. аль-Асадом властной конструкции зависела от личности президента. Поэтому она несла в себе элемент саморазрушения в кризисных условиях. Практика использования патронажно-клиентской системы в отсутствие сильного лидера запускала механизм холостого хода в развитии государства. Без должного регулирования используемый властью управленческий инструментарий (клановость, семейственность, землячество, круговая порука, непотизм) препятствовал выравниванию формулы власти. Главную опасность подрыва режима изнутри представлял раскол в алавитской верхушке и нарушение ее связи с остальной частью алавитской общины, другими конфессиями.

Б. аль-Асад оказался неспособен обуздать коррупцию в своем ближайшем окружении, среди доверенных бизнесменов, управлявших финансами его семьи, пресечь деятельность наркоторговцев и оружейных баронов Средиземноморского побережья и юга Сирии, что на фоне тяжелого экономического положения снизило уровень социальной поддержки режима. К тому же Б. аль-Асад стремился переформатировать конструктивные особенности государственной модели, используя поддержку внешних сил.

Сирийско-иранское историческое наследие открывало перед ИРИ уникальные возможности укрепления иранских позиций в сирийской властвующей элите. Одним из инструментов иранской политики была 4-я дивизия Спецвойск

САР под командованием М. аль-Асада. Дивизия контролировала торгово-экономические пути на территории Сирии и ключевые пункты на границе с Ливаном в целях беспрепятственного снабжения сирийских вооружённых сил и их сторонников в Ливане («Хезболла») оружием и боеприпасами. В целях укрепления контроля над сирийской деловой элитой Иран установил прямые отношений с лояльными режиму сирийскими бизнесменами и заключил с ними выгодные инвестиционные контракты. В процессе перестройки структуры национальных элит были созданы лояльные Ирану элитарные группы на базе государственных, частных экономических предприятий и военных организаций. В то же время отношение ИРИ к правящему в САР режиму определялось соображениями сохранения иранских позиций в регионе.

Сирийские вооруженные силы также кардинальным образом трансформировались в условиях гражданской войны. Иран использовал изменение конфессионального состава сирийских силовых структур для укрепления позиций в вооруженных силах САР. К концу 2024 года сирийская армия перестала формироваться на основе призыва и фактически превратилась в добровольческие отряды. Режим не мог полностью контролировать ситуацию на освобожденных территориях, не говоря уже о районах Идлеба. Обширные участки Латакийского побережья превращались в полунезависимые зоны влияния военных баронов, очаги коррупции, наркоторговли. Это вело к расколу единства алавитской общины, утраты доверия к Б. аль-Асаду, армии, появлению вооруженной алавитской оппозиции типа «Алавиюн аль-Ахрар». Предпринятые аль-Асадом летом 2024 года масштабные перестановки в армии с целью ограничить всевластие силовиков явно запоздали и только насторожили руководителей местных органов безопасности, снизив их мотивацию в защите режима. Нежелание аль-Асада обеспечить мирное возвращение беженцев, вступить в диалог с оппозиций, начать мирный транзит власти, пресечь наркотрафик в соседнюю Иорданию, Ирак и Саудовскую Аравию тормозили международные усилия по окончательному прекращению вооруженной фазы конфликта и выводу Сирии из политической изоляции на основе консолидированной арабской поддержки. Отказ аль-Асада от встречи с

президентом Турции Р.Т. Эрдоганом фактически торпедировал предпринятые Москвой на самом высоком уровне усилия по сирийско-турецкой нормализации с целью побудить Анкару предпринять решительные меры по борьбе с джихадистами Идлеба и нормализации ситуации в курдских районах северо-востока САР.

Односторонняя ориентация аль-Асада на Иран и «Хезболлу» привела к втягиванию Дамаска в войну в Газе. В результате аль-Асад оказался зажат между израильским наступлением и исламским сопротивлением. Попытки аль-Асада маневрировать между Тель-Авивом и Тегераном имели фатальный финал для его личной власти [252] . В результате критического ослабления сирийской государственности и национального суверенитета безопасность режима подверглась реальной угрозе. Накануне падения режима материальное положение большинства личного состава правительственных войск заметно ухудшилось, многие не получали жалование месяцами. Религиозный радикализм заметно усилился на фоне ухудшения экономического положения. В стране явно обозначилась тенденция национального сепаратизма. Изменение баланса сил внутри Сирии и рост международного соперничества усилили экспансионистские настроения у части противников сирийского режима и, наоборот, снизили уровень его поддержки со стороны союзников в лице России и Ирана. К концу 2024 года сложились благоприятные условия для захвата Дамаска и свержения режима аль-Асада.

Войсковая операция ХТШ* началось 27 ноября 2024 года и получила название «Отпор агрессии». Оппозиция сделала ставку на то, что Иран и «Хезболла» заметно ослабли в результате конфронтации с Израилем. ХТШ* блокировала международную трассу Дамаск – Алеппо и обратилась к жителям Деръа (юг САР) с призывом присоединиться к борьбе с проиранскими милициями. На фоне наступлений вооруженной оппозиции в Алеппо и Идлибе

[252] Аль-Кодс. Халь-хия-калимат-сир-башар аль-асад (Это и есть пароль Башара Асада). Аль-Кодс. 01.12.2024. https://www.alquds.co.uk/; https://tinyurl.com/mrxcvh88 (дата обращения: 05.12.2024) (на араб. яз).

активизировались контакты ряда арабских столиц с Дамаском в поддержку Сирии. Арабская поддержка ограничивалась обменом разведданными и направлением военных экспертов. В отсутствие механизма реализации межарабского Договора об Обороне (1950) вряд ли было возможно направить в САР межарабские силы сдерживания[253].

После захвата Алеппо многие солдаты и офицеры правительственных войск добровольно сложили оружие и сдались в плен. Более 80% мирного гражданского населения поддержало наступление вооруженной оппозиции. К 30 ноября ХТШ* находилась в нескольких километрах от центра Алеппо, который продолжали удерживать шиитские милиции и отряды КСИР ИРИ. Первая реакция Израиля и ряда арабских монархий Персидского залива сводилась к тому, что аль-Асад являлся меньшим злом по сравнению с воинствующими исламистами и палестинскими радикалами. В телефонном разговоре с премьер-министром Ирака М. аль-Судани аль-Асад попросил направить в САР из Ирака проиранские милиции «аль-Хашад аль-Шаабий» (Силы народной мобилизации – СНМ). Шиитские милиции Ирака обвинили Израиль и США в намеренном разжигании террористического мятежа в Сирии. Иракские бригады «Хезболла аль-Нуджаба» и «Сейд аль-Шухада» пригрозили атаками на Израиль. Руководитель военного крыла «Аль-Нуджаба» А. аль-Карбали заявил, что террористические организации ваххабитского толка угрожают святым местам Сирии и Ирака. В арабских СМИ появились сведения о том, что Тегеран направляет в Сирию около 20 тысяч бойцов из иракских милиций и КСИР. Их численность планировалось увеличить до 100 тысяч человек в ближайшие две недели. Иран рассчитывал на воздушную поддержку ВКС РФ в защите от ударов авиации Израиля и США логистических

[253]Аль-Шарк Ал-Аусат.Ма-худуд-ал-даам-ал-арабий-ли-сурия-би-муваджаха-ал-фасаиль-ал-мусалляха (Каковы пределы арабской поддержки режима Асада дать вооруженный ответ вооруженным отрядам). Аль-Шарк Аль-Аусат. 05.12.2024. https://aawsat.com/088325 (дата обращения: 10.12.2024) (на араб. яз).

путей отправки милиций и вооружения в САР из Ирака[254]. США потребовали от Багдада прекратить отправку милиций и нанесли серию бомбовых ударов по формированиям СНМ на сирийско-иракской границе. Анкара заявила о готовности применить силу в случае продолжения вооруженной поддержки режима со стороны Ирана и России. В этих условиях многие шиитские милиции Ирака скептически оценивали возможности Тегерана обеспечить их безопасный проход к Алеппо и воздерживались от участия в боевых действиях против сирийской оппозиции.

После начала наступления оппозиции иракские специальные службы провели серию закрытых консультаций с ХТШ*. Багдад опасался повторения событий 2014 года. Тогда наступление ИГИЛ* из Сирии привело к захвату значительной части иракской территории. Тем более на сирийско-иракской границе (протяженность 600 км) находилось 6 лагерей, где под контролем СДС содержались боевики из ИГИЛ*. Всего, на северо-востоке Сирии находилось 26 тюрем, где содержались более 12 тысяч боевиков ИГИЛ*, в основном сирийцы и иракцы[255]. 2 декабря 2024 года аль-Асад встретился с министром иностранных дел Ирана А. Аракчи в Дамаске. К тому времени повстанцы уже взяли под контроль Алеппо и быстро продвигались к Хаме. Ирану пришлось признать, что армия аль-Асада слишком слаба, чтобы отразить наступление повстанцев[256]. Несмотря на то, что ряд сторонников жесткой линии в иранском правительстве считали вывод иранских войск из Сирии стратегической ошибкой, президент Ирана М. Пзешкиан полагал, что отправка новых войск в Сирию ляжет тяжелым бременем на иранскую

---

[254] Касеми, Ф. Тахран-тукаррир-ирсаль-мукатилин-иля-сурия-лякиннаха-тутулиб-гита-джаван-руссийян (Иран решает направить бойцов в Сирию. Однако требует воздушной поддержки России). Аль-Джарида. 02.12.2024. https://www.aljarida.com/article/82956 (дата обращения: 03.01.2025). На араб. яз.

[255] Аль-Хасан, Т.Аль-итар-юракиб-сурия-би-л-хазар-баада-сукут-ал-асад (Тревога охватила Дамаск после падения Асада). Аль-Мада. 09.12.2024. https://almadapaper.net/387996/) (дата обращения: 10.12.2024). На араб. яз.

[256] Рихан, И. Сир-иджтима-гази-антаб-аль-лязи-аската-аль-асд (Секреты встречи а Гази Антаб которая сбросила Асада). Аль-Ассас. 09.12.2024. https://www.asasmedia.com/81379) (дата обращения: 12.12.2024) (на араб.яз.).

экономику. Таким образом, в иранском руководстве явно обозначились разногласия по вопросу вооруженной поддержки режима аль-Асада.

К началу декабря оппозиция полностью овладела Алеппо, Идлебом и Хамой и начала наступление на Хомс. В ночь с 6 на 7 декабря 2024 года оппозиция захватила Хомс, а вечером 7 декабря повстанческие отряды юга Сирии под командованием А. аль-Оды вошли в южные кварталы Дамаска. Минобороны САР отдало приказ войскам Управления военной контрразведки САР (УВКР) прекратить сопротивление. Сирийская армия начала вывод войск из южных районов Сирии. 7 декабря в Дохе (Катар) проходила встреча министров иностранных дел России, Турции, Ирана. Участники саммита выработали общую позицию по ситуации в САР. Б. аль-Асаду было предложено отречься от власти в обмен на предоставление политического убежища. Накануне встречи в Дохе в Турции (Газинтеп) прошла закрытая встреча представителей спецслужб ряда арабских и западных стран по ситуации в САР. Во встрече приняли участие директор ЦРУ США В. Бернс, новый глава турецкой военной разведки (MIT) И. Калин и руководители разведслужб монархий Персидского залива. По их оценке Иран и Россия не продемонстрировали особой заинтересованности в сохранении режима аль-Асада, так как затраты превосходили очевидную политическую выгоду. Иран понес потери в результате противостояния с Израилем и был не в состоянии обеспечить поставку оружия и бойцов из Ирака и Ливана в Сирию. Действия Москвы были согласованы с Ираном и Турцией. 7 декабря советник Верховного лидера ИРИ А. Лариджани уведомил аль-Асада о решении Тегерана отозвать иранских военных советников из САР. Турция выступила посредником в диалоге Тегерана с ХТШ*. Лидер организации А. аль-Шараа гарантировал ИРИ сохранность шиитских святынь в САР и безопасность алавитов и шиитов. По договоренности с ХТШ* войска КСИР оставили ряд районов в окрестностях Алеппо. Командование «Хезболлы» отдало приказ об эвакуации сил организации из Сирии. С середины декабря 2024 года около 100 тысяч бойцов организации и офицеров САА с семьями покинули сирийскую территорию, и перебрались в

Ливан[257]. После того как в ночь с 7 на 8 декабря отряды ХТШ* штурмом взяли Дамаск, аль-Асад спешно покинул сирийскую столицу. Он вылетел в Москву с базы ВВС РФ в Хмейми[258]. Рецепт победы ХТШ* был обусловлен рядом факторов. Оппозиция смогла обеспечить приемлемый уровень социальных услуг и порядок на освобожденных территориях, что позволило избежать массовых переселений и успокоить соседние страны и Запад. Таким образом, оппозиция подтверждала, что может заменить асадовскую администрацию. В Сирии начался переходный период.

Конец сирийско-иранского альянса стал еще одним результатом победы ХТШ*. Общность явных внешних угроз, превалировавших над смутными опасениями партикулярного характера, продолжала еще какое-то время удерживать этот союз. К тому же еще были живы те лидеры, которые страховали обе стороны от фатальных ошибок. После кончины Х. аль-Асада в июне 2000 года иранское влияние в Сирии заметно выросло, и Тегеран стал во многом определять межарабскую политику САР, особенно на ливано-палестинском направлении, что усилило разногласия между Тегераном и арабскими столицами. Кончина в 2016 году мамы Б. аль-Асада Анисы Махлюф отрицательно сказалась на положении правящей сирийской элиты. Возможно, отмеченных выше перегибов иранской экспансии в САР удалось бы избежать, если бы не убийство в январе 2020 года архитектора иранских побед в Ираке и Сирии генерала К. Сулеймани. Он был не только талантливым военачальником, но и искусным дипломатом, который одинаково преуспел в нахождении взаимовыгодного компромисса в переговорах с высшим руководством в Москве, Дамаске, Бейруте, Багдаде и Анкаре. Эту нелегкую миссию пытался отчасти продолжить генеральный секретарь «Хезболлы», который, как и К. Сулеймани, пользовался особым доверием Верховного лидера Ирана. Однако Х. Насрулла достаточно быстро разделил судьбу

---

[257] Мансур, Р.Хизбалла-юфаккик-милишиятихи-би-сурия-ва-ятахли-ан-мукатилихи-аль-суриин (Хезболла распускает свои милиции в Сирии и избавляется от своих сирийских бойцов). Аль-Модон. 15.01.2025. https://www.almodon.com/arabworld/2025/1/15/ (дата обращения: 20.01.2025). На араб. яз.

[258] Хмейди, И. Аль-ривая-аль-камиля-ли-хуруб- аль-асад-аль-муртакаба-ва-муфаджиа-аль-шараа (Полная версия сражений аль-Асада и сюрприз аль-Шараа). Аль-Маджалля. 18.12.2024. https://www.majalla.com/node/323529/ (дата обращения: 20.12.2024). На араб. яз.

иранского генерала. За прошедшие десятилетия баланс сил в мире и на Ближнем Востоке радикально изменился. Те самые факторы, которые прежде служили надежными скрепами, оказались основательно деформированы в условиях быстро меняющейся политической конъектуры. Тяготы гражданского противостояния в САР и явное ослабление Ирана и выстроенной им «Оси исламского сопротивления» в условиях войны в Газе вынудили САР и ИРИ отдать приоритет защите своих национальных интересов перед общими союзническими обязательствами.

Скрытая тенденция на постепенное ослабление иранского влияния в регионе наметилась значительно раньше. Как это часто бывает, на пике иранских успехов многие неявные угрозы и просчеты иранской политики оставались незамеченными (или их старались не замечать. – *А. В.)*. Скрытое ослабление регионального влияния Ирана на Ближнем Востоке началось с 2018 года в результате систематического давления на Иран со стороны Запада и, прежде всего, США в экономических, политических и военных сферах. Еще до начала войны в Газе Иран испытал на себе новую политическую доктрину максимального давления на Тегеран президента США Д. Трампа. Стратегия Д. Трампа выразилась, прежде всего, в появлении Авраамских соглашений 2020 года и попыток делегитимации отрядов ИС в Ливане и Ираке. Поддержка Д. Трампом процесса создания суннито-израильского альянса против Ирана стала частью плана США по сдерживанию Ирана в регионе при опоре на своих арабских союзников, для которых Иран представлял военную и идеологическую угрозу.

Сильным ударом по способности ИРИ противостоять вызовам новой американской стратегии стало убийство генерала К. Сулеймани в 2020 году. Во время войны в Газе позициям Ирана в регионе был нанесен еще один мощный удар. Во многом это обусловило изменение характера иранского ответа на действия Израиля и США в регионе и переформатировало механизм принятия внешнеполитических решений в иранском руководстве. Стратегия максимального давления вынудила Иран пойти на новый раунд переговоров по ядерной программе на невыгодных Ирану условиях. Она лишила Иран притока новых финансовых

ресурсов для укрепления иранской военной мощи. К 2021 году объем экспорта иранской нефти сократился на 2 миллиона б/д., что выразилось в потери 70 млрд долларов от нефтяных доходов ИРИ[259].

Новый глава КСИР ИРИ генерал Э. Каани столкнулся с проблемой финансирования проиранских милиционных формирований на Ближнем Востоке, прежде всего, в Ираке. В результате Иран фактически утратил прежний уровень контроля над этими милиционными отрядами. Сократились возможности Тегерана управлять их руководством. Заметно уменьшились объемы иранской помощи «Хезболле», прежде всего, в гуманитарной области, поставках продовольствия и медикаментов. Некоторые отряды «Хезболлы» еще до падения режима аль-Асада вышли из Сирии. В ходе боев между Ираном и Израилем Бахрейн и ОАЭ расширили разведывательное сотрудничество с Израилем и снабжали Тель-Авив информацией о маневрах иранских военных и гражданских судов в Персидском заливе. Во время атаки «Хуситов» на ОАЭ средствами БПЛА в январе 2022 года Израиль оказал военную поддержку Абу-даби[260].

Отмеченная выше слабость Ирана вынудила его прибегнуть к стратегии, в рамках которой он делал угрожающие заявления, но избегал прямого столкновения с Израилем и США. Роковая цепь событий должна была стать вызовом для арабской политики Ирана. Народные протесты в Ираке и Ливане в 2019 году, провал иранского кандидата на выборах в парламент Ирака в октябре 2021 года. В Ливане после массовых протестов в мае 2020 года в связи с отказом «Хезболлы» сдать оружие организация потеряла большинство в ливанском парламенте[261]. В итоге кандидат от «Хезболлы» потерпел неудачу на выборах в ливанский парламент в 2022 году.

---

[259]IranPrimer.Pompeo Assesses Maximum Pressure Campaign.IranPrimier. 12.01.2021. https://iranprimer.usip.org/blog/2021/jan/12/pompeo-assesses-maximum-pressure-campaign. Accesseed, 12.01.2025.

[260]Fakhro, E. and Baconi, T. A Shared Vision: Security Convergence between the Gulf and Israel,' Journal of Palestine Studies, 51, 2022, pp. 51–52. https://doi.org/10.1080/0377919X.2022.2090209FDD. (2018) (accessed: 12.09.2025).

[261] Ghaddar, H. Iran Is Losing the Middle East, Protests in Lebanon and Iraq Show,' FP. 22.10. 2019. https://foreignpolicy.com/2019/10/22/iran-losing-middle-east-iraq-lebanon-protests-bad-governance/ (accessed: 09.12.2025).

Во многом Иран сам спровоцировал возникновение такой ситуации в отношениях с арабскими странами. Непопулярность иранской политики в широких слоях арабского населения Ирака усилилась в результате вмешательства иранских милиций во внутренние дела Багдадских властей, обвинений в коррупции политических лидеров Ирака, связанных с Ираном. Во время визита в Ирак в 2020 году глава КСИР ИРИ Э. Каани не смог заручиться поддержкой шиитских группировок Ирака иранского кандидата на выборах в новый состав иракского парламента. В ходе визита в Ирак в 2021 году глава КСИР ИРИ Э. Каани безуспешно пытался убедить ряд милиций прекратить атаки на американские объекты в Ираке. В Йемене Иран и КСА вели бесконечные переговоры с «нулевой суммой» по поводу «Хуситов». В конечном итоге, Тегеран и Эр-Рияд сделали ставку на Китай.

С 2003 года Пекин стремился развивать отношения как с Ираном, так и с КСА. После атак «Хуситов» на энергетические объекты в КСА в 2019 году и ОАЭ в 2022 году усилилась зависимость Ирана от Китая как посредника в отношениях со странами ССАГПЗ. В косвенной причастности к этим атакам обе страны обвиняли Иран. Это позволило Пекину подвести Иран к восстановлению отношений с КСА, несмотря на известный скепсис большинства правящей иранской элиты, вызванный отношениями КСА с Израилем. Механизм принятия решений в правящей элите ИРИ после смерти К. Сулеймани стал значительно гибче. Команде иранских переговорщиков во главе с Али Шамхани главой Высшего совета национальной безопасности без труда удалось подписать соответствующие соглашения с КСА[262].

Отсутствие единого руководства «ИС» в войне в Газе заставило Тегеран перейти к более институализированной и централизованной командной структуре во главе с Э. Каани. Эта стало роковой ошибкой, обусловившей проигрыш «ИС» и Ирана в войне с Израилем. Почувствовав ослабление контроля и независимость, милиции стали действовать хаотично, сообразуясь со своими интересами, которые

[262] Данная проблема получила самостоятельное освещение в параграфе первом седьмой главы диссертации.

часто шли вразрез с планами ИРИ. Прежде всего, это выразилось в неожиданной для Тегерана атаке на Израиль со стороны ХАМАС в октябре 2023 года. Атака ХАМАС окончательно разрушила выстроенную К. Сулеймани организационную структуру ИС, которая безотказно и скоординировано, работала против Израиля с позиций различных арабских стран. После начала войны в Газе ряд проиранских милиций заявили о создании собственного оперативного командования и новой тактике борьбы с Израилем. В практическом плане это затруднило координацию действий милиций в разных странах и сделало невозможным создание единого фронта борьбы с Израилем[263].

Необнаруженные вовремя угрозы и раскол в военном командовании Ирана открыли Израилю новые возможности по ликвидации иранских военных и гражданских специалистов, особенно в ядерной сфере и разработке новых видов оружия. В период с декабря 2023 по апрель 2024 года Израиль смог уничтожить целый ряд командиров аль-Кодс и руководителей крупнейших милиций, включая И. Ханию и Х. Насруллу. Тегеран отозвал опытных командиров аль-Кодс из Сирии. Ряд отрядов «ИС» стали искать поддержки в арабских странах Персидского залива. Это снизило возможности Ирана предотвратить падение сирийского режима. В итоге аль-Асад сделал вывод, что Иран и Россия уже не в силах поддерживать его и стал сближаться с США[264]. В арабских странах изменился баланс сил между оппозицией Ирану и его сторонниками в пользу первых. Министр иностранных дел Ирака призвал к роспуску милиций. В итоге иракские милиции не пришли на помощь аль-Асаду.

Через сутки после взятия Дамаска глава МИД Ирана А. Аракчи выступил на закрытом заседании иранского парламента (меджлиса). Он заявил, что аль-Асад не

---

[263]АмваджМедиа. Гозарши-аз-маджераи-дел: ходас-дар-лабнан-ест-ема-хезболлах-"харф-акхар-ра-мизанд (Репортаж с места событий. Командующий корпусом аль-Кодсв Ливане. Но «Хезболла» приняла окончательное решение). АмваджМедиа. 30.10.2023. https://amwaj.media/fa/article/axis-gaza-qaani; https://tinyurl.com/ypan8by6 (дата обращения: 15.09.2025). На перс. яз.

[264]ИранИнтел.Талашесае-асад-барае-наздик-шодан-бах-еялат-мотахеда-ве-акхарадж-нирвеяае-джамехори-еслами-аз-сорреия (аль-Асад стремится сблизиться с США и убрать вооруженные силы ИРИ из Сирии). ИранИнтел. 17.03.2024. https://www.iranintl.com/202412078347; https://tinyurl.com/48syrm6j (дата обращения: 20.08.20224). На перс. яз.

пользовался поддержкой в обществе и среди правящей элиты. Даже после серии убийств высокопоставленных офицеров КСИР в Сирии президент Сирии игнорировал оценки иранской разведки о проникновении «Моссада» в сирийские спецслужбы. Иран был разочарован попытками аль-Асада ограничить иранское влияние в Сирии и заключить мир с Израилем, за счет отказа от поддержки исламского сопротивления в Ливане и Палестине [265]. Эти «неожиданные» признания иранского министра отчасти подтвердились не менее «внезапными» откровениями бывшего президента Сирии. В интервью арабскому корреспонденту в Москве Б. аль-Асад заявил, что Иран оккупировал Сирию и проник в самые чувствительные сферы сирийского общества. В условиях войны в Газе президент Сирии оказался между молотом (Израиль) и наковальней (Иран). Чтобы спасти страну от полного уничтожения, он был вынужден, с одной стороны, предоставить Ирану полную свободу действий в борьбе с Израилем, а с другой – информировать израильтян обо всех иранских «ходах» в Сирии [266]. Прежний ирано-сирийский альянс закончился.

§ 3. Позиции Ирана и арабских стран в отношении смены власти в Сирии

В параграфе третьем исследована реакция региональных и мировых держав на крах режима аль-Асада в САР. Особое внимание уделено рассмотрению позиций Ирана и арабских стран в отношении смены власти в Сирии. Показаны основные направления взаимодействия арабских стран и Ирана после смены власти в САР. Особое внимание уделено выявлению возможных вариантов действий Ирана по сохранению позиций в регионе с точки зрения отношений Тегерана с рядом арабских столиц.

---

[265] Касеми, Ф. Иран-таса-ли-таклиль-аль-хасаир-баада-дар-аль-сурий (Иран стремится приуменьшить свои потери после позора в Сирии). Адь-Джарида. 10.12.2024. https://www.aljarida.com/article/83778) (дата обращения: 15.12.2024). На араб. яз.

[266] Юсеф, К. Асас-юхаввир-башар-аль-асад-яхья-хараб-куллю-шейан (Аль-Асас интервьюирует Башара аль-Асада. Яхья разрушил все). Аль-Асас. 17.12.2024. https://www.asasmedia.com/81863/ (дата обращения: 29.12.2024). (на араб. яз).

Ведущие акторы сирийского конфликта по-разному реагировали на крах режима аль-Асада. В основном их реакция определялась балансом политических выгод и потерь в связи с указанными событиями.

Египет и Алжир, две крупнейшие страны Арабского мира, не торопились сотрудничать с новыми властями Дамаска. Сирийские события активизировали различные общественно-политические движения в Алжире (Socialist Forces Front, Movement of Society for Peace, New Generation Party, National Construction Movement). Они выступили единым фронтом и призвали к национальному диалогу, чтобы исключить возможность повторения сирийского сценария в своих странах. Власти Алжира опасались активизации народных движений и повторения событий 2019 года. В 2019 году на волне народных протестов президент А. Бутефлика был вынужден оставить свой пост. Военные помогли сдержать протесты и организовали мирный переход власти, однако не смогли решить ни один социальный вопрос[267].

Для Египта основным сдерживающим факторам служили опасения египетских военных в связи с активизацией сирийских «Братьев-мусульман» на волне событий в САР. В последние 2 года руководство «Братьев» установило тесные связи с Ираном. «Братья» активно использовали тактику внедрения в общественные и государственные институты арабских стран в целях их исламизации. Их прежний лозунг «Ислам – это решение» остается неизменным. Популярность «Братьев» заметно выросла, поскольку они взяли на вооружение тактику ХАМАС, его способность к массовой мобилизации. При аль-Асаде между САР и АРЕ было налажено тесное сотрудничество по линии спецслужб в борьбе с «Братьями». Каир был также обеспокоен усилением роли Турции, с которой Египет соперничал в Африке (Эфиопия, Сомали)[268].

---

[267] Аль-Араб.Синарио-сукут-аль-асад-юсир-каляк-мин-ихья-аль-хирак-аль-шаабий-фи-аль-джазаир (Сценарий падения Асада вызвал аолнения в Алжире). Аль-Араб. 18.12.2024. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 20.12.2024). На араб. яз.

[268] Абдалла, С. Ма-аль-махаваф-аль-мысрийя-мин-альвакиа-аль-джадида-фи-сурия (Егтпетские озабоченности по поводу новых перемен в Сирии). Аль-Кодс. 17.01.2025.https://www.alquds.co.uk/ (дата обращения: 17.01.2025) (на араб. яз).

Иордания во время наступления ХТШ* поддержала аль-Асада. Амман был озабочен ростом исламской активности на своих границах. Еще в сентябре 2024 года Фронт Исламского Действия на выборах в законодательные органы власти получил значительное число мест в парламенте. Успех иорданских исламистов был вызван разочарованиями широких слоев населения результатами войны в Газе и экономическими трудностями.

Ирак в результате падения режима аль-Асада внезапно оказался в водовороте ближневосточной политики, где сталкивались интересы Ирана, Турции, США и Израиля, а также проиранских милиций, курдов и местных религиозных общин. Ирак предоставил убежище части высокопоставленных сирийских силовиков и бойцам бригад «Аль-Фатимиюн» (Афганистан) и «Аль-Зейнобиюн» (Пакистан), которых власти Пакистана и Афганистана отказались принимать. Общая численность сирийских военных и шиитских милиций составляла несколько сотен бойцов. Они были размещены в шести лагерях СНМ в Багдаде и Дияле. Присутствие шиитских милиций создавало проблемы властям Багдада, их связям с новым сирийским руководством в вопросах охраны границ, осложняло отношения с США и Израилем[269].

В 20-х числах февраля 2025 года министр иностранных дел САР А. Шейбани обсудил в Багдаде с иракскими руководителями вопросы безопасности и охраны границ. США оказывали давление на власти Ирака, требуя распустить отряды СНМ. Однако в связи с тем, что СНМ были образованы в соответствии с фетвой А. Систани, тем более как ответ на требования иракского народа, нужно было принять новое религиозное установление того же источника, которое отменяло прежнее. Тем более СНМ были созданы для борьбы с ИГИЛ* и сыграли ведущую роль в освобождении страны от террористической угрозы. В случае, если им удалось бы провести реорганизацию своих рядов, их опыт мог бы понадобиться для охраны

[269] Аль-Хазраджи В. Ма-тадаият-ийваа-аль-ирак-ли-аль-милишият-аль-аджнабийя-аль-мунсаджиба-мин-сурия (Последствия бегства в Ирак иностранных милиций из Сирии). Аль-Араби. 16.02.2025. https://arabi21.com/story/1661928/0 (дата обращения: 03.03.2025) (на араб. яз).

сирийско-иракской границы.[270] В то же время Верховный лидер ИРИ А. Хаменеи призвал иракского премьера отказаться от идеи роспуска СНМ и покончить с американским военным присутствием в Ираке. В свою очередь ираский премьер-министр аль-Судани информировал А. Хаменеи о сложной ситуации в рядах милиций. По его словам, многие отряды вышли из-под контроля, и это могло создать проблемы в отношениях с США и Израилем. США были намерены усилить свое военное присутствие в Ираке в условиях неопределенной ситуации в САР после смены власти в Дамаске из-за опасений, связанных с возвращением ИГ* в Ирак и Сирию. В ходе контактов с главой Корпуса «аль-Кодс» КСИР ИРИ Э. Каани с иракскими милициями их командиры высказались против роспуска СНМ, опасаясь вакуума безопасности и усиления ИГ.

Во время встречи аль-Судани в Иране с Верховным лидером ИРИ А. Хаменеи предостерег иракского премьера от повторений ошибок бывшего президента аль-Асада, который плохо заботился о своих вооруженных силах, что, в конечном счете, привело к краху сирийского режима. А. Хаменеи признал, что силы Исламского сопротивления (ИС) понесли серьезные потери, но выразил уверенность, что в скором времени они смогут восстановиться. Верховный лидер Ирана подчеркнул, что не возражает, если аль-Судани возьмет на себя роль посредника в ирано-американских контактах при условии, что они приведут к позитивному результату[271]. В мае 2025 года в Ираке прошел саммит «Багдадский диалог» с участием нового сирийского руководства. Багдад был настроен на диалог с новыми властями Сирии и рассчитывал, что после визита в Саудовскую Аравию Аль-Шараа посетит Ирак. В то же время Багдад не торопился восстанавливать в полном объеме отношения с Дамаском, так как позиция нового сирийского руководства по многим региональным вопросам была не полностью ясна для багдадских властей.

---

[270] Аль-Араб. Фатва-мин-аль-систани-ли-таквинихи-ва-фатва-матлуба-ли-тафикикихи (Фетва аль-Систани об их образовании и фатва требующая их роспуска). Аль-Араб. 18.12.2024.https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 19.12.2024) (на араб. яз).

[271] Касем Ф. Тахран-тармИ-курра-халь-аль-хашад-ва-тувабиа-фи-мальаб-багдад (Терегран целит мячем роспуска аль-хашад в ворота багдада). Аль-Джарида. 10.01.2025. https://www.aljarida.com/article/86874) (дата обращения: 11.01.2025) (на араб. яз.).

Арабским монархиям Персидского залива, их региональной политике и отношениям с ИРИ был брошен вызов в результате падения режима аль-Асада. Действительно, у стран ССАГПЗ появился реальный шанс укрепить свои позиции в Персидском заливе и на Аравийском полуострове после поражения Ирана в САР и ослабления сил «ИС» в регионе. Тем более арабские монархии уже в ближайшем будущем могли столкнуться с угрозой распространения израильского влияния в Леванте и иранскими попытками восстановить свои прежние позиции на Ближнем Востоке. Если во время сирийского кризиса 2011 года Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ занимали разные позиции по ряду региональных проблем, то смена власти в САР подталкивала их к объединению усилий. Они были вынуждены вернуться к идее укрепления ССАГПЗ, чтобы обеспечить безопасность в Заливе, отдавая, как всегда, приоритет своим партикулярным интересам.

Катар и Саудовская Аравия стремились укрепиться в Сирии и в этом плане поддерживали Анкару против Израиля. При этом Катар стремился возглавить общеарабские усилия в работе с Дамаском. Катар мог реально увеличить вложения в восстановление сирийской экономики. Эмир Катара Шейх Тамим Бин Хамад аль-Тани был первым из арабских лидеров, который 30 января 2025 посетил Сирию после падения режима аль-Асада. Катар оказывал значительную поддержку в снабжении Сирии электроэнергией. Однако катарские амбиции вызывали настороженное отношение со стороны других арабских стран Залива и Египта. Со своей стороны, Саудовская Аравия была обеспокоена распространением в Сирии многочисленных милиций, которые остались без контроля со стороны КСИР Ирана. КСА стремилось поддержать стабильность в Сирии и при этом сохранить позитив в отношениях с Ираном, достигнутый в марте 2023 года. ОАЭ продолжали поддержку процесса реконструкции Сирии, используя связи с сирийскими бизнесменами, которые после краха аль-Асада возвращались на родину и сохраняли отношения с Ираном.

Еще до падения Дамаска 13 ноября 2024 года катарский принц шейх Тамим бин Хамад аль-Тани посетил Турцию и провел переговоры с Р.Т. Эрдоганом, в ходе которых обсуждались возможности ускорить процесс сирийско-турецкой

нормализации. Катар был также заинтересован в том, чтобы укрепить отношения с аль-Асадом на фоне провала своей посреднической миссии в отношении ХАМАС и опасался в связи с этим негативной реакции со стороны Израиля. До момента смены власти в САР Доха и Анкара стремились стать частью фронта противодействия Израилю вместе с Дамаском и Тегераном. По оценке Дохи и Анкары после победы Д. Трампа на президентских выборах Израиль находился в сильной позиции. Тель-Авив мог посчитаться с тем, кто поддерживал исламское сопротивление Леванта [272]. Пока Россия и ОАЭ пытались запустить процесс внутрисирийского диалога, быстрее преодолеть последствия смены власти в САР, Катар и Турция активизировали работу своих спецслужб в Сирии. Они хотели побудить новые сирийские власти произвести полную замену всего личного состава армии и спецслужб, избавившись от тех, кто был связан с прежним режимом. Несмотря на смену власти в САР, Катар не избежал израильского возмездия, подвергнувшись налету израильских ВВС на резиденцию одного из руководителей ХАМАС в Дохе.

По итогам состоявшейся в начале 2025 года в Саудовской Аравии арабской встречи по Сирии с участием ряда стран Запада была принята Эр-Риядская декларация. Она поддержала оказание помощи новым сирийским властям. В то же время ряд арабских и западных государств обусловили оказание помощи Дамаску пакетом требований. Западные страны опасались нового витка конфессиональной розни и настаивали на пропорциональном представительстве меньшинств в новых органах сирийской власти. Новые сирийские власти считали, что представители меньшинств должны участвовать в органах новой администрации исходя не из принципа их конфессиональной принадлежности, а на общеарабской платформе. Ряд арабских стран опасались распространения революционного исламистского духа в широкие слои населения их стран. По данным КСА в Сирии вновь активизировалась Исламское государство, которое атаковало правительственные

---

[272] Аль-Араб. Туркийя-ва-катар-табхасан-ан-маукиа-фи-джабха-муваджаха-исраиль-би-ль-татбиа-ма-аль-асад (Турция и Катар ищут место во фронте сопротивления Израилю путем нормализации отношений с Асадом). Аль-Араб. 14.11.2024. https://alarab.co.uk (дата обращения: 19.11.2024) (на араб. яз.).

объекты, используя БПЛА, координируя свою деятельность с отрядами в Турции и Ираке. Международная коалиция потребовала от аль-Шараа вернуться к прежней координации с Западом в борьбе с терроризмом и направить в САР бойцов западных ЧВК. В итоге Эр-Риядская встреча не достигла консенсуса по вопросу поддержки Дамаска. Государства ЕС воздержались снять с Сирии санкции и ввести новые финансовые инструменты, облегчавшие торговые операции с Дамаском[273]. В конце февраля 2025 года было решено вернуться к этому вопросу.

Израиль воспользовался сложившейся ситуацией и нанес более 400 авиаударов по целям в САР после 8 декабря 2024 года. В итоге позиции «Хезболлы», шиитских милиций и КСИР в САР оказались практически уничтожены. Была выведена из строя боевая мощь сирийских вооруженных сил. Израиль полностью оккупировал территорию Голанских высот и стратегическую высоту – гору Хермон. На тот момент Тель-Авив окончательно не определился в стратегических вопросах выстраивания отношений с новой властью и продолжил удерживать захваченные позиции в Сирии, несмотря на периодические заверения международному сообществу в своих добрых намерениях. Израиль продолжил контролировать критические с точки зрения его национальной безопасности сирийские территории. Падение режима аль-Асада создавало новые вызовы для региональной политики Израиля. С одной стороны, ослабление Ирана, «Хезболлы» ХАМАС и сирийской армии являлось несомненным стратегическим преимуществом Израиля. В то же время падение режима аль-Асада создало вакуум безопасности на границах с Израилем, который мог быть заполнен ранее неизвестными Тель-Авиву боевыми формированиями. Политика Израиля по контролю рядом сирийских районов и планы нанесения решающего удара по силам ИС в Ираке создавали потенциальные риски в отношениях с региональными державами и США, осложняли отношения Израиля с Турцией и Саудовской Аравией. Израиль был вынужден одновременно внимательно следить за ХТШ* в Сирии и проиранскими милициями в Ираке. По оценке некоторых израильских

[273] Мухаммад А Баян аль-Рияд-хауля-сурия (Эр-Ридская декларация по Сирии). Аль-Араб. 14.01.2025. https://www.alaraby.co.uk/politics (дата обращения: 18.01.2025) (на араб. яз.).

аналитиков, смена власти в САР и крах сирийско-иранского альянса не гарантировали безопасность на северных границах Израиля. Падение режима аль-Асада могло дать старт формированию новых альянсов на Ближнем Востоке, не менее опасных с точки зрения безопасности еврейского государства. После падения аль-Асада Израиль сделал ряд беспрецедентных заявлений. Так, 2 марта 2025 года Б. Нетаньяху и министр обороны Израиля И. Катц отдали приказ АОИ быть готовой отразить атаку Дамаска на Джерману (юго-восток Сирии) в случае, если сирийские войска атакуют друзскую общину. Ранее Б. Нетаньяху сказал, что аль-Шараа связан с террористическими организациями на Ближнем Востоке. Израиль был заинтересован контролировать южные районы Сирии Сувейду и Деръа, а также Кунейтру и Гору Хермон. Израиль не собирался уходить из этих районов и планировал создание там буферной зоны безопасности. Под предлогом защиты друзского меньшинства Израиль стремился ослабить Дамаск. При этом Израиль мало интересовала реакция местного населения на его действия. Если в Деръа прошли протесты против Израиля, то в Сувейде при поддержке курдских повстанцев из СДС был сформирован военный совет для защиты друзского населения. Часть друзов Сувейды обвинила курдов в раскольнической деятельности. Лидеры друзов Ливана осудили действия Израиля. Они напомнили, что друзы принимали активное участие в освобождении Сирии от французского мандата[274].

Официальное признание новой сирийской власти произошло 13 февраля 2025 года в Париже, где завершила работу конференция с участием арабских и европейских стран по Сирии. До этого аналогичные конференции прошли 14 декабря 2024 года в Акабе (Иордания) и 12 января 2025 года в Эр-Рияде (КСА). Отличием парижской декларации стал пункт о признании переходного правительства САР. Ограниченное представительство США на парижской конференции стало следствием неопределённости американской политики в

[274] Аль-Кодс. Ма-аль-лязи-яхми-сурия-аль-джадида-мин-исраиль (Что защитит новую Сирию от Израиля) Аль-Кодс. 03.03.2025. https://www.alquds.co.uk//https://tinyurl.com/5468tdyk. (дата обращения: 05.03.2025). На араб. яз.

отношении САР. Признание переходного правительства означало бы снятие всех санкций и исключение ХТШ* из террористических списков США.

Позиция США в отношении переходного правительства САР после краха режима аль-Асада определялась стратегической значимостью САР после начала сирийского кризиса 2011 года. Это было обусловлено характером угроз для США, связанных с террористической опасностью, эскалацией напряженности в регионе с участием Ирана и Израиля, восстановлением и укреплением геополитических позиций Москвы в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом, что бросало вызов позициям США на Ближнем Востоке. После падения режима аль-Асада эти угрозы были частично или полностью сняты. И Сирия в этом смысле утратила прежнюю значимость для США. США поддержали смену власти в Сирии. Вашингтон стремился к тому, чтобы маргинализировать позиции Ирана в регионе и не позволить создать новые логистические пути поддержки сил Исламского сопротивления (ИС) в Сирии, Ливане и Палестине. В Сирии находилось около 2 тысяч американских военных, которые сталкивались с новыми вызовами в борьбе с исламистами, сохраняющимся иранским влиянием и вооруженной оппозицией новой власти. На северо-западе Сирии сохранялись позиции американских военных, которые дислоцировались на базах в пригородах Хасаке и Дейр аль-Зора, а также на базе аль-Танф. США расширяли свою базу в Айн аль-Асад на западе Ирака в качестве логистического плацдарма для американских войск на Ближнем Востоке и планировали создать три новые военные базы в Дамаске, Деръа и Кунейтре, расширить свое военное присутствие в Хасаке. Сирия могла стать важным звеном в планах администрации Трампа в регионе. Окончательная позиция США по вопросу о выводе американских военных из Сирии была не до конца сформирована[275].

Иран потерял больше всех остальных участников сирийского конфликта от падения режима аль-Асада. Тем более Аль-Шараа неоднократно подчеркивал, что

---

[275] Амин М. Тасауд-аль-танафус-аля-сурия-ляибу-мтуаадидун-би-ахдаф-мухталифа (Обострение соперничества за Сирию. Многочисленные игроки с разными целями). Аль-Араб. 07.03.2025. https://www.alaraby.co.uk/;.https://tinyurl.com/yztn8a4h (дата обращения: 09.03.2025). На араб. яз.

новые власти готовы сотрудничать со всеми, кроме Ирана. Глава переходного правительства САР. А. аль-Шараа заявил, что ХТШ* очистила Сирию от всех проиранских формирований и прекратила использование сирийской территории в качестве иранского плацдарма и транзитного пункта оружия в Ливан и Газу. По словам аль-Шараа иранский проект Оси сопротивления был отброшен на 40 лет назад.

Тем не менее, официальный Тегеран отказывался признавать свое поражение в Сирии, а успехи ХТШ* связывал с предательством сирийских военных. После падения режима аль-Асада Иран эвакуировал свои силы из Сирии, но не отказался от планов вернуть свои позиции в САР. Иран по-прежнему располагал большим числом своих сторонников в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Йемене, которых был намерен задействовать в восстановлении позиций на Ближнем Востоке. В Палестине после утраты «Хезболлой» возможности оказывать давление на Израиль, Иран по-прежнему располагал связями с отрядами ХАМАС и «Исламского Джихада»*. Представитель бригад аль-Кассам Абу Обейда выразил в начале февраля 2025 года благодарность Ирану, несмотря на ряд расхождений по политическим вопросам между Тегераном и ХАМАС. При этом Тегеран продолжал оказывать поддержку Бригадам аль-Кассам. Иран пытался компенсировать свои потери в Сирии и Ливане за счет усиления своих позиций в Ираке и Йемене. Ирак по-прежнему во многом находился под контролем Ирана и проиранских сил. Проиранские вооруженные формирования стремились сохранить свои позиции на сирийско-иракской границе. Милиции хотели укрепить отношения с властями Багдада. Они стремились доказать им свою эффективность в поддержании внутренней безопасности в стране[276]. По данным гражданского реестра Дамаска, в сирийской столице проживало в декабре 2024 года 890 тыс. шиитов из Ирана и Ирака, 783 тысячи из Ливана, 360 тыс. турецких алевитов, 210 тыс. шиитов из стран

[276]Аль-Ахбар. Зиярат-аль-судани-туфаил-аль-висата-лика-ираний-сурий-фи-багдад-карибан (Визит аль-судани облегчит посредничество в организации в скорой сирийско-иранской встречи в Багдадае). Аль-Ахбар. 10.01.2025. https://al-akhbar.com/arab/818927) (дата обращения: 25.01.2025). (на араб. яз).

Персидского залива[277]. В Ливане нашли убежище Асадовские лоялисты. Они вынашивали планы возврата к власти при опоре на «Хезболлу». Иран рассчитывал использовать свои связи среди жителей средиземноморского побережья Сирии, чтобы спровоцировать антиправительственные выступления, а также оживить группы наркоторговцев и контрабандистов, которые после падения аль-Асада временно ушли из сферы активной деятельности.

Обнаруженные новыми сирийскими властями в конце января 2025 года в Кутейфе (пригородах Дамаска) склады оружия указывали на попытки восстановить присутствие «Хезболлы» в САР. «Хезболла» сменила тактику. Теперь она уже не пыталась атаковать новый сирийский режим с флангов, а стремилась развязать психологическую войну и использовать тактику точечных ударов по руководителям режима. Иран продолжает вызывать опасения нового сирийского руководства. Тегеран мог воспользоваться политическим алгоритмом, который был применен им в Ираке после американской оккупации 2003 года. Усилившиеся после событий марта 2025 года протестные настроения среди алавитов Средиземноморского побережья формировали благоприятные условия для действий Ирана. В качестве ударной силы в борьбе с режимом Тегеран мог использовать асадовских лоялистов-офицеров, которые нашли убежище в Ираке, северном Ливане и на сирийском побережье. Иран мог привлечь осевших в Сирии бойцов проиранских милиций из НСА, боевиков ИГИЛ*, ХТШ* и «Хуррас Аль-Динн»*, недовольных политикой аль-Шараа. Тегеран начал работать над созданием новых безопасных логистических путей снабжения оставшихся в Сирии милиций. Чтобы изыскать средства на восстановление милиций, прежде всего «Хезболлы», КСИР усиливал контроль над сектором нефтедобычи и переработки Ирана, 50% которого принадлежало военным. При этом КСИР контролировал 50% экспорта иранской нефти в 2024 году против 20% в 2021 году. Доходы Ирана от нефти равнялись 53 млрд долл. в 2023 году против 54 – в 2022, 37 – в 2021, 16 –

[277]Аль-Шейх,Б.Аль-шараа-ли-аль-шарк-альаусат-сурия-лян-такун-минасса (Аль-Шараа в интревью Аль-Шарк Аль-аусат – Сирия никогда не станет плацдармом Ирана). 20.12.2024. https://aawsat.com//5093404 (дата обращения: 22.12.2024) (на араб. яз.).

2020. Ежегодный бюджет КСИР составлял около одного миллиарда долларов США и продолжал расти. Из них около 700 миллионов долларов США ежегодно выделялось на нужды «Хезболлы» и финансирование поставок оружия в Ливан[278]. КСИР занимался контрабандной торговлей нефтью в Китай, ежегодный доход от которой составлял около 50 миллиардов долларов США. Заместитель начальника Разведывательного Управления КСИР заявил, что проведенные в 2024-2025 годах выборочные опросы в Иране показали, что 65-68% иранцев считали необходимым дать ответ Израилю, даже если это приведет к войне с еврейским государством. В действительности Иран оказался в сложном положении и стремился всячески избегать прямой конфронтации с Израилем, сохранить отношения с арабами и договориться с США.

С приходом к власти в Иране нового президента в стране усиливались позиции умеренных сил, которые выступали за активный диалог с Западом, прежде всего с США. С учетом изменения регионального баланса сил, Иран не исключал возможности наладить сотрудничество с США и Израилем по Сирии, используя общность интересов с Тель-Авивом и Вашингтоном в курдском вопросе на фоне усиления позиций Турции в САР. Тегеран рассчитывал, что в связи с неопределенной ситуацией с выводом американских войск из САР, Турция и Ирак будут заинтересованы в поддержании баланса сил на северо-востоке САР в интересах обеспечения собственной безопасности. Министр иностранных дел Израиля Г. Саар заявил, что провел телефонный разговор с официальным представителем РПК И. Ахмедом. Курдский представитель обвинил новую сирийскую администрацию в массовых арестах курдских повстанцев. 7 января 2025 года заместитель министра иностранных дел Израиля заявил, что международное сообщество в ходе контактов с новой властью должно обсудить проблему защиты меньшинств в Сирии. В начале января 2025 года заместитель министра иностранных дел Израиля отметил, что Турция оккупирует 15%

[278]Аль-Араб.Аль-хурас-аль-саурий-юазиз-кабдатаху-аля-садират-аль-нафт (КСИР укрепляет контроль за экспортом нефти). Аль-Араб. 19.12.2025. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 20.12.2024.). На араб. яз.

сирийской территории. Он призвал защитить курдов и оказать международное давление на Анкару. Одновременно, глава КСИР Э. Каани встретился в Сулеймании (Ирак) с представителями вооруженных отрядов РПК[279].

Министр иностранных дел ИРИ А. Аракчи добивался встречи со своим сирийским коллегой на саммите в Багдаде в мае 2025 года. М. Ханализаде, директор PressTV ИРИ, заявил, что Иран должен сотрудничать в Сирии с США и поддерживать курдских сепаратистов, чтобы ослабить роль Анкары, как он это делал в Ираке. В начале января 2025 года бывший иранский дипломат Хусейн Адели заявил, что, несмотря на разногласия с США, у Тегерана и Вашингтона есть и немало общего. В свое время Иран и США были заинтересованы в свержении движения Талибов в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке. После краха режима аль-Асада Иран опасался, что Б. Нетаньяху может в процессе перехода власти в США нанести удар по Ирану, и поэтому Тегеран постоянно находился на связи с Трампом, чтобы избежать подобного сценария. Тегеран не хотел окончательно потерять свои позиции на Ближнем Востоке и стремился начать диалог с Д. Трампом. Несмотря на разные точки зрения, в иранском руководстве сложился общий тренд на то, чтобы договориться с США. Иран хотел возобновить ядерный диалог и был готов пойти на сокращение объемов обогащенного урана, но категорически отказывался от демонтажа своих баллистических ракет[280].

Со своей стороны, Д. Трамп выражал готовность вернуться к переговорам по ядерной программе Ирана. США, конечно, использовали ослабление региональных позиций Ирана, для того чтобы навязать ему выгодную для них ядерную сделку. Такая нетипичная реакция Тегерана на смену власти в САР была, возможно, вызвана непреходящей болью в связи с невосполнимой потерей организатора иранских побед на Ближнем Востоке генерала К. Сулеймани. 10 января 2025 года исполнилось 5 лет со дня убийства К. Сулеймани. Смерть К. Сулеймани

---

[279] Бакри, А. Халь-юмкин-ан-талтаки-иран-маа-исраиль-дыд-туркия-фи-сурия (Могут ли Иран и Израиль сговориться против Турции в САР). Аль-Араби21. 11.01.2025. https://arabi21.com/story/1653634/ (дата обращения: 12.01.2025). На араб. яз.

[280] Аль-Рабиа М. 2025. Иран-ва-хасаируха-тахиир-аль-масар-аль-муваджаха-аль-дарба-аль-кубра (Потери Ирана меняют его курс в отношении нанесения масштабного ответа). Аль-Мудун. 08.01.2025. https://www.almodon.com/politics/2025/1 (дата обращения: 09.01.2025). На араб. яз.

приблизила конец ИС в том виде, в котором он его создавал. Его преемник Э. Каани не смог заменить К. Сулеймани, который держал в руках все контакты с ИС в Газе, Ливане, Дамаске, Багдаде и Йемене. Особые отношения К. Сулеймани с Верховным лидером ИРИ помогали ему выстраивать грамотные отношения с «Хезболлой» и ее лидером. К. Сулеймани без труда находил взаимопонимание с российскими военными в Сирии и командованием САА, добивался координации различных боевых подразделений в ходе боевых операций против повстанцев. После начала атаки ХАМАС (Яхья Синвар) силы ИС не смогли реализовать идею К. Сулеймани о создания единого фронта борьбы с Израилем в Газе. Решение о проведении автономных операций каждым из фронтов, где, когда и как сражаться с Израилем сорвало планы создания объединенного командования и нанесения скоординированных ударов силами всех фронтов[281].

Турция, в отличие от Ирана, ощущала себя победителем. На самом деле, несмотря на то что аль-Шараа стремился выстраивать с Анкарой отношения стратегического партнерства, Турция в новой ситуации сталкивалась с рядом серьезных проблем в САР и на Ближнем Востоке, в целом. Политика Анкары в отношении Дамаска определялась, прежде всего, задачами внутренней политики: снять недовольство части населения и решить ряд долговременных задач в сфере экономики, беженцев и курдского вопроса. В условиях кризиса, особенно в последние годы, сирийская политика Р.Т. Эрдогана подвергалась критике. Оппозиционные силы критиковали Р.Т. Эрдогана за отказ начать примирительный диалог с аль-Асадом. Администрация президента пыталась представить смену власти в САР как свою победу и была уверена, что сможет решить возникшие проблемы. Турция пыталась извлечь экономическую выгоду от сирийской реконструкции, стоимость которой по некоторым подсчетам могла составить от 250 до 400 млрд долл. США. Турция рассчитывала использовать свое влияние на новые сирийские власти, географическую близость и технические возможности.

---

[281] Аль-Асас. Хамса-санават-аля-игтияль-солеймани-бидая-нихайт-аль-михвар (Пять лет со дня смертиСулейманиначалоконцаосисопротивления). Аль-Асас. 09.01.2025. https://www.asasmedia.com/83121) (дата обращения: 10.01.2025). На араб. яз.

Ожидаемые выгоды от участия в процессе экономической реконструкции САР уже сказались на росте биржевых акций строительных компаний и связанных с ними производств в строительной индустрии. Большинство этих компаний были подконтрольны Р.Т. Эрдогану и его близкому окружению, благодаря которому они вышли на товарно-сырьевые и строительные рынки после победы ПСР. В результате экономического кризиса в стране многие из этих компаний могли потерять часть прибыли и нуждались в новых бизнес-контрактах, способных обеспечить приток дополнительных финансовых средств. В этой связи привлечение хотя бы части из них к процессу сирийской реконструкции позволило Р.Т. Эрдогану сохранить часть своей клиентской сети в бизнес-сообществе для поддержки своих политических проектов. Однако в условиях жесткой международной конкуренции и отсутствия безопасности в САР сделать это было весьма непросто. Другой важной задачей Турции являлось возвращение сирийских беженцев. Несмотря на всеобщее одобрение этих планов, их реализация сталкивалась с определенными проблемами. Обеспечить быстрое возвращение сирийских беженцев в отсутствие безопасности и соответствующей социальной инфраструктуры в Сирии было весьма затруднительно. К тому же многие сирийцы за годы конфликта обзавелись своим хозяйством, обжились в Турции и не хотели возвращаться на родину. После смены власти в Сирии большинство граждан Турции считали, что в условиях свободной Сирии беженцы должны вернуться домой. В итоге это спровоцировало несколько межэтнических конфликтов между турецким населением и сирийскими беженцами.

Крах режима аль-Асада открыл перед Анкарой новые возможности покончить с курдской автономией в Сирии. С одной стороны, Анкара получила возможность эффективнее сдерживать курдских сепаратистов, а с другой – ее военные операции наталкивались на противодействия Израиля и Ирана. Турция стремилась расширить зону своего влияния на севере Сирии на основе Аданских соглашений 1989 г., но сталкивалась с противодействием курдов, которые в результате сражений с ИГ* в 2014-2019 гг. завоевали поддержку Запада. В этих условиях создание буферной зоны на границе выглядело проблематичным и

потребовало бы серьезных дипломатических усилий со стороны Анкары в переговорах с США и региональными державами.

Ирак выражал озабоченность поддержанием безопасности на границе с Турцией, где активизировались отряды ИГИЛ*. Подконтрольные Турции сирийские отряды Народной сирийской армии (НСА) отбросили часть сил СДС к востоку от Евфрата, но дальнейшее продвижение НСА требовало согласований с США. США хотели сохранить за собой часть сил СДС на восточном берегу Евфрата как инструмент контроля над ИГИЛ*. СДС продолжали контролировать часть сирийско-иракской границы, что было важно с точки зрения сдерживания проникновения проиранских милиций в Ливан и Сирию. Израиль поддерживал СДС, и это осложняло израильско-турецкие отношения.

В то же время автономная администрация северных и восточных районов Сирии конкурировала с арабскими племенами и отрядами ополчения за управление этими районами и поддерживала рабочие контакты с враждебной Дамаску РПК. Несмотря на численное превосходство арабского населения в этих районах РПК играла лидирующую роль. И многие арабские племена выбирали союз с СДС, а не с центральными властями Сирии после прихода к власти ХТШ*. Слабеющий альянс с военной группировкой ХТШ*, поддержка США СДС, плохо предсказуемая динамика в отношениях НСА и ХТШ* служили факторами, как ослабления, так и усиления позиции Турции в решении этих острых вопросов. В январе-феврале 2026 года сирийские войска провели серию успешных войсковых операций с целью разгрома мятежных вооруженных курдских формирований в Алеппо и северо-восточных провинциях Сирии. Несмотря на то, что сирийской армии удалось установить контроль над большинством районов курдской автономии, это не могло полностью обеспечить решение проблем безопасности на сирийско-турецкой границе.

Непросто складывались отношения Турции с Ираном. Напряженность в отношениях Анкары и Тегерана началась в еще 2023 году, когда Турция поддержала Азербайджан в Карабахском конфликте. Иран был обеспокоен изменениями на ирано-армянской границе, которые могли отсечь Иран от пути в

Европу. После падения иранского президентского вертолета в мае 2024 года ряд иранских законодателей и сторонников жесткой линии обвинили Анкару, Баку и Тель-Авив в причастности к крушению вертолета. Иран опасался планов Турции в Ираке и на северных границах Ирана через связи с Азербайджаном и поддерживал оппозиционные курдские отряды в Ираке и Армении. В ходе прошедшего в Каире саммита «восьмерки» президент ИРИ М. Пзешкиан пытался убедить египетского лидера Аль-Сиси сотрудничать против планов Анкары и Израиля на Ближнем Востоке[282].

Тегеран был также недоволен стратегическим сотрудничеством Баку и Тель-Авива, которое он рассматривал как угрозу своей безопасности. Несмотря на это в начале декабря 2025 года в Баку прибыл министр иностранных дел ИРИ А. Аракчи. Во время беседы с президентом Азербайджана обсуждались вопросы двусторонних отношений, урегулирования спорных пограничных вопросов и геополитические изменения в регионе с точки зрения укрепления азербайджано-иранских отношений. А. Аракчи подчеркнул готовность Ирана сотрудничать во всех областях на взаимовыгодной основе, снять все спорные вопросы в отношениях и вывести азербайджано-иранские связи на более высокий уровень. И. Алиев подчеркнул, что историческое наследие двусторонних отношений придает им особый характер. И. Алиев похвалил работу двусторонней азербайджано-иранской комиссии во всех областях и призвал Иран очистить дорожные карты развития двусторонних отношений. В беседе с министром иностранных дел Азербайджана Джейханом Байрамовым обе стороны призвали решить спорные вопросы. А. Аракчи встретился со спикером парламента и премьер-министром.

Отношения Тегерана с Баку осложнились после того, как Азербайджан выиграл две войны 2020-2023 годов, что повлекло изменение геополитической ситуации на Южном Кавказе, которую Тегеран рассматривал как потенциально опасную для него на северо-западной границе. Самым больным вопросом служит

[282]Аль-Джарида. Лика-Пезишкян-маа-Сисии-аля-кыммы-Джи8-аль-ираний-хаваль-икна-мысрий-фи-тааун-дыд-туркийя (На встрече Пезишкяна с Аль-Сисис на саммите восьмерки иранец пытался убедить египтянина сотрудничать против Турции). Аль-Джарида. 2025. (https://www.aljarida.com/article/84803) (дата обращения: 12.09.2025) (на араб. яз)

Занзигорский коридор, который обеспечивает проход через территорию Армении и должен находиться под контролем Азербайджана. Иран рассматривает это как прямую угрозу его сухопутному пути в Армению. После того как Армения и Азербайджан согласились рассмотреть план Д. Трампа, который напрямую соединяет Азербайджан с Нахичеванской автономной республикой, опасения Ирана несколько снизились. Но Тегеран по-прежнему считал, что новые пути могут стать плацдармом распространения влияния Запада в интересах изменения баланса сил в регионе. Иран считает формулу «3+3» идеальным вариантом развития ситуации в регионе. По оценке Тегерана такой формат с участием Ирана, России, Турции, Азербайджана, Армении и Грузии ставит барьер на пути проникновения США и Европы в регион. Иран стремится решить вопросы морских коридоров, демаркации границ, вопросы безопасности пакетным способом на основе формулы «3+3». Однако Азербайджан считает, что этот механизм полезен с точки зрения развития экономических проектов, но ограничивает свободу его действий. Баку считает, что указанный формат должен способствовать развитию его отношений с Западом. Иными словами, Баку не видит угрозы для себя в плане Д. Трампа в отличие от Ирана. Баку также не разделяет опасения Ирана, что Израиль может использовать территорию Азербайджана для удара по Ирану[283].

Таким образом, война в Газе и смена власти в САР имели негативные последствия с точки зрения региональной стабильности и развития политической динамики на Ближнем Востоке. Такие страны, как Алжир, Египет, Иордания, Ирак, меняли свою политическую стратегию в регионе. После отхода Москвы и Тегерана от поддержки режима аль-Асада изменилась политика таких арабских стран, как Катар и Саудовская Аравия, Турция, Иран и Израиль, а также крупных мировых держав, как США и Китай, которые усилили борьбу за новую Сирию и стремились укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, в целом. Война в Газе и смена власти в САР продемонстрировали отсутствие согласованных международных усилий в

[283] Хаваджани, М.Иран -ва-тахаваллят-аль-коказ-аль-джанубий: Мухавалят-ли-истахала-азербайджан (Иран и изменения на Южном Кавказе. Попытка отделить Азребайджан). Аль-Ахбар. 09.12.2025. https://www.al-akhbar.com/world/871147 (дата обращения: 01.10.2025). На араб. яз.

борьбе с терроризмом и укреплением региональной безопасности на Ближнем Востоке. Глобальное военно-политическое противостояние трансформировалось в целый комплекс региональных кризисов и вооруженных столкновений. Их особенностью являлась тесная взаимосвязь друг с другом, будь то арабо-израильский конфликт, арабо-иранское соперничество, ирано-израильский вооруженное противостояние, сирийский кризис, война в Газе и их последствия. Практически все ближневосточные государства были так или иначе вовлечены в сложную систему межгосударственных противоречий. Иран и арабские страны не являлись исключением, а скорее подтверждали вышеизложенные положения.

Глава 6.
Обострение международной обстановки на Ближнем Востоке и перспективы арабо-иранских отношений

В главе шестой дана характеристика общей ситуации в регионе после окончания горячей фазы войны в Газе и смены власти в САР в контексте перспектив мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. Изучены позиции Ирана и арабских стран с точки зрения адаптации к новым региональным реальностям. Основное внимание уделено ирано-израильской войне в июне 2025 года и ее последствиям с точки зрения трансформации международной ситуации в регионе и изменения политики арабских стран Персидского залива в отношении Израиля, США и Ирана. Проанализированы изменения в отношениях Ирана с арабскими странами, в том числе государствами ССАГПЗ в плане выявления перспектив нормализации арабо-иранских отношений. Дана оценка действиям ИРИ по противодействию плану США по «сириинизазии» Ирана. Сделан прогноз возможных изменений политики ИРИ в отношениях с арабскими странами и США, чтобы возобновить на приемлемых для ИРИ условиях американо-иранского диалога и избежать новой войны с Израилем и США на Ближнем Востоке.

§ 1. Основные тенденции трансформации международных отношений после смены власти в САР и окончания войны в Газе

В параграфе первом рассмотрена ситуация в регионе после окончания горячей фазы конфликта в Газе и смены власти в САР с точки зрения формирующихся новых военно-политических контуров Ближнего Востока с учетом сохраняющейся напряженности в отношениях ведущих региональных и мировых держав на Ближнем Востоке. Исследована эволюция арабо-иранских отношений.

После краха режима аль-Асада в САР прежний баланс сил на Ближнем Востоке изменился. На смену шиитской «Оси исламского сопротивления» пришли

суннитские политические силы и вооруженные милиции. С другой стороны, ослабление военных потенциалов ХАМАС в Палестине, «Хезболлы» в Ливане, «Хуситов» в Йемене, шиитских милиций в Сирии и Ираке не принесло мир в эти арабские страны и не укрепило безопасность Израиля. Общий вектор международных дипломатических усилий был сфокусирован не столько на достижении прочного мира, сколько на попытках управления конфликтом. Отсутствие четких израильских планов по окончанию войны в Газе наряду с усилившимся стремлением нанести упреждающий удар по «Хезболле» делал ситуацию в Леванте плохо предсказуемой. На севере Газы силы АОИ стремились создать буферную зону на переходный период и плацдарм для продолжения военных операций на юге и в центре анклава. Несмотря на снижение боевого потенциала «Хезболлы», организация продолжала угрожать безопасности Израиля на севере и в центре, периодически обстреливая глубинные районы с помощью ракетного вооружения и средствами БПЛА. В политическом отношении эти отряды Исламского Сопротивления продолжали играть заметную роль в политике своих стран. ХАМАС по-прежнему оставался влиятельной политической силой в Газе. Это было особенно заметно в условиях вакуума безопасности по периметру палестинского анклава после вывода сил АОИ и неготовности альтернативных ХАМАС палестинских сил обеспечивать безопасность и управление в Газе. В такой обстановке ХАМАС без особого труда мог в обозримой перспективе восстановить свой военный потенциал с помощью Ирана. Представители ХАМАС и связанные с ним силы принимали участие в палестино-израильских переговорах в Дохе (Катар), участвовали в качестве наблюдателей в церемонии возвращения израильских военнопленных, ряд их членов освободились из израильских тюрем после заключения соглашения о прекращении огня. Политические соперники ХАМАС в лице ФАТАХ и Палестинской Администрации (Западный берег) ничего не смогли этому противопоставить, и были вынуждены молчаливо принять новую расстановку сил.

Ослабление сил Исламского Сопротивления в Ливане, казалось, создало благоприятные возможности для укрепления государственности в этой стране.

Приход к власти в Ливане президента Ж. Ауна и премьер-министра Н. Саламе породил надежды на проведение административных реформ в интересах ослабления роли негосударственных акторов во властных структурах Ливана. Однако для того чтобы «Хезболла» оказалась на обочине политического процесса, потребовалось бы существенно укрепить ливанскую армию и силы безопасности, а также создать политическую альтернативу «Хезболле» в шиитской общине Ливана. В условиях сохранения политического конфессионализма в качестве принципа государственного управления и ограниченных финансовых ресурсов решить эту задачу в обозримой перспективе было практически невозможно. Ливанская армия не могла обеспечить безопасность на юге страны после вывода израильских войск. А миротворческий контингент ООН уже неоднократно выказывал свое бессилие в этом вопросе. Сохранение перемирия в Ливане во многом зависело от поведения конфликтующих сторон и отсутствия обоюдных шагов, провоцирующих возобновление боевых действий.

Отношения ИРИ с АМАЛЬ и «Хезболой» изменились после войны с Израилем. В ноябре 2025 года политический советник спикера ливанского парламента Н. Берри посетил Иран. Визит Али Лариджани секретаря высшего совета национальной безопасности ИРИ в Ливан и его переговоры с Н. Берри после окончания военных действий в Ливане в октябре 2024 года показали напряженность в отношениях двух сторон. После убийства Х. Насруллы А. Лариджани передал послание Верховного лидера ИРИ. По мнению А. Хаменеи, Н. Берри несет ответственность за чистоту рядов шиитской общины Ливана и ее решения. Это было прямое указание на укрепление контактов с «Хезболлой». Отношения Ирана с АМАЛЬ[284] носят глубокий исторический характер. Несмотря на прошлые разногласия, Иран признает значимость и место АМАЛЬ в Ливане его роль в исламском сопротивлении. Иран отмечает приоритетность ливанских задач АМАЛЬ и считает необходимым укрепить позиции организации на юге. Отношения АМАЛЬ с «Хезболлой» имеют иной характер. В отношениях между

[284] АМАЛЬ – арабский акроним – Афвадж-аль-мукаввама-аль-исламия-Полки исламского сопротивления.

АМАЛЬ и Хезболлой нет особых расхождений, но обе организации по-разному оценивают ситуацию в вопросах выборов в парламент и проблемам безопасности. При этом АМАЛЬ и Н. Берри старались всячески избежать новой войны с Израилем[285].

Прекращение огня в Газе и Ливане в начале января 2025 года не было закреплено соответствующими политико-дипломатическими шагами, ориентированными на достижение прочного и долговременного мира на Ближнем Востоке. В мае 2025 года боестолкновения в Газе возобновились, угрожая подорвать хрупкую стабильность на юге Ливана. Опыт подобных Ливану стран показал, что одной из главных причин повышения роли негосударственных акторов в военно-политических конфликтах на Ближнем Востоке служит ослабление суверенитета ближневосточных государств. Это выражалось, прежде всего, в слабости системы власти, отсутствии инклюзивных правительств, нерешенности острых социально-экономических проблем, распространении религиозной вражды. Такие страны являлись магнитом для вмешательства со стороны внешних сил и поддержки ими негосударственных организаций с целью решения собственных стратегических задач на Ближнем Востоке.

В Ираке набирали темпы кампания за создание шиитского территориального анклава на базе 9 нефтеносных иракских провинций. Ракетные атаки йеменских «Хуситов» нарушали международное судоходство в Красном море и привели к сокращению транзита грузов в Суэцком канале на 42% в 2024 году по сравнению с предыдущим периодом. В Йемене «Хуситы», несмотря на непрекращающиеся бомбардировки американской авиации, не были готовы отказаться от своих политических устремлений. Как показал опыт борьбы США и их арабских союзников с йеменскими «Хуситами», возможности региональных государств и мировых держав противостоять этому виду угроз были весьма ограничены.

---

[285]Хасан, Ф. Хин-маша-берри-иля-техран-би-залллихи-халфият-зиярат-али-хасан-халиль (Когда Берри отправился в Тегеран после переговоров Хасана Халиля). Аль-Мудун. 19.11. 2025. https://www.almodon.com/politics/2025/11/19/https://tinyurl.com/2dyf27r4 (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.

В Сирии, несмотря на определенные успехи в достижении международного признания, новые власти не контролировали всю территорию, не могли на должном уровне обеспечить безопасность, быстро решить острые социально-экономические проблемы. Это стало особенно заметно во время событий в аль-Сувейде в июле 2025 года. Менее чем через три месяца после попытки сторонников смещенного президента аль-Асада вернуть власть в Средиземноморских районах, на юге САР произошли не менее кровопролитные сражения между правительственными войсками и друзами[286]. После событий марта 2025 года усилились протестные настроения среди алавитов Средиземноморского побережья. Сохранялись сепаратистские тенденции в друзских районах юга Сирии, сецессионные устремления курдского населения северо-восточных районов, где в лагерях СДС и РПК содержалось несколько тысяч боевиков ИГИЛ*. Все это формировало благоприятные условия организации мятежа против новой сирийской власти. Слабость системы власти, отсутствие инклюзивного правительства, нерешенность острых социально-экономических проблем, распространение религиозной вражды и этнического сепаратизма служили магнитом для вмешательства со стороны внешних сил в лице ближайших региональных соседей Сирии.

С этой точки зрения, важным вопросом являлось прекращение оккупационной деятельности Израиля на юге Сирии. Падение режима аль-Асада поставило под угрозу безопасность израильских поселенцев на Голанских высотах, которых охраняла сирийская армия по соглашению о демаркационной линии 1974. Реакция Израиля была неоднозначной. Он продолжал бомбить сирийскую территорию, вооружения и военную технику сирийской армии, чтобы она не попала в руки тех, кто мог начать кампанию за возврат территорий. Одновременно Израиль продвинулся вглубь сирийской территории в районы горы Хермон и Кунейтры, на юг страны (Деръа). Израиль поддержал сепаратистские выступления

[286] Подробнее о проблемах новой сирийской власти см. Главу 3 настоящей работы.

друзов в Сувейде. В случае достижения прочного мира с САР Израиль опасался усиления сирийских позиций в этом чувствительном для него районе[287].

Израиль не собирался выводить свои войска с юга Сирии и возвращаться к положениям соглашения о демилитаризованной зоне 1974 года. Израиль опасался участия Иордании и Турции, особенно размещения турецких сил на юге и растущего военно-технического сотрудничества между САР и Турцией. Израиль считал, что ряд селений юга Сирии могли стать путями отправки оружия «Хезболле». С другой стороны, Израиль опасался, что его неуступчивая позиция может в конечном итоге способствовать объединению Турции и Ирана в сирийском вопросе. На переговорах в апреле 2025 года в Баку с турецкими коллегами израильтяне обозначили красные линии в Сирии, подчеркнув, что намерены сохранить присутствие своих войск на глубину 80 км на южном направлении и иметь возможность совершать свободные полеты израильской авиации в воздушном пространстве Сирии и Ливана[288]

В этом контексте становилось очевидным, что в краткосрочной перспективе шансы на достижение прочного и всеобъемлющего мира между Сирией и Израилем, другими арабскими странами практически отсутствуют. Напротив, росла напряженность в отношениях ведущих региональных стран, прежде всего Израиля, Турции и Ирана. Объявленный президентом Д. Трампом в середине октября 2025 года после встречи с Б. Нетаньяху мир в Палестине на основе разработанного им мирного плана вызывал большие сомнения. Сепаратная мирная инициатива США не сильно обрадовала «правых» и успокоила «левых» в израильском кабинете. Вряд ли она вселила в сердца большинства ближневосточных лидеров надежды на скорый, всеобъемлющий прочный мир в регионе.

---

[287] Аль-Кодс. Иттифакийя-амнийя-сурийя-исраилийя-хал-турды-нетаньяху (Обрадует ли Нетаньяху сирийско-израильское соглашения о безопасности). Аль-Кодсю. 22.09.2025. https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.com/tpk79ndc) (дата обращения: 26.10.2025). На араб. яз.

[288] Али, А. Сурия-ва-исраиль-нахва-иттифак-хафд-тасид-маза-саятаддаман (Сирия и Израиль на пути к соглашению о деэскалации. Что оно содержит). Аль-Араб. 25.09.2025. https://www.alaraby.co.uk/politics/https://tinyurl.com/yfwafxc3) (дата обращения: 09.10.2025). На араб. яз.

Ослабление иранских позиций на Ближнем Востоке могло побудить консервативных иранских политиков подтолкнуть Тегеран вплотную приблизиться к созданию ядерного оружия. Иран имел возможность в короткие сроки произвести достаточное количество оружейного урана, что в отсутствие международных инспекций позволило бы ему в течение 2025-2026 гг. стать ядерной державой. Обладание ядерным оружием позволило бы Ирану активнее использовать имеющийся ракетный потенциал в качестве силы сдерживания, оставаясь безнаказанным. С другой стороны, наличие ядерного оружия у Тегерана подстегнуло бы гонку вооружений на Ближнем Востоке. Такие страны, как Саудовская Аравия, Турция и Египет непременно стремились бы выровнять военный паритет в регионе, в том числе путем изменения своих военных доктрин, включив в них пункт о нанесении превентивных ударов по вероятному противнику. С учетом обострившегося соперничества мировых держав на Ближнем Востоке иранская ядерная проблема, несомненно, оказала бы влияние на характер отношения США со своими арабскими союзниками в вопросах ядерного нераспространения, что отрицательно сказалось бы на обеспечении международной безопасности. В этих условиях многие радикально настроенные военные и политики в Израиле строили планы нанесения военного удара по Ирану с привлечением американских военных контингентов на Ближнем Востоке, чтобы отрезать ХАМАС и «Хезболлу» от их снабженческой базы. В этом случае это неизбежно привело бы к новому витку эскалации ирано-израильской вооруженной конфронтации на Ближнем Востоке.

С другой стороны, изменение политической ситуации на Ближнем Востоке в первой четверти XXI столетия обозначило первые признаки перемен в структуре международных отношений и оказало неоднозначное влияние на политику отдельных государств региона. Турция и Египет стали переосмысливать прежний характер отношений с государствами ССАГПЗ по ряду ключевых вопросов безопасности в Персидском заливе. Анкара уступила некоторым требованиям арабских монархий, сменила прежний политический курс в Ливии и Средиземноморье. Турция начала сближение с Египтом и пыталась нормализовать

отношения с КСА и ОАЭ. Египет пересмотрел свою политику в отношении Судана, Газы и ситуации в Красном море. Иран стал активнее прислушиваться к условиям Египта в плане нормализации ирано-египетских отношений. Египет, Турция и Иран стремились стать наиболее влиятельными государствами региона и формализовать свои отношения в новый трехсторонний альянс, чтобы сдержать дезинтеграционные тенденции в регионе[289]. Арабские монархии оказались на перепутье после ослабления Ирана, которому они, как и прежде не склонны были доверять. После атак Израиля на штаб-квартиры ХАМАС в Дохе и отсутствия практически какой-либо реакции со стороны Катара арабские монархии стали больше внимания уделять своей национальной безопасности.

Таким образом, на рубеже 2024-2025 гг. Ближний Восток переживал беспрецедентный по своим масштабам системный кризис, который охватил миллионы людей и вверг регион в череду нескончаемых конфликтов, политической турбулентности и экономической катастрофы. Внутриполитический кризис в Ираке, Ливане, Ливии, Судане и Йемене спровоцировал нестабильность во всем ближневосточном регионе. Международные дипломатические усилия по достижению устойчивого примирения в Газе и прекращению гуманитарной катастрофы в Палестине не привели к субстантивным результатам. В условиях расширения масштабов насилия на Ближнем Востоке осложнилась возможность урегулирования региональных конфликтов. Развитие внутриполитической динамики в САР и усиливающаяся международная конкуренция в условиях продолжающейся эскалации региональной напряженности показывали, что вероятность новых территориальных расколов на Ближнем Востоке более реальна, чем прежде. Общая дестабилизация обстановки в регионе делала обозримую перспективу поддержания международной безопасности на Ближнем Востоке весьма проблематичной.

---

[289]Рашид, С. Мыср-ва-туркия-ва-иран (Египет, Турция и Иран).Аль-Араб. 29.09.2025. https://www.alaraby.co.uk/opinion/https://tinyurl.com/49j5jf6z) (дата обращения: 30.09.2025). На араб. яз.

§ 2. Ирано-израильская война и изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке

В параграфе втором исследуется влияние ирано-израильской войны на геополитическую ситуацию в регионе, политику арабских государств и Ирана на Ближнем Востоке. Война обнаружила полную неготовность арабских стран к ведению современных видов войны и усилила тренд на регионализацию в Арабском мире. Особо отмечено, что в результате войны изменились оценки угроз арабских монархий Персидского залива их национальной безопасности. Ирано-израильская война обнажила уязвимые моменты в противостоянии Ирана Израилю и США и заставила Тегеран задуматься над изменением своей военно-политической стратегии в регионе. Сделан упор на то, что война спровоцировала сближение арабских стран и Ирана и создала предпосылки к объединению их усилий в защите своего национального суверенитета.

Отмеченные выше тенденции в развитии военно-политической обстановки на Ближнем Востоке не могли с точки зрения Израиля гарантировать долговременную безопасность еврейского государства. С учетом сложившейся ситуации Израиль настаивал на более решительных военных мерах совместно с США в отношении Ирана. В ночь с 12 на 13 июня 2025 года Израиль нанес серию ракетно-бомбовых ударов по военным и гражданским объектам Ирана. В результате погибли сотни мирных граждан, были убиты десятки иранских военачальников и физиков-ядерщиков, нанесен значительный ущерб военно-промышленным объектам ИРИ. В противоположность сложившейся в последние годы в Иране практике «неопределенной затянутости» с ответом, Тегеран не стал медлить и обрушил на израильские гражданские и военные цели шквал ракетно-бомбовых ударов, в том числе с применением различных видов БПЛА. В итоге был развенчан миф о неуязвимости израильского «железного купола», десятки мирных граждан, израильских военных были убиты и ранены, серьезные повреждения получили стратегические военно-промышленные объекты Израиля. На исходе 11-го дня ирано-израильской войны американские бомбардировщики сбросили

глубинные бомбы на три завода ИРИ по обогащению урана. В этих условиях арабские министры иностранных дел стран-членов ЛАГ, не дожидаясь достигнутого 24 июня 2025 ода хрупкого перемирия, собрались по инициативе Ирака на чрезвычайное заседание в Стамбуле, где фактически поддержали Тегеран. По итогам совещания была принята совместная резолюция с осуждением израильской агрессии против Ирана. Участники форума охарактеризовали действия Израиля как нарушение суверенитета страны-члена ООН и угрозу для безопасности региона, призвав положить конец израильской агрессии.

Ирано-израильская война 2025 года коренным образом изменила геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке и создала предпосылки для изменения политики региональных государств, в том числе характера арабо-иранских отношений. В отличие от прежних вооруженных конфликтов, основными участниками которых выступали, как правило, прокси-силы, это была война между двумя государствами, политика которых в последние годы во многом определяла динамику развития политического процесса на Ближнем Востоке. По сравнению с американской оккупацией Ирака (2003) ирано-израильская война отличалась куда более сильным и долговременным эффектом воздействия на весь комплекс конфликтного потенциала Ближнего Востока. Она изменила прежние принципы выстраивания различного рода региональных альянсов и союзов, правила и параметры определения нового миропорядка на Ближнем Востоке в обозримой перспективе. Ирано-израильский вооруженный конфликт выявил ряд новых признаков и тенденций в развитии системы международных отношений и безопасности на Ближнем Востоке.

Американский удар по Ирану и моментальные ответные действия ИРИ оказали сильное влияние на политику арабских монархий Персидского залива и политическое мышление их руководителей. В течение неполных суток израильская операция превентивных ударов «Восходящий Лев» получила жесткий ответ Ирана. Стремительность действий воющих сторон продемонстрировала глубину региональной пенетрантности. Локальный конфликт моментально проявился в

региональном масштабе[290]. Наряду с этим, воздушные атаки Израиля, Ирана и США выявили весь комплекс новых рисков и угроз для стран ССАГПЗ с точки зрения их союзнической близости с США, на чью военную мощь они полагались в обеспечении своей национальной безопасности в течение последних десятилетий. Ответный удар Ирана по американской военной базе аль-Удейд в Катаре бросил вызов странам ССАГПЗ с точки зрения их безопасности. Быстро расширившийся театр военных действий показал, что в условиях современных войн арабские страны больше не могут оставаться сторонними наблюдателями. В условиях стремительно меняющейся ситуации традиционная стратегия сдерживания и непрямого участия нуждается в серьезной корректировке. Ответный удар ИРИ по американской базе в Катаре вернул страны ССАГПЗ к вопросу о новой интегрированной системе безопасности, прежде всего создании систем раннего обнаружения угрозы атаки БПЛА и возможности их предотвращения, чтобы противостоять внешним вызовам. Пока страны ССАГПЗ задумываются о необходимости сохранения прежних форм нейтралитета, но уже отказываются предоставлять свою территорию в качестве военного полигона для США и Израиля в сражении с Ираном[291].

В географическом плане Израиль и Иран не являются ближайшими соседями. Израиль, США и Иран нельзя назвать в полном смысле слова прямыми, предопределенными врагами арабских монархий. Несмотря на это (ни друг, ни враг, а кто?) оказались вовлечены в этот конфликт. Иранский удар по американской базе в Катаре показал, насколько просто арабские монархии могут помимо своей воли стать участниками вооруженного конфликта с весьма неприятными и плохо предсказуемыми для них последствиями. Ряд членов ССАГПЗ – Кувейт, Катар, ОАЭ – временно закрыли свое воздушное пространство из-за опасения ответных иранских акций. Это подчеркнуло структурные изменения в политике

[290] Tardot, L. Iran-Israel War: Origins, Developments, Future Prospects. EISMENA. 2025. https://eismena.com/en/article/iran-israel-war-origins-developments-futureprospects, pp. 1-12. Accessed, 05.02.2026.

[291] Nia, J. The Iran-Israel War’s Impact on the Middle Eastern Security Order. Al Sharq Strategic Research. 05.08.2025. https://research.sharqforum.org/2025/08/05/the-iran-israel-warsimpact-on-the-middle-eastern-security order/; https://tinyurl.com/yfm9ntuy. Pp.1-7 (accessed: 04.02.2026).

региональных государств, которые в значительно меньшей степени подвержены процессу глобализации. Таким образом, война показала высокую степень регионализма, региональной взаимозависимости, вынуждая арабские монархии балансировать (на обломках глобализма. – *А. В.)* между Израилем и Ираном, с одной стороны, и мировыми державами – с другой. Ирано-израильская война оказала долговременное влияние на систему безопасности стран Персидского залива, обозначив пределы их политического нейтралитета, хрупкость безопасности этого субрегиона и потребность в создании системы коллективной безопасности в Персидском заливе.

Очевидно, что далеко не бедные арабские монархи Персидского залива стремятся позиционировать себя как важный фактор региональной политики и одного из ведущих игроков глобальных энергетических рынков. Военные действия между Ираном и Израилем, их последствия вышли за пределы вопросов региональной безопасности. Они обозначили экономическую зависимость и технологическую слабость арабских монархий. За время военных действий саудовский и катарский рынки акций упали на 3,6 и 4%, соответственно. Резко выросли цены на нефть и нефтепродукты из опасений перекрытия Ормузского пролива, через который идет 30% мировой нефти[292]. Война оказала заметный эффект на массовое сознание арабского социума стран ССАГПЗ. Последствия иранских ударов и закрытие всех авиалиний в этом субрегионе послало неприятный сигнал населению этих стран о хрупкой стабильности политических систем их государств. Таким образом, ирано-израильская война знаменовала поворот в политике арабских монархий Персидского залива с точки зрения поиска новой стратегии защиты своего политического суверенитета и более глубокой региональной, технологической интеграции, изменения прежней психологии ведения политики и войн с точки зрения ускоренного приспособления к вооруженным конфликтам гибридного типа.

[292]Schneider, F. After the Shock: The Israel-Iran War’s Economic Impact on the Gulf Middle East Council on Global Affairs. 2025. https://mecouncil.org/publication/after-the-shockthe-israel-iran-wars-economic-impact-on-the-gulf.https://tinyurl.com/46yn8w3u, pp. 1-9. Accessed. 21.02.2026.

В большинстве арабских монархий эта война рассматривалась как результат более чем 40-летней вражды между Ираном и США. С момента исламской революции в Иране в 1979 году США при опоре на своих арабских союзников в Персидском заливе проводили в отношении ИРИ политику сдерживания. Они принимали санкции, стремились политически изолировать ИРИ, поддержать соперников Ирана, одновременно оказывая финансовую и технологическую поддержку Израилю в развитии вооружений. Эта двойственность американской политики определила характер войны 2025 года, когда США решительно встали на сторону Израиля. Пока арабские монархии продолжают доверять США как гаранту своей безопасности. Но после того как США отдали приоритет Израилю, они все больше сомневаются в американских обязательствах и с большим пониманием воспринимают ответные меры Ирана[293].

Растущие претензии Израиля на место регионального лидера формируют новые озабоченности арабских государств Персидского залива. Израильская тактика превентивных ударов и его стремление навязать однополярный «Новый Ближний Восток» ставит страны ССАГПЗ перед нелегким выбором. С одной стороны, они могут стать частью «нового пояса стабильности» в составе Израиля и прагматичных суннитских государства (типа Сирии аль-Шараа. – *А. В.)* под эгидой США. С другой – плохо предсказуемые планы и действия Израиля по размыванию общепринятых норм международных отношений и системы региональной безопасности. Как долго политическая стратегия арабских монархий сможет балансировать на грани сомнительных выгод от нормализации отношений с Израилем и сдерживания его стремлений к региональному доминированию? Израильское желание обеспечить безопасность на своих границах в Леванте противоречит планам безопасности в Персидском заливе. Стремление Израиля покончить с Ираном, воспользовавшись его ослаблением, противоречит политике стран ССАГПЗ. Они считают, что Израиль нарушает хрупкий баланс в отношениях

[293] Kardas, S. The coming age of security competition in the wake of Israel-Iran conflict and challenges for the Gulf countries. Gulf Insights: Gulf Studies Center, Qatar University, 2025, № 97. https://www.qu.edu.qa/en-us/research/gulfstudiescenter/documents/gulf%20insight%2097-%20sk.pdf; https://tinyurl.com/5h5s2ma5, pp. 1-6 (accessed: 01.01.2026).

с Ираном после 2023 года, за счет которого арабские монархии рассчитывают взять политический «тайм-уат» и перестроить свою систему безопасности. Вмешательство США в ирано-израильский конфликт продемонстрировало, что опора на США в долговременном плане больше не гарантирует безопасность, а политика нейтралитета не гарантирует стабильность.

Таким образом, ирано-израильская война выявила опасные просчеты и недостатки в системе безопасности стран ССАГПЗ, их незащищенность от иранского ответа и повысила обеспокоенность израильским доминированием. В этих условиях арабским монархиям предстоит критически пересмотреть баланс власти в механизме принятия внешнеполитических решений и вопросах национальной безопасности, который прежде основывался на их мнимой экономической стабильности и стратегии политического нейтралитета под американским зонтиком. Американское присутствие в регионе фактически способствовало втягиванию арабских монархий в ирано-израильский конфликт.

С другой стороны, война продемонстрировал уязвимость региональной стратегии Ирана особенно в вопросах практической пользы от долговременного сохранения проекта «Оси исламского сопротивления» в неизменном виде и опоры на прокси-силы, от которых на деле мало что осталось. Неоднозначность американо-израильской «победы» и иранского «поражения» создала спектр новых угроз международной безопасности на Ближнем Востоке. Нерешенность заявленных Израилем целей операции и стойкость Ирана, который фактически в одиночку противостоял американо-израильской агрессии, породила законные опасения в продолжение ирано-израильской вооруженной эскалации на Ближнем Востоке.

Действительно, первые месяцы 2026 года были отмечены беспрецедентным давлением США на Иран, которое сопровождалось постоянными угрозами нанесения более ощутимых ударов по Тегерану по сравнению с июнем 2025 года. На деле, в отличие от своего израильского союзника, США не так страстно желали смены власти в Иране, а стремились укрепить свои позиции в регионе, беря реванш за прежние политические провалы в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене. Вашингтон

хотел навязать Тегерану кабальные условия сделки, которые поставили бы Иран под полный контроль США и таким образом обеспечили безопасность Израиля и арабских союзников Вашингтона на Ближнем Востоке. Иными словами, США хотели провести «сирианизацию» Ирана («иранскую сириану». – *А. В.)* в соответствии с собственными представлениями о новом порядке на Ближнем Востоке.

Ирано-израильская война 2025 года лишь обострила проблемы безопасности Израиля и США в регионе. Несмотря на общее ослабление иранских позиций под влиянием внутренних проблем, вызванных санкциями и растущим внутриэлитным соперничеством, которое стало особенно заметным в условиях народных протестов 2026 года, американская администрация по-прежнему рассматривала Иран и его ближневосточную политику как основную угрозу Израилю и интересам США в регионе[294].

Похоже, история ничему не учит американских политиков. После агрессии в Ирак (2003) США больше заботились о безопасности Израиля, чем о стабилизации Ирака, и косвенно способствовали появлению ИГИЛ*. Подобная картина наблюдается сегодня в Сирии, где Израиль оккупирует значительную часть сирийской земли, а США закрывают на это глаза. Вместо того чтобы поддержать арабские страны и Иран в создании эффективной системы безопасности в Персидском заливе, которая могла бы принести мир в это субрегион, в том числе и для Израиля, США предпочитают угрожать новыми атаками на Иран после его «сирианизации».

Для иранских властей попытка повторить сирийский сценарий в Иране не стала неожиданной. Иранским властям пришлось приложить серьезные усилия, чтобы убедить протестную часть населения в том, что фигуры, подобные Реза Пехлеви, неспособны организовать массовую поддержку движений протеста. Они нужны лишь для того, чтобы облегчить действия иностранныхвоенных наемников,

---

[294] Факих, Х Хин-маша-берри-иля-техран-би-заллялихи-халфият-зиярат-али-хасан-халиль (Визит Берри в Тегеран. Умиротворение последствий визита Хасана Халиля). Аль-Мудун. 19.11.2025. https://www.almodon.com/politics/2025/11/19/https://tinyurl.com/2dyf27r4 (дата обращения: 12.02. 2026). На араб. яз.

заброшенных в Иран с целью посеять хаос на улицах иранских городов, стреляя одновременно по иранским силам правопорядка и мирным гражданам. Иран смог выиграть информационную войну, сорвав планы своих противников по мобилизации широких слоев иранского населения и предотвратив их массовый выход на улицы столичных городов. В вооруженных силах и органах безопасности Ирана не наблюдалось дезертиров и перебежчиков. Это способствовало тому, что специальные службы ИРИ смогли предотвратить столкновения военных с гражданским населением и не позволили превратить мирные демонстрации протеста в кровопролитную конфронтацию, чтобы оправдать иностранное вторжение. Несмотря на непростой характер арабо-иранских отношений в решающие для Ирана дни, только финансово ангажированные персо-говорящие каналы, пытались сеять слухи о неминуемом падении режима, чтобы спровоцировать вооруженное выступление отрядов подобных «Камала-групп» 8-9 января 2026 года. Они стреляли по мирным гражданам, безуспешно пытаясь тем самым разрушить «барьер страха» и инициировать гражданскую войну в Иране. Достаточно быстро силы безопасности подавили вооруженные беспорядки и восстановили порядок в столице. Органы безопасности провели ряд разведывательных операций по обнаружению подпольных вооруженных отрядов оппозиции и арестовали их членов, окончательно ликвидировав сеть «спящих подрывных ячеек» в крупных городских центрах. Это вернуло порядок на улицы и предотвратило поддержку изнутри иностранной интервенции. Иран использовал современные технические средства и кибертехнологии, для того чтобы точечно отключить от сети Интернет ангажированных операторов, задачей которых было парализовать действия финансовых организаций и государственных учреждений страны. Военные операции зачистки сопровождались широкими дипломатическими акциями, чтобы раскрыть международной общественности суть и детали плана «иранской сирианы». После того как ситуация вошла в привычное

русло, на улицы иранских городов вышли 26 миллионов иранцев в поддержку режима[295].

Большинство американских политиков и их советники продолжают рассматривать политику Ирана и арабских стран в рамках реалистической теории, чей методологический подход предполагает, что государство под давлением должно проводить рациональную политику, ради выживания[296]. В практическом плане это означает, что Иран не может противостоять давлению США. Верховный лидер ИРИ вынужден будет пойти на значительные уступки и компромиссы в виде заключения сделки за счет отказа от ядерной программы и ракетного потенциала ИРИ, а также изменить идеологические и политические установки режима. Другими словами, Иран должен провести либеральные политические реформы, чтобы выжить после израильских и американских ударов с учетом его тяжелого экономического положения и внутренней нестабильности. Такого рода представления порождают опасные иллюзии в американской администрации в отношении Ирана и арабских государств Персидского залива.

В Иране сражается «идеологическая» армия, где КСИР служит опорой и является глубинным государством в стране. В таких армиях поведенческий стереотип офицерского корпуса определяется исламской идеологией. Верховный духовный лидер и главнокомандующий вооруженными силами представлен одним человеком. С этой точки зрения религиозная и военная легитимность А. Хаменеи находятся на высоком уровне. Он служит и защищает духовные ценности, которые отвечают религиозным и политическим представлениям большинства высшего звена офицерского корпуса КСИР ИРИ. Но именно в силу этого его эвентуальное желание реформировать Иран ограничено возможностями сохранить власть и

---

[295] Хейдар, Х. Салясат-авамиль-акасат-риханат-аль-хардж-фашль-суварна-иран (Три фактора которые обеспечили провал наших иранских революционеров). Аль-Ахбар, 27.01.2026. https://www.alakhbar.com/Newspaper%20Articles/world/877203https://tinyurl.com/4xnb6s7m (дата обращения: 29.01.2026). На араб. яз.

[296] Waltz, N. K. Theory of International Politics. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979, p. 251.

авторитет Рахбара после проведения реформ[297]. Все возможные компромиссы и уступки, либеральные реформы не являются его личным выбором или привилегией, но представляют для него экзистенциональный выбор, который неизбежно влечет за собой практические последствия. Согласно идеологической доктрине Ирана, власть и авторитет А. Хаменеи есть эманация высшей воли, а не результат собственного идеологического и политического выбора. Он осуществляет правление от имени «Скрытого Имама», которому должен передать власть после его возвращения на землю. Несомненно, за годы правления А. Хомейни усилил свою власть в абсолютной степени, установив контроль над всей системой управления страной. Иногда его решения ставятся над законом и конституцией. Тем самым он ограничил возможности маневра на переговорах[298]. С другой стороны, А. Хомейни связывают особые отношения взаимозависимости с КСИР. Сегодня КСИР контролирует 40% иранской экономики и имеет значительную долю в самых прибыльных сферах бизнеса[299]. В то же время высший командный состав КСИР выстраивает свои отношения с А. Хаменеи не в качестве его слуг, а полноценных партнеров. Их легитимация исходит не только от А. Хаменеи, но берет начало в идеалах и ценностях Исламской революции 1979 года, благодаря которой КСИР превратился из отряда обычной шиитской «охранки» численностью в 500 человек в государство в государстве. Политическая динамика баланса сил в Иране позволяет предположить следующее. Если КСИР инициирует через гражданского представителя переговоры с США, А. Хаменеи вряд ли будет препятствовать. Что и происходило на практике в феврале 2026 года. Верховный лидер достаточно опытен и умен, чтобы не понимать: если КСИР добьется успеха, то это поднимет авторитет А. Хаменеи, продлит режим его «Абсолютного Верховенства» и усилит имидж спасителя Ирана. В случае провала и начала новой

---

[297] Шадело, А. Дженагараи-дар-джонбаш-эслами 1360-1380 (Фракционность в Исламе). Тегаран, 2003, с. 664. На перс. яз.

[298] Хосрой, Г. Сиясат-ве-ходрат-дар-джамхори-эслами-иран (Власть и политика в исламской республике Иран). Тегаран, б.г.с. 620. На перс. яз.

[299] Аль-Араб. Аль-Хуррас-аль-саурий-юазиз-кабтатуха-ала-садират-аль-нафт (КСИР усиливает контроль над экспортом нефти). Аль-Араб. 19.12.2024, с. 779-789. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 20.12.2024). На араб. яз.

войны А. Хаменеи предпочтет открыто возглавить сопротивление, пусть даже ценой своей жизни. К тому же А. Хаменеи находится в возрасте 86 лет и больше думает о том, кто станет его преемником, и как он будет управлять Ираном.

В конце 2025 года Д. Трамп принял национальную стратегию безопасности, которая предполагает в отношении Ирана полное прекращение ядерной программы и уничтожение всего арсенала иранских сверзвуковых и баллистических ракет. Иран отверг эти предложения, которые подрывают его национальную безопасность. Однако Тегеран не хочет прерывать диалог с США и стремится выстраивать его на паритетной взаимовыгодной основе. Если Д. Трамп поставит Иран в положение, унижающее его национальный суверенитет за счет принятия кабальных соглашений, то Иран выберет войну. На это могут косвенно указывать особенности механизма принятия решений в конкретной ситуации, в его близком окружении. На этот раз риск для США будет куда выше по сравнению с вторжением в Ирак. Если режим в Иране падет, возникнет вакуум безопасности в регионе, который быстро заполнится радикальным элементом, который будет представлять опасность для арабских монархий Персидского залива, а также для Израиля.

§ 3. Перспективы арабо-иранских отношений: региональное и международное измерения

В параграфе третьем исследуются перспективы нормализации ирано-арабских отношений под влиянием результатов ирано-израильской войны и изменения геополитической ситуации в регионе, прежде всего, политики Израиля и США на Ближнем Востоке. Отмечено, что важным итогом ирано-израильской войны стало выявление новой динамики международных отношений на Ближнем Востоке. Констатировано, что быстрый ответ арабских стран на агрессию Израиля и США в поддержку Ирана показал общую обеспокоенность региональной дестабилизацией и обозначил меняющийся баланс интересов на разных полюсах Арабского мира при общем стремлении защититься от угрозы новых военных

рисков. Война показала, насколько понятия дружбы и вражды оказались недолговечными в условиях военных рисков. Высказано предположение, что в результате складывающейся новой ситуации в регионе и под влиянием внутриполитических проблем в Иране может измениться его арабская политика, что создаст предпосылки для улучшения арабо-иранских отношений.

Новый курс в арабо-иранских отношениях стал результатом пересмотра характера угроз арабскими странами и, прежде всего, арабскими монархиями Персидского залива под влиянием ирано-израильской войны 2025 года. Ирано-израильская война 2025 года ознаменовала критическое переосмысление странами ССАГПЗ своих прежних подходов к отношению с Ираном. Война усилила убежденность арабских монархий в правильности курса на нормализацию с Ираном. Основными направлениями арабо-иранских отношений после войны 2025 года становится движение в сторону нормализации и стабильности и отказ от конфронтации и враждебности. Одновременно усиливается общая арабо-иранская обеспокоенность гегемонистскими амбициями Израиля. В результате арабские монархии начинают по-новому оценивать курс на нормализацию отношений с Израилем и осторожно сближаться с Тегераном.

Под влиянием начавшегося в 2023 году процесса ирано-саудовской нормализации ССАГПЗ стал дрейфовать в сторону снятия напряженности в отношениях с ИРИ. Саудовская Аравия стремилась сохранить отношения с Ираном, которые были восстановлены в 2023 году. Эр-Рияд осудил израильские атаки по Ирану, расширив на самом высоком уровне контакты с Тегераном. С учетом достигнутой в марте 2023 года нормализации в отношениях с ИРИ и курсом на экономическую диверсификацию Саудовская Аравия старалась придать политике США более умеренный характер и выступить контрбалансом агрессивным планам Израиля в отношении Тегерана. КСА и ИРИ вернулись к соглашению по вопросам безопасности от 17 апреля 2001 года. В соглашении говорилось о вопросах безопасности границ в Заливе, меньшинствах, нефтепромыслах и нефтехранилищах, борьбе с террором в Йемене. Такое количество задач ставило под сомнение успех переговоров ИРИ и КСА по

активизации этого соглашения. Еще в ноябре 2024 года начальник Генштаба КСА Файяд бин Хамад аль-Рувейли посетил Тегеран для обсуждения перспектив возобновления сотрудничества по вопросам безопасности. Иран и Саудовская Аравия имели разные взгляды по вопросам безопасности в регионе, в частности присутствия американских войск, войны в Йемене и меньшинствам. Телефонный разговор между наследным принцем М. Сальманом и начальником Генерального штаба ИРИ Мохаммедом аль-Богери еще раз подтвердил трудности сотрудничества двух стран в вопросах безопасности. Однако в ходе телефонного разговора М. Богери 30 ноября 2023 года с саудовскими коллегами иранец выразил желание и готовность сотрудничать в вопросах совместной обороны и безопасности. В середине августа 2023 года в Москве состоялась встреча между военными представителями ИРИ и КСА в раках форума «Армия 2023». В июне 2023 года командующий ВМС ИРИ Шахрам Ирани заявил о желании ИРИ, КСА и трех арабских монархий Персидского залива заключить морской союз, к которому могли присоединиться Индия и Пакистан. 22 октября 2024 года Саудовская Аравия предложила Ирану провести совместные учения в Красном море. Учения были отложены якобы из-за того, что им планировалось придать более широкий характер[300]. Визит министра иностранных дел ИРИ в июле 2025 года в КСА (Джидда) продемонстрировал стремление обеих сторон к продолжению диалога, несмотря на одностороннюю политику Ирана, в обеспечении своей безопасности. В начале декабря 2025 года состоялась серия визитов саудовских и турецких представителей в Тегеран. Основной задачей переговоров с иранским руководством стало стремление Саудовской Аравии и Турции удержать ситуацию от скатывания к войне и наладить сотрудничество с Тегераном. Поводом к обмену визитами послужило осознание того, что Израиль намерен продолжить военные действия против Ирана при поддержке США. Министр иностранных дел Турции Х. Фидан прямо заявил о подобных планах Израиля и США, сославшись на

[300] Хамуд. Ю. Ликаат-ва-иттисалят.Кейфа-татавварат-алякат-аль-саудийя-ва-иран-аскарийя. (Встречи и переговоры. Как развиваются ирано-саудовские связи в военных вопросах). Аль-Халидж Ньюз.11.11.2024. https://alkhaleejonline.news/https://khaleej.online/paZM79) (дата обращения: 09.11.2025) (на араб. яз).

проверенные разведданные турецкой и египетской разведок. Наследный принц М. бин Сальман дал ясно понять, что КСА не может допустить, чтобы в результате израильской военной авантюры регион вновь погрузился в хаос. Саудовская Аравия боится потерять те немалые финансовые вложения. которые она недавно сделала в развитие Средиземноморского побережья Сирии. Он также отметил, что КСА заинтересовано в координации усилий с Тегераном, чтобы не допустить новой военной авантюры Израиля и США в отношении Тегерана. Одновременно, Саудовская Аравия рассчитывает усилить свои региональные позиции и укрепить отношения с США. КСА надеется, что в этом случае США не позволят Израилю и дальше военным путем распространять свое влияние в регионе. Анкара опасается, что новая ирано-израильская война непременно затронет Сирию, что окончательно обострит ситуацию в САР. Турция полагает, что в этом случае баланс сил в регионе изменится не в ее пользу. Иран на протяжении 13 лет вкладывал немалые средства в Сирию и не собирается молча наблюдать, как Турция пользуется плодами его трудов [301] . Глава комитета по безопасности и внешней политике иранского парламента Х. Фалахатпишех сообщил, что сирийский долг Ирану составляет от 20 до 30 млрд. долларов США. Просочившиеся в СМИ документы из администрации иранского президента, датированные 2023 годом, свидетельствуют, что Иран затратил около 50 млрд долларов на поддержку аль-Асада. Аль-Асад гарантировал оплату лишь 18 млрд долларов, пообещав предоставить ИРИ несколько преференциальных инвестиционных и строительных проектов. Сделка не была оформлена юридически. Не были заключены двусторонние контракты и договоры.

Основные расхождения между Ираном и странами ССАГПЗ фокусируются сегодня на решении задачи, как совместить иранские озабоченности собственной безопасностью с курсом арабских монархий на построение экономически центрированной модели взаимоотношений государств Персидского залива. Для КСА курс на экономическую стабильность приоритетен. В то же время Израиль

[301]Аллюш М. Халь-юляд-тахалюф-аль-дарура-бейна-анкара-ва-аль-рияд-ва-тахран-ли-муваджаха-аль-газву. Эль-Нашра. 02.12.2025.https://www.elnashra.com/news/show/1752448 (дата обращения: 12.02.2026). На араб. яз.

настроен на конфронтацию, невзирая на любые экономические потрясения. Поэтому КСА все больше приходит к выводу о несовместимости суннито-израильского альянса с долговременной политической повесткой королевства. Встречи наследного принца КСА М. Бин Сальмана и иранских официальных представителей свидетельствовали о стремлении обеих стран поддержать отношения и избежать эскалации. КСА стремилась уйти от поляризации между арабскими монархиями и арабскими государствами Машрика в отношении Ирана. Катар незамедлительно проявил готовность к диалогу с Ираном по вопросам деэскалации. Реакция Катара была типичной для небольших государств, которые стремятся таким образом защитить свой суверенитет и избежать внутренних обострений. Реакция ведущих арабских телеканалов типа «Аль-Джазира» осуждала планы Израиля сменить власть в Иране, подчеркивая опасность хаоса в регионе, что показывало готовность Катара к диалогу с Ираном и курс на политическое разрешение конфликта. Позиция ОАЭ демонстрировала готовность к диалогу и посреднической миссии. Абу-даби осудили обе стороны конфликта, продемонстрировав свою независимую позицию, что на практике означало стремление повысить свой статус в региональной политике. Подход ОАЭ показал, что они не хотят ни иранского верховенства, ни израильского гегемонизма в регионе. Выступают за региональную стабильность в экономических интересах Абу-даби. Примерно такую же позицию заняли Кувейт, Оман и Бахрейн, исходя из их последовательной внешней политики и соображений безопасности. Кувейт, который выступил резко против отношений с Израилем, усилил контакты с Ираном в рамках региональной дипломатии. Оман продемонстрировал, что даже в условиях обострения готов играть посредническую роль между Ираном и США и таким образом прийти к мирному разрешению конфликта. Оман и Катар развернули активную посредническую деятельность в отношении США, чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности. Бахрейн готовился к восстановлению отношений с Тегераном.

СМИ Омана писали о праве Ирана на ответный удар и осуждали Израиль, одновременно призывая Бахрейн пересмотреть свои отношения с Израилем с точки

зрения деэскалации в Заливе. Экономические отношения между Оманом и Ираном стремительно развиваются. За первые 5 месяцев 2025 года прирост взаимного товарооборота составил 1 153 млрд долларов, что на 11% больше, чем за тот же период прошлого года. Ежегодно иранский экспорт в Оман превышает 780 млн долларов США, что составляет 16% прироста. К марту 2026 года обе страны прогнозируют рост товарооборота на 2,5 млрд долларов. Иранский реэкспорт в Африку через Оман составил в 2025 году около 500 млн долларов, несмотря на попытки США ограничить торговые отношения двух стран путем наложения санкций на ряд финансовых и экономических организаций Омана, связанных с Ираном. Особые соглашения Омана с Ираном по вопросам безопасности Ормузского пролива и торговли энергоносителями обеспечивают особые условия двусторонних экономических отношений. Обе страны стремятся к превращению Омана в крупный торговый и логистической центр в Индийском океане с использованием порта Дукум. Развитию двусторонней связей способствует Соглашение о преференциальной торговле и активная работа в рамках совместной торгово-технической комиссии. Упор делается на развитие совместных предприятий за пределами санкционных ограничений в области производства строительных материалов, медицинского оборудования и лекарственных препаратов, продуктов питания. В результате за последние три года торговая активность по линии портов Сахар (Оман) и Бандер Аббас выросла на 94%[302]. Рост посреднической роли стран ССАГПЗ как гаранта демонстрировал большую независимость арабских монархий в вопросах региональной политики. Арабские монархии осознали необходимость более тесной координации в вопросах безопасности, необходимость поддержания постоянных дипломатических контактов с Ираном в условиях курса Израиля на конфронтацию, который не отвечал интересам стран ССАГПЗ. Конфликт показал общее стремление арабских

[302] Рамадан, К. Ширака-оман-ва-иран-туваджиху-тахаддият-аль-укабат-аля-тахран (Ирано-оманское сотрудничество противостоит санкционному режиму в отношении ИРИ). Аль-Араби. 20.11.2025. https://www.alaraby.co.uk/economy/https://tinyurl.com/y2tmyk3k (дата обращения: 24.11.2025). На араб. яз.

стран к дипломатии и экономической стабильности в двусторонних арабо-иранских отношениях.

Иран поддержал дипломатические и посреднические усилия стран ССАГПЗ. Благополучие арабских монархий и Ирана во многом зависит от нефтяных доходов и ситуации на мировых рынках нефти. В силу своей зависимости от отношений Ирана с США страны ССАГПЗ стремятся вернуть вопросы энергетической безопасности в русло цивилизованных дипломатических отношений. В этой связи страны ССАГПЗ стали задумываться о координации своих действий с Ираном по стабилизации нефтяных рынков. Разрабатывались планы создания совместно с Ираном ядреного консорциума, который бы запустил процесс сотрудничества в гражданской сфере, что укрепило бы взаимное доверие[303].

Важнейшим уроком войны 2025 года стало стремление стран ССАГПЗ модернизировать собственную систему воздушной безопасности. На практике эти планы косвенно могли сказаться на улучшении отношений с Ираном. Конфликты низкой интенсивности стали приметой сегодняшнего дня. Страна, которая обладает необходимыми навыками их ведения, может обеспечивать безопасность в субрегионе Персидского залива. Возможности Ирана сочетать современные средства кибервойн с использованием инструмента милиций позволили ему осуществить свои планы в ряде стран Персидского залива без прямого военного вторжения. Использование Ираном милиционных отрядов в разных странах позволило легко проникать за пределы национальных границ суверенных арабских стран. В странах ССАГПЗ пока не выстроен механизм противодействия и борьбы с этой угрозой. События лета 2025 года показали, что негосударственные акторы могут одновременно служить полезным инструментом проникновения на чужую территорию и становиться дестабилизирующим фактором в случае утраты централизованного контроля над ними.

---

[303] Sons, S. Beyond by standing: The 12-Day War and its impact on Gulf-European cooperation. Business International Center. 2025. https://www.bic-rhr.com/research/beyond-bystanding-12-day-war-and-its-impact-gulf-europeancooperation; https://tinyurl.com/3wfa6m9y. Pp.791-795 (accessed, 16.03.2026).

Новая эра арабской политики Тегерана обусловлена группой факторов. Историческое наследие арабо-иранских отношений в преимущественно суннитском регионе усиливало чувство уязвимости и угрозы, которое в концептуальном плане институализировалось в виде интервенционистских настроений в политике. Иран был постоянно озабочен сохранением благоприятного баланса сил, которой исключал бы угрозу его национальной безопасности и суверенитету со стороны любого международного игрока на Ближнем Востоке. Ослабление иранских позиций и боевой мощи сил ИС заставляют Иран пересматривать свою прежнюю стратегию в условиях международного давления и частичной потери имиджа в регионе. Тактический ответ ИРИ заключается не столько в поддержании военной мощи Ирана, сколько в поиске иных инструментов внешней политики. Большинство ближневосточных государств устало от нескончаемой вооруженной конфронтации и делает выбор в пользу новых инструментов экономического сотрудничества и технологической интеграции. Исключительная опора ИРИ на инструмент военной силы рассматривается региональными державами как фактор опасности и риска. Тегеран рискует ускорить процесс создания новых альянсов в стане своих потенциальных конкурентов. В то же время, наряду с распространением сети шиитских милиций Иран создал несколько альянсов с региональными и мировыми державами, прежде всего с Россией, Китаем, Венесуэлой. Иран подписал долгосрочные договора о сотрудничестве с Китаем и Венесуэлой, соглашение об экономическом партнерстве с ЕВРАЗЕС, вступил в Шанхайскую организацию сотрудничества, стал членом БРИКС[304]. За последние 10 лет объем товарооборота между РФ и ИРИ удвоился и достиг 5 млрд долларов США. Тегеран активизировал сотрудничество в регионе с Россией, чтобы компенсировать потери за счет взаимовыгодных экономических военных контрактов.

---

[304] Хамуд. Ю. 2024. Ликаат-ва-иттисалят.кейфа-татавварат-алякат-аль-саудийя-ва-иран-аскарийя (Встречи и переговоры. Как развиваются ирано-саудовские связи в военных вопросах). Аль-Халидж Онлайн. 11.11.2024. https://alkhaleejonline.news; https://khaleej.online/paZM79) (дата обращения: 12.11.2024) (на араб. яз).

С другой стороны, как долго может Тегеран обеспечивать баланс между его политическими и идеологическими амбициями и внутриполитическим вызовом? Растущие проблемы в экономике, усиливающееся протестное движение, мистические ожидания «Дня после Хаменеи» рано или поздно могут вызвать политический кризис в стране. По сравнению с поколением революционеров 1979 года новая генерация иранцев уже не так привержена прежним идеологическим догмам. Данный факт был ясно продемонстрирован в ходе последних выборных кампаний в парламент и местные органы управления, когда многие граждане Ирана продемонстрировали разочарование внешней политикой, которая, как они считали, негативно отражалась на их социальном благополучии. Внутриполитическая ситуация в Иране ставит вопрос о судьбе протестного движения. В 2022 году экономическое положение в стране было не столь тяжелым, а иранская внешняя политика была еще на подъеме. Триггером протестов 2026 года в Иране послужила его внешняя политика. Большинство участников протестов считали, что основной причиной тяжелого социально-экономического положения служит неэффективная внешняя политика ИРИ. В этой связи, главным вопросом является способность иранского режима к самообновлению и насколько он пользуется поддержкой населения. В отличие от революции 1979 года реакция Запада больше не служит элементом сплочения общества, но может заставить правительство провести частичные экономические реформы. С другой стороны, в военном отношении Иран чувствует себя достаточно уверенно. Тегеран рассчитывает на политическую и военную поддержку России, которая выступает против смены власти в Иране и эскалации напряженности в регионе. КСА также не хочет смены иранского режима, так как боится, что это затронет безопасность королевства. Иранские руководители надеются, что президент США предпочтет договориться с Россией по Украине, что сулит куда большие политические дивиденды, чем сомнительная военная операция против Ирана с непредсказуемыми последствиями для политического авторитета Д. Трампа. Действительно, регион находится под гнетом постоянной угрозы со стороны Израиля, США и новой войны с Ираном. Это стало особенно явным после сделанных президентом США заявлений о болезни Верховного лидера ИРИ и

необходимости смены режима в Иране. Однако, в отличие от правительства Б. Нетаньяху, администрация Д. Трампа ведет более сбалансированную политику в отношении Ирана. За счет угроз санкциями и военных ударов по Ирану Д. Трамп хочет вернуть американскую гегемонию на Ближнем Востоке, не прибегая пока к военным действиям. Б. Нетаньяху и его окружение стремятся начать войну. В Израиле крайне правые силы считают, что раскол ближневосточных стран будет способствовать продолжению существования Израиля в превосходящем арабо-мусульманском окружении на долгие годы вперед. С другой стороны, в военном и экономическом отношении Израиль полностью зависит от США. За счет создания Совета мира, США контролируют деятельность Израиля в Газе и в Сирии, где Д. Трамп остановил израильскую интервенцию в районы под контролем СДС. Конфликт американо-израильских интересов еще больше усложняет ситуацию вокруг Ирана. Налаживание отношений с арабскими странами, достижение внутреннего баланса и сохранение единства – это сегодня основные задачи, которые стоят перед внешней политикой Тегерана. Несмотря на сохраняющуюся напряженность в ирано-арабских отношениях, у Тегерана есть некоторые шансы остаться активным участником арабской политики и потенциальным противовесом ключевым региональным игрокам. Характер отношений ИРИ с арабскими странами в значительной мере определяется динамикой межарабских отношений, лейтмотивом которых сегодня является поддержание региональной стабильности. Эта роль может быть усилена, если Ирану удастся сбалансировать свои отношения со странами Персидского залива и, наконец, выйти из международной изоляции. Однако, если военный конфликт продлится, Иран может настолько ослабеть, что станет неактуальным для арабской и региональной политики. Независимо от того, насколько сложным будет процесс выстраивания новых отношений Ирана с арабскими странами, арабская перспектива Ирана в регионе во многом зависит от того, удастся ли Тегерану достичь международного соглашения по ядерной проблеме. После войны 2025 года этот вопрос становится не только фактором политического престижа, но прежде всего условием выживания иранской государственности.

Глава 7.
Политика России в Сирии и российско-иранское взаимодействие в условиях сирийского кризиса и смены власти в САР в контексте российской перспективы на Ближнем Востоке

Необходимость написания данной главы диссертационного исследования была продиктована рядом важных обстоятельств. Неизбежная для России включенность в процесс формирования новой системы международных отношений определяет ее практическое участие в событиях на Ближнем Востоке. Соперничество мировых держав на Ближнем Востоке в контексте украинского кризиса играет важную роль в определении российских политических приоритетов в регионе. Российская перспектива на Ближнем Востоке во многом обусловлена имеющимися у Москвы ресурсами и политикой региональных стран. В этих условиях Россия закрепляет долгосрочный характер отношений с региональными державами и расширяет свое присутствие в регионе, чтобы иметь возможность менять региональную политическую динамику в свою пользу.

Россия проводит активную политику на Ближнем Востоке и развивает конструктивные отношения с ведущими региональными и мировыми державами региона. Отношения с арабскими странами и Ираном являются приоритетными объектами внимания российской дипломатии. Дамаск традиционно связывают с Москвой отношения дружбы и партнерства, которые основаны на схожести позиций по основным мировым и региональным проблемам, взаимных экономических интересах. Российско-иранские отношения насчитывают более 500 лет и отличаются характером стратегического партнерства не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии и Закавказье.

Не абсолютизируя фактор Сирии и Ирана в ближневосточной политике России, можно сделать следующее предположение. Одним из возможных путей укрепления политических позиций России в регионе служит задействование того потенциала, который Москва, Дамаск и Тегеран накопили в ходе испытанного

десятилетиями двустороннего сотрудничества в политической, военно-технической и экономической областях. В отличие от других мировых держав Россия искренне заинтересована в нормализации арабо-иранских отношений как стабилизирующем факторе на Ближнем Востоке. Эскалация напряженности является не только предметом пристального внимания внешней политики России, но затрагивает вопросы национально-государственной безопасности Российской Федерации, поскольку ближневосточные государства и Россия делят одно геополитическое пространство[305].

В то же время складывающаяся сегодня в регионе ситуация является как для России, так и для Сирии и Ирана весьма непростой и даже потенциально опасной. В этих условиях ближневосточная политика России приобретает новые измерения. Наряду с гуманитарными, культурными аспектами развития отношений с ближневосточными государствами, особое значение имеет задача сохранения и укрепления на Ближнем Востоке надежных военных, экономических, политических позиций России. С этой точки зрения исследование характера российско-иранского сотрудничества и перспектив развития отношений Москвы с Дамаском приобретает особую значимость и актуальность.

К тому же проблемы российско-иранского взаимодействия в условиях кризиса, смены власти в Сирии, ее последствия, политика нового сирийского режима, его отношения с Россией, до сих пор не получили комплексного научного осмысления в отечественном востоковедении.

§ 1. Особенности российско-иранского взаимодействия в условиях сирийского кризиса

В параграфе первом исследован характер взаимодействия России и Ирана в условиях сирийского конфликта, особенно в сфере политики и безопасности. Особое внимание уделено оценке некоторых расхождений между Москвой и

[305] Ахмедов В.М. Российско-сирийские отношения в условиях международной нестабильности на Ближнем Востоке. М.: Институт Востоковедения, 2024, с. 390.

Тегераном в методах и средствах разрешения сирийского кризиса, выявлены различия в подходах к выстраиванию взаимоотношений с сирийским режимом с точки зрения их возможного влияния на характер отношений Москвы и Тегерана. Показано, что, в целом, российско-иранские противоречия в САР не носили конфронтационного характера. Москва и Тегеран практиковали общий военно-политический подход в сирийском кризисе.

На протяжении последних десятилетий Сирия играла важную роль в политике России и Ирана на Ближнем Востоке. Россию связывали с Сирией давние отношения дружбы и сотрудничества. Их пик пришелся на последнюю треть XX столетия. После прихода к власти Хафеза аль-Асада в ноябре 1970 года Сирия превратилась в основного союзника России на Ближнем Востоке. В этот же период началось активное сближение ИРИ с САР.

Сирийский кризис и его последствия стали серьезным вызовом для современной ближневосточной политики России и Ирана. С начала событий в марте 2011 года Москва поддержала режим Б. аль-Асада, но в отличие от Ирана не направляла свои вооруженные силы сражаться в САР. В конце 2015 года исход сражений с оппозицией стал складываться не в пользу аль-Асада. Основной арабский партнер России на Ближнем Востоке столкнулся с реальной угрозой краха.

Группа факторов, обусловленных соображениями геополитического порядка и интересами национальной безопасности, оказала влияние на принятие Москвой решения направить свои вооруженные силы в Сирию. Несмотря на очевидную динамику ближневосточной политики России, она осуществлялась в русле традиционных внешнеполитических установок. Россия стремилась сбалансировать отношения с государствами региона, прежде всего Турцией и Ираном, с тем чтобы предотвратить распространение радикальных настроений в российские регионы с преимущественно мусульманским населением.

Дипломатические инициативы Москвы по прекращению огня и созданию совместно с Ираном и Турцией зон деэскалации в сочетании с военными операциями сыграли решающую роль в сохранении власти аль-Асада. Они

способствовали укреплению контроля над значительной частью сирийской территории. Участие ВКС РФ в сирийском конфликте стало кульминацией российского выхода силой на Ближний Восток, который был частью плана Москвы по возвращению на мировую шахматную доску в качестве ведущего игрока.

В условиях сирийского конфликта Москва оказалась втянутой в большую региональную игру с участием США, Израиля, Ирана и Турции. На рубеже 2023-2024 годов Россия и Иран оказались перед лицом опасных вызовов на Ближнем Востоке и в Сирии, в частности, которые формировали новые подходы в ближневосточной политике двух стран.

Российско-иранские отношения в САР представляли собой сложную мозаику интересов в регионе Ближнего Востока. С момента начала сирийских событий Исламская республика Иран (ИРИ) оказала финансовую и военно-техническую поддержку сирийскому режиму [306] . Как было показано выше, иранская поддержка позволила добиться определенных успехов. Однако этого оказалось недостаточным для того, чтобы сохранить режима аль-Асада.

До ввода российских войск в Сирию была проведена серия встреч между российскими и иранскими представителями. Выработан общий алгоритм поддержки сирийского режима. В январе 2015 г. состоялась встреча советника А. Хаменеи по внешней политике ИРИ А. Велаяти с президентом и министром обороны России в Москве, в ходе которой А. Велаяти передал российскому руководству письменное послание А. Хаменеи. Накануне этого визита в Москву в Тегеране прошло несколько встреч между министром обороны России с его иранским коллегой о заключении второго соглашения между ИРИ и РФ о военно-техническом сотрудничестве (ВТС)[307] .

В марте 2015 г. К. Сулеймани встретился с министром иностранных дел России С. Лавровым в Иране. Россия с озабоченностью восприняла информацию иранцев об укреплении позиций сирийских отрядов оппозиции на северо-западе и

[306]Ansari, A, Understanding Iran’s Role in the Syrian Conflict. London: Royal United Services Institute, 2016. https://tinyurl.com/4kx96c5n. Pp. 1-6 (accessed: 12.09.2025).
[307] Muhsen Abu al-Nour, Muhammad, Implications of the Russian Intervention on Iran’s Role in Syria, International Politics, 11.05. 2016, pp. 1-6.

юге САР и наступлении «ИГ» на северо-востоке страны. После захвата «ИГ» Пальмиры в мае 2015 г. подконтрольные режиму территории заметно сократились. Тегеран считал неизбежным падение режима и раскол Сирии. В 20-х числах июля 2015 г. К. Сулеймани добился неофициальной встречи с президентом и министром обороны России в Москве, на которой, по некоторым данным, обсуждались вопросы координации совместных военных операций в САР. В сентябре 2015 года Москва заявила о создании оперативного центра в Багдаде совместно с ИРИ, Ираком и САР для обмена информацией и координации действий по разработке операций против «ИГ» на границе САР с Ираком. В результате совместных российско-иранских операций были образованны военные формирования за рамками сирийских правительственных войск под российским командованием. Практически все операции планировались и проводились с участием российских военных.

На базе Хмеймим был создан совместный центр оперативного командования, куда вошел ряд сирийских спецподразделений, КСИР, «Хезболла», корпус «аль-Кодс», отряды сил национальной обороны. Глава Совета национальной безопасности (СНБ) ИРИ А. Шамхани и генерал К. Сулеймани играли важную роль координатора по связям между РФ и ИРИ в военных вопросах. При поддержке российской авиации и массированном наземном наступлении иранских сил Москве и Тегерану достаточно быстро удалось очистить от вооруженных повстанцев прибрежные районы Сирии и установить контроль над восточными районами Алеппо [308] . Постепенно Россия и ИРИ приобрели необходимый опыт взаимодействия в тактических вопросах и смогли извлекать выгоду из особых отношений с сирийским режимом. Это улучшило способность двух стран справляться с потенциально конфликтными ситуациями, которые росли по мере развития сирийского кризиса.

Москва не разделяла иранскую идею укрепления «оси исламского сопротивления» против Израиля. Россия была обеспокоена активными попытками

[308] Omran for Strategic Studies. Challenges of the Syrian Opposition after the Loss of Aleppo and “Moscow Declaration, 26.12.2019. https://goo.gl/2ZwVda, pp. 1-37 (accessed: 15.12.2025).

Тегерана вмешиваться в механизм работы сирийских органов безопасности. Российские военные не приветствовали действия КСИР по созданию в составе сирийской армии проиранских подразделений, личный состав которых индокринировался на религиозной основе. Обилие шиитских милиций в САР, находившихся под контролем Ирана, осложняло усилия России по налаживанию политического транзита в Сирии.

Москва последовательно выступала за сохранение светского характера сирийских силовых структур. Россия отрицала саму возможность создания на сирийской территории конфессиональных анклавов. Москва настороженно относилась к шиитским милициям, их роли в вооруженном конфликте. Россия стремилась к подготовке и созданию единых и профессиональных сирийских вооруженных сил. Россия имела давние отношения с сирийскими военными, многие из которых прошли обучение в СССР/РФ. С начала кризиса Россия поддерживала сирийских военных необходимым снаряжением и обеспечивала советническую помощь.

После начала операции ВКС Россия предприняла усилия по реструктуризации сирийских вооруженных сил. Российские военные отобрали группу сирийских офицеров, которых прикрепили к базе Хмеймим. Москва оказала нажим на режим, побудив его провести серию перестановок в руководстве армии и спецслужб, с целью избавиться от тех офицеров, которые не хотели сотрудничать с Москвой и симпатизировали Ирану. Важным шагом России в деле перестройки сирийских вооруженных сил стало создания ряда новых армейских подразделений из сирийских добровольцев и раскаявшихся дизертиров (суннитов). Вновь созданные корпуса находились фактически под российским командованием. Отличались численным составом, вооружением, дислокацией. Москва помогла сирийскому режиму создать 25-ю специальную бригаду под командованием Сухейля аль-Хасана, 5-й корпус под командованием Зейда Салеха. Военная помощь Ирана носила дозированный характер. Она ограничивалась поставкой

нескольких БМП и легкого вооружения. Иран стремился к укреплению своего влияния в Халебе, Хомсе и Дейр аль-Зоре, пограничных с Ливаном районах[309].

Москва была вынуждена принять более решительные меры по укреплению своего влияния в САР. Россия инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырех основных сирийских спецслужб. В то же время политика, которую Иран проводил в Сирии на протяжении последних лет, позволила ему создать серьезные заделы в ряде сирийских спецподразделений и негосударственных вооруженных формирований. В сложившихся обстоятельствах Иран прибег к стратегии переформатирования своих сил и созданию локальных временных союзов. Это позволило Тегерану глубоко интегрироваться в армию и силы безопасности САР. Стратегия ИРИ в сирийском кризисе перешла в новую фазу, которая характеризовалась вербовкой лояльных правящему режиму сирийцев в вооруженные формирования, которые действовали под прямым административным и оперативным контролем КСИР[310].

Москва предприняла решительные меры по восстановлению своего влияния в сирийских силовых структурах. Летом 2019 г. начальник Управления контрразведки военно-воздушных сил (ВВС) САР генерал-майор Джамиль аль-Хасан был внезапно снят со своего поста. Это произошло в результате провала его переговоров с израильтянами, которые он проводил по инициативе российских военных в конце июня 2019 г. вместе с рядом высших офицеров из состава 5-го корпуса сирийской армии[311]. Отставка Джамиля аль-Хасана стала звеном в перестановках в высшем руководстве сирийских спецслужб. Они проводились по инициативе России и с одобрения Б. аль-Асада. В отличие от России, Иран стремился усилить свои позиции в коридорах сирийской власти, что не

---

[309]Sinan, H. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, 03.08.2019. https://syria.chathamhouse.org/research/russia-and-iran-economi c-influence-in-syria; https://tinyurl.com/46rvs39z, pp. 1-24 (accessed: 24.11.2025).

[310] Al-Tamimi. A.J. Administrative Decisions on Local Defence Forces Personnel: Translation & Analysis. 3-5-2017. https://goo.gl/ngXYKc; https://goo.gl/ngXYKc; https://tinyurl.com/2t83kvtn, pp. 1-13 (accessed: 18.02.2025).

[311]Аль-Нахас, С. Аль-мамлюк-ва-кадат-истихбарат-аль-джудуд-русия-таннахи-хиссат-аль-асад (Аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада. Аль-Араб. 08.07.2019. https://bit.ly/2JpNnfM (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.

предполагало укрепление сирийской государственности. После 2020 года Москва активизировала усилия в проведении наземных операций против оппозиции, которые раньше считались исключительной прерогативой Ирана[312]. В 2021 году Россия добилась отставки иранского ставленника генерала Джавада Гофари[313]. Был отправлен в отставку генерал-майор Диб Зэйтун с поста начальника Управления военной контрразведки ВС САР (УВКР), который считался близким другом и соратником сирийского президента. На этом посту его заменил генерал-майор Хуссам Лука. Список лиц, подлежащих увольнению, был составлен российскими военными летом 2019 г. и доложен президенту Б. аль-Асаду. После этого состоялась закрытая встреча российских представителей с группой упомянутых в этом списке высших офицеров Генерального штаба ВС САР и ключевых служб безопасности, включая начальника Бюро Национальной Безопасности САР (БНБ) генерала Али Мамлюка.

Россия сталкивалась с известными сложностями в проведении глубокой зачистки сирийских органов безопасности от сторонников Ирана. Россия скорее могла осуществить частичные реформы паллиативного характера, заменяя уволенных офицеров «временщиками», которые никогда бы не могли занять высокие посты в сирийских силовых структурах без поддержки Москвы.

Россия и Иран оказали Дамаску большую военно-техническую, финансовую и гуманитарную помощь вплоть до прямой военной поддержки сирийского правительства. Б. аль-Асад умело использовал своих союзников в лице Ирана и России и манипулировал их заинтересованностью в поддержке его режима. Пока Москва и Тегеран выступали гарантами выживаемости режима, сирийский президент обеспечивал своим союзником высокую планку влияния в Сирии и происходящих в ней событиях. В условиях кризиса, Б. аль-Асад не обладал

---

[312]Аль-Арабийя.Росейя-иран-ра-аз-миядин-нафт-ве-газ-сорайя-бирон-кард (Россия удаляет Иран из нефтегазовых районов САР). Аль-Арабийя. 14.03.2021. https://B2n.ir/mh5752; https://B2n.ir/mh5752;https://tinyurl.com/yh4rk8nk (дата обращения: 19.10.2025). На перс. яз.

[313] РадиоФарда. Делиль-ахарадж-джавад-гафари-аз-сорайя-ахтелаф-ба-россейя-буд (Причины отставки Джавада Гофори и его отъезда из Сирии – расхождения с Россией). Радио Фарда. 15.03.2021. https://www.radiofarda.com/a/alarabia-javad-ghafari-expel-syria/31573692.html; https://tinyurl.com/2eymv4um (дата обращения: 12.04.2022). На перс. яз.

безусловным контролем над армией и принимаемыми решениями. Он был вынужден разделять его со своими союзниками Ираном и Россией.

Москва и Тегеран соперничали в кадровых вопросах назначения на командные должности в армии и спецслужбах. Постепенно Россия и Иран стали иметь отдельные аэродромы и взлетные полосы на территории Сирии, фактически полностью контролировать наиболее боеспособные формирования. Б. аль-Асад мог принять самостоятельное решение без консультаций с Москвой и Тегераном о начале масштабной военной операции. Однако он опасался, что не сможет успешно завершить ее. Поэтому решения подобного рода принимались им с оглядкой на мнение России и ИРИ. При этом Б. аль-Асад имел определенную свободу действий в решении ключевых вопросов внутренней и внешней политики Сирии. Не без участия Ирана Б. аль-Асад стремился ослабить влияние России на Сирийскую арабскую армию (САА). В свое время Москва содействовала назначению бригадного генерала Асефа Дикра во главе 293 отдела, который отвечал за все назначения и перемещения по службе в САА. А. Дикр пять лет учился в России и свободно говорил по-русски. Однако он был смещен со своего поста в результате спровоцированного конфликта с группой офицеров САА. Аналогичная судьба постигла генерала Заида Салеха, главу комиссии по безопасности в Идлибе. Он был уволен с военной службы в январе 2021 года. В феврале лишился своего поста другой протеже Москвы. Генерал Низар Ходер, который был назначен на должность командующего 17 дивизией в декабре 2020 и был заменен алавитом Хейсамом Баракатом через неполные три месяца пребывания в должности. Б. аль-Асад стремился контролировать любые подходы Москвы и Тегерана к сирийским спецслужбам, особенно Военному бюро и личному офису в Президентском дворце. В сентябре 2021 г. Б. аль-Асад расформировал отряд «Арабских воинов» из состава НСО, которые были созданы Ираном в 2013 году. С тех пор иранские военные стали регулярно наезжать в САР, обнаруживая отсутствие своих протеже в армии.

Одновременно, Б. аль-Асад удалил несколько отрядов шиитских милиций из рядов регулярной армии, отправив их в Ливию и на восток САР[314].

Москва обладала решающим словом в силовых структурах САР и имела возможность вмешиваться на командном уровне в механизм принятия решений в армии и спецслужбах. Однако этот приоритет Москвы соотносится исключительно с влиянием Ирана на сирийские силовые структуры. Москва была вынуждена считаться с присутствием на сирийской территории вооруженных отрядов под контролем Ирана. Россия не располагала достаточным числом полевых сил и делала упор на ракетно-космическое вооружение, авиацию и артиллерию. Иран обладал большим числом формирований, которые сражались на земле. Практически в каждом подразделении находились советники из ИРИ и «Хезболлы».

В отличие от Ирана, Россия была ограничена в выборе средств мобилизации местных игроков на поле сирийского кризиса. Москва не могла использовать религиозные инструменты мобилизации местных сил. Несмотря на это российские военные пытались привлечь некоторые милицейские отряды. Они установили контакты с бригадой аль-Кодс, христианскими милициями, отрядами бывших оппозиционных сил в Деръа.

Наиболее ярко российско-иранское соперничество проявилось в провинции Деръа. После подписания соглашения оппозиционных сил и режима в Деръа в 2018 г при посредничестве России конфликт принял новые формы. Как гарант перемирия между оппозиций и режимом Россия получила возможность создания собственных милиций в Деръа. Москва пыталась использовать бывших дезертиров-суннитов, которые сражались в составе 8-й бригады 5 корпуса под командованием А. аль-Ода. Однако режим отказывался признавать их. В итоге Москва была вынуждена прекратить поддержку сил 8 бригады в Деръа. Силами

---

[314] Newline Institute. Al-Assad’s strategy to avoid becoming a puppet of Russia and Iran. Special Assesement. Syria: Security Services. 11. 03. 2021. https://newlinesinstitute.org, pp. 1-9 (accessed: 12.09.2025).

бригад «Аль-Аббасиюн» Иран занял центр Деръа в 2021 г. и вынудил бойцов 8 бригады сложить оружие и подписать новое соглашение в пользу Ирана[315].

Российские военные пытались установить контакты с местными племенами, чтобы упрочить свое влияние на северо-востоке САР. Военная операция Турции в октябре 2019 года против курдских повстанцев и союзных им Сирийских демократических сил (СДС) позволила России зайти в зону американского влияния к востоку от Евфрата, которая прежде оставалась закрытой для российских военных. В результате соглашений с Турцией и СДС в октябре 2019 российские военные стали осуществлять совместное патрулирование этих стратегически важных районов вдоль сирийско-турецкой границы.

До этого Россия после долгих усилий сумела упрочить свое присутствие в восточных пригородах Дейр аль-Зора, которые на деле управлялись иранскими военными. В результате поставок нескольких партий вооружений в эти районы, Москва смогла взять под свой контроль север Сирии. Одновременно Иран смог вернуть свое влияние в южных пригородах Бу-Камаль и Маядин. Данный факт мог свидетельствовать о латентной конкуренции между Ираном и Россией за контроль над нефтеносными районами на востоке Сирии. В марте 2021 года Москва укрепила позиции в ряде нефтеносных районов САР за счет иранских милиций.

Осенью 2021 г. между российскими военными и шиитскими формированиями на северо-востоке САР возник конфликт из-за нескольких постов и укрепрайонов. Россия предложила Ирану передать их под контроль российских военных в обмен на защиту от возможных воздушных ударов Израиля. Но Иран отклонил российские предложения. Позднее ИРИ была вынуждена уступить давлению Москвы. Однако шиитские милиции успели укрепить эти районы, опасаясь атак коалиции и Израиля.

После начала СВО на Украине влияние России на милицейские отряды ослабло. Связанные с Ираном сирийские бизнесмены выделили средства для

[315]Grajewski, N. The Evolution of Russian and Iranian Cooperation in Syria, CSIS, 2021. Pp. 1-6. https://tinyurl.com/455bbthk (accessed: 24.04.2025).

снабжения милиций продовольствием и обмундированием. В результате многие милиции стали переходить на сторону Ирана.

В целом российско-иранские противоречия не носили конфронтационного характера. Общий подход Москвы и Тегерана основывался на достижении военного превосходства, освобождении захваченных повстанцами территорий. Укреплению российско-иранского сотрудничества способствовало общее видение целей и задач в борьбе с воинствующей оппозицией. Достигнутые военные успехи формировали политические победы, которые служили развитию российско-иранских отношений. К тому же российско-иранские отношения выходили далеко за пределы Сирии и не ограничивались одним Дамаском и поддержкой аль-Асада.

Так, в ходе ирано-российских переговоров в Москве в марте-апреле 2023 г. Россия и Иран договорились ускорить выполнение ранее подписанного соглашения о создании совместных российско-иранских предприятий и расширить объемы грузоперевозок по Каспию. Россия и Иран фактически договорились по вопросу финансирования проекта ирано-российской продовольственной зоны для региона Ближнего Востока за счет привлечения государственных и частных инвестиций, в том числе из арабских стран. Иран собирался поставить Москве в начале второго квартала 2023 г. около 6 тысяч БПЛА и ракет среднего радиуса действия. В свою очередь Россия была готова поставить в Иран 30-50 истребителей типа «Су-35» и комплексы «С-400». С конца декабря 2022 г. группа иранских летчиков из КСИР стажировалась в России, оттачивая под руководством российских инструкторов летное мастерство[316].

В ходе визита в Тегеран в августе 2024 года главы Совета Безопасности РФ С. К. Шойгу передал иранскому руководству несколько важных посланий российского руководства. Москва выразила поддержку Ирану и готовность защитить его в случае внешней агрессии (если Тегеран напрямую обратится с подобной просьбой. – *А. В.)*. Россия предостерегла Тегеран от того, чтобы не подаваться провокациям Б. Нетаньяху, который стремился стравить США и ИРИ в

[316]Ибрагим, Р. Иттифиак-русий-ираний (Российско-иранское соглашение). Аль-Асас. 08.02.2023. https://asasmedia.com/news/395254 (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

крупномасштабной конфронтации в регионе. С. К. Шойгу подчеркнул нежелание Москвы, чтобы Дамаск оказался втянутым в конфронтацию вокруг Газы, в результате чего могли пострадать российские интересы в САР. Российские обращения были адресованы также лидеру «Хезболлы» Х. Насрулле. Однако, как показали события начала октября 2024 года, он, к сожалению, не внял им.[317]

В условиях спецоперации на Украине, сотрудничество с Ираном в Закавказье и Центральной Азии приобретало критическую значимость для России. У Ирана и стран Центральной Азии появились общие политические интересы: Афганистан, каспийская проблема, противодействие радикальным религиозным и националистическим движениям, борьба с наркобизнесом и другие. Иран усиливал свои позиции в этом районе. В итоге это могло отрицательно сказаться на характере российско-иранских отношений, способствовать усилению позиций в государствах Средней Азии и Закавказья стран Запада, прежде всего, США в интересах противодействия иранскому влиянию. Политика Вашингтона вела к дестабилизации ситуации в Средней Азии и Закавказье, которые являются сферой жизненно важных интересов Москвы. Подобное развитие ситуации не могло служить подлинным интересам ни России, ни Ирана.

Укреплению российско-иранского сотрудничества способствовало общее видение целей и задач в борьбе с воинствующей сирийской оппозицией. Стремление Москвы и Тегерана играть ведущую роль в региональной политике и системе безопасности сближало позиции двух стран в вопросах достижения политических целей на Ближнем Востоке. Россия рассматривала Иран как своего союзника в Сирии. Тегеран связывал с Москвой успех осуществления своих планов на Ближнем Востоке. Динамика сирийского урегулирования вела к объединению военно-политических усилий России и Ирана в САР. Общее стремление минимизировать американское влияние на Ближнем Востоке перекрывали некоторые расхождения между Москвой и Тегераном в методах разрешения сирийского конфликта. Иран осознавал свою зависимость от России в вопросах

[317] Аль-Рабия, М. Саляса-расаиль-русийя-ли-иран-… (Три российских послания Ирану...). Аль-Араб. 07.08.2024. https://tinyurl.com/y8dnrudb (дата обращения: 10.08.2024). На араб. яз.

обеспечения национальной безопасности как потенциального защитника от возможных попыток США сменить правящий режим в Иране. Согласованная политика Москвы и Тегерана при поддержке Турции на южном направлении могла положительно сказаться на урегулировании ситуации в регионе Ближнего Востока, в том числе и в Сирии.

Война в Газе обострила ирано-израильское противостояние, в том числе в зонах жизненно важных интересов России (Закавказье), что представляло потенциальную угрозу позициям Москвы на Ближнем Востоке и затрагивало вопросы национальной безопасности Российской Федерации. Москва в равной степени имела хорошие отношения с Тель-Авивом и Тегераном и сотрудничала с ними по целому комплексу вопросов политики и безопасности в Сирии, на Ближнем Востоке, в целом. К сожалению, Иран не прислушался к настоятельным просьбам Москвы не втягивать Дамаск в ирано-израильский конфликт. Со своей стороны, аль-Асад не внял российским советам ослабить сближение с Тегераном на фоне обострения ситуации в САР и вокруг нее. В результате изменения баланса сил внутри Сирии снизился уровень поддержки сирийского режима со стороны, как России, так и Ирана.

§ 2. Российско-сирийские отношения в условиях смены власти в САР

Во втором параграфе исследуются основные направления политики России в САР в условиях падения режима аль-Асада. Основное внимание уделено изучению ключевых аспектов российско-сирийских отношений в свете изменения внутриполитической ситуации в САР и эскалации напряженности на Ближнем Востоке.

Россию не застала врасплох смена власти в САР. Крах правительства аль-Асада вряд ли можно было считать стратегическим поражением Москвы на Ближнем Востоке. Скорее наоборот. Падение непопулярного в стране и за рубежом

режима, который держался в основном благодаря усилиям России, открыло новые перспективы развитию российско-сирийских отношений.

За два месяца до начала выступления исламистов Москва предупредила аль-Асада о готовящейся террористической атаке из Идлеба. После взятия Алеппо российская разведка получила информацию о том, что около 80% населения готовы поддержать наступление исламистов в направлении Хама, Хомс и Дамаск. Одновременно были получены данные о масштабном предательстве в армии в результате катастрофического снижения материально-финансового обеспечения солдат и офицеров. В ходе визита аль-Асада в Москву в конце ноября 2024 года ему было предложено незамедлительно начать диалог с политической оппозиций и приступить к оформлению процедур политического транзита власти согласно резолюции № 2254.

Одновременно Россия провела консультации с Ираном и Турцией с тем, чтобы предотвратить сползание ситуации в сторону религиозной резни, так как оппозиция не намеревалась останавливаться. Москва потребовала отдать приказ войскам прекратить сопротивление, чтобы предотвратить бойню в Дамаске[318]. Москва заблаговременно наладила диалог с командованием Хейат Тахрир аль-Шам (ХТШ)* по вопросам обеспечения безопасности своих граждан в Сирии и сохранности имущества на базах в Тартусе и Хмейм, других российских объектах в Дамаске. Однако, как и в марте 2011 года, аль-Асад проигнорировал российские предостережения.

В итоге сирийский режим не выдержал социально-экономических перегрузок и был свергнут исламистской оппозицией. Политические издержки от поддержки режима аль-Асада, который своими действиями фактически обнулял успехи Москвы по его спасению и утверждению российского влияния в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, в целом, могли оказаться куда выше потенциальных выгод от сохранения режима. Россия последовательно следовала принципам своей

---

[318] Раид, Д. Аль-Шарк Аль-Аусат-такшифу-асрар-тахаракуат-русия-кабля-лейла-искат-аль-асад. (Аль-Шарк Аль-Аусат открывает секреты маневров России накануне ночи падения Асада). Аль-Шарк Аль-Аусат, 09.12.2024. https://aawsat.com.5089925 (дата обращения: 08.09.2025). На араб. яз.

внешней политики и неизменно выступала за прочный и всеобъемлющий мир на Ближнем Востоке, против любых навязанных извне территориальных расколов, за сохранение суверенитета и территориальной целостности государств региона, борьбу с международным терроризмом, поддержание стабильности и безопасности на Ближнем Востоке. В то же время сложившаяся после смены власти в САР ситуация в регионе являлась весьма непростой и даже потенциально опасной. Москва была искренне заинтересована в достижении стабильности и безопасности в Средиземноморье и в Сирии, в частности, ее скорейшем социально-экономическом восстановлении и рассматривала решение этих вопросов как важное условие поддержания международной безопасности. Именно эти мотивы легли в основу принятого российским политическим руководством решения о прекращении военной поддержки режима аль-Асада и не предоставлении воздушного сопровождения движению шиитских милиций из Ирака в САР.

Лидер ХТШ* Аль-Шараа неоднократно давал понять, что не хочет, чтобы Россия уходила из Сирии. Он подчеркивал, что Москву и Дамаск связывали отношения стратегического партнерства. В то же время аль-Шараа и его силовики находились под сильным прессом стран Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания) и не могли не считаться с настроением части своего населения в вопросе сохранения российских военных баз в САР. Несмотря на демонстрируемое новыми сирийскими властями желание сохранять хорошие отношения с Москвой, Дамаск аннулировал 49-летний контракт на развитие гражданской части порта Тартус. Присутствие российских военных бах в САР оказалось под угрозой.

Россия не собиралась покидать базу ВМС в Тартусе. 9 декабря 2024 года российские корабли находились в 8 километрах от Тартуса. Израильская авиация обнаружила их, когда 10 декабря разбомбила ВМС САР вблизи Латакии. С другой стороны, Россия рассматривала варианты, при которых, возможно, придется в конечном итоге попрощаться с базой в Тартусе, что нанесло бы удар по ее позициям в Средиземноморье. Несмотря на то, что в Тартусе находилось небольшое количество военных судов, сама база являлась важным пунктом логистики в распространении морского влияния России в Атлантике. Вероятные

альтернативы России в Египте и Алжире могли не сработать, так как Каир и Алжир опасались реакции западного сообщества. В Судане Порт Судан нуждался в строительстве необходимой инфраструктуры. Надежда на Ливию где генерал Х. Хефтар уже разрешал летом 2024 года заход военных судов РФ в порты Ливии под его контролем внушали некоторый оптимизм. Но в отличие от Тартуса там не было необходимой наземной инфраструктуры.

База ВВС в Хмейм служила важным пунктом снабжения оружием и продовольствием российского Африканского корпуса в Ливии, Судане и ЮАР. В отличие от Тартуса ее легко было заместить тремя российскими базами ВВС в Ливии. Сирийские силовики хорошо знали, что еще до падения аль-Асада Москва усилила свое военное присутствие в Ливии. На базы в Тобрук, Бенгази, Сирт, Барка, Джафра было перебазировано 70% российского оружия из Сирии. Действительно, еще до сирийских событий Москва заметно укрепила свое политическое влияние на востоке и западе Ливии. После падения режима аль-Асада в Сирии Москва усиливала свое военное присутствие в Ливии. Россия активизировала воздушный мост между Хмеймим и восточной Ливией для переброски оружия и техники[319].

В Ливии Москва видела не только альтернативу Сирии, но и с учетом геостратегического положения считала Ливию важным пунктом в укреплении своего присутствия в Африке и аргументом в споре с Западом по нефтегазовым вопросам и проблеме европейской безопасности. Россия проявляла повышенный интерес к созданию прочных позиций на Средиземноморском побережье в портах Тобрук, Бенгази, Сирте. Речь шла о соглашениях в области нефтедобычи и прямых поставках оружия. При этом Москва не собиралась вступать в открытую

[319]Алла, Ф. Маа-курб-интиха-харб-украния-ва-сукут-аль-асад-халь-юассир-залика-аля-аль-вуджуд-аль-русй-фи-либия (С приближением окончания войны на Украине и падением аль-Асда изменится ли облик России в Ливии). Аль-Араби. 21.23.12.2024. https://arabi21.com/story/1649636 (дата обращения: 10.05.2025). На араб. яз.

конфронтацию с противоборствующими сторонами. Москва укрепила свои базы ВВС в Барке и Джафре. Они были задействованы после сирийских событий[320].

Для новых сирийских властей отношения с Россией были критически важны с точки зрения укрепления их властных позиций внутри страны, особенно на фоне стремлений Москвы содействовать снятию санкций. Новые сирийские власти сделали выбор в пользу диалога с Москвой на основе исторически сложившегося стратегического характера партнерства двух стран. По оценке арабских наблюдателей, в отличие от аль-Асада, аль-Шараа умел держать данное слово, и Москва не упустила своего шанса в Сирии. Длительные отношения Москвы с силовыми сирийскими структурами служили хорошим залогом сохранения российских позиций в САР. В ходе визита в Дамаск в сентябре 2025 года высокопоставленной российской делегации во главе с заместителем премьер-министра России А. Новаком, аль-Шараа выступил с официальным заявлением информационному каналу «Аль-Ихбарийя". В интервью временный президент САР раскрыл некоторые детали контактов с российскими военными в Сирии, когда силы оппозиции находились на подступах к Хомсу. Сирийский лидер выразил благодарность России и высоко оценил ее роль в предотвращении дальнейшего кровопролития в стране[321].

В Дамаске хорошо помнят, что Москва неоднократно предотвращала скатывание страны в кровопролитную гражданскую войну и заботилась о сохранении ее территориальной целостности. В 2016-2018 году российским военным удалось договориться с вооруженными исламистами и снять блокаду Дамаска. Русские офицеры сильно рисковали, пытаясь остановить 4 дивизию Спецвойск под командованием брата аль-Асада Махера, которые собирались

---

[320]Аль-Араби21.Ма-таасир-аль-татавурат-аль-сурийя-аля-аль-таваджуд-аль-аскарий-аль-русий-фи-либия (Влияние сирийских событий на военную политику России в Сирии). Аль-Араби21. 09.12/2024 URL https://arabi21.com/story/1646966 (дата обращения: 12.06.2025). На араб. яз.

[321]Аль-Арабий Аль-Джадид. Вазир-дифаа-аль-сурий-маукиф-русия-минна-тахасанна-ва-мунфатихун-аля-бикаа-каваидуха-аль-аскарийя (Министр обороны Сирии заявляет, что позиция России в отношении Сирии улучшилась и мы открыты для того. чтобы оставить российские военные базы). Аль-Араби аль-Джадид, 07.02.2025. https://www.alaraby.co.uk/politics; https://tinyurl.com/bdcnmwtp (дата обращения: 09.02.2025). На араб. яз.

броситься вдогонку боевикам и уничтожить их вместе с женами и детьми. Если бы это произошло, то уже через сутки от Дамаска остались бы одни руины. В конце ноября – начале декабря 2024 года ВКС РФ сдержали воздушную атаку сирийских ВВС в Алеппо, жертвами которой неминуемо стали бы мирные жители, которые отходили в сторону Хомса[322].

§ 3. Россия-Сирия: новый тур отношений и перспективы России в САР и на Ближнем Востоке

В параграфе третьем сделан особый упор на выявлении факторов, которые способствовали продолжению дружественного характера двусторонних отношений и сохранению российских позиций в САР. Выдвинут ряд предположений, которые, по мнению автора, могли бы способствовать дальнейшему развитию и укреплению российско-сирийских отношений и сохранению ведущей роли России в САР и на Ближнем Востоке, в целом.

Вопреки некоторым ожиданиям, Москва не только не ушла из Сирии, но активизировала усилия по сохранению своего военно-политического присутствия в САР. Российская политика в САР была обусловлена соображениями геополитического порядка, интересами национальной безопасности, а также историческим наследием российско-сирийских связей. Визит российской межведомственной делегации в Дамаск 29 января 2025 г. знаменовал важный поворот в сирийской политике России. Заместитель министра иностранных дел РФ М. Богданов и А. аль-Шараа беседовали 3 часа. Москва дала понять, что, несмотря на смену режима, она по-прежнему заинтересована в САР.

Договорились о поставках российского зерна и оборудования для построенных Россией опреснительных станций и плотин в Сирии. Развитие военно-технического сотрудничества было обусловлено тем, что сирийские

---

322 Шар, Р. Рисала-иля-раис-аль-шараа-ва-рифакихи-фи-аль-кияда-аль-сурия (Послание президенту аль-Шараа и его сортаникам в сирийском руководстве) Аль-Шарк Аль-Аусат. 17.12.2025. https://aawsat.com/https://tinyurl.com/372c2d8u (дата обращения: 20.12.2025). На араб. яз.

вооруженные силы на 80% были оснащены российским вооружением. К тому же государственный долг Сирии перед Россией превышал 15 млрд долларов США. Общие интересы Сирии, Турции и России в курдском вопросе, российское присутствие в Средиземноморье, экономические интересы турецких бизнесменов, как в Сирии, так и в России, побуждали Анкару позитивно смотреть на российское военное присутствие в САР. Накануне визита М. Богданова в САР министр иностранных дел Турции Х. Фидан провел телефонный разговор с министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым. Он также несколько раз переговорил с президентом аль-Шараа[323]. В январе 2025 года министр иностранных дел РФ С. В. Лавров высказался за укрепление российско-сирийских связей и продолжение работы сирийского посольства в Москве. Он подчеркнул, что Москва стремится сохранить свое стратегическое присутствие в Средиземноморье путем укрепления экономических и политических связей с новым сирийским руководством. Россия была намерена возобновить поставки вооружений Дамаску. Москва выразила готовность сохранить свое военное присутствие на сирийской территории (Тартус и Хмеймим), несмотря на то что 70% российского военного арсенала было перебазировано в Ливию. С. В. Лавров подчеркнул возможности Москвы участвовать в экономической реконструкции САР.

Москва предложила серьезно инвестировать в сирийскую экономику в качестве компенсации за разрушение жилого и промышленного фонда в результате кризиса. 6 марта 2024 года Центральный банк Сирии получил новую партию сирийкой валюты, отпечатанной в Москве. Москва могла рассмотреть варианты возврата части средств, переведенных аль-Асадом и его приближёнными в российские банки с начала кризиса в качестве компенсации, а также снять часть государственного долга и обеспечить сотрудничество с Дамаском в оборонной сфере.

---

[323] Шихан И. Богданов-фи-сурия-такатуа-масалих-бейна-русия-ва-туркия (Богланов в Сирии. Совпадение российско-турецких интересов в Сирии). Аль-Асас, 03.02.2025. https://www.asasmedia.com/84432 (дата обращения: 04.02.2026). На араб. яз.

На стратегическую значимость Сирии в ближневосточной политике России указывало, в частности, особое внимание президента России к вопросу отношений с Дамаском. Начиная с февраля 2025 года, В. Путин инициировал несколько телефонных переговоров с А. аль-Шараа, которые открыли новую страницу в двусторонних отношениях и помогли снять ряд вопросов, тормозивших их развитие. В. Путин выразил поддержку суверенитету и единству сирийской территории. Российский президент пригласил министра иностранных дел Сирии А. Аль-Шейбани посетить Москву, чтобы определить новые условия сохранения российских интересов и достижений в САР.

Визит высокопоставленной сирийской делегации во главе с министром иностранных дел Сирии А. Аль-Шейбани в Москву 31 июля 2025 года показал, что Москва сохраняет влияние в Сирии, а Дамаск хочет сбалансировать свои отношения с крупными региональными и мировыми державами на Ближнем Востоке. В состав делегации вошли министр обороны и глава разведки САР. Была достигнута договоренность о создании полевого госпиталя в провинции аль-Сувейда, совместном обеспечении безопасности российских дипломатов в Сирии и содействии разрешению кризиса в отношениях с друзской общиной.

Россия призвала прекратить использовать сирийскую территорию как арену для соперничества держав и снять санкции с Дамаска. Москва выразила готовность выступить посредником в урегулировании отношений с курдами [324] . На переговорах сирийской делегации в Москве 31 июля 2025 года стороны обсудили возможности пересмотра двусторонних соглашений. Речь, прежде всего, шла о вопросах обороны и безопасности, совместной борьбы с терроризмом и военно-техническом сотрудничестве. Предполагалось сделать новые соглашения с сирийским правительством более привлекательными по сравнению с прежними договоренностями с аль-Асадом.

---

[324]Камаль,С.Аваль-вафд-сурий-язур-муску-бада-аль-асад-сурия-туиду-дабт-алякатуха-маа-муску (Первая сирийская делегация с визитом в Москве. Сирия готовиться к перезагрузке отношений с Москвой). Аль-Халиджонлайн. 01.08.2025. https://alkhaleejonline.news/\https://khaleej.online/zywYP (дата обращения: 12.09.2025) На араб. яз.

Сирийские военные были заинтересованы в том, чтобы Россия активизировала работу по превращению базы ВВС в Хмеймим в щит противовоздушной обороны для средиземноморских и центральных районов Сирии, развернув на ней российские комплексы ПВО типа «С-300», «С-400», средства РЭБ, которые были демонтированы в 2016 году. Со своей стороны, Москва хотела, чтобы сирийские власти согласились с тем, что база, как и прежде, находится под контролем российских военных и служит оперативно-тактическим и логистическим целям для российских операций в Африке и обеспечения стратегической безопасности России на южных флангах. В интересах обеспечения безопасности на Голанских высотах Москва была готова рассмотреть возможность размещения российского миротворческого контингента в аль-Кунейтре.

Россия была заинтересована в том, чтобы продолжить укрепление российского военного присутствия на аэродроме в Камышлы. Рассматривалось также участие России в открытии новых КПП на сирийско-турецкой границе (по типу Абу-Зейдан от 2024 года), совместное российско-турецкое патрулирование на шоссе М4, возобновление начатых в 2024 году работ по строительству российской базы в районе Айн аль-Араб. Эти мероприятия помогли бы наладить рабочие контакты с курдскими боевыми формированиями в борьбе с международным терроризмом. Москве было бы проще вести работу по адаптации к новым условиям укрывшихся в этом районе офицеров Асадовской армии и спецслужб. Москва могла в облегченном режиме поэтапно инкорпорировать их в структуры новой сирийской армии по опыту взаимодействия с бывшей 8 бригадой САА (Сирийской арабской армии), милициями и племенами юга Сирии в 2021-2022 годах.

Укрепление безопасности на северо-востоке САР могло обеспечить благоприятные условия для привлечения российских нефтегазовых компаний в этот богатый природными ископаемыми район Сирии. Участие российских компаний в разведке, добыче, восстановлении и использовании ниток нефтегазопроводов из Ирака в Баньяс и Латакию представлялось особенно важным в условиях, начавшихся в августе 2025 года поставок сырой нефти из Азербайджана через территорию севера САР в Европу под патронажем Турции и

США. После смены власти в САР Россия внимательно следила за обстановкой в Леванте, который играл важную роль в развитии международных отношений на Ближнем Востоке. Особую обеспокоенность Москвы вызывали предпринимаемые США шаги по транспортировки природного газа из Азербайджана в Европу через территорию северной Сирии.

После смены власти в САР Дамаск испытывал острую потребность в углеводородах. Основной поставщик нефти в Сирию Иран прекратил поставки. Начиная с февраля 2025 года, Москва возобновила поставки нефти и нефтепродуктов, сжиженного газа в Сирию. Только в марте 2025 года Россия поставила Сирии около 100 тысяч тон нефти[325]. Поставленные Россией с февраля 2025 года несколько сотен тысяч тонн сырой нефти силами танкерного флота под чужим флагом, конечно, улучшали имидж России в сирийских деловых кругах. Однако это не давало комплексного решения проблемы укрепления российского влияния в сирийской политико-экономической нише.

Усиление российского присутствия в критически важных для безопасности САР районах предполагало сопровождение военных мероприятий активной гуманитарной дипломатией. С этой точки зрения изучался вопрос о том, чтобы распространить достигнутые ранее с сирийским режимом договоренности о создании российского военно-полевого госпиталя в аль-Сувейде на районы побережья и северо-востока Сирии.

15 октября 2025 года в Москву с официальным визитом прибыл сирийский президент А. Аль-Шараа во главе представительной делегации. Сирийский лидер впервые официально посещал Москву. Переговоры В. Путина и аль-Шараа в Москве венчали целую серию предшествовавших российско-сирийских контактов, и расставляли нужные акценты в ранее обсуждавшихся вопросах двустороннего сотрудничества.

---

[325] The Moscow Times. Secretive energy supplies and harboring Assad inside the Kremlin balancing act with Syria's new leaders. The Moscow Times 03.04.2025. https://www.themoscowtimes.com/2025/04/03/secretive-energy-supplies-and-harboring-assad-inside-the-kremlins-balancing-act-with-syrias-new-leaders-a88555) (accessed: 09.07.2025).

Накануне встречи Россия поддержала Сирию в ООН. Москва осудила израильские бомбардировки сирийской территории и солидаризовалась с сирийской позицией относительно вывода израильских войск с оккупированных Израилем с 8 декабря 2024 года сирийских территорий к границам демаркационной линии 1974 года. Россия выразила поддержку единству сирийской территории и целостности сирийского государства при решающей роли центра. Москва осудила акты насилия с обеих сторон во время последних событий на Средиземноморском побережье и в районе Сувейды. Россия выступила за равное участие представителей всех групп сирийского населения на этапе переходного периода.

Стороны согласовали общую платформу развития двусторонних отношений в новых условиях на принципах уважения и взаимовыгодного сотрудничества с соблюдением интересов обеих сторон. Переговоры о военно-техническом сотрудничестве России и Сирии, поставках оборудования и продовольствия велись с учетом позиции военных двух стран в интересах укрепления территориальной целостности САР, ее обороноспособности и обеспечения сирийского суверенитета. После снятия соответствующих санкций ООН Москва была готова в полном объеме возобновить поставки запчастей и оборудования для сирийских вооруженных сил.

Подчеркивалось, что Россия не оказывает поддержку вооруженным формированиям асадовских лоялистов и радикальным группировкам в составе СДС на сирийской территории. Отмечалось, что Москва сохраняет военное присутствие на своих базах в Тартусе и Хмеймим, в аэропорту Камышлы. Россия планировала использовать базы в основном для проведения логистических и разведывательных операций[326]. В январе-феврале 2026 года Москва во исполнение ранее достигнутых договоренностей начала вывод своих военных с аэродрома в Камышлы еще до того, как сирийские власти силовым путем решили вопрос с курдской автономией в САР.

Дамаск рассчитывал на Россию в вопросах отношений с Израилем. Израиль продолжал оккупировать значительную часть сирийской территории на юге Сирии.

---

[326] Аль-Кодс. Сурия-ва-русия-алякат-хасса-ам-иадат-дабт(Россия-Сирия (Особые отношения или перезагрузка). Аль-Кодс. 25.10.2025. https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.tools/3fdacfb5his (дата обращения: 06.12.2025). На араб. яз.

Тель-Авив разыгрывал друзскую карту и поддерживал курдских повстанцев из СДС. По просьбе сирийской стороны Россия выразила готовность рассмотреть возможность обеспечения безопасности сирийской территории и размещения своих полицейских подразделений в качестве миротворческих сил по периметру демаркационной линии 1974 года. Эти меры должны были способствовать восстановлению стабильности на южных флангах Сирии. Москва была готова содействовать миротворческим усилиям Израиля и Сирии, исходя из уважения принципов сирийского суверенитета и целостности сирийской территории.

От аль-Шараа и его силовиков не укрылись перипетии российско-израильских контактов накануне свержения аль-Асада. В начале ноября 2024 года израильский министр по стратегическим вопросам Р. Дермер находился с неофициальным визитом в России по поручению Б. Нетаньяху. Основной целью визита являлось обсуждение условий перемирия с «Хезболлой» и Ираном под российские гарантии. Израиль рассчитывал на то, что Россия сможет удержать аль-Асада от более тесного сотрудничества с Ираном в борьбе с Израилем на юге Ливана. В октябре 2024 года президент России В. Путин выразил готовность Москвы посредничать в урегулировании конфликта между Ираном и Израилем. Однако США стремились ограничить посредническую роль России. В то же время аль-Асад не мог открыто противостоять Ирану, опасаясь негативных последствий подобно йеменскому президенту А. А. Салеху. С другой стороны, более тесное взаимодействие России с Израилем по вопросам конфронтации с Ираном вызывало недовольство со стороны Тегерана.

В начале ноября 2024 года министр иностранных дел Израиля Г. Саар заявил, что Россия, благодаря своему присутствию в Сирии, может помешать перевооружению «Хезболлы». Данное заявление было сделано специально, чтобы привлечь Россию к процессу урегулирования в Ливане. Израиль давал сигнал России, Дамаску и Тегерану что хочет остановить войну в регионе, но прежде необходимо прекратить вооружать «Хезболлу». Со своей стороны, аль-Асад

направил несколько ответных сигналов Израилю и США, что Дамаск хочет остаться в стороне от вооруженного конфликта между Израилем и Ираном[327].

Сегодня Дамаск неофициально пытается вернуться к прежним московским инициативам. САР хочет сохранить российские укрепрайоны на постоянной основе, при этом пересмотреть заключенный ранее договор с аль-Асадом в выгодном для себя ключе за счет списания немалой части сирийского долга и размораживания части сирийских активов в российских банках. В середине ноября 2025 года Москва подтвердила свою готовность разместить на юге Сирии свои полицейские силы для создания буферной зоны между Израилем и правительственными войсками. На юге Сирии находилась российская военная делегация, которая изучила условия развертывания российского воинского контингента. Одновременно там же находилась военная делегация Турции. Турецкие и российские военные работали вместе. Однако вопрос был отложен. Основным препятствием служило нежелание Израиля заключить мир с Сирией.

Осенью Москва еще раз подтвердила свое согласие разместить российских полицейских в Кунейтре на старых позициях, которые были приготовлены еще в 2024 году. Осенью 2025 года во время беседы с В. Путиным премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху дал понять, что Тель-Авив не имеет особых возражений против российского военного присутствия в этом районе. Дамаск пока не дал окончательного ответа на размещение российских войск в этом районе. В то же время Израиль отказывался выйти со всех территорий, которые он оккупировал после падения аль-Асада. Он продолжал строительство КПП в этих районах, пытаясь надавить на Дамаск. Министр иностранных дел Сирии Мухаммед Шреа исключил присоединение Дамаска к Авраамским соглашениям. Президент аль-Шараа отверг идею создания на юге Сирии израильской демилитаризованной зоны. Осенью – зимой 2025 года состоялась серия новых контактов сирийских и российских военных и гражданских представителей. Обсуждалась ситуация с

[327]Хишам, Ю. Ан-даур-аль-русй-аль-васит-фи-аль-халь-…хакика-ам-таманният (О посреднической роли России… реальность или желаемое). Аль-Марказийя. 13.11.2024. https://www.almarkazia.com/ar/news/show/602537 (дата обращения: 13.08.2025). На араб. яз.

российскими военными базами в свете укрепляющихся американо-сирийских отношений и юге Сирии. По словам министра обороны САР М. Абу Касра стороны обсудили с замминистра обороны РФ Ю. Б. Евкуровым вопросы пересмотра прежних соглашений по ВТС. Сирийский министр обороны отметил значимость развития двусторонних российско-сирийских отношений в военной сфере. По его словам, Израиль не ждал столь быстрого международного признания новых сирийских властей и теперь хочет заручиться международными гарантиями безопасности в случае возможного военного ответа Дамаска. Израиль и США были склонны больше доверять России в обеспечении вопросов безопасности в Сирии, чем Турции. не желая уступать Анкаре первую роль в сирийском досье. Российское военное присутствие в Сирии сегодня во многом определяется налаживанием прежнего уровня российско-американской координации в воздухе[328].

Дамаск надеется на особый характер отношений ИРИ с Россией. В середине января 2025 года состоялся визит президента ИРИ М. Пезешкиана по приглашению В. Путина, в ходе которого было подписано всеобъемлющее соглашение о стратегическом партнерстве между Ираном и Россией, которое вывело двусторонние отношения на новый уровень. Соглашение предусматривало расширение военно-технического сотрудничества и тесное взаимодействие в энергетической сфере, вплоть до транспортировки российского газа через Иран. Поставки оружия и обмен разведывательной информацией. А также сотрудничество в финансовой и банковской сфере. Инвестирование в иранскую нефтегазовую инфраструктуру и сооружение новых нефтеперерабатывающих предприятий. В какой-то степени это соглашение обозначило поворотный момент во внешней политике Тегерана «лицом к Востоку». Этот курс ИРИ пользовался поддержкой Верховного лидера страны А. Хаменеи и руководства КСИР[329]. В

---

[328]Джазус, С. Фи-ахд-аль-хукума-аль-джадида-аль-алякат-аль-руссийя-аль-сурияйя-тахмиха-аль масалих. (В условиях новой сирийской власти российско-сирийские отношения определяются взаимным интересом). Аль-ШаркАль-Аусат. 18.01.2025. https://aawsat.com/5210978; https://tinyurl.com/mskukkrs (дата обращения: 22.01.2025). На араб. яз.

[329]Аль-Ахбар.Пзешкиян-фи-руссия-аль-яум-иттифакийя-гейр-масбука-би-ваджх-аль-гарб (Пезишкиян в Москве для подписания невиданного Западом соглашения с Россией). Аль-Ахбар, 17.01.2025. https://al-akhbar.com/world/819896 (дата обращения: 20.08.2025). На араб. яз.

отсутствие «ядерного» диалога с Ираном возобновление международных контактов с Тегераном по вопросам безопасности могло бы снизить остроту конфронтации на Ближнем Востоке и снять указанные опасения сирийского режима в отношении Тегерана. Наилучшим выходом для Ирана в такой ситуации являлся возврат к ядерной сделке, чтобы, с одной стороны, компенсировать потери в Сирии, а с другой – продемонстрировать свою силу. Но в этом вопросе многое зависело не только от воли Тегерана. Это хорошо понимали в России. В ходе инициированного президентом Франции Э. Макроном 1 июля 2025 года телефонного разговора с В. Путиным российский президент, надо полагать, убедил французского коллегу признать суверенное право Ирана на развитие мирной ядерной программы.

Россия не заинтересована в падении иранского режима. Россия поддерживает право Ирана обогащать уран до 3,65%. Москва рассматривает сотрудничество с Ираном как выстраивание нескольких транспортных коридоров: один – морской путь от Шабхар на востоке Ирана в Индийский океан и далее порт Домбай (Индия) и сухопутный (ж/д) – Кавказ-Афганистан-Пакистан-Индия. На фоне перспективы инвестиционного сотрудничества с США в Арктике Россия пока колеблется в вопросах поставки Ирану комплексов ПВО типа С-400 и истребителей Су-35. Перед визитом министра иностранных дел ИРИ в Москву в декабре 2025 года Израиль уведомил Иран, что не хочет новой войны, но продолжит обеспечение безопасности своих границ. На встрече с Д. Траппом 29 декабря 2025 года Б. Нетаньяху выразил обеспокоенность тем, что Иран продолжает наращивать производство баллистических ракет и ведет восстановление пусковых шахт и т.п. Иран использует мятежные курдские и алавитские группы для транспортировки оружия в Ливан. Москва на базах обеспечивает подготовку сирийской армии. В середине декабря 2025 года министр иностранных дел РФ отметил, что отношения России с Ираном носят стратегический характер и заметно набирают обороты во всех областях. Отношения с Ираном в военной сфере служат укреплению безопасности в регионе и особенно развитию отношений с КСА.

Аль-Шараа рассчитывает также на хорошие отношения России и Турции и возможности Москвы, используя связи в Израиле и США, повлиять на позицию Анкары в курдском вопросе и безопасности сирийских границ. Турция стремится играть стабилизирующую роль в этом районе и в Сирии в целом, за счет выстраивания грамотных отношений с Россией, государствами Средней Азии и Южного Кавказа. Турция рассматривает российское присутствие в Сирии как положительный фактор, который, с одной стороны, позволяет отрегулировать ряд спорных вопросов в регионе, а с другой – укрепить двусторонние сотрудничество.

Новые сирийские власти нуждаются в укреплении легитимности и им нужен партнер, который бы смог способствовать в разрешении деликатных вопросов внутреннего характера без нарушения сирийского суверенитета. После встречи аль-Шараа с Х. Фиданом в декабре 2025 года визит в Москву сирийской делегации во главе с министром иностранных дел, министром обороны и начальником разведки обозначил много вопросов в этой деликатной теме сирийско-российско-турецких отношений. Визит происходил на фоне тупика в вопросах обеспечения безопасности с Израилем и предстоящей военной операции против СДС в Алеппо в нарушение соглашения от 1 апреля 2025 года о выводе подразделений СДС. Аль-Шара хотел продемонстрировать США, что может повернуться к Турции и России в вопросах укрепления военного сотрудничества и баз. По оценке МИД РФ США ведут подрывную политику в сирийском Курдистане, поддерживая СДС и контакты СДС с Израилем. Министра иностранных дел САР А. Шейбани заявил, что между Сирией и Россией осуществляется полноценное сотрудничество на взаимовыгодной основе в интересах обеспечения безопасности переходного периода. После недавнего визита аль-Шараа в Москву сирийский президент подчеркнул, что его правительство признает все прежние договорённости Дамаска с Москвой, но стремится скорректировать их с точки зрения обеспечения

сирийского суверенитета и взаимных интересов. Он дал понять, что в ближайшем будущем российско-сирийские отношения получат новый импульс к развитию[330].

Таким образом, Москва играет роль уникального стабилизирующего фактора в ключевых вопросах безопасности, политики и экономики региона[331]. В этом случае может открыться сирийский коридор, который соединит Анкару с Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. Это создает совершенно иные возможности для российского, турецкого и арабского бизнеса в странах Арабского Востока и Персидского Залива, регионе Центральной Азии. А также сформирует новый взгляд на вопросы региональной безопасности на Ближнем Востоке, в Западной и Центральной Азии, Южном Кавказе в зоне жизненно важных интересов и безопасности Российской Федерации.

За 15 прошедших лет ситуация в мире и на Ближнем Востоке заметно изменилась. Правда, не стала лучше и безопаснее. Зато Россия стала намного сильнее и уверенней. Влияние России в мире и на Ближнем Востоке особенно кратно выросло. Москва утвердила свои лидирующие позиции в рамках многосторонних международных организациях и союзах типа ШОС, БРИКС, ОДКБ, ЛАГ, ОИК. Поддерживает дружеские, партнерские и конструктивные отношения с Китаем, Индией, Израилем, Турцией и Ираном, Саудовской Аравией, Катаром и ОАЭ. Дамаск хочет использовать связи с Москвой, чтобы сбалансировать отношения с Западом. Россия конкурирует с Израилем и Турцией за влияние в Сирии. Опасения Израиля в связи с укреплением Турции в Сирии способствуют Москве в усилении ее позиций в САР. Израиль рассчитывает, что Россия сможет обеспечить безопасности линий соприкосновения на границах Сирии и Израиля. Израиль – главный конкурент Анкары в борьбе за Сирию.

---

[330]Аль-Араб.Аль-таваджус-мин-аль-давур-альамирикий-халь-юдафиа-сурия-иля-русия-муджаддадан (Недовольство ролью Америки может снова подтолкнуть Сирию к России). Аль-Араб. 24.12.2025. https://alarab.co.uk; https://tinyurl.com/mr352wcf (дата обращения: 05.03.2026). На араб. яз.

[331] Аль-Араб. Русия-ля-тантахи-баад-мин-аль-шарк-аль- аусат (Россия еще не закончила с Ближним Востоком) Аль-Араб. 06.11.2025. https://alarab.co.uk; https://tinyurl.com/4e8rmvyh (дата обращения: 12.03.2026). На араб. яз.

Вторжение Израиля в Сирию привело к обострению турецко-израильских отношений. Продолжающаяся израильская оккупация сирийских районов и бомбардировок израильскими ВВС создаваемых Анкарой военных баз в центральных районах САР могут в конечном итоге подтолкнуть Турцию к сближению с Ираком и Ираном на почве противодействия израильским планам в Сирии. Это вызывает особую озабоченность в Израиле.

Сегодня российско-сирийские отношения представляют собой комплексный процесс, в котором переплетаются проблемы сирийской безопасности с международной обстановкой вокруг Сирии. В этой связи сирийский режим рассматривает отношения с Москвой как весьма полезные. Москва быстро пересмотрела отношения с Дамаском и строит их как с переходным режимом, а не многолетним противником в лице ХТШ*. Россия не стремится подружиться с новым режимом с позиции силы или денег, а исходит из общих интересов в Сирии без отсылок к прошлому. Москва исходит из того, что ей приходиться выстраивать отношения и защищать интересы в новых условиях, используя новый инструментарий. Москва в определенной мере балансирует отношения Дамаска с другими арабскими странами. Новые отношения с САР часть большой геополитической игры Москвы на Ближнем Востоке, в том числе в отношениях с Западом по Украине. Одним из важных инструментов заполнение вакуума безопасности внутри Сирии на основе опыта прошлых лет дает Москве возможности предать забвению прошлое, заменив его новой строкой в истории двусторонних отношений. Москва не стремится к политическому соперничеству с США в Сирии. При этом Россия не выдвигает каких-либо предварительных условий и требований. Москва пока ограничила свое военное присутствие на сирийской территории, что экономит средства и исключает столкновения с Израилем и США. С экономической точки зрения Москва сделал упор на развитие проектов в энергетике и обслуживании портов. Сегодня Россия в Сирии не является адвокатом главы режима и доминирующей политической силой, а одной из сторон

международного консорциума по восстановлению страны после страшной разрухи времен гражданской войны[332].

Несмотря на смену власти в Сирии Россия пользуется большим влиянием в регионе от Ирана до Ливии. Российско-арабские отношения вышли на новый уровень. Избыточная демонстрация Вашингтоном и Тель-Авивом своего всемогущества на Ближнем Востоке оказывается, в конечном счете, контрпродуктивной. Бомбардировки израильской авиацией Катара показали, что даже нормальные отношения с Израилем не гарантируют от ударов, а полагаться на защиту США вряд ли возможно. Занятая арабскими странами позиция фактически продемонстрировала их симпатии к России. Сегодня Москва быстрыми темпами развивает отношения с монархиями Персидского залива. Нереальные мирные планы Д. Трампа в Газе только способствуют росту авторитета Москвы. В отличие от прошлых американских администраций нынешние Госдепартамент и СНБ США заняты больше внутриполитическими делами.

В этой связи стоит хорошо подумать над созданием под эгидой России нового механизма международной безопасности на Ближнем Востоке, в том числе и в Сирии. Необходимо взять на вооружение хорошо показавшие себя практики формата Астаны, Сочи и других международных площадок с привлечением по ряду направлений Израиля, Египта, Алжира, Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Азербайджана, Казахстана, Китая и Индии, ряда латиноамериканских государств, которые заинтересованы в стабильности на Ближнем Востоке. Страны Западной Коалиции во главе с НАТО уже показали своей разрушительный потенциал в Боснии, Югославии, Афганистане, Ираке. Сирии и Ливии. А площадки в Женеве и Вене мало что сделали с точки зрения укрепления безопасности и достижения национального согласия в Сирии.

Как было показано выше, политическая перспектива сирийского исламизма, в том числе и Аль-Нусры* в финальной стадии сирийского конфликта во многом

---

[332]Сальха, С. Русия-тауду-иля-сурия-аль-джадида-мин-хилиф-аля-ляиб-ихтиятий (Россия возвращается в Сирию с запасных аэродромов). Аль-Асас. 27.11.2025. https://asasmedia.com/100755/ (дата обращения: 17.02.2026). На араб. яз.

определялась различными сценариями окончания боевых действий в САР, исходя из интересов крупных региональных и международных игроков. С этой точки зрения нельзя исключать, что некоторые политики на Западе и в арабских странах могли рассматривать приход к власти в САР ХТШ* и правительство аль-Шараа как некий фактор политического транзита. Впоследствии его можно будет заменить на более удобный и понятный Западу, режим по аналогии с Египтом периода 2013 г. Тогда армия свергла законно избранного президента-исламиста М. Морси менее чем через год после его прихода к власти. Не стоит забывать, что в Египте около 95% населения представлено мусульманами-суннитами, а египетская контрразведка неустанно «пасет» исламистскую и политическую оппозицию в стране.

Что уж тут скажешь о Сирии, население которой отличается конфессиональной и этнической пестротой? Многие конфессиональные меньшинства и крупные этнические группы имеют собственные воинские формирования и вынашивают сепаратистские планы. С учетом лабильной ситуации в Сирии и вокруг нее, неопределенности удержания власти нынешним сирийским режимом, особенно в случае начала крупномасштабной войны в регионе, практическая реализация российских мероприятий в САР должна быть взвешенной и продуманной, носить адресный характер, отличаться точным целеполаганием.

Таким образом, последние события на Ближнем Востоке сложно отделить от того, что может готовиться за кулисами американо-израильской политики в отношении Ирана и региона, в целом. Возвращение «Хезболлы» на политическую арену Ливана, силовые акции шиитских милиций Ирака и отход «Хуситов» от умеренных позиций указывают на подготовку новой войны Израиля и США против Ирана. Турция выступает активным посредником в налаживании отношений между новым сирийским режимом и «Хезболлой». В середине января 2026 года несколько высокопоставленных офицеров «Хезболлы» посетили Анкару. Представители организации высоко оценивают предоставление турецкой территории как платформы для продолжения политических контактов между

«Хезболлой»" и исламским сопротивлением юга Ливана после ухода Ирана. В отличие от 1995 года, речь пока не идет о новом канале переправки оружия силам «ИС» Ливана. «Хезболла» дала сирийскому режиму гарантии, что не будет вмешиваться во внутренние дела САР, и помогла Дамаску наладить контакты с рядом высокопоставленных шиитских авторитетов в Ливане. С другой стороны, организация обеспокоена судьбой 40 ливанских деревень в пограничной зоне на сирийской территории, которые находятся под контролем сирийской армии. Сирийские власти пообещали строго придерживаться достигнутых с аль-Шараа руководством «Хезболлы» и Ираном договоренностей о безопасности шиитов Ливана и Сирии. На переговорах с турецкими военными представители «Хезболлы» ясно дали понять, что готовы поддержать Дамаск в переговорах с Израилем, но не за счет интересов Ливана. В то же время руководители организации понимают, что бывшую «Ось исламского сопротивления» уже не восстановить. Однако в случае новой войны с Ираном и вовлеченности в нее Дамаска ситуация может достаточно быстро измениться, и не в интересах Израиля [333] . США категорически против образования в Ираке проиранского правительства во главе с Нури аль-Малики. Особое подозрение Вашингтона вызывает односторонняя ориентация в политике Н. аль-Малики на Иран. В качестве инструмента давления на Ирак Вашингтон намерен использовать тот факт, что доходы от иракской нефти до сих пор хранятся в федеральном резервном банке Нью-Йорка. США продолжают настаивать на том, что продолжающиеся финансовые транзакции в Иран из Ирака подрывают общий фронт борьбы с терроризмом. Крупнейшие оппозиционные иранские парламентские фракции «Координационные комитеты» выступают против превращения иракской территории в поле битвы между Ираном и США. Они считают, что путем угроз и шантажа США хотят переформатировать политический режим в Ираке. Власти Багдада стремятся сбалансировать отношения с Ираном и милициями, с одной

[333] Камах, А. Хезболла-аль-Шараа-мархаля-джус-набд («Хезболла» и аль-Шараа, время прощупать пульс) Аль-Мудун. 19.01.2026. https://www.almodon.com/politics/https://tinyurl.com/3szf3xtn (дата обращения: 20.01.2026). На араб. яз.

стороны, и избежать более сильного экономического американского давления – с другой. Ирак продолжает оставаться в зоне политической турбулентности американо-иранского конфликта. С одной стороны, ослабевший Иран и его союзники, с другой – усиливающееся давление США. В какой-то степени власти ближайшего арабского соседа Ирана находятся перед экзистенциональным выбором своей дальнейшей судьбы, что превращает их в заложника складывающейся ситуации. Главный вопрос: когда может начаться новая война против Ирана? По данным арабских военных экспертов, Россия наращивает поставки оружия в Иран в рамках ранее заключенного договора. По оценке советника Верховного лидера ИРИ А. Велаяти, который в конце февраля 2026 года сосредоточил в своих руках эксклюзивные полномочия, закрытие Газы означает открытие второго фронта в борьбе с Ираном. Несмотря на усилия Катара и Омана, ирано-американские переговоры по иранскому атому заходят в тупик. Прошедшая в 20-х числах января 2026 года неофициальная встреча иранских и американских представителей выявила отсутствие общей платформы для возобновления ирано-американских переговоров по ядерной проблеме ИРИ. Президент США Д. Трамп категорически против обладания Ираном мирного атома. О чем он еще раз заявил на форуме в Давосе, открывая совет мира 23 января 2026. США хотят изменить характер иранской ближневосточной политики, которую считают угрозой Израилю и своим арабским союзникам на Ближнем Востоке. Если Иран не выполнит требования, то США нанесут новые удары по Ирану, о чем свидетельствует концентрация американских сил в Персидском заливе. Иран отказывается прекратить обогащение урана, сократить дальность ракет до 300 км, распустить иракские милиции и пересмотреть отношения с Россией и Китаем. В случае американо-израильской атаки Иран готов развязать масштабную войну в регионе[334]. Тегеран уже заявил, что провал переговоров и выход из СВПД, даст старт подготовке к созданию 8 новых ядерных реакторов. Военное руководство

[334] Кассами, Ф. Аль-джарида-такшифу-ан-лль-иджтима-ираний-амрикий-гейр-расмий (Аль-Джарида раскрывает подробности ирано-американской неофициальной встречи). Аль-Джарида). 23.01.2026. https://www.aljarida.com/article/121099 (дата обращения: 24.01.2026). На араб. яз.

ИРИ пришло к выводу, что колебания Ирана во время 12-дневной войны в отношении перекрытия Ормузского пролива и ударов по базам США на территории арабских стран было ошибкой. Одновременно усиливается американское давление на Ливан и Ирак по вопросам разоружения «Хезболлы» и шиитских милиций Ирака. США дали понять, что нанесут удары по позициям «ИС» в этих странах, если они будут препятствовать американским приготовлениям к новому удару по ИРИ. Тегеран извлек уроки из июньской войны с Израилем 2025 года. Состоявшиеся в середине января 2026 года переговоры министра иностранных дел ИРИ А. Аркачи с руководством «Хезболлы» в Ливане показали, что Иран намерен продолжить укреплять военный потенциал организации. Сегодня уже нет прежней уверенности в том, что в случае атаки на Иран «Хезболла», «Хуситы» и шиитские милиции Ирака не откроют второй фронт. На этом фоне международное сообщество ведет себя достаточно пассивно. До сих пор не был предпринято никаких усилий по сдерживанию новой войны. Между основными участниками конфликта не были заключены соответствующие политические соглашения, не отработан механизм международного контроля над прекращением огня[335].

На рубеже XX-XXI вв. особенности трансформации международных отношений оказали большое влияние на формирование и развитие арабо-иранского взаимодействия на Ближнем Востоке. С другой стороны, динамика ближневосточного политического процесса и происходящие в регионе трансформации сегодня во многом определяются политикой Ирана и характером его отношений с арабскими странами, региональными и мировыми державами на Ближнем Востоке.

28 февраля 2026 года началась новая американо-израильская операция против Ирана. Основной целью операции являлось свержение правящего в Иране режима. Ракетные и американские удары были нанесены по военным и

[335]Рихан, И. Аль-муваджаха-аль-иранийя-аль-исраилийя-аль-сания-аля-аль-абваб (Вторая ирано-израильская война стучится в ворота). Аль-Асас, 11.11.2025. https://asasmedia.com/100026/ (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.

гражданским объектам Ирана. В результате погиб Верховный лидер ИРИ А. Хаменеи и несколько высокопоставленных иранских военных. Со своей стороны, Иран нанес несколько ракетно-бомбовых ударов по американским целям в ряде арабских монархий Персидского залива и по израильским военным объектам. Ближний Восток погрузился в атмосферу хаоса и неопределенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подводятся основные итоги и содержатся выводы выполненного диссертационного исследования, касающиеся различных аспектов арабо-иранских отношений и их перспектив в условиях трансформации системы международных отношений и безопасности на различных этапах политического развития Ближнего Востока на рубеже XX-XXI веков.

Основные выводы диссертационного исследования:

1. Арабо-иранские отношения играли большую роль в современных политических процессах на Ближнем Востоке. Их характер, особенности формирования и развития оказывали заметное влияние на изменение структуры международных отношений и международной безопасности на Ближнем Востоке. В свою очередь ряд крупных трансформаций общественно-политического характера, которые определяли развитие Ближнего Востока в последней трети XX – первой четверти XXI веков оказали большое влияние на изменение политики арабских стран и Ирана.

2. Результаты проведенного исследования процессов глобализации и регионализации и их влияния на проблемы международных отношений на Ближнем Востоке показали, что некоторые прежние подходы и методы, выработанные в рамках различных теорий международных отношений, не всегда могли дать адекватное объяснение политике ближневосточных государств. В то же время эта политика непосредственно воздействовала на характер отношений Ирана с арабскими странами. В результате, многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью обобщенности, в вопросах исследования арабо-иранских отношений на современном Ближнем Востоке перестали корректно отражать реальное положение дел.

3. Разработанная автором исследовательская модель на междисциплинарной основе и адаптированная к ближневосточным реалиям помогла устранить отмеченные теоретические недостатки. Она расширила горизонты исследования изучаемой предметной области, сформировав новые подходы и направления

исследования арабо-иранских отношений в условиях политических трансформаций на Ближнем Востоке в указанных хронологических и географических рамках проводимого исследования.

4. Факторы, определявшие становление и развитие арабо-иранских отношений можно условно объединить в несколько кластеров. Их содержимое определялось показателями системного характера: особенностями развития структуры международных отношений и безопасности, политикой региональных и мировых держав на Ближнем Востоке, а также критериями органически присущими арабам и иранцам, их историческим наследием, этноконфессиональными различиями и близостью. Немаловажное значение имели теоретические установки, идеологические модели государств, их демографические показатели, географические параметры, специфика ресурсной базы, а также опыт национально-государственного строительства в указанный период времени. Региональное политическое соперничество и экономическая конкуренция наряду с различиями культурно-цивилизационного порядка влияли на выбор приоритетов национальной политики и безопасности арабских стран и Ирана. Наряду с этим нельзя не учитывать роль внешнего фактора и политики мировых держав на Ближнем Востоке, которые во многом определяли характер межгосударственных отношений в течение нескольких последних десятилетий. Возможности Ирана и арабских стран самостоятельно выстраивать свои отношения были ограничены и подвергались влиянию извне. Теоретически системные факторы международных отношений могли позитивно воздействовать на характер отношений Ирана с арабскими странами. Однако на деле это влияние по большей части носило негативный характер. Фактор Израиля и межарабского соперничества сильно влияли на характер арабо-иранских отношений

5. Объяснять напряженность в арабо-иранских отношениях исключительно различиями в этноконфессиональном составе населения двух стран и представлениями об Иране как экспансионистском государстве, исторически сложившемся арабо-иранским соперничеством было бы неверным. Арабо-иранское соперничество и вражда не отличались предопределенностью и не носили

неизбежного характера, а могли при определенных условиях нормализоваться. Конфессиональные, этнические и культурные факторы могли серьезно осложнить арабо-иранские отношения, но, в конечном счете, не определяли их. Наряду с конфессиональными, этническими и культурно-цивилизационными факторами, существовали более весомые обстоятельства и причины системного характера, которые определяли арабо-иранские отношения в последние десятилетия.

6. Ряд событий регионального характера и изменения в политике мировых держав на Ближнем Востоке на рубеже XX-XXI веков оказали большое влияние на изменение арабской политики Тегерана. Исламская революция 1979 года коренным образом изменила характер арабо-иранских отношений. Попытки экспорта исламской революции в соседние арабские страны и создание ливанской «Хезболлы» в 1982 существенно осложнили арабо-иранские отношения. Ирано-иракская война 1981-1988 годов усилила опасения Ирана с точки зрения сохранения территориальной целостности и национального суверенитета. Кувейтский кризис и война в Персидском заливе (1990-1991), американская оккупация Ирака (2003) обострили нерешенные пограничные вопросы между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива и создали напряженность в ирано-иракских отношениях. На волне событий в Арабском мире в 2010-2011 гг. силовая оставляющая во внешней политике Ирана и арабских стран стала превалировать. В условиях эскалации напряженности на Ближнем Востоке этнические и национальные особенности арабов и иранцев оказывались сильно политизированными и рассматривались обеими сторонами в плоскости защиты национальной безопасности и сохранения территориальной целостности государства. Действительно, в последние десятилетия вопросы безопасности и стремление к капитализации власти играли заметную роль в формировании ключевых параметров арабо-иранских отношений.

7. Кризис в САР (2011-2024 гг.) бросил вызов ближневосточной политике Ирана и открыл новые возможности перед иранской политикой на Ближнем Востоке. Вооруженное вмешательство Ирана в Сирию и Ирак, создание шиитских милиций, гуманитарная дипломатия, борьба с ИГИЛ* укрепили позиции Ирана и

Сил исламского сопротивления (ИС) на Ближнем Востоке. Силовая политика ИРИ на Арабском Востоке изменила характер взаимоотношений Ирана с Россией, США, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива и привела к вооруженной конфронтации Ирана с Израилем, которая вышла за пределы Сирии, негативно отразившись на характере отношений Ирана с другими ближневосточными странами. Ирано-израильское вооруженное противостояние затормозило процесс сирийского урегулирования. Предпринятые странами ССАГПЗ усилия постепенного налаживания отношений с Тегераном в процессе сирийской нормализации не принесли позитивных результатов. Политика Тегерана на Ближнем Востоке, в целом определялась противоборством с Израилем и США, в конечном итоге спровоцировав войну в Газе (2023), приведшую к губительным последствиям для позиций ИРИ в регионе и внутренней безопасности самого Ирана.

8. Участие Ирана в войне в Газе привело к резкому ослаблению позиций Ирана и сил «Исламского сопротивления» в Палестине, Ливане, Сирии и Ираке. Торгово-экономическая экспансия Ирана в Сирию и выкачивание финансовых средств из сирийского бюджета усугубили экономическое положение страны. Распространение шиитского вероучения и отчуждение значительной части жилого и земельного фонда в пользу шиитских милиций вызывали растущее недовольство у части офицерского корпуса, снизив его мотивацию в защите режима. Односторонняя ориентация аль-Асада на Иран и «Хезболлу» привела к втягиванию Дамаска в войну в Газе. Изменение баланса сил внутри Сирии и рост международного соперничества усилили экспансионистские настроения у части противников сирийского режима и, наоборот, снизили уровень его поддержки со стороны союзников в лице России и Ирана. К концу 2024 года сложились благоприятные условия для захвата Дамаска, что завершилось свержением режима аль-Асада, крахом ирано-сирийского альянса. После падения режима аль-Асада в САР прежний баланс сил на Ближнем Востоке изменился. На смену шиитской «Оси исламского сопротивления» пришли суннитские политические силы и вооруженные милиции. Ослабление военных потенциалов ХАМАС в Палестине,

«Хезболлы» в Ливане, «Хуситов» в Йемене, шиитских милиций в Сирии и Ираке не принесло мира в эти арабские страны и не укрепило безопасность Израиля. Глобальное военно-политическое противостояние трансформировалось в целый комплекс региональных кризисов и вооруженных столкновений. Практически все ближневосточные государства оказались вовлеченными в сложную систему межгосударственных противоречий.

9. Ирано-израильская война 2025-2026 годов коренным образом изменила геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. В отличие от прежних вооруженных конфликтов, основными участниками которых выступали, как правило, прокси-силы, эта была война между двумя государствами, политика которых в последние годы во многом определяла динамику развития политического процесса на Ближнем Востоке. Ирано-израильский вооруженный конфликт выявил ряд новых тенденций в развитии системы международных отношений и безопасности на Ближнем Востоке. Война изменила прежние принципы выстраивания различного рода региональных альянсов и союзов, правила и параметры определения нового миропорядка на Ближнем Востоке в обозримой перспективе. Растущие претензии Израиля на место регионального лидера и его стремление навязать однополярный «Новый Ближний Восток» ставили страны ССАГПЗ перед нелегким выбором. Едва ли политическая стратегия арабских монархий сможет долго балансировать на грани сомнительных выгод от нормализации отношений с Израилем и сдерживания его стремлений к региональному доминированию. Американское вмешательство продемонстрировало, что опора на США в долговременном плане больше не гарантирует безопасность, а политика нейтралитета не гарантирует стабильность. Война вскрыла технологическую неготовность арабских стран к ведению гибридных войн, обнажила уязвимые моменты иранской стратегии противостояния Израилю и США, создав, таким образом, предпосылки к объединению арабо-иранских усилий в защите своего национального суверенитета. Однако в этом случае тактический ответ ИРИ должен заключаться не столько в поддержании военной мощи, сколько в поиске новых инструментов

внешней политики. Характер отношений ИРИ с арабскими странами в значительной мере определяется динамикой межарабских отношений, лейтмотивом которых является поддержание региональной стабильности. Исключительная опора ИРИ на инструмент военной силы рассматривается арабскими странами как фактор опасности и риска.

10. Российско-иранское взаимодействие в САР носило в целом конструктивный характер. Москва и Тегеран практиковали общий военно-политический подход в сирийском кризисе. К тому же, российско-иранские отношения выходили далеко за пределы Сирии и не ограничивались одним Дамаском и поддержкой аль-Асада. В Сирии, несмотря на смену власти, Москва вопреки некоторым ожиданиям, не только не ушла из этой арабской страны, но активизировала контакты с новыми сирийскими властями в интересах сохранения своего военно-политического присутствия в Средиземноморье. Российская политика в САР была обусловлена соображениями геополитического порядка, интересами российской национальной безопасности, а также историческим наследием российско-сирийских связей. Они представляют собой сложный комплекс отношений, где переплетаются проблемы сирийской безопасности с международной обстановкой вокруг Сирии. В этой связи сирийский режим рассматривает отношения с Москвой как весьма полезные. Несмотря на смену власти в Сирии, Россия пользуется большим влиянием в регионе от Ирана до Ливии. Москва играет уникальную стабилизирующую роль в ключевых вопросах военной и энергетической безопасности, политике и экономике региона. Война с Ираном открывает перед Москвой новые возможности в разных форматах, – от Украины до Ормузского пролива и от Калининграда до Персидского залива.

В диссертации были рассмотрены и сформулированы основные принципы, закономерности, теоретические основы и логика развития отношений Ирана с арабскими странами на протяжении хронологически значительного периода. Решение этой задачи позволило добиться получения максимально объективных результатов и новых выводов в процессе изучения факторов влияния в развитии арабо-иранского взаимодействия в условиях трансформации международных

отношений, конфессиональной деструкции ближневосточного социума, изменения структуры региональной безопасности, трансформации характера войн и роли негосударственных вооруженных формирований на Ближнем Востоке. В итоге автор смог провести оригинальное комплексное исследование по теме диссертации, наполнив его новым научным качеством, актуальными практическими выводами в области арабо-иранских, международных отношений и безопасности, а также рекомендациями в сфере российско-сирийских связей и взаимодействия России с Сирией и Ираном в регионе с учетом российских интересов на Ближнем Востоке.

Степень достоверности результатов проведенных исследований

Диссертация В.М. Ахмедова выполнена на высоком научном уровне. Положения работы и выводы убедительны. Достоверность и обоснованность результатов, полученных автором, обусловлена глубоким анализом широкого круга разнообразных источников и научных работ российских и зарубежных ученых. Апробация полученных результатов осуществлена в выступлениях на научных конференциях, а также в 24 индивидуальных монографиях и многочисленных статьях в научных журналах и сборниках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники, официальные документы, материалы статистики

1. Central Bureau of Statistics. Syria. https://www.cbssyr.sy/.
2. Central Agency for Public Mobilization and Statistics capmas.gov.eg/.
3. Constitutional Project. https://www.constituteproject.org/?lang=ar.
4. General Authority for Statistics (GASTAT). www.stats.gov.sa/en/.
5. Impact Iran/https://impactiran.org/.
6. Iran Social Science Data Portal/https://irandataportal.syr.edu/.
7. Iraqi Council of Representatives. https://iq.parliament.iq/en/
8. Ministry of Justices. Iraq. https://moj.gov.iq/.
9. Ministry of Justices. Syria. http://moj.gov.sy/ar/.
10. Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Iran, https://en.mfa.ir/.
11. Minister of Foreign Affairs (Egypt), https://www.mfa.gov.eg/ar.
12. Ministry of Culture and Islamic Guidance - Farhang, https://www.farhang.gov.ir/en/home/.
13. Official account of the Presidency of the Syrian Arab Republic. https://x.com/SyPresidency/.
14. Syrian Observatory for Human Rights (SOHR). https://www.syriahr.com/en/category/sohr/.
15. Syrian Prime Ministry. https://pministry.gov.sy/.
16. Syrian Network for Human Rights. https://anhr.org/.
17. Statistical Centre of Iran. https://amar.org.ir/en/.
18. Syrian Arab Republic's Constitution of 2012 https://www.constituteproject.org/constitution/Syria_2012.pdf?lang=en.
19. Statistical Centre of Iran. https://amar.org.ir/en/; General Authority for Statistics (GASTAT). www.stats.gov.sa/en/.
20. The Syria Report Official Documents Database. https://odd.syria-report.com/.
21. The Iran Social Science Data Portal. https://irandataportal.syr.edu/.

22. The Constitutional Council Iran. https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-tex.
23. The Official Website for Propagating the Thoughts of the Founder of Islamic Republic of Iran, http://ar.imam-khomeini.ir/.
24. UN Security Council. http://unscr.com/en; UNOCHA, Iraq. https://www.unocha.org/iraq.
25. United Nations Assistance Mission to Iraq/https:www.uniraq.org/
26. Аль-Марказ Аль-Сурий ли-ль-бухус. Далиль-аль-марказ-аль-сурий-ли-бухус-аль-сиясия-ли-асар-аль-мустагхляка-фи-сурия-ли-фатра-тишир-аль-аваль-2020-хузейран-2022 (Справочник Сирийского центра политических исследований цен на потребительские товары в Сирии в период октября 2020-июля 2022). https://bit.ly/3vVbj1V.
27. «Аль-Акса» (Иордания).
28. Аль-такрир-аль-иктисадий-иля-ль-муатамар-аль-садис-ли-ль-хизб-аль-шуюый-аль-сурий, авасит таммуз 1986, Димашк (Экономический доклад шестому съезду Сирийской коммунистической партии. Середина июля 1986. Дамаск), 1986.
29. «Аль-Наср» (Египет),
30. «Джейш Аль-Шааб» (Сирия),
31. Визара-аль-хариджийя-аль-мамляка-аль-арабийя-аль-саудийя (Министерство иностранных дел Саудовской Аравии) https://www.mofa.gov.sa/ar/Pages/default.aspx.
32. Визара-аль-хариджийя-ва-аль-мугхтарибин-аль-джамхурийя-аль-арабийя-аль-сурия(Министерство иностранных дел и эмиграции Сирийской Арабской Республики) https://mofaex.gov.sy/.
33. Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муатамар аль-кутрий ас-самин. Димашк (Партия арабского социалистического возрождения. Материалы восьмого съезда. Дамаск), 1985.

Литература

На русском языке

34. Алиев С. М. Иран 60-70-х-годов: социальные и политические сдвиги // Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60-70-е гг. М., 1980, с. 256-303.
35. Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с. 302.
36. Алиев С. М. История Ирана. XX век / Алиев С. М. Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004, с. 648.
37. Аль-Жаруан М. Х. А. Стратегия внешней политики Исламской республики Ирана в регионе Ближнего Востока после «Арабской весны». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2020, с. 42.
38. Арабаджян А. З. ИРИ – СССР // Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки. / Отв. ред. А.З. Арабаджян. М., 1989, с. 438-445.
39. Арабаджян З. А. Иран: власть, реформы, революции (XIX-XX вв.). М.: Наука, 1991, с. 125.
40. Арабаджян А. З. Сверхдержавы и Исламская Республика Иран (точка зрения) / Отв. ред. Мамедова Н.М. и Мехди Санаи // Иран: ислам и власть. М., 2001, с. 220-237.
41. Арабаджян А. З. Иран: экономический потенциал: первая половина 90-х годов. М., 2002, с. 384.
42. Арунова М. Р. Российско-иранские отношения на современном этапе и афганская проблема. С. 95-116 // Иран и Россия / Отв. ред. Н.М. Мамедова / ИВ РАН, Ин-т изуч. Изр. и Ближ. Востока. М., 2004, с. 175.
43. Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1994, с. 14.

44. Бакланов А. Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: К созданию системы региональной безопасности // А. Г. Бакланов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО (ун-т), 2001, с. 169.
45. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2004, с. 365.
46. Ближний и Постсоветский Восток: 2022 [коллективная монография] / [Аватков В. А., Гузаеров Р. И., Крылов Д. С. и др.]; под редакцией В. А. Аваткова; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. М.: ИНИОН, 2023, с. 156.
47. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002, с. 377.
48. Васильев А.М. Рецепты Арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм, 2012, с. 304.
49. Воробьев С. В. и др. Российская помощь Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012-2018 гг.). Дипломатическая академия МИД России, Финансовый университет при Правительстве РФ [и др.]. Ч. 1. М.: Горизонт, 2021, с. 234.
50. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. проф. А. Д. Воскресенского. М., 2002, с. 528.
51. Виталий Наумкин, Василий Кузнецов. Ближний Восток и будущее полицентричного мира. Международный дискуссионный клуб «Валдай». М.: Валдай, 2023, с. 24.
52. Виталий Наумкин, Василий Кузнецов. Сирия и развилки ближневосточной неопределённости. Международный дискуссионный клуб «Валдай». М.: Февраль 2025. https://ru.valdaiclub.com/files/50877/l (дата обращения: 12.09.2025).
53. Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Контуры нового миропорядка и БРИКС+. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5, с. 61-81.

54. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Углубление кризиса Мир-Системы, реконфигурация Мир-Системы и их потенциальное влияние на дестабилизацию, и деградацию окружающей среды // История и современность. 2024. № 2, с. 3–27. DOI: 10.30884/iis/2024.02.01.
55. Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее: монография. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025, с. 480.
56. Гринин Л. Е. Революция и модернизационные ловушки. История и современность. №2, Июнь, 2023-3-28 с. 4-29. DOI: 10.30884/iis/2023.02.01.
57. Гусаров В. И. Экономическая независимость арабских стран: Предпосылки и условия достижения / В. И. Гусаров. М.: Изд-во МГОУ: АО «Росвузнаука», 1993, с. 269.
58. Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М., 2007, с. 149.
59. Донцов В. Е. Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. М., 2001, с. 307.
60. Дорошенко Е. К вопросу об экспорте «исламской революции» (теория и практика) // Специальный бюллетень, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А. З. Арабаджян, Л. Е. Скляров. М.: Наука, 1984, с. 136-145.
61. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 234 с.
62. Дружиловский С. Б. Российско-иранские отношения после создания Исламской Республики Иран // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015, с. 260.
63. Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность. // Иран во втором десятилетии XX века: вызовы и перспективы / Под ред. Мамедовой Н. М., Каменевой М. С., Федоровой И. Е. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А. В., 2016, с. 52-57.
64. Долгов Б. В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011−2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021, с. 225.

65. Дунаева Е. В. Подходы ИРИ к решению проблемы правового статуса Каспийского моря // Иран и исламские страны. М., 2009, сс. 86-94.
66. Дунаева Е. В. Развитие политического процесса в Иране в 2005-2012 гг. С. 91-107. В Сб.: Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.
67. Дунаева Е. В. Россия и Иран: культурный аспект взаимодействия // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015, с. 260.
68. Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. №. 4. 2018, с. 169–189. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189.
69. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М. Особенности формирования внешней политики ИРИ // Институт Ближнего Востока // https://www.iimes.ru/?p=12154&ysclid=mkwqwofdb8589565626 (дата обращения: 20.08.2025).
70. Егорин А. З. Ближний Восток: гонка вооружений. «во имя мира». М.: ИИИБВ – РАЕН, 2000, с. 208.
71. Заходер Б. Н. (1898-1960). История восточного средневековья [Текст]: (Халифат и Ближний Восток) / Проф. Б. Н. Заходер; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 1944, с. 152.
72. Звягельская И. Д Динамика ближневосточных конфликтов. В книге: Ближний Восток: Политика и идентичность. М., 2024, с. 237-248.
73. Звягельская И., Тюкаева Т. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2(61), с. 80-95. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-2-80-95.
74. Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б.Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973, с. 47-72.
75. Игнатенко А. А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем

Востоке // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-первая половина 80-х годов). М., 1987, с. 49.

76. Ильина Ю. И. Усиление влияния Исламской республики Иран на политические процессы в странах Ближнего Востока в региональном и глобальном контекстах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2022, с. 35.
77. Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки. М., 1988, с. 557.
78. Иран и глобальные вызовы. Напряженное десятилетие 2013–2023. Колл. монография / отв. ред. Е. В. Дунаева, В. И. Сажин. М.: ИВ РАН, 2025, с. 476.
79. Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации. Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019, с.42-52.
80. Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1986, с. 238.
81. Киселев С. Г. Геоцивилизации, глобализация и регионализация // Век глобализации. 2024. № 4, с. 158–168. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.13 (дата обращения: 20.08.2025). Коротаев А. В., Исаев Л. М., Зинькина Ю. В. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе. История и современность. 2023. № 4 (50), с. 79-118.
82. Краснов К. Г., Юртаев В. И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. No 4, с. 616-627.
83. Кудрявцев А. В. Арабский мир и палестинская проблема. М., 1990, с. 133.
84. Ланда Р. Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005, с. 319.

85. Кузнецов А. А. О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3, с. 146-155.
86. Кузнецов В. А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток (Опет), 2017, № 3, с. 25-37.
87. Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, Религия, Церковь. № 3 (35), 2017, с. 85-111.
88. Кузнецов В. А., Наумкин В. В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1, с. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.
89. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М., 1981, с. 190.
Кулагина Л. М. Новые тенденции во внешней политике ИРИ (90-е годы) // Иран: эволюция исламского правления. М., 1998, с. 194.
90. Кулагина Л. М. Общая оценка внешней политики ИРИ // Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки / Отв. ред. А. З. Арабаджян. М., 1989, с. 445-449.
91. Кулагина Л. М. Основные направления внешней политики ИРИ на современном этапе // Ближний Восток и современность. М., 1996. №2, с. 15-24.
92. Кулагина Л. М. Иран во второй половине XIX – начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в. Книга 2. М.: ИВ РАН, 2005, с. 70-83.
93. Мамедова Н. М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997.
94. Мамедова Н. М. Российско-иранское сотрудничество: многосторонность аспектов, с. 28-33 // Север – Юг – Россия 2008: Ежегодник / Отв. ред. В. В. Сумский, В. Г. Хорос. М., 2009, с. 247.

95. Мамедова Н. М. Иран: особенности формирования политической элиты. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. №1, 2016, с. 121-127.
96. Мамедова Н. М Политическая система исламской республики Иран: особенности и возможности трансформации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3.
97. Мамед-заде П. Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX – начале XXI в. С93-98 // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. М., 2006, с. 124.
98. Мартин Г. Т. Телос глобализации: на пути к единству в многообразии. Завершение перехода к парадигме единой Конституции Земли // Век глобализации. 2023. № 4, с. 3–21.
99. Матвеев И. А. Сирия в конфликте. М.: ИВ РАН. 2020, с. 496.
100. Мелкумян Е. С. Иран и Арабские государства Персидского залива: новые тенденции в развитии отношений // Азия и Африка сегодня. 2001. № 11, с. 18-23.
101. Мелкумян Е. С. Регион Персидского залива: влияние ислама на взаимоотношения региональных государств // Иран и исламские страны. М., 2009, с. 269.
102. Мелкумян Е. С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. М.: ИВ РАН, 2023, с. 317.
103. Медведко Л. И. Этот Ближний бурлящий Восток. М.: Политиздат, 1985, с. 335.
104. Медведко Л. И. Россия, Запад, ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. М.: Кучково поле, 2003, с. 509.
105. Мирский Г. И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., 1989.

106. Мусульманские страны современного мира – идентичность, экономика, политика: сборник статей / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025, с. 736.
107. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. No. 1, с. 66–96.
108. Наумкин В. В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. № 6, с. 67-80.
109. Орлов Е. А. Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений) / Отв. ред. Мамедова Н. М. и Мехди Санаи // Иран: ислам и власть. М., 2001, с. 193-206.
110. Политические системы и политические культуры Востока. Алаев Л. Б., Ахмедов В. М., Беккин Р. И., Белокреницкий В. Я., Володин А. Г., Воскресенский А. Д., Гудошников Л. М., Денисов В. И., Донцов В. Е., Дружиловский С. Б., Емельянов А. Л., Ефимова Л. М., Кудряшова И. В., Лалетин Ю. П., Лузянин С. Г., Лунев С. И., Молодякова Э. В., Сапронова М. А., Старостин Б. С., Старостин П. Б. и др. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (2-е издание, переработанное и дополненное). М., 2007, с. 892.
111. Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006, с. 300.
112. Примаков Е. М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002, с. 196.
113. Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016, с. 450.
114. Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.
115. Пырлин Е. Д. Трудный и долгий путь к миру. М.: РОССПЭН, 2002, с. 508.
116. Раванди-Фадаи Л. М. Этно-конфессиональные проблемы в современном Иране, с. 172-182. В Сб.: Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.

117. Римский В. П., Мизаев В. Н., Резник С. В. Исламский культурно-цивилизационный проект в трансформирующемся мире модерна // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 4, с. 37-44.
118. Резник Ю. М. Цивилизационный проект – идея, цели, идеология // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2, с. 5-29.
119. Розов А. А. О перспективах нового стратегического альянса на Ближнем Востоке. // Институт Ближнего Востока/http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/02-12-
06.htm (дата обращения: 20.03.2024).
120. Рыжов И. В., Бородина М. Ю., Савичева Е. М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2023. Т. 15. № 2, с. 418-435.
121. Рыжов И. В., Хохлышева О. О., Колобов О. А. Последствия изменения международной ситуации через призму совещания ЛАГ в Джидде // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 5, с. 125-138.
122. Рыжов И. В., Дубинин А. И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2025, № 2, с. 123-134.
123. Рыжов И. В., Дубинин А. И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2025, № 2, с. 123-134.
124. Рыжов И. В., Бородина М. Ю. Исламизация как альтернативный сценарий глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения, 2025, № 6, с. 80-95.

125. Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003, с. 327.
126. Сажин В. И. Ирано-Иракская война (1980-1988 гг.) (Исторические, идеологические и военно-доктринальные аспекты. Влияние войны на военное строительство и выработку военной доктрины Исламской Республики Иран): автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990, с. 28.
127. Сажин В. И. Военная мощь Ирана в контексте региональной и глобальной политики // Ближний Восток и современность / Отв. ред. Исаев В. А., Филоник А.О. Выпуск седьмой. М., 1999, с. 283-296.
128. Сажин В. И. Треугольник Россия-Иран-США (Итоги и перспективы развития российско-иранских отношений в новых геополитических условиях) // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. https://www.iimes.ru/rus/stat/2002/26-06-02.htm?ysclid=mkwqzeruzv648273791 (дата обращения: 20.08.2024).
129. Сажин В. И. Военная напряженность вокруг Ирана, с. 64-81. В Сб.: Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013, с. 220.
130. Скляров Л. Е. Роль Ирана в современных интеграционных процессах в Центральной и Западной Азии // Исламские страны и регионы / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, О. И. Жигалина. М., 1994, с. 186-203.
131. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999, с. 584.
132. Сотников В. И. О безъядерной зоне на Ближнем Востоке // Институт Ближнего Востока. http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/31-01-11.htm (дата обращения: 11.03.2025).
133. Степанова Е. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России. Пути к миру и безопасности, 2012. № 2(43), с. 7-25.
134. Тишьяр М. О развитии ирано-российского сотрудничества. Россия и Иран: культурный аспект взаимодействия // Российско-иранские отношения.

Проблемы и перспективы / Под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015, с. 260.

135. Тронов А., Лукоянов А. Саудовская Аравия и Исламская Республика Иран: реальность дня // Агентство политических новостей Казахстана: [сайт]. URL: http://www.apn.kz/publications/print379.htm (дата обращения: 20.03.2025).
136. Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020, с. 370.
137. Ушаков В. А. Внешняя политика Ирана и эволюция понятия «экспорт исламской революции» в 90-е годы // Иран: эволюция исламского правления. М., 1998, с. 67-98.
138. Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир. 1979-1998 гг. М., 1999, с. 215.
139. Ушаков В. А. Иранская внешняя политика накануне XXI-го века // Ближний Восток и современность / Отв. ред. Исаев В. А., Филоник А. О. Выпуск шестой. М., 1998, с. 226-245.
140. Федорова И. Е. Влияние политики США на отношения Ирана с соседними странами. // Иран и исламские страны. М., 2009, с. 72-78.
141. Федорова И. Е. Иран – США: диалог и противостояние. М., ИВ РАН, 2004, с. 141.
142. Федорченко А. В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Международная жизнь. 2013. № 6, с. 65-76.
143. Федорченко А. В. Состояние и перспективы национального диалога в Йемене в контексте обострения политического и военного противоборства в стране // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2014. № 3 – 4 (9), с. 237-250.
144. Федорова И. Е. Элементы панираниз̆ма во внешней̆ политике Ирана. Ислам на Ближнем и Среднем Востоке, 2015. No. 9, с. 437-442.
145. Филин Н.А. Легитимация власти верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных

деятелей // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4-2, с. 230-238.

146. Филин, Н. А., Ходунов А. С. Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 3, с. 131-147.
147. Хазанов А. М., Гасратян С. М. Ближневосточная мозаика: Израиль versus Сирия. Институт востоковедения РАН. М., 2024, с. 470.
148. Ходынская-Голенищева М. С. Военно-политическая линия России в Сирии: ликвидации зон деэскалации «Восточная Гута» и «Хомс», замирения в Восточном Каламуне и на юге Дамаска. ИБВ. 24 июня, 2018. http://www.iimes.ru/?p=45423 (дата обращения: 19.05.2025).
149. Хуторская В. В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии / Отв. ред. Мамедова Н. М. и Мехди Санаи // Иран: ислам и власть. М., 2001, с. 220-237.
150. Цуканов В. П. Анализ сквозь призму ответов на анкетные вопросы // Иран и Россия / Отв. ред. Н. М. Мамедова. ИВ РАН, Ин-т изуч. Изр. и Ближ. Востока. М., 2004, с. 78-94.
151. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2007, с. 580.
152. Юртаев В. И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979-2010 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.15 / Юртаев Владимир Иванович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2012, с. 43.
153. Яковлев А. И. Региональные аспекты мирового кризиса: смена модели развития в странах Арабского Востока // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2, с. 82-104.

На европейских языках

154. Aarabi, K. What Is Velayat-e Faqih ?. Tony Blair Institute for Global Change, 20 March 2019. https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih (accessed: 20.01.2026).
155. Abdul Aziz Ad Duri. Arab-Iranian Relations: Historical Background., pp.3-18. In Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb.Center for Arab Unity Studies. Beirut, Lebanon. 1998, p. 556.
156. Abrahamian E. Khomeinism. Essays of the Islamic Republic. Berkeley, University of California Press, 1993, pp. 188.
157. Afshon O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. Security Studies, Vol. 28, No. 1, 2019; pp. 1-31. https://doi.org/10.1080/09636412.2018.1508862 (accessed: 08.20.2025).
158. Alami, M. Syria Seeks to Integrate Myriad Paramilitaries. Al-Monitor. 2018, December 3. www.al-monitor.com/originals/2018/11/syria-state-army-integrate-paramilitary-militias.html (accessed: 14.07.2025).
159. Al Bashir M.W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. Kan Historical Periodicals 33.2017. https://platform.almanhal.com/Files/2/109110 (accessed: 09.11.2019).
160. AL Dagher, M. Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why.Washington Post, November 16, 2018.https://tinyurl.com/tbm2z9px (accessed: 29.04.2025).
161. Alfoneh, A. Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran From Theocracy Into Military Dictatorship.Washington, DC: Rowman & Littlefield, 2013, p. 272.
162. Al-Tamimi. A.J. Administrative Decisions on Local Defence Forces Personnel: Translation & Analysis. 3-5-2017, https://goo.gl/ngXYKc; https://goo.gl/ngXYKc,https://tinyurl.com/2t83kvtn, pp. 1-13 (accessed: 18.02.2025).
163. Al-Tamimi, A. J. Who are Liwa al-Baqir, the pro-regime unit seeking to enter Afrin? MECRA, 2018. https://www.mideastcenter.org/post/who-are-liwa-al-

baqir-the-pro-regime-unit-seeking-to-enter-afrinpp. pp.1-4 (accessed: 12.12.2025).

164. Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. Al Arabiya News. September 9, 2011. https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927 (accessed: 02.01.2020).
165. Amanat, A. and Vejdani, F. Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective. New York: Palgrave. McMillan, 2012, p. 292.
166. Ansari, A. Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. London: Royal United Services Institute. 2016. https://tinyurl.com/4kx96c5npp.1-6 (accessed: 12.09.2025).
167. Antonius, G. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. Safety Harbor, FI.: Simon Publications, 2001, p. 490.
168. April, R. Summit. For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran. Middle East Journal 58, no. 4, 2010, pp. 560-575.
169. Arango, T. Iran Dominates Iraq after the U.S. Handed the Country Over. New York Times, July 15, 2017. https://www.nytimes.com/2017/07/15/world/ middleeast/iran-iraq-iranian-power.html.p.1-14 (accessed: 14.09.2025). Arab-Iranian Relations. Edited by Haseeb Khair el-Din. Center for Arab Unity Studies. Beirut. 1988, p. 3-18; 73-103.
170. Azizi, H. Integration of Iran-backed armed groups into the Iraqi and Syrian armed forces: implications for stability in Iraq and Syria, Small Wars & Insurgencies, 2022, p. 508.
171. Badeeb, S. M. Saudi-Iranian relations 1932-1983. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994, p. 164.
172. Banafshe, K. Saudi Arabia and Iran: Friends or Foes? London: Pallgrave and Macmillan. 2016; Goodarzi J.M. Syria and Iran: Alliance Cooperation in a Changing Regional Environment. Middle East Studies, 4 (2), 2013, p. 31–59.
173. Barzegar, K. Hybrid Deterrence in the Middle East. In: Eslami, M., Guedes Vieira, A.V. (eds) The Arms Race in the Middle East. Contributions to

International Relations. Springer, Cham. 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32432-1_3 (accessed: 04.03.2025).

174. Bayat, A and Bakhtiari B. Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics. Ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002, pp. 306-308.
175. Be'eri, E. The Waning of the Military in Coup Politics. Middle Eastern Studies. Vol. 18, N.3, January 1982, pp. 69-81.
176. Bialer, U. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948-1951. Middle East Journal, 39. Spring 1985, pp. 292-315.
177. Blank, S. Beyond Syria: Moscow's Objectives in the Middle East. Atlantic Council. 2018, pp. 1-3.
178. Bowlsby E., Chenoweth E., Hendrix C., Moyer J. The futureis a moving target: Predicting political instability. British Journal of Political Science, 50: 1405–1417.2020 (accessed: 20.08.2025).
179. Brandenburg R. Iran Primer: Iran and the Palestinians. Institute of Peace, Washington D. C., 2010. https://iranprimer.usip.org/resource/iran-and-palestinians (accessed: 21.09.2025).
180. Buzan, B., & Wæver, O. Regions and powers: The structure of international security. Cambridge University Press, 2003, pp. 41-43.
181. Cordesman, A. H. The Military Balance in the Middle East. Westport: Praeger, 2004, p. 586.
182. Calabrese, J. Revolutionary Horizons: Regional Foreign Policy in Post Khomeini Iran. – N.Y., 2005, p. 221.
183. Calvert, P. The Foreign Policy of New States, Sussex: Wheatsheaf Books, 1986, p. 216.
184. Charountaki M. Iran and Turkey: International and Regional Engagement in the Middle East. London: I.B. Tauris, 2018, p. 368.
185. Chehabi H., Jafari P. and Jefroudi M. Iran in the Middle East: Transnational Encounters and Social History. London: I.B. Tauris, 2015, p. 296.

186. Chubin and Zabih. The Foreign Relations of Iran, 1974, p. 362.
187. Charles T. A History of Iraq. Cambridge: Cambrige University Press, 2000, p. 153.
188. Clarke, C. and Smyth, Ph. The Implications ofIran's Expanding Shi`a Foreign Fighter Network, CTC Sentinel. Vol. 10. No. 10, November 2017, p. 38.
189. Dagher Sam and Fitch, Asa. Iran Expands Role in Syria in Conjunction with Russia's Airstrikes. Wall Street Journal, October 2, 2015.
190. David, S. R. Explaining Third World Alignement. World Politics, 43(2), 1991, pp. 233-256.
191. Dawisha, A. Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy. London: Macmillan, 1976, p. 234.
192. Dawisha, A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy, pp. 260-276; In Adeed Dawisha and I. William Zartman(eds) Beyond Coercion: The Durability of the Arab State, V. III. London; Croom Helm, p. 305.
193. Dawisha A. Arab nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2003, p. 347.
194. Dawisha, A. Saudi Arabia's Search for Security. Adelphi Paper no. 158, London: International Institute for Strategic Studies, May, 2008, p. 1-4.
195. Dilip, H. The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict. New York: Routledge, 1991, p. 364.

    Djuve V., Knutsen C., Wig T. Patterns of regime breakdown since the French revolution. Comparative Political Studies, 53(6), 2020, pp. 923-958.
196. Djalili, M.R. Iran-Iraq: radioscopie dune guerre ambigue, (Iran-Iraq: radioscopy of an ambiguous war). Politique Internationale. T 21. Automne, 1983, pp. 21-35.
197. Dukhan, H., Alhamad, A. Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes. The Washington Institute for Near East Policy. Washington, D.C., 06.04. 2021. pp.1-7. https://tinyurl.com/vkaw6mxy (accessed: 09.10.2025.
198. Dourian, K. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram, 18.05.2007, pp. 1-2, https://en.otaghiranonline.ir/news/44518 (accessed: 21.01.2026).

199. Ehteshami, A. and Zweiri, M. Iran's Foreign Policy. From Khatami to Ahmadinejad, 2008. Ithaca Press. Lebanon, p. 168.
200. Eisenstadt, M., Knights, M., Ali, A. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach. Washington, D. C.: Washington Institute for Near East Policy, April, 2011, pp. 1-50, https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach (accessed: 22.09.2025).
201. Eisenstadt, M. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed. The Iran Primer: Power, Politics, and U.S. Policy, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010, pp. 1-7. https://tinyurl.com/4bmssy5p (accessed: 21.08.2025).
202. El-Labbad M. Egypt: A Regional Reference in the Middle East. Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts., ed. by H. Furtig. New York: Palgrave, 2014, pp. 81-91.
203. Espozito, J. and Piscatory, J. Introduction in John Esposito (ed) The Iranian Revolution: Its Global Impact, Gainsville, Fla.: Florida International University Press, pp. 1-16.
204. Esfandiary D. Iran and Egypt: A Complicated Tango. European Union Institute for Security Studies, October 2012, http://www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango; www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango, pp. 1-17 (accessed: 23.09.2025).
205. Esfandiary, D., Tabatabai, A. Yemen: An Opportunity for Iran-Saudi Dialogue? // The Washington Quarterly, 39 (2). 2016, pp. 155-174. DOI: https://doi.org/10.1080/0163660X.2016.1204415.
206. Fainberg, S. Russian Spetsnaz, Contractors and Volunteers in the Syrian Conflict. Ifri, 2017, p. 24.
207. Fadai L. R. Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies, 2015, p. 16.
208. Fakhro, E. and Baconi, T. A Shared Vision: Security Convergence between the Gulf and Israel,' Journal of Palestine Studies, 51, 2022, pp. 51-52.

https://doi.org/10.1080/0377919X.2022.2090209FDD. 2018 (accessed: 12.09.2025).

209. Fulton W., Holliday J., Wyer S. Iranian Strategy in Syria, Institute of Studies of War, New York, 2013. 43 p.
210. Pantucci R., Tabrizi A. Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. London: RUSI, 2016, p. 60.
211. Garrett N. Iran's Confrontation with Israel over Four Decades. 19.05.2021. URL:https://iranprimer.usip.org/blog/2020/jan/21/iran-confrontation-israel-over-four-decades (accessed: 27.03.2025).
212. Garham, A. Essence of Decision; Explaining the Cuban Missile Crisis, Boston, Mass: Little, Brown, 1971, p. 330.
213. Ghaddar, H. Iran Is Losing the Middle East, Protests in Lebanon and Iraq Show. FP. 22.10. 2019, https://foreignpolicy.com/2019/10/22/iran-losing-middle-east-iraq-lebanon-protests-bad-governance (accessed: 20.08.2025).
214. Goldstone J. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (Eds.) (2022).Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (Societies and Political Orders in Transition) 1st ed. 2022 Edition by Jack A. Goldstone (Editor), Leonid Grinin (Editor), Andrey Korotayev (Editor) Part of: Societies and Political Orders in Transition (22 books).
215. Goode R. State Building as a Determinant of Foreign Policy in the New States, pp. 3-13. In Laurence W. Martin (ed) Neutralism and Non-Alignment, New York; Praeger, 1962, p. 249.

    Grajewski, N. The Evolution of Russian and Iranian Cooperation in Syria, CSIS, 2021, pp. 1-6. https://tinyurl.com/455bbthk (accessed: 24.04.2025).
216. Guldescu, S.The Background to the Yemeni revolution of 1962. Dalhousie Review 45, no.1, 1965, pp. 66-77.

    https://dashspace.library.dal.ca.bitstrem/handle/10222/59002/da./ (accessed: 15.12.2025).

217. Halliday, F. The Nationalist Debate and the Middle East. In Middle Eastern Lectures No.3, Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999, pp. 230-248.
218. Halliday F. The Middle East, the Great Powers and the Cold War. The Cold War and the Middle East. Ed. Yazid Sayigh and Avi Shaim. Oxford: Claredon Press, 1977, p. 367.
219. Hamou, A. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. 10. 05. 2020. https://syriadirect.org/ (accessed: 12.04.2025).
220. Hanin, G. Hezbollah-Iran Dynamics: A Proxy, Not A Partner. The Washington Institute. 2019, April, 12, pp. 1-8. www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-iran-dynamics-proxy-not-partner (accessed: 19.02.2025).
221. Holsti, K.J. Why Nations Realign: Foreign Policy restructuring in the Postwar World. London:Allen&Unwin, 1982, pp. 238.
222. Hubbard, Ben. Iran, Deeply Embedded in Syria. Expands 'Axis of Resistance, New York Times, February, 19, 2018, pp. 1-12.
223. Humud, C. E. Lebanese Hezbollah. Congressional Research Service, 2021, February, 1. pp.1-3. https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10703 (accessed: 17.05.2025).
224. Hunter, S. Islamic Iran and the Arab World. Middle East Insight 5, no3, August-September, 1987, pp. 17-25.
225. Hunter, S. T. Iran And The World: Continuity in a Revolutionary Decade. Bloomington: Indiana University Press, 1990, p. 247.
226. Hunter, S. T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance. In: Amirahmadi, H., Entessar, N. (eds) Iran and the Arab World. Palgrave Macmillan, London., 1993. https://doi.org/10.1007/978-1-349-22538-5_11, pp. 198-216.
227. Hunter, S. T. Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects. In reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity. Ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY. M. E. Sharpe, 2008, pp. 33-57.
228. Hunter, S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Resisting the New International Order. Denver: ABC-CLIO, 2010. 316 p.

229. Hunter, S. T. Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014, p. 272.
230. Huntington, S.P. If not civilization, what? Paradigms of the post-cold war period. Foreign Affairs. N.Y., 1993, vol. 72, no. 3, pp. 191-194.
231. Ingo, F. and Rutledge, E. J. The GCC's Demographic Imbalance: Perceptions, Realities and Policy Options. Middle East Policy 13, no 4 winter 2017, pp. 25-43.
232. Itani, F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014, pp. 1-9.
233. IranPrimer. Pompeo Assesses Maximum Pressure Campaign.IranPrimier. 12.01.2021, https://iranprimer.usip.org/blog/2021/jan/12/pompeo-assesses-maximum-pressure-campaign (accessed: 12.01.2025).
234. James Sladden, Becca Wasser, Ben Connable, Sarah Grand-Clement.Russian Strategy in the Middle East. Expert InsightsPublished Aug 7, 2017. RAND, pp. 1-15.
235. Jones, T.C. Rebellion on the Saudi Perephery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979. International Journal of Middle East Studies 38, no. 2, May 2006, pp. 213-233.
236. Johnson, Ch. Revolutionary Change. London: University of London Press, 1968. Stanford University Press June 1, 1982, Edition : 2nd, p. 217.
237. Juneau, T. Squandered Opportunity: Neoclassical Realism and Iran's Foreign Policy. Stanford: Stanford University Press, 2015, p. 296.
238. Juneau T. and Sam R. Iranian Foreign Policy Since 2001. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017, p. 242.
239. Juneau, T. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. Mediterranean Politics, vol. 25, no. 1, 2020, pp. 26-44.
240. Juneau, T. How War in Yemen Transformed the Iran-Houthi Partnership.Studies in Conflict & Terrorism, 2021, pp. 1–23. doi:10.1080/ 1057610x.2021.1954353 (accessed: 25.06.2025).

241. Kamrava, M. Qatar: Small State, Big Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013, p. 206.
242. Kanan, M. Republic of Fear: The Politics of Modern Iraq. Berkeley: University of California Press, 1989, pp. 153-160.
243. Kardas, S.. The coming age of security competition in the wake of Israel-Iran conflict and challenges for the Gulf countries. Gulf Insights: Gulf Studies Center, Qatar University, 2025, №. 97, pp. 1-6, https://tinyurl.com/5h5s2ma5 (accessed: 01.01.2026).
244. Katzman, K. Iran's Foreign and Defense Policies.Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2019.
245. Katz, B. Axis Rising: Iran's Evolving Regional Strategy and Non-State Partnerships in the Middle East. Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, October 2018; p. 12.
246. Katz, M. N. Yemeni Unity and Saudi Security. Middle East Policy 1, no. 1, 1992, pp.117-135.
247. Katz, M. N. Same Ends But Different Means: Change, Continuity and Moscow's Middle East Policy. Atlantic Council, 2019, pp. 1-3.
248. Kerr M. The Arab Cold War. Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals. Oxford: Oxford University Press, 1971, p. 174.
249. Kenneth M. P. Prospects for Increased Iranian Influence in Iraq. The Brookings Institution, 15 November 2011. http://www.brookings.edu/research/ testimony/2011/11/15-iran-iraq-pollack// (accessed: 23.02.2026).
250. Kienle, E. Ba'th against Ba'th. London, I.B. Taurus, 1990, p. 320.
Kinninmont, J. Iran and the GCC Unnecessary Insecurity Middle East and North Africa Programme. Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, London, 2015, p. 2. https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_ document/20150703IranGCCKinninmont.PDF (accessed: 14.02.2026).
251. Kozhanov, N. Russian Policy across the Middle East. Motivations and Methods. Chatham House, 2020, pp. 1-35.

252. Lake, A. Confronting Backlash States. Foreign Affairs, 73, no. 2, 1992, https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-statets (accessed: 18.09.2025).
253. Leftwich, A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly. L., 1993, vol. 14, no. 3, pp. 605-620.
254. Mabon, S. The Battle for Bahrain: Iranian-Saudi Rivalry. East Policy, 19(2), 2012, pp. 84–97. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00537 (accessed: 20.08.2025).
255. Mahsa, A., Ghadbeigy, Z. Impact of Proxy Wars on the Regional Position of the Islamic Republic of Iran. International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding, vol. 9, issue 6, June, 2022, pp. 1-11.
256. Maloney, S. The Roots And Evolution Of Iran's Regional Strategy, Atlantic Council, Brent Scowcroft Center On International Security, Washington, September, 2017, p. 14. https://www.atlanticcouncil.org/wpcontent/uploads/2017/10/The_Roots_and_Evolution_of_Irans_Regional_Strategy_web_0928.pdf (accessed: 15.02.2026)
257. Malt, Zahn N.V. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. Library of Modern Middle East Studies. London; New York, 2015.
258. Maltzahn, N. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. New York: I. B. Tauris & Co, 2010, p. 225.
259. Margot, L. Foreign Policy Analysis. In A. J. R. Groom, & V. Light (Eds),Contemporary International Relations. A Guide to Theory, pp. 93-108, ed. A.J.R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994.p.224.
260. McGowan, P. and Shapiro, H. The Comparative Study of Foreign Policy: A survey of Scientific Findings, Beverly Hills, Calif. and London: Sage Publications. 1973, pp. 53-58.
261. Melissa G. Dalton. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It. Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 73, no. 5, 2017, pp. 312-315.

262. Morgenthau, H., Thompson, K. and Clinton, D. Politics among Nations. -New York: McGraw-Hill Education, 2005, p. 752.
263. Moskos, Ch. C. Towards a Postmodern Military. In Stuart A. Cohen ed., Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context. London: Franc Cass, 1999, p. 18.
264. Muhsen Abu al-Nour, M. Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria, International Politics, 11.05.2016, pp. 1-6.
265. Newline Institute. Al-Assad's strategy to avoid becoming a puppet of Russia and Iran. Special Assesement. Syria: Security Services. 11.03.2021, pp. 1-9. https://newlinesinstitute.org/ (accessed: 12.09.2025).
266. Nia, J. The Iran-Israel War's Impact on the Middle Eastern Security Order. Al Sharq Strategic Research. 05.08.2025, pp. 1-7. https://research.sharqforum.org; https://tinyurl.com/yfm9ntuy (accessed: 04.02.2026).
267. Noble, P. The Arab State System: Pressures, Constrains and Opportunities, in Bahgat Korany and Ali al-Din Hillal Dessouki (eds) he Foreign Policies of Arab States, Boulder, Colo,: Westview Pres, 1991, pp. 49-102.
268. Novak, J. Trump May Have Pushed Saudi Arabia and Iran Closer to War. CNBC. November, 7, 2017. https://www.cnbc.com/2017/11/07/ trump-may-have-pushed-saudi-arabia-and-iran-closer-to-war-commentary.html (accessed: 21.08.2025).
269. Nordlinger, E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs. New Jersey, 1977, pp. 11-13.
270. Odeh, Dia, et al. The Syrian Army: Between Russian Control and Iranian Infiltration. Enab Baladi, 13.11.2019. https://enabbaladi.net/archives/2019/ 11/the-syrian-army-between-russian-control-andiranian- infiltration (accessed: 03.04.2025).
271. Omran for Strategic Studies. Challenges of the Syrian Opposition after the Loss of Aleppo and Moscow Declaration, 26.12.2019. https://goo.gl/2ZwVda...pp/1-37 (accessed: 15.12.2025).

272. Pasha, A. K. Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal. Contemporary Review of the Middle East. 2016, vol. 3, Issue 4, pp. 387-404.
273. Parasiliti, A.T. Iran and Iraq: Changing Relations and Future Prospects, pp. 217-243. In: Amirahmadi, H., Entessar, N. (eds) Iran and the Arab World. Palgrave Macmillan, London, 1993. https://doi.org/10.1007/978-1-349-22538-5_12, p. 264.
274. Perera, J. Together Against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia. Rivals for Super-power Role. The Middle East Magazine, number 43, May 1978, pp. 16–25.
275. Perlov, O., Dekel, U. The Model of Iranian Influence in Syria.The Institute for National Security Studies (INSS), 2018, July 27. https://www.inss.org.il/publication/model-iranian-influence-syria (accessed: 25.09.2025).
276. Picard, E. Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes& Meir, 1996, p. 202.
277. Pipes, D. Greater Syria: The History of an Ambitions. Oxford: Oxford University Press, 1990, pp. 115-193; Seal, Patrik. Asad: The Struggle for the Middle East, Berkely, Calif: University of California Press, 1988, p. 576.
278. Pawlak, P. Iran in Syria: Deal-maker or deal-breaker? Paris: European Parliamentary Research Service. N. paper: PE 573.920, 2016, pp. 1-2, https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/573920/EPRS_ATA(2016)573920_EN.pdf (accessed: 06.07.2025).
279. Popescu, N., Secrieru, S. Russia’s Return to the Middle East. Building Sandcastles? European Union Institute for Security Studies, Chaillot Paper; 2018, pp. 1-123.
280. Rajaei, F., ed. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression. Gainesville: University Press of Florida, 1993, p. 260.
281. Ramazani, R. K. Iran and the Arab-Israeli Conflict. Middle East Journal 32. Autumn 1978, p. 416.
282. Ramazani, R. K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013, p. 400.

283. Reuters. Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete, 18.07.2018. https://www.reuters.com/article/world/evacuation-of-two-pro-assad-syrian-villages-complete-idUSKBN1K80PA/ pp. 1-24 (accessed: 02.09.2025).
284. Renad, M., Jabar, F. The Popular Mobilization Forces and Iraq's Future. Carnegie Middle East Center, 2017, April 28. htpps://carnegie-mec.org/2017/04/28/ popular-mobilization-forces-and-Iraq-s-future-pub-68810 (accessed: 15.06.2025).
285. Rodkiewicz, W. Russia's Middle Eastern policy: Regional Ambitions, Global Objectives. OSW Studies; 71 December 2017, pp. 1-50.
286. Rosenau, J., Burgess, Ph. and Hermann, F. The Adaptation of Foreign Policy Research: A Case Study of an Anti-Case Study Project. International Studies Quarterly, vol. 17, no. 1, 1973, pp. 119–144.
287. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics, vol. 51, no. 1, 1998, pp. 144-172.
288. Saban, N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council. 05.11.2020,https://bit.ly/3dOvG7C; https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/, pp. 1-7 (accessed: 12.09.2025). Shaban, N. The Iranian Crescent: Iran's Political, Geostrategic and Economic Interest in Syria- Part Three- Syrian-Iranian Relations since 2000, Konrad Adenaur Stiftung, pp. 1-6.
289. Saul, J. and Hafezi, P. Iran Boosts Military Support in Syria to Bolster Assad, Reuters, February 20, 2014. https://www.reuters.com (accessed: 14.10.2025).
290. Schneider, F. After the Shock: The Israel-Iran War's Economic Impact on the Gulf Middle East Council on Global Affairs. 2025. https://mecouncil.org/publication/;.https://tinyurl.com/46yn8w3u, pp. 1-9 (accessed: 21.02.2026).
291. Shama, N. Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest. London: Routledge, 2013, p. 280. Seth, G. J. War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East. Washington, D.C., Center for Strategic and International Studies, March 2019, p. 31.

292. Seth, J. G. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities. Center for Strategic & International Studies (CSIS), 06.01.2020, p. 11. https://www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-iranspower-and-exploiting-its-vulnerabilities (accessed: 20.04.2024).
293. Seal, P. Asad: The Struggle for the Middle East, Berkely, Calif: University of California Press, 1988, p. 541.
294. Sinan, H. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, March 2019. https://syria.chathamhouse.org/research/ (accessed: 15.03.2025).
295. Smelser, N. J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press, 1963, pp. 436.
296. Smyth, Ph. From Karbala to Sayyida Zaynab: Iraqi Fighters in Syria's Shia Militias, CTC Sentinel, Syria Special Issue, vol. 6, issue 8, 2013, pp. 28-32.
297. Snyder, G. The Security Dilemma in Alliance Politics. World Politics, 1984, 36, pp. 461-495.
298. Snyder, S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. The World, PRI, August 12, 2015, https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war (accessed: 18.03.2025.
299. Sons, S. Beyond by standing: The 12-Day War and its impact on Gulf-European cooperation. Business International Center. 2025, pp. 791-795. https://www.bic-rhr.com/research/beyond-bystanding-12-day-war-and-its-impact-gulf-europeancooperation,.https://tinyurl.com/3wfa6m9y (accessed: 16.03.2026).
300. Sohbani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948-1988. Westport. CT: Praeger, 1989, pp. 77-84.
301. Soufan,Ali Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy, CTC Sentinel, vol. 11, no. 10, november 2018, p. 38.
302. Stavridis J. Are we entering a New Cold War. FP, February, 17, 2016. https://foreignpolicy.com/2016/02/17/are-we-entering-a-new-cold-war-russia-europe/ (accessed: 12.09.2025).

303. The Moscow Times. Secretive energy supplies and harboring Assad inside the Kremlin balancing act with Syria's new leaders. The Moscow Times03.04.2025URL:/https://www.themoscowtimes.com/2025/04/03/secretive-energy-supplies-and-harboring-assad-inside-the-kremlins-balancing-act-with-syrias-new-leaders-a88555) (accessed: 09.07.2025).
304. The National. Iraq PM Mustafa Al Kadhimi Reshuffles Top Security Posts. 2020 July 4. www.thenationalnews.com/world/mena/iraq-pm-mustafa-al-kadhimi-reshuffles-top-security-posts-1.1044117 (accessed: 12.09.2025).
305. The Times of Israel, Khamenei Told Haniyeh that Iran Will not directly enter War. 2023, https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/report-khamenei-told-haniyeh-that-iran-will-not-directly-enter-war/ (accessed: 13.09.2025).
306. Terril, W. A. Arab Threat Perceptions and the Future of the U.S. Military Presence in the Middle East. Carsil Barracks. PA: United States Army War College Press, 2015, p. 124.
307. Tabrizi, A. and Pantucci, R. Understanding Iran’s Role in the Syrian Conflict, London, Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, 2016, p. 60. https://rusi.org/sites/default/files/201608_op_understanding_ irans_role_in_the_syrian_conflict_0.pdf (accessed: 09.01.2026).
308. Tardot, L. Iran-Israel War: Origins, Developments, Future Prospects. EISMENA. 2025, pp. 1-12. https://eismena.com/en/article/iran-israel-war-origins-developments-futureprospects (accessed: 05.02.2026).
309. Van Dam, N. Destroying a Nation: The Civil War in Syria, I. B. Tauris, 2017, p. 267.
310. Vasiliev, A. Russia’s Middle East Policy: From Lenin to Putin, Routledge, 2018, p. 384.
311. Vitaly Naumkin, Vasily Kuznetsov. Gaza. Yemen. Epicentres of pain. Feelings, myths, and memories in the Middle eastt. February 2024 https://valdaiclub.com/a/reports/gaza-yemen-epicentres-of-pain/ (accessed: 16.02.2026).

312. Waltz, N. K. Theory of International Politics. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company, 1979, p. 251.
313. Walt, S. M. International relations; One World, Many Theories. Foreign Policy, 1998, no. 110, spring, p. 29-46.
314. Ward, S. R. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. Middle East Journal, 2005, vol. 59, no. 4, pp. 559-576.
315. Webber, M. Foreign Policy in a Transformed World. -Harlow: Pearson Education Limited, 2014, p. 394.
316. Wigger, L Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation. Zenith.Me, 2019, September 26. pp. 1-7. https://magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia (accessed: 20.03.2024).
317. Wilson, T. A. The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century. 1928, reprinted New York: Hyperion Press, 1981, p. 315.
318. Ynvi, A. Alliance Politics in the Middle East: A Security Dilemma Perspective. Ch. 7, pp. 1-20. In Auriel Braun (ed). The Middle East in Global Strategy. Boulder.Colo: Westview Press and Mansell Publishing, 1987, p. 274.
Yusri, H. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon. Middle East Journal. Autumn 2010, vol. 64, no. 4, pp. 521-541.
319. Zahid, F. The Zainabiyoun Brigade: A Pakistani Shiite Militia Amid the Syrian Conflict, Terrorism Monitor, 2016, vol. 14, issue 11, pp. 1-10.

На арабском языке

320. Аль-Ани Т. Ма-ахамийят-даур-туркий-катарий-фи-таадим-фль-карара-аль-сиясий фи-сурия (В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САР? http://khaleej.online/3oBeBo (дата обращения: 21.04.2022). На араб. яз.
321. Аль-Араб.Аль-Микдад-фи-джидда-нихая-т-аль-катъиа-аль-саудия-аль-сурия (Мекдад в Джидде. окончание паузы в сирийско-саудовских

отношениях). Аль-Араб. 13.04.2023. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 19.09.2023). На араб. яз.

322. Аль-Араб.Иран-тахш'а-вужуд-хизб-алла-аль-исраилийя-аля-худудха-аш-шималийя (Иран опасается присутствия израильской Хезболлы на своих северных границах). Аль-Араб. 10.07.2022. https://alarab.co.uk// (дата обращения: 06.08.2022). На араб. яз.
323. Аль-Араб.Аль-Саудия-ва-Иран-аля-вишак-ифтитах-кунсулият-ва-игляк-сафхат-аль-харб-фи-аль-йемен (Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене). Аль-Араб. 13.10.2021 https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 09.12.2025). На араб. яз.
324. Аль-Араб.Аль-Саудийя-туджаддтд-риханатиха-туджаха-бакистан-аля-маваджахан-ли-иран (КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противодействии Ирану). Аль-Араб. 11.07.2021. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2025). На араб. яз.
325. Аль-Араб.Синарио-сукут-аль-асад-юсир-каляк-мин-ихья-аль-хирак-аль-шаабий-фи-аль-джазаир (Сценарий падения Асада вызвал аолнения в Алжире). Аль-Араб. 18.12.2024. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 20.12.2024). На араб. яз.
326. Аль-Араб.Аль-Хуррас-аль-саурий-юазиз-кабтатуха-ала-садират-аль-нафт (КСИР усиливает контроль над экспортом нефти). Аль-Араб. 19.12.2024, с. 779-789. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 20.12.2024.). На араб. яз.
327. Аль-Араб.Аль-таваджус-мин-аль-давур-альамирикий-халь-юдафиа-сурия-иля-русия-муджаддадан (Недовольство ролью Америки может снова подтолкнуть Сирию к России). Аль-Араб. 24.12.2025. https://alarab.co.uk/https://tinyurl.com/mr352wcf (дата обращения: 05.03.2026). На араб. яз.
328. Аль-Араб. Русия-ля-тантахи-баад-мин-аль-шарк-аль- аусат (Россия еще не закончила с Ближним Востоком) Аль-Араб. 06.11.2025. https://alarab.co.uk/https://tinyurl.com/4e8rmvyh (дата обращения: 12.03.2026). На араб. яз.

329. Аль-Араб.Фатва-мин-аль-систани-ли-таквинихи-ва-фатва-матлуба-ли-тафикикихи (Фетва аль-Систани об их образовании и фатва требующая их роспуска). Аль-Араб. 18.12.2024. https://alarab.co.uk/ (дата обращения: 19.12.2024). На араб. яз.
330. Аль-Араб.Туркийя-ва-катар-табхасан-ан-маукиа-фи-джабха-муваджаха-исраиль-би-ль-татбиа-ма-аль-асад (Турция и Катар ищут место во фронте сопротивления Израилю путем нормализации отношений с Асадом). Аль-Араб. 14.11.2024. https://alarab.co.uk (дата обращения: 19.11.2024). На араб. яз.
331. Аль-Араби21.Ма-таасир-аль-татавурат-аль-сурийя-аля-аль-таваджуд-аль-аскарий-аль-русий-фи-либия (Влияние сирийских событий на военную политику России в Сирии). Аль-Араби21. 09.12.2024. https://arabi21.com/story/1646966/ (дата обращения: 12.06.2025). На араб. яз.
332. Аль-Арабий Аль-Джадид. Вазир-дифаа-аль-сурий-маукиф-русия-минна-тахасанна-ва-мунфатихун-аля-бикаа-каваидуха-аль-аскарийя (Министр обороны Сирии заявляет, что позиция России в отношении Сирии улучшилась и мы открыты для того. чтобы оставить российские военные базы). Аль-Араби аль-Джадид, 07.02.2025 https://www.alaraby.co.uk/politics/; https://tinyurl.com/bdcnmwtp (дата обращения: 09.02.2025). На араб. яз.
333. Аль-Асас. Хамса-санават-аля-игтияль-солеймани-бидая-нихайт-аль-михвар (Пять лет со дня смерти Сулеймани начало конца оси сопротивления). Аль-Асас. 09.01.2025. https://www.asasmedia.com/83121) (дата обращения: 10.01.2025). На араб. яз.
334. Аль-Ахбар.Зиярат-аль-судани-туфаил-аль-висата-лика-ираний-сурий-фи-багдад-карибан (Визит аль-судани облегчит посредничество в организациитв скорой сирийско-иранской стречи в Багдадае). Аль-Ахбар. 10.01.2025. https://al-akhbar.com/arab/818927) (дата обращения: 25.01.2025). На араб. яз.
335. Аль-Ахбар.Пзешкиян-фи-руссия-аль-яум-иттифакийя-гейр-масбука-би-ваджх-аль-гарб (Пезишкиян в Москве для подписания невиданного Западом

соглашения с Россией). Аль-Ахбар, 17.01.2025 URL:https://al-akhbar.com/world/819896) (дата обращения: 20.08.2025). На араб. яз.

336. Аль-Джази, М. Б. М. Аль-нуфуз-аль-ираний-фи-аль-минтака-аль-арабийя-аля-даву-фи-аль-иттиджахат-фи-аль-сияса-аль-амрикия-туджаха-аль-минтака-2003-2011. Амман. Аль-Урдун. Аль-улама-ли-нашр-ва-аль-таузиа (Иранское влияние в арабских странах в свете направлений политики США в регионе в 2003-2011 гг.). Амман. Иордания. Ученые за издание и распространение, 2014, с. 264. https://tinyurl.com/324ddu8b. На араб. яз.
337. Аль-Джарида.Аль-Джарида-такшафу-маляф-раис-"аль-мосад"-ли-байден-би-ша'ан-иран (Аль-Джарида раскрывает Дж.Байдену досье главы «Моссад» по Ирану). Аль-Джарида 07.12.2021. https://www.aljarida.com/articles/1638813289975756\ (дата обращения: 16.12.2021). На араб. яз.
338. Аль-Джарида.Лика-Пезишкян-маа-Сисии-аля-кыммы-Джи8-аль-ираний-хаваль-икна-мысрий-фи-тааун-дыд-туркийя (На встрече Пезишкяна с Аль-Сисис на саммите восьмерки иранец пытался убедить египтянина сотрудничать против Турции). Аль-Джарида, 2025. (https://www.aljarida.com/article/84803) (дата обращения: 12.09.2025). На араб. яз.
339. Абдалла, С. Ма-аль-махаваф-аль-мысрийя-мин-альвакиа-аль-джадида-фи-сурия (Егтпетские озабоченности по поводу новых перемен в Сирии). Аль-Кодс. 17.01.2025. https://www.alquds.co.uk/ (дата обращения: 17.01.2025). На араб. яз.
340. Абдо, М. Д. Аль-Иттиджахат-аль-амма-ли-аль-масалих-алб-иклимийя-ли-иран-фи-аль-минтака-аль-арабийя-дираса-мукарана-сурия-ва-йемен-2010-2016. Аль-Марказ-аль-арабий-аль-димукратий (Основные тенденции в региональных интересах Ирана в арабских странах. Сравнительный анализ Сирии и Йемена2010-2016). Берлин. Июль, 25, 2016. Арабский демократический Центр. https://democraticac.de/?p=34554. На араб. яз.

341. Абдель Хусейн, Я. Аль-сияса-аль-хариджийя-аль-иранийя. Сияса-аль-райс-хасан-рухани (Внешняя политика Иарана. Политика президента Хасана Рухани). Дубай. Дар аль-нашр-ва-альтаузиа 2015, с. 492. На араб. яз.
342. Абдельхай, С. Аль-кувва-аль-закийя-фи-аль-сияса-аль-хариджийя:дираса-фи-адават-аль-сияса-аль-хариджийя-аль-иранийя-туджаха-любнан 2005-2013. Мыср. Аль-Башир- дар ли-аль--нашр-аль-ильмий (Умная сила во внешней политике: исследование политических механизмов внешней политики Ирана в отношении Ливана 2005-2013). Египет. Научно-просветительское издательство «Аль-Башир», 2014, с. 280. https://tinyurl.com/3tf2sxx2. На араб. яз.
343. Абу Таха, А. Аль-джумхурийя-аль-исламийя-аль-иранийя-ва-кадыя-фалыстын-джадаль-идеолоджийя-ва-аль-масалих. Доха. Аль-Марказ аль-арабий-ли-ль-бухус-ва-аль-дирасат-аль-сиясийя (Исламская Республика Иран и палестинская проблема. Столкновение интересов и идеологий). Доха. Арабский центр политических исследований. Январь, 2011, с. 10. https://tinyurl.com/52dkbhkb. На араб. яз.
344. Аль-Кодс.Харб-джавасис-иранийя-исраильийя-фи-т-туркийя. (Израильско-иранская шпионская война в Турции). Аль-Кудс. 23.06.2022. https://alquds.co.uk (дата обращения: 08.07.2022). На араб. яз.
345. Аль-Кодс. Халь-хия-калимат-сир-башар аль-асад (Это и есть пароль Башара Асада. Аль-Кодс. 01.12.2024. https://www.alquds.co.uk/ https://tinyurl.com/mrxcvh88 (дата обращения: 05.12.2024). На араб. яз.
346. Аль-Кодс.Сурия-ва-русия-алякат-хасса-ам-иадат-дабт (Россия – Сирия. Особые отношения или перезагрузка). Аль-Кодс. 25.10.2025. https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.tools/3fdacfb5his (дата обращения: 06.12.2025). На араб. яз.
347. Аль-Кодс.Иран-бакистан-аль-ирак-рисаля-фи-гейр-махалляха (Иран, Пакистан, Ирак – неуместное послание?) Аль-Кодс. 18.01.2024.,https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.com/2w7b6u2t (дата обращения: 26.01.2024). На араб. яз.

348. Аль-Кодс.Аль-Асад-изъан-ли-иран-ва-русия-ва-муталаба... (Аль-Асад – «комплимент» Ирану и Росии и требование...) Аль-Кодс. 04.05.2023. https://www.alquds.co.uk/ (дата обращения: 12.05.2023). На араб. яз.
349. Аль-Кодс.Ма-аль-лязи-яхми-сурия-аль-джадида-мин-исраиль (Что защитит новую Сирию от Израиля). Аль-Кодс. 03.03.2025. https://www.alquds.co.uk//https://tinyurl.com/5468tdyk (дата обращения: 05.03.2025). На араб. яз.
350. Аль-Кодс.Иттифакийя-амнийя-сурийя-исраилийя-хал-турды-нетаньяху (Обрадует ли Нетаньяху сирийско-израильское соглашения о безопасности). Аль-Кодс. 22.09.2025. https://www.alquds.co.uk/https://tinyurl.com/tpk79ndc) (дата обращения: 26.10.2025). На араб. яз.
351. Алла, Ф. Маа-курб-интиха-харб-украния-ва-сукут-аль-асад-халь-юассир-залика-аля-аль-вуджуд-аль-русй-фи-либия (С приближением окончания войны на Украине и падением аль-Асда изменится ли облик России в Ливии). Аль-Араби 21. 23.12.2024. https://arabi21.com/story/1649636/ (дата обращения: 10.05.2025). На. араб. яз.
352. Аллюш М. Халь-юляд-тахалюф-аль-дарура-бейна-анкара-ва-аль-рияд-ва-тахран-ли-муваджаха-аль-газву.Эль-Нашра. 02.12.2025. https://www.elnashra.com/news/show/1752448 (дата обращения: 12.02.2026). На араб. яз.
353. Аль-Мавакиа Пост. Бада-газа-эй-аль-джабхатейн-аль-акраб-ли-ль-иштиаль-аль-йемен-ва-любнан (После Газы какой из двух фронтов может скорее вспыхнуть: йеменский или ливанский), Аль-МавакиаПост. 30.11.2023. https://almawqeapost.com/news/92125 (дата обращения: 12.12.2023). На араб. яз.
354. Аль-Марказия.Джаджаа: Иран-туриду-ан-якун-шарк-аль-бахр-аль-мутавассит-бухейра-ли-нуфузиха (Джаджа: Иран стремится к тому, чтобы Восточное Средиземноморье стало сферой его влияния) Аль-Марказийя. 14.01.2024. https://www.almarkazia.com/ar/news/show/528190/ (дата обращения: 24.01.2024). На араб. яз.

355. Аль-Мухтар, О. Тасид-нашат-даиш-фи-аль-ирак-ва-сурия-тафиль-ли-ль-халяя-ва-аль-иалам (Усиление ИГИЛ в Сирии и Ираке: активизация ячеек и пропаганды). Аль-Араби. 12.01.2024. https://www.alaraby.co.uk/politics; https://tinyurl.com/5n6nnwh8 (дата обращения: 07.09.2025). На араб. яз.
356. Аль-Нахас, С. Аль-мамлюк-ва-кадат-истихбарат-аль-джудуд-русия-таннахи-хиссат-аль-асад (Аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада). Аль-Араб. 08.07.2019. https://bit.ly/2JpNnfM (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.
357. Аль-Нуэйми, А. Аль-сияса-аль-иранийя-аль-хариджийя (Внешняя политика Ирана 1979-2011). Амман. Издательство Дар аль-Джанин, 2012, с. 616. На араб. яз.
358. Аль-Рабиа, М. Манъа-исраиль-мин-аль-интисар-халь-яфруд-харбан-истибакийян (Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные)
359. Аль-Рай Аль-Яум. Ма-якмун-вара-зиярат-вазир-имаратий-фи-димашк (Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск?) Аль-Рай аль-Яум. 11.12.2021. htpps://www.raialyoum.com/ (дата обращения: 05.03.2025). На араб. яз.
360. Аль-Рай аль-Яум. Ма-Хия-Катаиб-аль-Радван? (Кто такие батальоны Радван). Рай аль-Яум. 08.01.2023. https://raialyoum.com// (дата обращения: 09.02.2023). На араб. яз.
361. Аль-Рабия, М. Саляса-расаиль-русийя-ли-иран-... (Три российских послания Ирану ...) Аль-Араб. 07.08.2024. https://tinyurl.com/y8dnrudb (дата обращения: 10.08.2024). На араб. яз.
362. Аль-Рабиа М. 2025. Иран-ва-хасаируха-тахиир-аль-масар-аль-муваджаха-аль-дарба-аль-кубра (Потери Ирана меняют его курс в отношении нанесения масштабного ответа) Аль-Мудон. 08.01.2025. https://www.almodon.com/politics/2025/1 (дата обращения: 09.01.2025). На араб. яз.

363. Аль-Хасан, Т. Аль-итар-юракиб-сурия-би-л-хазар-баада-сукут-ал-асад (Тревога охватила Дамаск после падения асада). Аль-Мада. 09.12.2024.https://almadapaper.net/387996/) (дата обращения: 10.12.2024). На араб. яз.

364. Аль-Хазар, М. Ф. Абад-аль-маукиф-аль-геостратиджий-аль-ираний-мин-аль-саурат-аль-шаабийя-фи-аль-дуваль-аль-арабийя: Сауратей-тунис-ва-мыср-аль-намузиджан.Аль-Ирак. аль-маджалля-ли-аль-дирасат-Аль-Басра (Параметры геостратегической позиции Ирана в отношении народных революций в арабских странах (на примере революций в Тунисе и Египте)). Июнь, 2013. Исследовательский журнал «Аль-Басра» Т. 38, №1, с. 262-284. https://www.researchgate.net/publication/311570962; https://tinyurl.com/4ysxvsu8. На араб. яз.

365. Аль-Хазраджи В. Ма-тадаият-ийваа-аль-ирак-ли-аль-милишият-аль-аджнабийя-аль-мунсаджиба-мин-сурия (Последствия бегства в Ирак иностранных милиций из Сирии). Аль-Араби. 16.02.2025. https://arabi21.com/story/1661928/0 (дата обращения: 03.03.2025). На араб. яз.

366. Аль-Хейр, М.М. Иалян-шейх-усама-аль-рифаи-муфтийа-сурия-аль-масулийя-ва-аль-тадаият. Риваят-хауля-сыраа-мин-аджл-муфтий-сурий-мин-заман-джамаль-абдель-насер-хатта-башар-аль-асад (Объявление шейха Усамы ар-Рифаъи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г.А.Насера до Башара аль-Асада). Аль-Джазира Мубашир. 11.11.2021. https://mubasher.aljazeera.net/opinions (дата обращения: 17.02.2025). На араб. яз.

367. Аль-Факих, И. Халь-асбаха-аль-шарк-аль-аусат-шахидан-ли-хиляфат-аль-джадида-баида-ан-аль-вашинтон (Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов далеких от Вашингтона. Стамбул. 05.04.2022. https://www.aa.com.tr/ar/2555368/ (дата обращения: 18.03.2026). На араб. яз.

368. Аль-Шейх, Б. Аль-шараа-ли-аль-шарк-альаусат-сурия-лян-такун-минасса (Аль-Шараа в интревью Аль-Шарк Аль-аусат – Сирия никогда не станет

плацдармом Ирана). 20.12.2024. https://aawsat.com//5093404 (дата обращения: 22.12.2024. На араб. яз.

369. Аль-Шарк Ал-Аусат. Ма-худуд-ал-даам-ал-арабий-ли-сурия-би-муваджаха-ал-фасаиль-ал-мусалляха (Каковы пределы арабской поддержки режима Асада дать вооруженный ответ вооруженным отрядам). Аль-Шарк Аль-Аусат. 05.12.2024. https://aawsat.com/088325 (дата обращения: 10.12.2024). На араб. яз.
370. Али, А. Сурия-ва-исраиль-нахва-иттифак-хафд-тасид-маза-саятаддаман (Сирия и Израиля на пути к соглашению о деэскалации. Что оно содержит). Аль-Араб. 25.09.2025. https://www.alaraby.co.uk/politics; https://tinyurl.com/yfwafxc3 (дата обращения: 09.10.2025). На араб. яз.
371. Амин М. Тасауд-аль-танафус-аля-сурия-ляибу-мтуаадидун-би-ахдаф-мухталифа (Обострение соперничества за Сирию. Многочисленные игроки с разными целями). Аль-Араб. 07.03.2025. https://www.alaraby.co.uk/; https://tinyurl.com/yztn8a4h (дата обращения: 09.03.2025). На араб. яз.
372. Атта, З. Аль-барнамадж-аль-нававий-аль-ираний. Байрут. Аль-марказ-зейтуна--ли-дирасат-аль-исташарий (Иранская ядерная программа). Бейрут. Исследовательско-консультативный центр «Аль-Зейтуна», 2015, с. 104, https://tinyurl.com/2rz5ttf4. На араб. яз.
373. Атван Б. Ма-хия-аль-хиярат-аль-саляса-амам-иран-ли-рад'а аля-ль-худжум-аль-исраилий-фи-исфахан (Три варианта иранского ответа на израильскую атаку в Исфахане) Рай аль-Яум. 30.01.2023. https://raialyoum.com (дата обращения: 09.02.2023). На араб. яз.
374. Атаван, Б. Сурия-лям-тугадир-аль-уруба-хатта-таъуд-иля-жамиъатиха (Сирия не откажется от арабизма чтобы вернуться ЛАГ). Рай аль-Яум. 07.05.2023. https://www.raialyoum.com (дата обращения: 10.05.2023). На араб. яз.
375. Бакри, А. Халь-юмкин-ан-талтаки-иран-маа-исраиль-дыд-туркия-фи-сурия (Могут ли Иран и Израиль сговориться против Турции в САР). Аль-

Араби21. 11.01.2025. https://arabi21.com/story/1653634/ (дата обращения: 12.01.2025) На араб. яз.

376. Башир, Х. Абаад-муташабака: танами-аль-даур-аль-ираний-фи-аль-минтака-аль-арабийя (Сетевые параметры Рост роли Ирана в арабских странах). Ноябрь, 19, 2017. Каир. Арабский исследовательский центр, с. 4. https://www.acrseg.org/print.aspx?39601. На араб. яз.
377. Джазус, С. Фи-ахд-аль-хукума-аль-джадида-аль-алякат-аль-руссийя-аль-сурияйя-тахмиха-аль масалих (В условиях новой сирийской власти российско-сирийские отношения определяются взаимным интересом). Аль-ШаркАль-Аусат. 18.01.2025. https://aawsat.com/5210978.https://tinyurl.com/mskukkrs (дата обращения: 22.01.2025). На араб. яз.
378. Джабер, А. Аль-даур-аль-ираний-фи-сурия-ва-афакуху-аль-мустакбалийя. Катар. Аль-марказ Хармун-лидирасат (Роль Ирана в Сирии и ее перспективы). Август, 17, 2020. Катар. Исследовательский центр «Аль – Хармун». https://www.harmoon.org/researches/. На араб. яз.
379. Ибрагим, Р. Иттифиак-русий-ираний... (Российско-иранское соглашение...). Аль-Асас. 08.02.2023. https://asasmedia.com/news/395254/ (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.
380. Исса, Т. Аль-араб-хаифун-мин-хамас (Арабы боятся ХАМАС). Аль-Джумхурийя. 29.11.2023. https:.aljoumhouria.com/ar/news/701874; https://nabd.com/s/1288935601dfbde/https://tinyurl.com/3bbyddsv (дата обращения: 14.12.2023). На араб. яз.
381. Исса, Т. Ля-салям-фи-газа-ва-ля-харб-фи-любнан (Ни мира в Газе, ни войны в Ливане). Аль-Джумхурийя. 05.01.2024. https://www.aljoumhouria.com/ar/news/706996 (дата обращения: 19.01.2024). На араб. яз.
382. Зияде, Р. Ас-султа ва-ль-истихбарат фи сурия (Власть и спецслужбы в Сирии). Beirut, March. 2013, с. 350. На араб. яз.

383. Кабалан, М. Хаза-аль-истисмар-аль-ираний-фи-харб-газа (Вот иранский вклад в войну в Газе). Араби. 21.02.2024. https://www.alaraby.co.uk/opinion/; https://tinyurl.com/4m48rtws (дата обращения: 24.02.2024). На араб. яз.
384. Камаль, С. Аваль-вафд-сурий-язур-муску-бада-аль-асад-сурия-туиду-дабт-алякатуха-маа-муску (Первая сирийская делегация с визитом в Москве. Сирия готовиться к перезагрузке отношений с Москвой). Аль-Халиджонлайн 01.08.2025. https://alkhaleejonline.news/; https://khaleej.online/zywYP (дата обращения: 12.09.2025).
385. Камах, А. Хезболла-аль-Шараа-мархаля-джус-набд («Хезболла» и аль-Шараа, время прощупать пульс). Аль-Мудун. 19.01.2026. https://www.almodon.com/politics/; https://tinyurl.com/3szf3xtn (дата обращения: 20.01.2026). На араб. яз.
386. Карам, Ф. Иран-тавасуа-худур-милишиятиха-ва-аслихатиха-фи-Сурия (Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии). Аль-Шарк Аль-аусат. 2022, Июнь, 4. https://aawsat.com/home/article/3577221/ (дата обращения: 21.09.2021). На араб. яз.
387. Касеми, Ф. Тахран-тукаррир-ирсаль-мукатилин-иля-сурия-лякиннаха-тутулиб-гита-джаван-руссийян (Иран решает направить бойцов в Сирию. Однако требует воздушной поддержки России). Аль-Джарида. 02.12.2024. https://www.aljarida.com/article/82956 (дата обращения: 03.01.2025). На араб. яз.
388. Касеми, Ф. Иран-таса-ли-таклиль-аль-хасаир-баада-дар-аль-сурий (Иран стремится приуменьшить свои потери после позора в Сирии). Адь-Джарида. 10.12.2024. https://www.aljarida.com/article/83778) (дата обращения: 15.12.2024). На араб. яз.
389. Кассами, Ф. Аль-джарида-такшифу-ан-лль-иджтима-ираний-амрикий-гейр-расмий (Аль-Джарида раскрывает подробности ирано-американской неофициальной встречи). Аль-Джарида. 23.01.2026. https://www.aljarida.com/article/121099 (дата обращения: 24.01.2026). На араб. яз.

390. Касеми, Ф. Тахран-тарми-курра-халь-аль-хашад-ва-тувабиа-фи-мальаб-багдад (Терегран целит мячем роспуска аль-хашад в ворота багдада) Аль-Джарида. 10.01.2025. https://www.aljarida.com/article/86874) (дата обращения: 11.01.2025) На араб. яз.
391. Мансур, Р. Хизбалла-юфаккик-милишиятихи-би-сурия-ва-ятахли-ан-мукатилихи-аль-суриин (Хезболла распускает свои милиции в Сирии и избавляется от своих сирийских бойцов). Аль-Мудун. 15.01.2025. https://www.almodon.com/arabworld/2025/1/15/ (дата обращения: 20.01.2025). На араб. яз.
392. Мохаммад Н. Аль-саура-мин-амман-абаун. Аль-сияса-аль-хариджий-аль-иранийя. Ли-ль-фахм-аль-мухавваля-тахаваль--аль-савабит-аль-прагматийя-ва-
аль-идеолоджийя. Аль-вахат-маджалья-аль-дирасат-ва-аль-бухус. (Сорок лет иранской революции. Внешняя политика Ирана. Исследование попытки трансформации прагматических и идеологических основ. Научно-исследовательский журнал «Аль-Вахат» Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам. No 292. Каир, 2019. На арабском языке.
393. Мухаммад А Баян аль-Рияд-хауля-сурия (Эр-Риядская декларация по Сирии). Аль-Араб. 14.01.2025. https://www.alaraby.co.uk/politics (дата обращения: 18.01.2025). На араб. яз.
394. Нааме, А. Иран-юалян-тадждид-аль-хадж-фи-сурия-лимаза-адь-ан (Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас?) Аль-Араб21. 13.11.2021. https://www.arab_21.com/story/1397691/ (дата обращения: 24.05.2025). На араб. яз.
395. Нааме, А. Бада-имама-али-иран-ябни-каидатиха-аль-сания-шарк-аль-фурат) После «Аль-Имам Али»..., Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. Аль-

396. Раид, Д. Аль-Шарк Аль-Аусат-такшифу-асрар-тахаракуат-русия-кабля-лейла-искат-аль-асад (Аль-Шарк Аль-Аусат открывает секреты маневров России накануне ночи падения Асада) Аль-Шарк Аль-Аусат, 09.12.2024. https://aawsat.com.5089925 (дата обращения: 08.09.2025). На араб. яз.
397. Радия, С. Баада-ихтияль-аль-арури-ва-тавиль-халь-хизб-алла-мухтарак-истихибаратийян? (После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу). АнадольАнба. 09.01.2024. https://www.aa.com.tr/ar/3103482/ (дата обращения: 12.01.2024). На араб. яз.
398. Рамадан, К. Ширака-оман-ва-иран-туваджиху-тахаддият-аль-укабат-аля-тахран (Ирано-оманское сотрудничество противостоит санкционному режиму в отношении ИРИ). Аль-Араби.20.11.2025. https://www.alaraby.co.uk/economy/; https://tinyurl.com/y2tmyk3k (дата обращения: 24.11.2025). На араб. яз.
399. Рашед, Б. Аль-сияса-аль-иранийя-аль-хариджийя-фи-аль-таваиф-аль-муаддаля (Конфессиональная проблема внешней политики Ирана). RASANA. Эр-Рияд. 02.01.2017. https://rasanah-iiis.org/?p=5109; https://tinyurl.com/yr69tvk3 (дата обращения: 12.09.2025). На араб. яз.
400. Рашид, С. Мыср-ва-туркия-ва-иран (Египет, Турция и Иран). Аль-Араб. 29.09.2025. https://www.alaraby.co.uk/opinion/; https://tinyurl.com/49j5jf6z) (дата обращения: 30.09.2025) На араб. яз.
401. Рейхан И. Хужум-исфахан: амрика-тарф'а-аль-аса-фи-важх-иран (Атака на Исфахан: Америка размахивает дубинкой перед лицом Ирана). Азаз. 01.02.2023. https://asasmedia.com/news/395500/ (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.
402. Рейха, И. Сир-иджтима-гази-антаб-аль-лязи-аската-аль-асд (Секреты встречи а Гази Антаб которая сбросила Асада). Аль-Ассас. 09.12.2024. https://www.asasmedia.com/81379) (дата обращения: 12.12.2024). На араб. яз.
403. Руйхан, И. Аль-муваджаха-аль-иранийя-аль-исраилийя-аль-сания-аля-аль-абваб? (Вторя ирано-израильская война стучится в ворота). Аль-Асас,

11.11.2025. https://asasmedia.com/100026/ (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.

404. Рейхан, И. Мыср-ва-катар-ва-амрика: асрар-висата-анказат-любнан..., муваккатан (Египет,Катар и США: тайное посредничество спасло Ливан.... временно). 12.04.2023. https://www.asasmedia.com/news/396484 (дата обращения: 13.05.2023). На араб. яз.
405. Салим аль-Сейд Мухаммад. Тахлиль-сиясат-аль-хариджияй. Мактаба-аср-аль-Нахд -аль-мысрий Кахира (Анализ внешней политики. Библиотека египетского ренессанса, Каир). 2013, p. 397. На араб. яз.
406. Сальха, С. Русия-тауду-иля-сурия-аль-джадида-мин-хилиф-аля-ляиб-ихтиятий (Россия возвращается в Сирию с запасных аэродромов). Аль-Асас. 27.11.2025. https://asasmedia.com/100755/ (дата обращения: 17.02.2026). На араб. яз.
407. Талаа, М. Аль-даур-аль-ираний -фи-аль-азма-аль-сурия: аль-тамаудаа-ва-аль-тахалюфат-ва-аль-мустакбаль (Роль Ирана в сирийском кризисе: ситуация, альянсы, будущее). Al-Jazeera Center for Studies. March, 6, 2019. На араб. яз.
408. Фарси, Б. З. Аль-муадаля-аль-таифийя-фи-аль-сияса-аль-хариджийя-аль-иранийя (Религиозный фактор во внешней политике Ирана). Январь, 2, 2017. International Institute for Iranian Studies. RASANAH. https://rasanah-iiis.org/, с. 5. На араб. яз.
409. Факих, Х Хин-маша-берри-иля-техран-би-заллялихи-халфият-зиярат-али-хасан-халиль (Визит Берри в Тегеран. Умиротворение последствий визита Хасана Халиля). Аль-Мудун. 19.11.2025. https://www.almodon.com/politics/2025/11/19/; https://tinyurl.com/2dyf27r4 (дата обращения: 12.02. 2026). На араб. яз.
410. Хаваджани, М. Иран -ва-тахаваллят-аль-коказ-аль-джанубий: Мухавалят-ли-истахала-азербайджан (Иран и изменения на Южном Кавказе. Попытка отделить Азребайджан). Аль-Ахбар. 09.12.2025. https://www.al-akhbar.com/world/871147 (дата обращения: 01.10.2025). На араб. яз.

411. Хамуд Ю. Халь-татахаваль-бахрейн-ли-с-саха-т-аль-джадида-ли-сыраъа бейна исраиль-ва-ль-иран (Превратиться ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном?) Аль-Халидж. 13.07.2021. https://alkhaleejonline.net/ (дата обращения: 21.07.2021). На араб. яз.
412. Хамуд. Ю. Ликаат-ва-иттисалят.Кейфа-татавварат-алякат-аль-саудийя-ва-иран-аскарийя. (Встречи и переговоры. Как развиваются ирано-саудовские связи в военных вопросах). Аль-Халидж Ньюз. 11.11.2024. https://alkhaleejonline.news/; https://khaleej.online/paZM79) (дата обращения: 09.11.2025). На араб. яз.
413. Хамуд. Ю. Халь-тауссир-азмат-муфаввадат-тахран-маа-аль-рияд-аля-байрут (Повлияет ли кризис в переговорах между Эр-Риядом и Тегераном на Бейрут?) ХалтджОнлайн. 11.06.2021. http://khaleej.online/9DWdj3; http://khaleej.online/9DWdj3; https://tinyurl.com/bd2bfacj (дата обращения: 23.02.2025). На араб. яз.

Хасан, Ф. Хин-маша-берри-иля-техран-би-заллялихи-халфият-зиярат-али-хасан-халиль (Когда Берри отправился в Тееран после переговоров Хасана Халиля). Аль-Мудун. 19.11. 2025. https://www.almodon.com/politics/2025/11/19/; https://tinyurl.com/2dyf27r4 (дата обращения: 12.12.2025). На араб. яз.
414. Хейдар, Х. Салясат-авамиль-акасат-риханат-аль-хардж-фашль-суварна-иран (Три фактора которые обеспечили провал наших иранских революционеров). Аль-Ахбар, 27.01.2026. https://www.alakhbar.com/Newspaper%20Articles/world/877203; https://tinyurl.com/4xnb6s7m (дата обращения: 29.01.2026). На араб. яз.
415. Хишам, Ю. Ан-даур-аль-русй-аль-васит-фи-аль-халь-...хакика-ам-таманният (О посреднической роли Росси.. реальность или желаемое) Аль-Марказийя. 13.11.2024. https://www.almarkazia.com/ar/news/show/602537/) (дата обращения: 13.08.2025). На араб. яз.
416. Хмейди, И. Аль-ривая-аль-камиля-ли-хуруб- аль-асад-аль-муртакаба-ва-муфаджиа-аль-шараа (Полная версия сражений аль-Асада и сюрприз аль-

Шараа). Аль-Маджалля. 18.12.2024. https://www.majalla.com/node/323529/ (дата обращения: 20.12.2024). На араб. яз.

417. Ходейрат, О. Я. Аль-мавакиф-аль-кива-аль-дувалийя-ва-аль-иклимийя-мин-саурат-аль-рабиа-аль-арабий-ва-асруха-аля-аль-низам-аль-иклимий-аль-шарк-аль-аусатый 2010-2015 Аль-маджалля-ли-иттихад-аль-джамиат-аль-арабийя--аль-инсанийя (Позиции мировых и региональных сил в отношении арабских революций и их влияние на региональный порядок на Ближнем Востоке 2010-2015). Январь, 2017. Журнал Союза арабских гуманитарных университетов. Т. 14, № 1, с. 131-163. https://www.researchgate.net/publication/320403804; https://tinyurl.com/5n7xkrxc. На араб. яз.
418. Шар, Р. Рисала-иля-раис-аль-шараа-ва-рифакихи-фи-аль-кияда-аль-сурия (Послание президенту аль-Шараа и его сортаникам в сирийском руководстве). Аль-Шарк Аль-Аусат. 17.12.2025. https://aawsat.com/; https://tinyurl.com/372c2d8u (дата обращения: 20.12.2025). На араб. яз.
419. Шахата, М. Н. Аль-сияса-аль-хариджийя-аль-иранийя-фи-ахд-аль-раис-хасан-рухани-худуд-аль-таасир-ва-ахам-аль-малямих. Аль-марказ-ли-дирасат-
аль-истратиджийя-аль-имаратийя (Внешняя политика Ирана при президенте Х. Рухани. Характерные черты и пределы влияния). Абу Даби, 2014. Центр стратегических исследований ОАЭ, с. 64. http://www.ecssr.ae.https://tinyurl.com/wvk9h7ru. На араб. яз.
420. Шихан, И. .Богданов-фи-сурия-такатуа-масалих-бейна-русия-ва-туркия (Богланов в Сирии. Совпадение российско-турецких интересов в Сирии). Аль-Асас, 03.02.2025. https://www.asasmedia.com/84432 (дата обращения: 04.02.2026). На араб. яз.
421. Юсеф, К. Асас-юхаввир-башар-аль-асад-яхья-хараб-куллю-шейан (Аль-Асас интервьюирует Башара аль-Асада. Яхья разрушил все). Аль-Асас. 17.12.2024. https://www.asasmedia.com/81863/ (дата обращения: 29.12.2024). На араб. яз.

422. Ясин Аль-Хадж, Салих. Акаллият-фи-сурия-гейр-мауджуда. Лякина-мумкин-ихса-аль-таваиф-сурия (Несуществующие меньшинства Сирии. Однако можно подсчитать сирийские кофессии). Аль-Хивар. 22.02.2006. https://www.ahewar.net/debat/show.art.asp?aid=57826;https://tinyurl.com/35s6jzdd (дата обращения: 04.05.2025). На араб. яз.

На персидском языке

423. Аль-Арабийя.Росейя-иран-ра-аз-миядин-нафт-ве-газ-сорайя-бирон-кард (Россия удаляет Иран из нефтегазовых районов САР). Аль-Арабийя. 14.03.2021. https://B2n.ir/mh5752; https://B2n.ir/mh5752; https://tinyurl.com/yh4rk8nk (дата обращения: 19.10.2025). На перс. яз.

424. Абади, А., Абади, М. Аз-спехешми-та-кохани. Барреси-сяисат-хариджи-иран. Тахраню 1395 (От Хашеми до Рухани. Обзор внешней политики Ирана. Тегеран), с. 358. На перс. яз.

425. Аббас А. Кам-шодан-хемаят-мардом-аз-фелестин-бе-элат-би-тафавот-шодан-несбат-бе-зольм-ва-дженайат (Отсутствие общественной поддержки Палестины не из -за безразличия к жестокости). ЕтемадОнлайн. 17.10.2023. https://www.etemadonline.com/9/636570/; http://tinyurl.com/2F3e88rcmj (дата обращения: 12.12.2023). На перс. яз.

426. АмваджМедиа. Гозарши-аз-маджераи-дел: ходас-дар-лабнан-ест-ема-хезболлах-"харф-акхар-ра-мизанд (Репортаж с места событий. Командующий корпусом аль-Кодсв Ливане. Но «Хезболла» приняла окончательное решение). АмваджМедиа. 30.10.2023. https://amwaj.media/fa/article/axis-gaza-qaani; https://tinyurl.com/ypan8by6 (дата обращения: 15.09.2025). На перс. яз.

427. Аятолла Занджани, Мохаммад Таваколи. Усуль-сиясат-хариджий-джамхурие-иран-исламий-мабнаи-унван-бихи-динийю. Маджалла Батрухджи касли (Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран). Ежеквартальный исследовательский журнал.

Тегеран, 2012, т. 42, № 2. https://journals.ut.ac.ir/article_29898_0.html. (дата обращения: 12.08.2025). На перс. яз.

428. Бомбаран-даиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сепах (Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами). 21.11.2018. Табнак Ньюз. https://tinyurl.com/342smfka (дата обращения: 23.08.2021). На перс. яз.
429. ДжамеДжамОнлайн.Дар-гофтогое-еафсилий-ба-дабир-шорае-али-аменит-моли-мотрх-шод-фельсефе-хозур-иран-дар-сорайе-аз-набард-алия-фатнех-даеш-та-хафз-аминет-мардамfelsefeh hozur iran dar sorieh; az nabard aliyeh fatneh daesh ta hafz amenit mardam (В ходе подробной беседы с секретарем ВСНБ ИРИ обсуждена философия иранского присутствия в Сирии, а также юорьюа с ИГИЛ для поддержания безопасности народа). ДжамеДжамОнлайн. 19.12.2014. https://jamejamonline.ir/fa/news/; https://tinyurl.com/mu3a2m2e (дата обращения: 12.02.2026). На перс. яз.
430. ДжамеДжам.Ерташ-ве-сепах-бачпектариан-сатах-таамель-ра-даранд (Между Артеш и армией налажено лучшее взаимодействие). ДжамеДжам. 18.04.2018. http://jamejamonline.ir/online/; https://tinyurl.com/3x7a92xt (дата обращения: 08.20.2025). На перс. яз.
431. Дейли Футбол ТВ. Ахант-т-едада-аз-хаваран-персепвалс-бе-парчам-флстан-дар-варзежгах-азади (Оскорбление палестинском флага несколькими фанатами Персеполиса на стадионе Азади). Дейли Футбол. 08.10.2023. https://dailyfootball.tv/196826/perspolis-fans-palestine-flag-mehr-1402/ (дата обращения: 13.11.2023). На перс. яз.
432. Имам Аль-Хаменеи. Рисалят-е Хомейни. Дифаа-аз-фаластин-дар-манзума-факри-имам (Послания Имама Хомейни. Задача защита Палестины в интеллектуальной системе имама Хомейни). Фарси Хомейни. 19.11.2023. https://farsi.khamenei.ir/print-content?id=54396 (дата обращения: 2023.12.03). На перс. яз.
433. ИранИнтел.Талашесае-асад-барае-наздик-шодан-бах-еялат-мотахеда-ве-акхарадж-нирвеяае-джамехори-еслами-аз-сорреия (аль-Асад стремится сблизиться с США и убрать вооруженные силы ИРИ из Сирии). ИранИнтел.

17.03.2024. https://www.iranintl.com/202412078347; https://tinyurl.com/48syrm6j (дата обращения: 20.08.20224). На перс. яз.

434. ISNA. Ма-дар-сораех-сарбаз-нафрохтеким. Даеш-алаех-иран-дар-сраеташкиль-шодех-ест (Мы не продадим сирийских солдат. ИГ создал в Сирии позиции против Ирана). Iranian Students News. 05.10.2016. https://www.isna.ir/news/95071409366/ (дата обращения: 08.09.2025). На перс. яз.
435. МашрекНьюз. Егхер-бах-сорейя-камак-немикардим-джанг-бах-дахал-инкешор-кешиден-мишод (Если бы мы конкретно не помогли Сирии, война пришла бы к нам). МашрекНьюз. 27.09.2017. https://www.mashreghnews.ir/news/ (дата обращения: 03.02.2026). На перс. яз.
436. Пурдистани, А. Джозеат-хозур-ерташ-иран-дар-араг-ве-сорейх. Бах-раваятфрмандех-кел-ерташ (Подробности присутсвия армии Ирана в Ираке и Сирии согласно заявлениям Главкома Артеш). Фарару. 21.01.2018. https://fararu.com/fa/news/; https://tinyurl.com/mr3jjy9u (дата обращения: 19.02.2026). На перс. яз.
437. РадиоФарда. Йек-могхан-сабагх-сепах-паздаран-миговит-салимани-азо-бараеи-пардакхт-пол-бах-нирвиеяие-ниябати-дар-сорейх-дархаст-полкардех-эст (Бывший официальный представитель КСИР заявил что Солеймани расспрашивал его деньгах которые платят милициям). Фарда. 06.04.2020. https://tinyurl.com/3nm236w9 (дата обращения: 10.04.2023). На перс. яз.
438. РадиоФарда.Делиль-ахарадж-джавад-гафари-аз-сорайя-ахтелаф-ба-россейябуд (Причины отставки Джавада Гофори и его отъезда из Сирии – расхождения с Россией). РадиФарда. 15.03.2021. https://www.radiofarda.com/a/alarabia-javad-ghafari-expel-syria/31573692.html; https://tinyurl.com/2eymv4um (дата обращения: 12.04.2022). На перс. яз.
439. Тасним.Джозефт-даргири-колах-сабземаеи-ерташ-ба-тарварестия-дар-халабшодан-200-такфири (Детали сражения армейских зеленых беретов и террористов в Алеппо. 200 такфиристов убито.). Тасним. 12.04.2016.

https://www.tasnimnews.com; https://tinyurl.com/tjuydcp5 (дата обращения: 23.05.2025). На перс. яз.

440. Тасним. Ерташ-иран-та-чех-мадат-дар-сорейах-хаход-манд? (Как долго иранская армия будет находиться в Сирии). Тасним. 23.04.2016. https://www.tasnimnews.com/; https://tinyurl.com/yc2499sc (дата обращения: 21.01.2022). На перс. яз.
441. Тасним.Джозеат-размаш-сепах-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар (Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны). Тасним Ньюз.24.09.2017. https://tinyurl.com/2s3rmtkd (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз.
442. Тасним.Мошаварех-эзам-такаваран-тип-65-нпавабард-бах-сорейах. Такаваран-нирое-замини-дар-сорейях-мостегхар-шоданд (Рекомендации разместить боцов 65-ого авиокрыла- в Сирии. Иранская пехота в Сирии). Тасним. 16.04.2016. https://www.tasnimnews.com/; https://tinyurl.com/53t7n778 (дата обращения: 23.09.2025). На перс. яз.
443. Тасним.Нагофтехнпехи-бомбаран-мовазе-даеш-тозет-джангандегнпехеи-ерташ (Неизвестная история бомбардировки «ИГ» позиций иранской армии). Tasnimnews. 21.09.2017. https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/06/30; https://tinyurl.com/cd62mrn8 (дата обращения: 26.08.2024). На перс. яз.
444. Тасним.Еьруз-кешорехае-нпамсаех-сорейя-маджбор-бах-мозакрех-ба-иран-нпастанд-ма-нофуз-пирузманданех-кход-ра-дар-сарасар-кешор-гостарш-дадегим (Сегодня соседние Сирии государства вынуждены говорить с Ираном. Мы распространили наше победоносное влияние по всей стране). Тасним. 21.10.2016. https://www.tasnimnews.com; https://tinyurl.com/59c5m3zd (дата обращения: 12.14.2025). На перс. яз.
445. Хамадани, Хосейн. Агхаз-бахран-сорайе-бах-равайят-шехид-хасин-хамадани (Начало сирийского кризиса по воспоминаниям шахида хусейн хамадани). Алаламти. 26.12.2016. https://fa.alalamtv.net; https://tinyurl.com/37w3yz92 (дата обращения: 05.03.2025). На перс. яз.

446. Хосрой, Г. Сиясат-ве-ходрат-дар-джамхори-эслами-иран (Власть и политика в исламской республике Иран). Тегеран, б.г.с. 620. На перс. яз.
447. Шадело, А. Дженагараи-дар-джонбаш-эслами 1360-1380 (Фракционность в Исламе). Тегаран, 2003, с. 664. На перс. яз.
448. VJC.IR. Хозур-сардар-салимани-дар-конар-размандегар-фатемиюн-дар-кхат-иогходам-сахра-дар-сорейях (Появление военначальника Солеймани на передовой линии бригады аль-Фатимиюн в пустыне Сирии). VJC.IR. 28.03.2018. https://www.yjc.ir/; https://tinyurl.com/4va3b48t (дата обращения: 07.08.2024). На перс. яз.

Упомянутые в диссертации научные работы автора

449. Ахмедов В.М. Политический облик режима. Азия и Африка сегодня. 1999, № 8, с. 9.
450. Ахмедов В. Сирия-Турция. Противостояние. Азия и Африка сегодня. 2000, № 1. с. 12.
451. Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка. Политическая элита Ближнего востока. М.: ИИИиБВ, 2000, с. 18-25.
452. Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // «Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции». М.: МГУ им. Ломоносова. 21.03.2002.
453. Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии., сс. 153-188. Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ахмедов В. М. М.: ИИИиБВ, 2002, с. 400.
454. Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. Офицерский корпус ближневосточных государств. Сб. статей. М.: ИИИиБВ, 2004, с. 3–23.

455. Ахмедов В. М. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. В сборнике: Политическая культура и деловая этика стран Востока. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокенского региона. М., 2006, с. 299-312.
456. Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М.: Гуманитарий, 2008, с. 35-51, 106.
457. Ахмедов В.М. Современная Сирии. История, политика, экономика (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Институт востоковедения, 2010, с. 236.
458. Ахмедов В.М. Современный Ближний Восток. Новая и новейшая история. 2012, № 2, с. 23-43.
459. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012, с. 500-508.
460. Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014, с. 45-97.
461. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.) М.: Институт востоковедения РАН, 2021, с. 210.
462. Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990 – 2020-е гг.). М.: ИВ РАН, 2022, с. 270.
463. Ахмедов В.М. Роль религиозно-языковых традиций в арабо-иранских отношениях. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1 (19), с. 42-49.
464. Ахмедов. В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). М.: ИВ РАН, 2023, с. 374.
465. Ahmedov V.M. The Hezbollah of Lebanon and the Syrian Crisis: religious and Military Dimrnsions. Oriental Courier, 2023, № 3, pp. 13-20.

466. Ахмедов В.Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии. Пути к миру и безопасности, 2023, № 1 (64), с. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.
467. Ахмедов В.М. Проиранские милиции Ирака. Вестник Института востоковедения РАН, 2024, № 3 (29), с. 62-73.
468. Ахмедов В.М. Религиозная политика исламской республики Ирана в арабских странах Ближнего Востока. Пути к миру и безопасности, 2024, № 1(66), с. 96-12.
469. Ахмедов В.М. Российско-сирийские отношения в условиях международной нестабильности на Ближнем Востоке. М.: Институт Востоковедения, 2024, с. 390.
470. Ахмедов В.М. Специфика иранскоӥ силовоӥ перации в Ираке в условиях кризиса в САР. Глава 11, с. 261-291. Мозаика политической истории Ирака XX–XXI вв.: колл. монография / Отв. ред. Г.В. Лукьянов, Р.Ш. Мамедов; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2025, с. 316.
471. Ахмедов В.М. Факторы ослабления Ирана в Сирии. 366-376. Иран и глобальные вызовы. Напряженное десятилетие 2013–2023. Колл. монография / отв. ред. Е.В. Дунаева, В. И. Сажин. М.: ИВ РАН, 2025, с. 476.
472. Akhmedov V. M. Al-Assad’s Fall and the End of Syrian-Iran Alliance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2025, т. 17, вып. 3, с. 373–383. EDN SHJBCG
473. Ахмедов В.М. Проблемы международной безопасности на Ближнем Востоке в условиях трансформации региональных отношений и смены власти в Сирии (конец XX – начало XXI вв.). М.: Институт востоковедения РАН, 2025, с. 328.
474. Akhmedov V. M. Russia vice Syrian Crisis. Influential factors and determents of Russian policy in Syria.Harmoon Center for Contemporary Studies. Qaatar. February, 2024. /https://www.harmoon.org/en/writer/akhmedov/;https://www.harmoon.org/

wpcontent/uploads/2024/02/Russia-vice-Syrian-Crisis-Influential-factors-and-determents-of-Russian-policy-in-Syria.pdf, pp. 1-6 (accessed: 07.03.2025).

475. Akhmedov V. M. Al-Assad’s Fall and the End of Syrian-Iran Alliance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2025, т. 17, вып. 3, с. 373–383. EDN SHJBCG